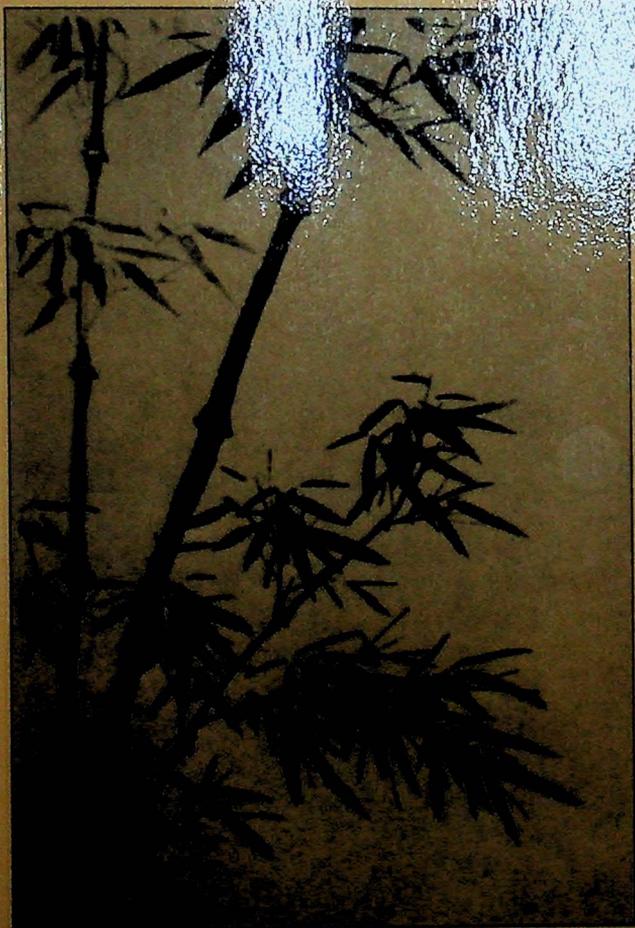


ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 2/2012

ISSN 0131-2812



Юбилейные поздравления журналу
«Проблемы Дальнего Востока»

•
КНДР: каким курсом?

•
Концепция внешней политики
Монголии

•
Борьба с незаконным оборотом
наркотиков в КНР

•
Круглый стол в ПДВ: отношения в
«треугольнике» Китай-Россия-США

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

2/2012

Март — Апрель



Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН Издаётся с марта 1972 года

Журналу «Проблемы Дальнего Востока» — 40 лет 3

ПОЛИТИКА

- А. Жебин.* КНДР: каким курсом? 11
В. Портяков. О некоторых особенностях внешней политики Китая в 2009–2011 гг. 27
В. Павлятенко. Как Япония становится «нормальным государством» 43
В. Грайворонский. Концепция внешней политики Монголии 56
В. Журавель. Некоторые проблемы борьбы с терроризмом на территории стран Шанхайской организации сотрудничества 70

КРУГЛЫЙ СТОЛ В ПДВ

- Фактор Китая во взаимоотношениях РФ и США 75

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

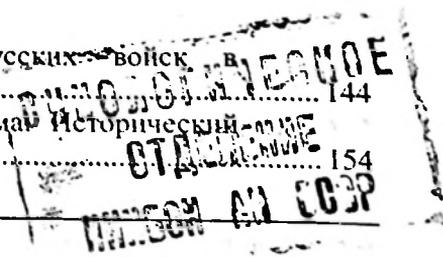
- А. Мокрецкий.* Парадигма мирного развития Китая 123

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

- А. Диченко.* Борьба с незаконным оборотом наркотиков в КНР: история, современность, международный аспект 136

ИСТОРИЯ

- Д. Киселев.* «Шитоулнское дело»: действия русских войск в Маньчжурии в период до 1900 г. 144
Е. Кобелев. Бао Дай, последний император Вьетнама Исторический очерк 154



РЕЛИГИЯ

В. Кагунаев. Русские католики в Харбине (20-е—30-е годы XX века) 167

КУЛЬТУРА

Е. Кондратьева. Судьба *вэньня* после Синьхайской революции 176

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

К 80-летию Игоря Алексеевича Рогачева 183

Вадиму Павловичу Ткаченко — 80 лет 186

Contents 188

Summary 189

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия: Я.М. Бергер (*зам. главного редактора*), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (*зам. главного редактора*), А.З. Жебин, Е.И. Зеленов, В.О. Кистанов, А.В. Ломанов, С.Г. Лузянин, А.Е. Лукьянов, А.В. Магаров, П.А. Минакир, А.В. Островский, Л.С. Переломов, С.С. Разов, И.А. Рогачев, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (*ответственный секретарь*), В.Н. Усов.



В марте 2012 года журнал «Проблемы Дальнего Востока» отмечает 40-ю годовщину своего создания. За эти четыре десятилетия в жизни народов нашей страны и многих других стран произошли судьбоносные перемены. Наш журнал стремится постоянно следить за этими переменами, а потому трансформируется и сам. Неизменным остается только одно — стремление искренне и честно служить отечественной востоковедной науке и способствовать тому, чтобы результаты исследований эффективно использовались в государственной практике, направленной на обеспечение национальных интересов России.

Вглядываясь сегодня в журнальные публикации минувших лет, мы видим в них отражение как стремительно модернизирующегося мира, так и все более возрастающей роли того региона, который служит первостепенным объектом нашего внимания и изучения. На наших глазах возникает новая мировая экономика и политика. Глобальный финансово-экономический кризис последних лет, разразившийся первоначально в ведущих странах Запада и нанесший затем тяжкий ущерб всему человечеству, ускорил тенденцию к обновлению миропорядка. Из однополярного мир становится многополярным. Тем самым открывается путь к поиску мироустройства более справедливого, менее зависящего от произвольных, односторонних решений, опасных для жизни каждого обитателя планеты и целых народов. Евро-Атлантическая парадигма глобального развития больше не может претендовать ни на превосходство, ни, тем более, на всеобщность. Будущее человечества все в большей мере связывается с Евро-Азиатской и Азиатско-Тихоокеанской перспективой.

Эти процессы в самых разных аспектах углубленно анализируются на страницах нашего журнала. Особое внимание уделяется изучению опыта наиболее успешно развивающихся стран и районов Азии. В первую очередь — опыта Китайской Народной Республики, которая за последние десятилетия добилась всемирно признанных успехов в быстром наращивании и оптимизации своего экономического потенциала.

Всестороннему анализу подвергаются реформирование и модернизация китайской экономики, ее поступательное вхождение в мировое экономическое пространство и растущие связи с экономиками ведущих стран. Большое теоретическое и практическое значение имеют исследование антикризисных мер Пекина.

Систематически рассматриваются достижения и проблемы развития стратегического партнерства КНР и России, вопросы безопасности и взаимодействия в рамках ШОС, отношения Китая с другими мировыми державами, странами и районами АТР. Развитию исследований в этих областях способствует также публикация в журнале внешнеполитических документов, отражающих итоги важнейших двусторонних и многосторонних встреч и форумов.

В центре внимания авторов наших журнальных материалов находится внешняя политика других дальневосточных и азиатских соседей России: Японии, Корейской Народно-Демократической Республики, Республики Корея, Монголии, стран АСЕАН. Анализируются потенции сотрудничества Российской Федерации с этими странами в решении региональных и глобальных проблем безопасности, развитии взаимовыгодных экономических отношений, привлечении инвестиций, рациональном использовании ресурсов, освоении новых и высоких технологий.

Интересы журнала постоянно фокусируются на широком комплексе проблем развития российского Дальнего Востока — от истории и демографии до экономики и экологии этого важнейшего региона нашей страны. В любом из этих аспектов едва ли не главное место занимает переплетение и взаимодополняемость внутривнутригосударственных и внешних связей.

Сказанное выше далеко не исчерпывает богатство и разнообразие рассматриваемой в журнале проблематики. Хотя наше издание нацелено преимущественно на освещение наиболее злободневных и острых вопросов современности, достойное место занимают в нем также и сюжеты, связанные с историей, философией, культурой нашего региона. Мы не забываем о том, что востоковедение — наука комплексная, и понять современность подчас невозможно без проникновения в ее традиционные политические и духовные истоки. Это особенно важно при освещении современных идеологических процессов. Кроме того, и это крайне необходимо учитывать для осознания перспектив нашего региона и всей планеты, именно на понимании роли и значения культурных и духовных факторов зиждутся многие представления о конкурентоспособности «мягкой силы» современных наций.

Широта и многоаспектность журнальных публикаций дает определенный стимул для появления работ, находящихся на «стыке» изучения проблем древности и современности, внутренних процессов и внешней политики, востоковедения и отраслевых обществоведческих дисциплин. Хотя таких работ пока еще немного, именно в них можно найти наиболее прорывные подходы к раскрытию подоплеки самых сложных, узловых сюжетов.

Публикации в журнале «Проблемы Дальнего Востока» отличаются не только широтой проблематики и тематического спектра, но и разнообразием авторских позиций. Мы никогда не требовали от наших авторов унификации подходов к исследуемым проблемам. Единственным требованием была и, как мы полагаем, остается — научная добросовестность анализа. На этом основывается и общественная значимость журнала: он не только призван служить делу научного сопровождения государственной политики, но и противостоять мифам, спонтанно или злонамеренно распространяющимся в нашем обществе и за рубежом и наносящим немалый вред национальным интересам России в регионе.

Жанр нашего издания определен учредителями — Российской Академией Наук и Институтом Дальнего Востока РАН — как научный и общественно-политический. И мы стараемся соответствовать этому определению. В наших публикациях можно найти не так много чистой абстракции, хотя она тоже присутствует. Мы стремимся знакомить читателя с новыми концепциями геополитических, экономических, общественных отношений, появляющимися в отечественной востоковедной среде. Но преимущественное место занимает все же анализ конкретных проблем, образующих мозаичную, но все же обладающую определенной целостностью жизнь региона.

Журнал помогает формированию новых кадров востоковедов, консолидации отечественной востоковедной общественности, расширению ее связей с зарубежными исследователями Востока, которые могут знакомиться с наиболее важными публикациями по англоязычному изданию. Поэтому непрестанно расширяется контингент авторов наших публикаций. В их число входят исследователи из самых разных научных учрежде-

ний, высших учебных заведений и практических организаций множества городов нашей страны и зарубежья.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» за четыре десятилетия своего существования снискал доверие и уважение своих читателей. Об этом, в частности, свидетельствуют и некоторые отклики, публикуемые в настоящем номере журнала. По мнению многих аналитиков, в предстоящие годы планету и ее дальневосточный регион ждут не меньшие вызовы и испытания, чем в последнее время. Поэтому планка достижений в нашей работе должна непрерывно повышаться.

Редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»

Директору Института Дальнего Востока РАН
академику М.Л. Титаренко

Главному редактору журнала
«Проблемы Дальнего Востока»
профессору В.Я. Портякову

Уважаемые коллеги!

Сердечно поздравляю редакцию журнала «Проблемы Дальнего Востока» и замечательный коллектив Института Дальнего Востока с 40-летним юбилеем журнала.

Сегодня, когда центр мировой экономической динамики все больше сдвигается в Азию, прежде всего в ее Северо-Восточный регион, повышенное внимание российской и международной общественности вызывает быстрое развитие Китая и других дальневосточных соседей нашей страны. Проблемы ускоренного подъема российского Дальнего Востока также стали ключевым направлением восточного вектора политики России. На этом фоне особо хотелось бы отметить активную роль деятельности ИДВ РАН и журнала «Проблемы Дальнего Востока», которые задают ориентиры объективного, в полном смысле слова — академического подхода к освещению различных аспектов развития региона и нашего главного стратегического партнера — Китая.

Коллектив журнала в тесном сотрудничестве с Институтом Дальнего Востока последовательно отстаивает необходимость усиления «восточного вектора» в экономическом развитии и внешней политике России. В новых условиях Российская Федерация начинает по-настоящему разворачиваться на Восток. Это делает нашу политику более сбалансированной, что укрепляет позиции России в мире.

К достижениям журнала следует отнести и то, что он играет серьезную роль в подготовке научных кадров отечественных востоковедов высшей квалификации.

Желаю редколлегии журнала «Проблемы Дальнего Востока» новых творческих успехов, деятельного служения науке и процветанию России.

*Президент Российской академии наук
академик*

Ю.С. Осипов

Директору Института Дальнего Востока РАН
академику Титаренко М.Л.

Главному редактору журнала
«Проблемы Дальнего Востока»
профессору Портякову В.Я.

Глубокоуважаемые коллеги!

Исполняется 40 лет со дня выхода в свет первого номера замечательного научно-го издания — журнала «Проблемы Дальнего Востока». Журнал уникален своей способностью, не утрачивая научной глубины и обстоятельности, охватить очень широкий круг проблем, требующих научного осмысления, непротиворечиво сочетая качества серьезного научного и научно-популярного издания. Минувшее сорокалетие пришлось на крайне сложный переломный период в отечественной и мировой истории. Радикальные изменения на Дальнем Востоке, глубокая вовлеченность в них нашей страны потребовали адекватного научного обеспечения региональной политики России. Журнал стал высокопрофессиональной площадкой для информационно-аналитической и дискуссионной активности для российских и зарубежных ученых одновременно благодаря высокому уровню редакционной работы, точному подбору авторов и тем. Его публикации вызывают неизменный интерес не только у специалистов, но и у широкого круга заинтересованных читателей в России и за рубежом. Актуальность задач, на решение которых направлена деятельность редакции и авторов журнала, постоянно растет. От имени Президиума РАН искренне желаю вам сил, энергии, творчества, чтобы справиться с ними. Уверен, что и будет.

*Вице-президент Российской академии наук
академик*

А.Д. Некипелов

Директору ИДВ РАН
академику М.Л. Титаренко

Главному редактору журнала
«Проблемы Дальнего Востока»
д.э.н. В.Я. Портякову

Уважаемые коллеги!

От имени Отделения глобальных проблем и международных отношений Российской академии наук и от себя лично поздравляю редколлегию и редакцию журнала «Проблемы Дальнего Востока» с сорокалетием со дня выхода в свет первого номера.

Хотелось бы выделить два ведущих аспекта научной и общественно-политической миссии данного издания.

Во-первых, журнал и его учредитель — Институт Дальнего Востока РАН — многое сделали и делают для объективного ознакомления широкой российской общественности и экспертного сообщества с политикой, экономикой, международными отношениями восточных соседей России, прежде всего Китая, Японии, государств Корейского полуострова.

Во-вторых, в полном соответствии со своим названием журнал уделяет особое внимание российскому Дальнему Востоку как неотъемлемой составной части Российской Федерации и ее аванпосту в усиливающемся развороте российского государства к Азиатско-Тихоокеанскому региону. Такой разворот, диктуемый коренными националь-

ными интересами страны, делает позиционирование России в мировых делах более сбалансированным и выигрышным.

Желаю коллективу журнала и его авторам новых творческих высот, плодотворного труда на благо Отчизны, крепкого здоровья и благополучия!

С уважением,

*Академик-секретарь
Отделения глобальных проблем
и международных отношений РАН
академик*

А.А. Дынкин

Директору
Федерального государственного бюджетного
учреждения Института Дальнего Востока РАН
академику М.Л. Титаренко

Глубокоуважаемый Михаил Леонтьевич!

От имени ученых Отделения общественных наук РАН сердечно поздравляем Вас и редколлекгию журнала с сорокалетием выхода в свет журнала «Проблемы Дальнего Востока». Журнал известен как ведущее научное издание по вопросам общественного развития, истории, экономики, внешней политики Китая, Японии, корейских государств, Восточной Азии в целом и проблемам отношений России с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Большое научное и практическое значение имеют материалы, публикуемые в журнале, по вопросам политики России в Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом, ссылки на которые можно встретить во многих авторитетных публикациях зарубежных авторов.

Сложившийся в журнале коллектив, объединяющий специалистов высшей квалификации, решает актуальные вопросы в подготовке научных кадров, регулярно публикуя статьи соискателей ученых степеней по проблемам мировой экономики, политическим процессам международных отношений, истории и филологии Китая и других стран Восточной Азии.

Поздравляя с юбилеем, мы желаем коллективу журнала «Проблемы Дальнего Востока» научного энтузиазма, неустанного поиска, новых творческих достижений на благо развития науки и в интересах нашей страны!

*Академик-секретарь Отделения общественных наук РАН
академик*

А.А. Кокошин

Главному редактору журнала
«Проблемы Дальнего Востока»
В.Я. Портякову

Уважаемый Владимир Яковлевич!

Поздравляю редакцию и всех сотрудников с сорокалетием выхода в свет первого номера журнала «Проблемы Дальнего востока».

Ваш журнал создавался командой профессионалов — видных ученых-востоковедов, преданных своему делу специалистов. Благодаря этому он быстро нашел своего читателя, занял достойное место среди отечественных научных изданий. Все эти годы журнал «Проблемы Дальнего Востока» остается надежным источником серьезного

анализа, объективной и достоверной информации по вопросам политики, экономики, истории и социального развития стран Восточной Азии.

Глубокие и взвешенные оценки различных тем и событий делают журнал интересным как для российской, так и зарубежной аудитории. Ваши публикации вносят весомый вклад в экспертное обеспечение внешнеполитических шагов России на Азиатско-Тихоокеанском направлении.

Уверен, что журнал и в дальнейшем будет оставаться авторитетным научным изданием, отвечающим самым высоким требованиям времени.

Желаю успехов, творческих удач и новых благодарных читателей.

С уважением,

Помощник Президента Российской Федерации

С. Приходько

Директору Института Дальнего
Востока РАН академику РАН
М.Л. Титаренко

Главному редактору журнала
«Проблемы Дальнего Востока»
В.Я. Портякову

Уважаемые коллеги!

От имени дипломатов-востоковедов и всего коллектива МИД России хотел бы искренне поздравить журнал «Проблемы Дальнего Востока» со знаменательным юбилеем.

На протяжении четырех десятилетий журнал неизменно остается востребованным и авторитетным источником информации по вопросам внешней и внутренней политики, экономики, истории, общественной, научной и культурной жизни государства Восточной Азии. Многолетняя высокопрофессиональная деятельность редакционно-авторского коллектива, большая часть которого представлена известными учеными-международниками, внесла важный вклад в достижения российского востоковедения и экспертную поддержку внешнеполитического курса нашей страны.

Сегодня, когда центр глобального развития неуклонно смещается на Восток, глубокий и всесторонний анализ тенденций и явлений, происходящих в этом районе мира, отношений нашей страны с КНР, Японией, Монголией, Вьетнамом, КНДР и Республикой Корея, перспектив расширения участия России в региональных интеграционных процессах придает каждому номеру «Проблем Дальнего Востока» особую актуальность. Не случайно, что для нас, российских дипломатов, журнал давно стал важным подспорьем в ежедневной практической работе.

Как говорят на Востоке, даже один человек способен вырыть колодец, который напоит тысячу человек. Хотели бы пожелать всему коллективу журнала, чтобы источник знаний, который удалось создать за эти годы, оставался неиссякаемым для огромной аудитории ваших отечественных и зарубежных читателей.

С признательностью,

Первый заместитель министра

А. Денисов

Директору ИДВ РАН
академику М.Л. Титаренко

Главному редактору журнала
«Проблемы Дальнего Востока»
В.Я. Портякову

Уважаемые Михаил Леонтьевич и Владимир Яковлевич!

Уважаемые члены редколлегии журнала!

Дорогие коллеги!

От имени коллектива работающих в Китайской Народной Республике российских дипломатов-китаеведов и от себя лично сердечно поздравляю вас с 40-летием журнала «Проблемы Дальнего Востока».

За прошедшие годы журнал завоевал прочный авторитет среди ученых, политиков и широких кругов общественности России, стал для них важным источником информации о странах региона.

На его страницах разрабатываются самые сложные и актуальные сюжеты китайской истории, политики, экономики, российско-китайских отношений. Уровень и широта охвата проблем свидетельствуют о том, что журнал достойно выполняет задачу научного сопровождения внешней политики России на восточноазиатском направлении. Уникальны многие публикации по философии, филологии, культурной жизни Китая. Ссылки на публикации «Проблем Дальнего Востока» можно встретить во многих авторитетных работах отечественных и зарубежных авторов. Журнал внес и продолжает вносить весомый вклад в подготовку новых поколений кадров отечественных специалистов-китаеведов и востоковедов различного профиля.

Достойно самой высокой оценки освещенные в журнале деятельности Общества российско-китайской дружбы.

Уверен, что Ваш журнал и впредь будет уделять самое пристальное внимание Китаю — одному из главных наших стратегических партнеров, от политики которого все больше зависит развитие событий в мире.

Желаю всему коллективу крепкого здоровья и новых творческих успехов, а также расширения профессиональных связей с китайскими коллегами.

С уважением,

Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в КНР

С.С. Разов

Директору Института Дальнего Востока
Российской академии наук
М.Л. Титаренко

Главному редактору журнала
«Проблемы Дальнего Востока»
В.Я. Портякову

Уважаемые коллеги!

Позвольте поздравить вас с 40-летием первого выпуска журнала «Проблемы Дальнего Востока»!

Как дипломаты, непосредственно занимающиеся восточноазиатским направлением внешней политики России, мы высоко оцениваем многолетнюю деятельность редакции журнала. Научные труды, публикующиеся в «Проблемах Дальнего Востока», от-

ражают практически весь спектр политической, экономической и общественной жизни государств региона. Недаром каждый выпуск журнала, едва выйдя в свет, сразу становится настольной книгой всех уважающих себя и свою профессию специалистов по странам Восточной Азии.

Очень важно, что в «Проблемах Дальнего Востока» публикуются как работы уже заслуживших высокий авторитет российских ученых, так и молодых специалистов, которые получают неоценимую возможность обнародования своих научных изысканий на страницах широко известного в мире издания.

Уверены, что, опираясь на наработанную за долгие годы мощную экспертную базу Института Дальнего Востока Российской академии наук, научный творческий потенциал журнала никогда не будет исчерпан. Со своей стороны, готовы, как и прежде, оказывать всяческую поддержку в развитии ваших контактов с восточноазиатскими партнерами.

Желаем всем сотрудникам «Проблем Дальнего Востока» новых научных свершений, здоровья, счастья и благополучия!

С уважением,

Директор Первого департамента Азии МИД РФ

А. Кулик

Поступившие и поступающие из-за рубежа поздравления с юбилеем журнала будут опубликованы в следующем номере.

Политика

КНДР: каким курсом?

© 2012

А. Жебин

Особое внимание уделено развитию политических процессов в стране в период до и после внезапной кончины Ким Чен Ира в декабре 2011 г., в том числе передаче власти новому руководителю Ким Чен Ыну, ситуации внутри правящей элиты. Рассматриваются отношения КНДР с Россией, Китаем, США, Республикой Корея и некоторыми другими странами, влияние событий в Ливии на перспективы решения ядерной проблемы Корейского полуострова.

Ключевые слова: КНДР, передача власти, Корейский полуостров, безопасность, ядерная проблема, международные отношения

На Корейском полуострове и в жизни Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) последние два года были наполнены рядом знаковых событий, каждое из которых в силу внутривнутриполитической или международной значимости заслуживает отдельного разговора. Одни из них, такие как инциденты с южнокорейским корветом «Чхонан» и артиллерийской дуэлью у острова Енпхендо, поставившие Север и Юг Кореи на грань войны, уже были проанализированы на страницах данного журнала.¹ Смысл и значение других, таких как состоявшаяся 28 сентября 2010 г., после 44-летнего перерыва, конференции Трудовой партии Кореи (ТПК) стали гораздо более понятны после неожиданной кончины 17 декабря 2011 г. руководителя КНДР Ким Чен Ира. Уход этого лидера, возможно, открыл новый и пока что малопредсказуемый этап в развитии страны.

Пока что ситуация в КНДР, вопреки ожиданиям многих западных и южнокорейских аналитиков, продолжает оставаться стабильной. Процесс передачи высшей власти Ким Чен Ыну — представителю третьего поколения семьи Кимов — проходит без видимых затруднений и похоже, не встречает возражений со стороны основных группировок правящей элиты — армии, партии, спецслужб, госаппарата.

Политбюро ЦК бесценно правящей в стране Трудовой партии Кореи (ТПК) на своем заседании 30 декабря 2011 г. провозгласило Ким Чен Ына, во исполнение «завета» Ким Чен Ира от 8 октября 2011 г., Верховным главнокомандующим Корейской народной армии а также приняло постановление, в котором он назван «единственным наследником» Ким Чен Ира и «единым центром руководства, единства и сплоченности» ТПК. Других высших постов, которые занимал его отец, он пока не получил.²

Ким Чен Ын (род. 8 января 1983 г., по другим данным — 1984 г.) — третий из известных внешнему миру сыновей Ким Чен Ира. Решение определиться с наследником и начать его подготовку к выполнению весьма непростых обязанностей было принято Ким Чен Иром в начале 2009 г., почти сразу после относительного восстановления после постигшего его в августе 2008 г. инсульта (некоторые аналитики склонны относить начало этого процесса к 2006 г.).

Такой выбор «преемника» при наличии его двух живых старших братьев не вполне соответствует конфуцианской традиции. Но подобные случаи в истории Кореи бывали. Ким Чен Ир, видимо, считал, что Ким Чен Ын, в силу своих личных качеств, более успешно справится с непростой миссией «продолжателя революционного дела», начатого его дедом Ким Ир Сеном.

Как явствует из показанного 8 января 2012 г. — в день рождения нового лидера — центральным телевидением КНДР документального фильма, с начала 2009 г. и вплоть до своей кончины Ким Чен Ир многое сделал для того, чтобы ввести наследника в курс дела, в том числе используя для этого свои поездки для руководства на месте армейскими подразделениями, объектами народного хозяйства, различными учреждениями и организациями.

Решающим этапом выдвижения преемника и представления его партии и народу стала конференция ТПК, проходившая 28 сентября 2010 г. На конференции были обновлены и пополнены ЦК ТПК, Центральная ревизионная комиссия ТПК и Контрольная комиссия ЦК ТПК. На состоявшемся в тот же день Пленуме ЦК были избраны члены и кандидаты в члены Политбюро (17 и 15 чел. соответственно), в том числе Президиум Политбюро ЦК (5 чел.), секретари ЦК (11 чел.) и образован Секретариат ЦК, а также избран Центральный военный комитет (ЦВК) партии (19 чел.). Новацией стали публикация биографий членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК ТПК, а также списка заведующих отделами ЦК ТПК, назначенных пленумом.

В пересмотренном конференцией Уставе партии отмечается, что ее «единственными руководящими идеями» являются созданные Ким Ир Сеном идеи чучхе. Вместе с тем документ декларирует приверженность ТПК «революционным принципам марксизма-ленинизма» и намерение бороться против оппортунизма, ревизионизма, низкопоклонства и других «реакционных течений».³

Днем ранее приказом Верховного главнокомандующего КНА Ким Чен Ира Ким Чен Ыну, а также родной младшей сестре Ким Чен Ира — Ким Ген Хи, занимавшей пост заведующей отделом легкой промышленности ЦК ТПК, было присвоено звание генерала армии. Такие же звания получили еще трое высокопоставленных гражданских и военных чиновников. В тот же день постановлением ГКО звания вице-маршала КНА был удостоен начальник Генштаба КНА Ли Ен Хо.

Смысл военного взлета этих деятелей, прежде всего Ким Чен Ына, прояснился после ознакомления с персональным составом высших партийных органов. Ким Чен Ын наряду с Ли Ен Хо стал заместителем Ким Чен Ира в Центральном военном комитете ТПК.

Годом ранее, на 1-сессии Верховного народного собрания (ВНС) КНДР 12-го созыва 9 апреля 2009 г. был заметно обновлен и расширен (до 13 чел.) Государственный комитет обороны (ГКО). Тогда же были внесены очередные дополнения и изменения в «социалистическую конституцию» КНДР, принятую в 1972 г. (предыдущие поправки вносились в 1992 и 1998 гг.). Некоторые новации 2009 г. оказались настолько радикальными, что северокорейцы предпочли не обнародовать их, по крайней мере, для внешнего мира, до 2010 г., когда исправленный текст был, наконец, опубликован.

Главным нововведением стало появление в основном законе специального раздела «Председатель Государственного комитета обороны», в котором без обиняков указывалось, что деятель, занимающий этот пост, является «верховным руководителем КНДР»⁴. К списку его полномочий добавились такие, как руководство «всеми делами го-

сударства», ратификация и денонсация «важных» международных договоров, право амнистии, и наконец, объявление чрезвычайного и военного положения и мобилизации.⁵

В последующем состав ГКО несколько видоизменился — некоторые его члены, такие как первый зам. Председателя вице-маршал КНА Чо Мен Рок умерли, другие, как Тен Бен Хо и Чу Сан Сен были выведены по состоянию здоровья. Самым важным считается повышение Чан Сон Тхэка из простых членов ГКО в заместители его Председателя, проведенное на 3-й сессии ВНС КНДР 12-го созыва, состоявшейся 7 июня 2010 г. с участием Ким Чен Ира.

Тогда же были произведены существенные перестановки в Кабинете министров, утвержденном совсем недавно — в апреле 2009 г. Новым премьером был избран 80-летний Цой Ен Рим, отозваны со своих постов три вице-преьера и назначены шесть новых заместителей главы кабинета.⁶ Судя по всему, причиной замен стали существенные экономические и социальные издержки, вызванные недостаточно продуманной и организованной денежной реформой конца 2009 г.

Новые члены вышеупомянутых партийных и государственных органов появились в их составе, разумеется, по инициативе или с согласия Ким Чен Ира. Они были призваны стать не соперниками, а помощниками, советниками и даже наставниками Ким Чен Ына.

В результате в каждой области партийной работы и государственного управления в настоящее время имеются опытные функционеры, на которых Ким Чен Ын может опираться и которые были введены в высшие органы партии и государства, похоже, с учетом того, что они, во-первых, смогут дать дельный совет молодому лидеру, а во-вторых, возьмут на себя повседневное руководство отдельными участками работы, пока новый руководитель не наберется достаточно опыта.

Во внешней политике такими деятелями, вероятно, станут нынешний номинальный глава государства — член Президиума Политбюро ЦК ТПК, Председатель Президиума ВНС КНДР Ким Ён Нам, член Политбюро ЦК, заместитель премьера Кан Сек Чу (оба сделали карьеру в международном отделе ЦК ТПК и в МИД КНДР), член Политбюро, секретарь ЦК ТПК, Председатель ВНС КНДР Цой Тхэ Бок, а также кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК ТПК, зав. международным отделом ЦК ТПК Ким Ен Ир.

В военных вопросах Ким Чен Ын сможет воспользоваться советами таких военачальников, как начальник Генштаба КНА вице-маршал Ли Ён Хо и министр народных вооруженных сил КНДР вице-маршал Ким Ён Чхун, первый заместитель начальника Главного политического управления КНА генерал армии Ким Ден Гак и начальник аппарата ГКО генерал армии Хен Чер Хэ.

В целом такая система руководства в переходном периоде практически идентична той, что была использована в КНДР в первые годы после кончины Ким Ир Сена.

Пока что Ким Чен Ын больше выполняет роль символа, «лица» режима. Однако в будущем он вряд ли будет делить с кем-нибудь власть: как и его отец после смерти Ким Ир Сена он станет править единолично, но при активной опоре на круг тех людей, которые введены в состав высших партийных и государственных органов Ким Чен Иром. Целый ряд признаков, в первую очередь многочисленные кадровые перестановки периода 2009–2010 гг. указывает на то, что ушедший лидер постарался тщательно выверить баланс полномочий как отдельных членов руководства, так и высших партийных и государственных органов.

Здесь будет уместным попытаться ответить на вопрос: кто — армия или партия — занимает доминирующие позиции в политической системе КНДР? Три обстоятельства позволяют дать на него достаточно однозначный ответ. Во-первых, сообщение о кончине Ким Чен Ира было подписано упомянутыми выше органами в следующем порядке: ЦК ТПК, ЦВК ТПК, ГКО КНДР, Президиум ВНС КНДР, Кабинет министров КНДР. Во-вторых, Ким Чен Ын занимает пост заместителя председателя ЦВК ТПК и не

является даже членом ГКО. В-третьих, в совместной новогодней передовой статье говорится о том, что все военнослужащие должны «всем сердцем воспринять замысел партии» и «ценой жизни» защищать ее ЦК во главе с Ким Чен Ыном.⁷ И нынешняя, и прошлогодняя передовицы однозначно свидетельствуют о том, что хотя армия остается «опорой» и даже «главной движущей силой» революции, она играет эту роль согласно воле и замыслу партии.

Маловероятно также возникновение какого-то «дуумвирата» или «тандема», например, с Чан Сон Тхэком (мужем родной сестры Ким Чен Ира). Есть абсолютный лидер, вокруг которого концентрируется власть. А другие члены руководства (в КНДР их, как правило, именуют «соответствующий работник») если и будут соперничать, то только за право быть чаще услышанными новым лидером.

Безусловно, члены семьи (как известно из истории ряда стран) зачастую больше приближены и им больше доверяют. Так что влияние Чан Сон Тхэка, особенно в вопросах внутренней политики, подборе кадров, может вполне оказаться одним из наиболее весомых.

Однако утверждения некоторых аналитиков о том, что Чан Сон Тхэк является якобы «регентом» при новом руководителе, представляются малоубедительными. Его партийные (кандидат в члены Политбюро ЦК ТПК) и государственные (заместитель председателя ГКО) посты уравниваются, если не проигрывают позициям, скажем, начальника Генштаба КНА Ли Ен Хо, который является одним из трех оставшихся в живых членов Президиума Политбюро ЦК ТПК (наряду с Ким Ен Намом и Цой Ен Римом). Кроме того, Ли Ен Хо в дополнение к посту заместителя Председателя ГКО занимает также наряду с самим Ким Чен Ыном, должность заместителя Председателя Центрального военного комитета ТПК.

Как явствует из совместной новогодней передовой статьи трех газет КНДР от 1 января 2012 г., в которой подводятся итоги минувшего года и намечаются задачи на нынешний, каких либо заметных изменений вносить в проводившийся при Ким Чен Ире курс не предполагается. Партии, армии и народу предложена уже известная из истории КНДР формула «Ким Чен Ын — это Ким Чен Ир сегодня».⁸

При оценке вероятности перемен в будущем важно иметь в виду, что, как показал опыт самой КНДР, формальный пост, занимаемый человеком в северокорейской официальной иерархии, часто не свидетельствует о его истинном политическом «весе». После смерти Ким Ир Сена, по мере физического ухода с политической арены представителей «старой гвардии», ближайшими советниками Ким Чен Ира очень быстро стали работники не самого высокого ранга — не престарелые члены Политбюро, не министры, а более молодые и дееспособные первые заместители заведующих наиболее важными отделами ЦК ТПК. Именно из этого круга руководителей и вышел Чан Сон Тхэк.

Учитывая возраст нынешних руководителей КНДР (среди 27 оставшихся членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК 11 человек старше 80 лет, 10 старше 70 лет и только один — моложе 60 лет), повторение такого сценария смены руководства в течение ближайших двух-трех лет представляется вполне возможным. Так что у Ким Чен Ына, если он сумеет удержаться у власти в ближайшие несколько лет, есть шансы окружить себя лично подобранными, более молодыми помощниками. Здесь у Чан Сон Тхэка и его жены Ким Ген Хи есть определенное преимущество по сравнению с другими членами высшего руководства — оба они заметно моложе — им сейчас по 66 лет.

Большинство специалистов и политиков склоняются к тому, что более ясную картину ситуации в северокорейском руководстве даст празднование 100-летия со дня рождения Ким Ир Сена (15 апреля с.г.). В этот период возможно занятие новым лидером одного из высших партийных или государственных постов (Генерального секретаря ЦК ТПК, Председателя ГКО или какого-то другого). Впрочем, не исключено, что какая-то из должностей Ким Чен Ира будет «навечно» закреплена за ним, как это произошло с Ким

Ир Сенем, за которым навсегда оставили титул «президента», а для Ким Чен Ына придумают новый пост.

Такие назначения могут произойти на предстоящей в середине апреля 2012 г. конференции ТПК (явно внеочередной) и очередной сессии Верховного народного собрания КНДР, которая проходит ежегодно в начале апреля.

Партийный форум и сессия ВНС, которые, похоже, будут приурочены к празднованию 100-летия со дня рождения Ким Ир Сена, как полагают многие специалисты, помогут понять, насколько прочны позиции нового лидера страны.

Руководство КНДР, как явствует из принятых в начале с.г. Постановления Политбюро ЦК ТПК и призывов ЦК ТПК и Центрального военного комитета ТПК, рассматривает эту дату как важнейшее событие в жизни страны и намерено воспользоваться им для дальнейшей легитимации режима, стабилизации политической и экономической ситуации в стране.

Об определенной корректировке экономической и социальной политики руководства КНДР в последние годы свидетельствует, в частности, содержание трех совместных передовых новогодних статей за 2010–2012 гг., в которых сделан акцент на развитии легкой промышленности, сельского хозяйства и улучшении благосостояния населения.⁹

Согласно сообщению ЦТАК, Ким Чен Ир в течение 2010 г. совершил 65 поездок по стране, связанных с руководством экономикой, более чем вдвое превысив соответствующий показатель 2009 г. Что касается Ким Чен Ына, то он после конференции ТПК до 2012 г. совершил 61 такую поездку, причем 33 из них — вместе с Ким Чен Иром.¹⁰

Дело в том, что в ходе решения выдвинутой еще в 1998 г. в КНДР задачи построения «могучей и процветающей державы» эта цель в идеологическом (безраздельное господство официальных идей *чучхе*) и военном аспектах (создание ядерного оружия) была объявлена уже достигнутой. В 2012 г. предполагалось добиться ее и в области экономики. Передовая нынешнего года, отражая, видимо, определенные проблемы с достижением этой цели, вместо «державы» пишет о «сильном и процветающем государстве» и напоминает о существовании в стране продовольственной проблемы и актуальной необходимости ее решения для построения такого государства.¹¹

Более заметным в экономической политике стало акцентирование необходимости внедрения достижений научно-технического прогресса, в первую очередь самобытных, «чучхейских» способов производства металлов, удобрений, компьютеризации производственных процессов, создания так называемой «экономики знаний».¹² Поиску путей решения этих задач был посвящен, в частности, состоявшийся 31 марта 2010 г. общереспубликанский съезд научно-технических работников. Эту же цель преследовал визит в Китай председателя Госкомитета по науке и технике КНДР Ли Дя Бана в августе того же года.

Недостаток внутренних источников накопления для поставленной задачи модернизации и технического перевооружения экономики стимулировал принятие целого ряда мер по привлечению инвестиций из-за рубежа и совершенствованию государственного регулирования в этой области. В январе 2010 г. город Расон, являющийся центром самой старой в КНДР торгово-экономической зоны (ТЭЗ) на побережье Японского моря, был объявлен городом центрального подчинения. В том же месяце было объявлено о создании международной инвестиционной группы «Тэпхун» и государственного Банка развития, призванного привлечь и консолидировать внешние инвестиционные ресурсы.¹³

Еще одним шагом в этом направлении стало создание двух экономических зон на границе с КНР — на островах Хвангынпхен и Вихвадо, оформленное указом Президиума ВНС КНДР от 6 июня 2011 г. 8–9 июня в Китае прошли церемонии открытия этих зон и зоны совместного управления и развития в ТЭЗ Расон, а также заседание корейско-китайской комиссии по совместному развитию и управлению этими зонами. В качестве

председателя корейской части комиссии в них принял участие Чан Сон Тхэк. Китайскую сторону возглавил министр торговли КНР Чэнь Дэмин.

Впрочем, некоторые китайские специалисты выражают сомнение в том, что северо-корейцам удастся привлечь достаточные китайские инвестиции в первые два проекта. Они обращают внимание на то, что Пекин больше заинтересован в Расонском проекте, который дает КНР выход в Японское, или, как называют его в КНДР, «Восточное Корейское море».¹⁴

В начале февраля 2012 г. стало известно, что КНР получила в долгосрочную аренду на 50 лет три из имеющихся шести терминалов в северокорейском порту Раджин и намерена вложить в развитие ТЭЗ Расон около 3 млрд долл., построив там электростанцию, аэропорт, железную дорогу и другие объекты.¹⁵

В условиях торгово-экономической блокады Запада и непримиримости Южной Кореи торговля КНДР с Китаем продолжала расти рекордными темпами. Только за 2011 г. объем товарооборота между двумя странами увеличился на 62,5 проц. и достиг 5,63 млрд долл. по сравнению с 3,46 млрд долл. в 2010 г. При этом экспорт КНДР в КНР за этот период более чем удвоился и достиг 2,46 млрд долл., а импорт возрос всего на 33,8 процента. Главными статьями северокорейского экспорта были полезные ископаемые, в первую очередь уголь и железная руда, а импорта — нефть.¹⁶

Заметный рост торгово-экономических связей между КНДР и КНР и придание им нового качественного содержания стали прямым следствием беспрецедентно интенсивного политического диалога между двумя странами на высшем и высоком уровнях. Достаточно сказать, что в течение 2010–2011 гг. Ким Чен Ир четырежды побывал в КНР.

Два визита в КНР за тот же период совершил Председатель Кабинета Министров КНДР Цой Ен Рим. Кроме того, член Политбюро, секретарь ЦК ТПК, Председатель ВНС КНДР Цой Тхэ Бок через день после окончания конференции ТПК отправился в Пекин, чтобы проинформировать китайское руководство о ее итогах и был принят Ху Цзиньтао. В ноябре того же года он снова посетил КНР уже в качестве главы делегации ВНС КНДР. Член Политбюро ЦК ТПК, Председатель Президиума ВНС КНДР Ким Ен Нам в апреле-мае 2010 г. посетил выставку Экспо-2010 в Шанхае, где также встретился с Ху Цзиньтао.

Китайская сторона отвечала визитами ряда высоких делегаций, приуроченных к знаменательным датам в истории китайско-северокорейских отношений и КНДР.

23–25 октября 2011 г. в КНДР с официальным дружественным визитом находился член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, вице-премьер Госсовета КНР Ли Кэцян. Состоялись его встречи с Ким Чен Иром, а также Председателем Президиума ВНС КНДР Ким Ен Намом и главой правительства страны Цой Ен Римом. Было подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между правительствами двух стран.¹⁷

Обратил на себя внимание подчеркнутый сбалансированный характер вояжа возможного будущего премьера КНР на Корейский полуостров — сразу по завершении поездки в Пхеньян Ли Кэцян отправился с официальным визитом в Сеул, где встретился с президентом РК Ли Мен Баком и провел переговоры с премьер-министром РК Ким Хван Сиком.¹⁸

Если на Севере Ли Кэцян получил подтверждение согласия Пхеньяна на скорейшее возобновление шестисторонних переговоров, то на Юге — достиг договоренности с РК об удвоении в ближайшие три года своповой линии китайский юань-южнокорейская вона со 180 до 360 млрд юаней.¹⁹

Помимо этого, в июне 2011 г. в Пхеньяне побывала делегация КПК во главе с членом Политбюро ЦК КПК, зав. орготделом ЦК КПК Ли Юаньчао, которая провела «стратегический диалог» с корейской стороной, представленной членом Политбюро ЦК ТПК, секретарем ЦК ТПК Цой Тхэ Бок.

Многие менее высокопоставленные китайские представители, посещавшие КНДР в 2010–2011 гг. были удостоены аудиенций у Ким Чен Ира, в том числе зав. отделом международных связей ЦК КПК Ван Цзяжуй в феврале 2010 г. и член Госсовета КНР Дай Бинго в декабре того же года.

Подчеркнутым знаком уважения к китайской стороне стало возложение 26 октября 2010 г. венков Ким Чен Иром совместно с членами ЦВК ТПК и секретарями ЦК ТПК к могилам сына Мао Цзэдуна Мао Аньина и других китайских народных добровольцев, погибших в годы Корейской войны.²⁰

Главным политическим итогом этих обменов и символических жестов стало согласие китайского руководства и впредь оказывать всемерную поддержку своему северо-восточному соседу и союзнику. После смерти Ким Чен Ира восемь высших китайских руководителей, начиная с Ху Цзиньтао, лично посетили посольство КНДР в Пекине, чтобы выразить свои соболезнования в связи с его кончиной. Китайская сторона оперативно приняла решение о предоставлении КНДР 500 тыс. т продовольствия и 250 тыс. т нефти.

Заметно расширившееся политическое и экономическое присутствие КНР в Северной Корее, заступничество китайцев за северокорейцев на международной арене, особенно выпукло проявившееся в блокировании Китаем попыток США, Южной Кореи и их союзников осудить КНДР за приписываемое этой стране потопление южнокорейского корвета «Чхонан» в марте 2010 г. и обстрел острова Енпхендо в ноябре 2010 г., побудило «Нью-Йорк таймс» язвительно заметить, что Китай «колонизирует» КНДР.²¹

Между тем состояние отношений США с КНДР, еще более ухудшившихся в результате упомянутых инцидентов 2010 г., нерешенность ядерной проблемы Корейского полуострова (ЯПКП) стали вызывать тревогу у ряда представителей американского внешнеполитического истеблишмента. Голоса критиков линии «стратегического терпения», избранной администрацией Б.Обамы в отношении КНДР с подачи южнокорейской стороны, уверовавшей в скорый крах северокорейского режима, звучали все громче.²²

Стороны по-прежнему не желали учитывать взаимные озабоченности. Северокорейские предложения по возобновлению шестисторонних переговоров и двусторонних американо-северокорейских контактов, переданные через посетившего КНДР 16–21 декабря 2010 г. губернатора американского штата Нью-Мексико Б.Ричарсона, были фактически проигнорированы американской стороной.

В ответ Ким Чен Ир с «наследником» демонстративно оставили без внимания просьбу о встрече со стороны бывшего президента США Дж.Картера, возглавлявшего посетившую КНДР делегацию бывших президентов и премьеров ряда стран.

Представитель МИД КНДР решительно осудил действия США в Ливии, не преминув указать на прямую связь ядерного разоружения Ливии с последующей агрессией против этой страны. Заодно северокорейцы подчеркнули, что ливийские события подтвердили правоту избранного ими пути «приоритета армий» и создания средств самообороны, оказавшихся весьма ценными для предотвращения войны и защиты мира и стабильности на Корейском полуострове.²³

Не получил продолжения диалог по правам человека, начатый поездкой в КНДР 24–28 мая 2011 г. делегации Госдепа США во главе со спецпосланником президента США по правам человека в КНДР Р.Кингом, результатом которой, правда, стало освобождение «по гуманным соображениям» осужденного в КНДР гражданина США Чон Ен Су.

Более успешно шли контакты по «второй» и третьей дорожкам. По итогам взаимных поездок делегаций агентств Ассошиэйтед Пресс и ЦТАК в январе 2012 г. в Пхеньяне был открыт корпункт АП. КНДР посетили делегация Азиатского общества и

сын известного американского проповедника Билли Грэхма. В июне 2011 г. в Бостоне и Нью-Йорке прошли показательные выступления спортсменов КНДР по тхэквондо.

К концу августа 2011 г. администрация Б.Обамы, видимо, поняв, что тактика прямого силового давления на КНДР бесперспективна, приняла решение об оказании ей экстренной гуманитарной помощи в размере 900 тыс.долл. в связи с обрушившимися на эту страну наводнениями.

В октябре 2011 г. США назначили опытного дипломата Глина Дэвиса новым специальным представителем госсекретаря по политике в отношении Северной Кореи. В том же месяце приступил к своим обязанностям новый глава делегации США на шестисторонних переговорах Клиффорд Харт. Показательно, что в октябре же заменили своего главного переговорщика на "шестисторонке" южнокорейцы — им стал Лим Сын Нам.

США и КНДР возобновили контакты с целью выработки условий возобновления шестисторонних переговоров. В июле 2011 г. в Нью-Йорке и в октябре в Женеве состоялись т.н. «ознакомительные» контакты между сторонами. Американцев, судя по всему, прежде всего интересовали приостановка северокорейцами работ по развитию урановой ядерной программы, а также прекращение сотрудничества КНДР в области ядерных технологий с Ираном. 18 ноября 2011 г. в комментарии официального агентства ЦТАК Пхеньян заверил Вашингтон, что он не помогает Ирану создавать ядерное оружие.²⁴ В то же время там продолжали настаивать на своем праве на развитие мирной ядерной энергетики: 30 ноября представитель МИД КНДР опубликовал заявление, в котором сообщалось об успехах в сооружении экспериментального реактора на легкой воде (ЛВР) и производстве для него низкообогащенного уранового топлива.²⁵

Судя по сообщениям западных СМИ, к середине декабря 2011 г. сторонам удалось достичь компромисса и по этому вопросу, о чем собирались объявить 17 декабря, однако кончина Ким Чен Ира этому помешала. Впрочем, американцы поспешили заявить, что они «открыты для дипломатии» с новым руководством КНДР.²⁶

По итогам состоявшейся 23–24 февраля 2012 г. в Пекине третьей встречи представителей США и Северной Кореи последняя согласилась ввести мораторий на ядерные испытания и пуски ракет большой дальности, пообещала приостановить работу завода по обогащению урана в атомном центре в Ненбене и пустить туда инспекторов МАГАТЭ.

В ответ США подтвердили, что не имеют враждебных намерений в отношении КНДР и готовы предпринять шаги к улучшению отношений «в духе взаимного уважения суверенитета и равенства». Впрочем, такие обещания на протяжении последних двух десятилетий давались неоднократно, что не мешало сторонам несколько раз оказываться на грани вооруженного конфликта.

Вашингтон также пообещал поставить КНДР 240 тыс.тонн продовольствия партиями по 24 тыс.т ежемесячно. Однако утверждать, как это сделали многие обозреватели, что КНДР поменяла ядерное оружие на рис, нет никаких оснований. Речь идет, скорее всего, об очередной попытке сделать общение с США более устойчивым. Пхеньян заявил, что объявленный ими мораторий будет действовать лишь на время «продуктивного» диалога с Вашингтоном.

Тем временем опубликованные министерством торговли США данные свидетельствуют о том, что поставки продовольствия и других товаров из США в КНДР в 2011 г. возросли более чем в 2 раза по сравнению с 2010 г. (с 1,9 млн долл. до 5,1 млн долл.), хотя и составили всего одну десятую от уровня 2008 г., когда этот показатель достиг 52,2 млн. долл.²⁷

Похоже, на корейской «шахматной доске» затевается очередная комбинация: США, не сумевшие добиться согласия Китая на развал КНДР, теперь пытаются зайти, что называется, «с тыла» — некоторые американские аналитики намекают на возможность установления с КНДР при новом руководителе даже нечто вроде «стратегического партнерства». Северокорейцы, которм заметно возросшая зависимость от Китая вряд ли

по душе, по-видимому, готовы американцам в этом подыграть: находившийся в начале марта в США заместитель министра иностранных дел КНДР Ли Ен Хо, по сообщениям СМИ, встретился с Г.Киссинджером и передал ему приглашение посетить КНДР.

Поездка Ким Чен Ира в Россию, которая была сочтена большинством аналитиков в Сеуле как успешная, вынудила сделать соответствующие выводы и администрацию Ли Мен Бака: через пару дней после ее завершения, 30 августа 2011 г. был отправлен в отставку один из архитекторов жесткого курса в отношении КНДР министр объединения РК Хен Ин Тхэк, непримиримая позиция которого в отношении Северной Кореи стала одним из факторов того, что межкорейские отношения оказались в самом худшем состоянии едва ли не за всю послевоенную историю.

Напомним, что начало такому откату положил отказ пришедшей к власти в РК в феврале 2008 г. администрации Ли Мен Бака от выполнения договоренностей, достигнутых на 2-м межкорейском саммите между Ким Чен Иром и Но Му Хеном в октябре 2007 г., а также стремление РК играть первую скрипку в решении ядерной проблемы, обещая КНДР взамен экономическую помощь и даже гарантии безопасности. На последнее северокорейцы никак не могли согласиться, так как считали, что главная угроза их безопасности исходит от США и именно поэтому они были вынуждены пойти на создание ядерного оружия.²⁸

Межкорейские отношения еще более ухудшились в 2010 г., когда произошли инциденты с корветом «Чхонан» и обстрелом острова Енпхендо. Северокорейцы категорически отрицали свою причастность к гибели южнокорейского корабля и настаивали на допуске своих специалистов к расследованию инцидента. Воспользовавшись отказом Сеула, они обвинили в фабрикации инцидента самих южнокорейцев. Сомнения в причастности КНДР высказывали не только в Южной Корее, но и США, в частности бывший посол США в РК Дональд Грегг, чья статья в «Нью-Йорк таймс» на эту тему наделала много шума.²⁹ В целом Сеулу и его союзникам не удалось заручиться широкой международной поддержкой своей версии инцидента с «Чхонаном» и тем более добиться осуждения КНДР в СБ ООН.

Между тем в промежуток между двумя инцидентами Север и Юг сумели договориться еще об одной встрече членов разделенных семей, которая прошла в Кымгансане с 30 октября по 5 ноября 2010 г.

С началом 2011 г. северокорейцы развернули настоящее «мирное наступление» в отношении южного соседа. В Пхеньяне, видимо, учитывали позицию КНР, которой приходилось отвечать на критику как со стороны ряда экспертов внутри страны, так и за рубежом за фактическую поддержку КНДР в инцидентах 2010 г. В Северной Корее предвосхитили (или были проинформированы китайцами) то, что Б.Обама и Ху Цзиньтао в ходе визита последнего в США в январе 2011 г. в принятом ими совместном заявлении обратятся с призывом к корейским сторонам начать «искренний и конструктивный диалог» с целью улучшения отношений.

В Пхеньяне решили, по крайней мере формально, поддержать новый китайский трехфазный план по возобновлению «шестисторонки», который учитывал требования РК и ее главного союзника США. Предложения КНР предусматривали на первом этапе проведение диалога по ЯПКП между КНДР и РК, на втором — возобновление американо-северокорейских двусторонних контактов и, наконец, на третьем — возобновление самого шестистороннего процесса.

Так или иначе, в опубликованном 5 января 2011 г. Совместном заявлении правительства, политических партий и общественных организаций КНДР содержался призыв к южнокорейской стороне возобновить без предварительных условий межкорейский диалог (такowymi со стороны РК являлись требования об извинениях за инциденты 2010 г.). В качестве первоочередной меры к оздоровлению отношений северокорейцы предлагали отказаться от враждебной пропаганды друг против друга.³⁰

Три дня спустя Комитет по мирному объединению родины сообщил о восстановлении некоторых каналов связи, существовавших между Севером и Югом, а также предложил возобновить контакты относительно работы Кымгансанского туристического проекта и Кэсонской индустриальной зоны.³¹

21 января 2011 г. министр народных вооруженных сил КНДР обратился с открытым письмом к министру национальной обороны РК с предложением провести военные переговоры на высоком уровне с целью разрядки напряженности на Корейском полуострове. 3 февраля 2011 г. Верховное Народное собрание КНДР направило парламенту РК послание с призывом начать межпарламентских диалог по вопросам межкорейских отношений.

Некоторые из указанных инициатив получили определенное развитие (состоялось несколько контактов на рабочем уровне между военными двух стран), хотя и закончились ничем, другие материализовались в контакты ученых с целью исследования вулканической деятельности священной для корейцев горы Пэктусан, третьи — ввиду непримиримых позиций сторон, еще более усугубили существующие проблемы.

Одной из наиболее острых из них стал вопрос о возобновлении туристических поездок южнокорейцев в Кымгансан. Правительство РК отказывается дать добро на это без официальных извинений северокорейской стороны за инцидент с южнокорейской туристкой, застреленной там северокорейским часовым летом 2008 г. В итоге северокорейцы объявили о конфискации собственности в этом районе, принадлежащей южнокорейской компании «Хендэ-Асан» и оцениваемой примерно в 350 млн долл., и начали поиск альтернативного притока туристов в зону, организовав первый массовый заезд туда китайцев. С этой целью 29 апреля 2011 г. указом Президиума ВНС КНДР была создана Специальная зона международного туризма в горах Кымгансан.

Однако масштабного развития эти усилия не получили: массового притока китайских туристов в Кымгансан не наблюдается, хотя их количество в КНДР в 2011 г. резко возросло. Тем временем северокорейцы в частном порядке намекают южанам, что объекты «Хендэ» в Кымгансане сохраняются ими в неприкосновенности.

Кэсонская зона остается единственным крупномасштабным экономическим проектом, выдержавшим все перипетии межкорейских «заморожек». В настоящее время в зоне функционируют свыше 120 средних и мелких фирм РК, на предприятиях которых трудится почти 50 тыс. северокорейских рабочих и специалистов. Ввозимые в зону комплектующие и полуфабрикаты и вывозимая оттуда готовая продукция составляют львиную долю межкорейской торговли. В 2011 г. из-за дополнительных санкций, введенных РК после инцидентов 2010 г. ее объем сократился на 10 проц. и составил 1,71 млрд долл.

Другим серьезным раздражителем в межкорейских отношениях при явном попустительстве властей стал запуск различными южнокорейскими организациями правого толка и группами перебежчиков из КНДР воздушных шаров в направлении Севера, которые, наряду с деньгами, предметами ширпотреба и т.п. отправляли туда листовки и другие пропагандистские материалы с призывами к свержению существующего в КНДР режима.

Как это уже не раз случалось в истории межкорейских отношений, главные события в них в 2011 г. разворачивались за кулисами. Южнокорейский президент, осознавая, что история вряд занесет ему в заслугу то политическое наследие, которое он оставит в межкорейских отношениях, в мае 2011 г. в Пекине пошел на секретные контакты с КНДР с целью организации встречи на высшем уровне. Предложения РК сводились к тому, что, при условии выражения КНДР извинений, которые для северокорейцев будут выглядеть как «сожаления» за инциденты 2010 г., и обещания отказаться от ядерного оружия, РК готова провести в течение 2011–2012 гг. три межкорейских саммита — в Пханмунджоме, Пхеньяне и, наконец, в Сеуле, пригласив Ким Чен Ира на предстоящий там в конце марта 2012 г. 2-й саммит по ядерной безопасности. Сам факт таких контак-

тов был раскрыт сотрудником «Чхонвадэ», что вызвало резкую отповедь представителя ГКО КНДР, заявившего, что КНДР больше не собирается иметь дела с «предательской группой Ли Мен Бака».³²

Воспользовавшись тем, что администрация Ли Мен Бака не направила официальных соболезнований КНДР в связи с кончиной Ким Чен Ира, а выразила лишь сожаления, адресованные жителям Северной Кореи, ГКО КНДР в своем заявлении от 30 декабря 2011 г. подтвердил эту позицию.³³ Не исключено, что в Пхеньяне действительно поставили крест на надеждах договориться о чем-либо серьезном с президентом РК, который уже к середине года станет «хромой уткой», так как согласно конституции не имеет права переизбираться на второй срок на предстоящих в декабре 2012 г. выборах.

Вместе с тем северокорейцы заявили, что готовы принять всех южнокорейцев, которые захотят приехать на похороны Ким Чен Ира. Однако южнокорейские власти позволили отправиться в Пхеньян в частном порядке лишь двум группам, которые возглавили вдова бывшего президента РК Ким Тэ Чжуна и вдова одного из сыновей Чон Чу Ена, нынешняя глава «Хендэ-Асан». Обе имели короткую встречу с Ким Чен Ыном и были приняты Председателем Президиума ВНС Ким Ен Намом, но время для обсуждения волнующих стороны проблем оказалось явно неподходящим.

Отношения КНДР с Японией оставались практически в тупике. Северокорейские научные и общественные организации время от времени публиковали меморандумы и заявления, обвиняющие японцев в терроризме за убийство королевы Мин в 1885 г., отстаивали право Кореи на о.Токто и на переименование Японского моря в «Восточное Корейское море».

Вместе с тем в марте 2011 г. после стихийного бедствия и аварии на АЭС в Фукусиме ОКК КНДР направило 100 тыс. долл. японскому Обществу Красного креста для пострадавших в этой трагедии.

В октябре 2011 г. Ким Чен Ир в интервью ИТАР-ТАСС отмечал, что для нормализации отношений с КНДР Япония «прежде всего обязана полностью подвести черту под преступлениями прошлого, совершенными против нашей страны, нашей нации».³⁴

Столкнувшись с жестким дипломатическим прессингом со стороны США и их союзников, КНДР в течение 2010–2011 гг. заметно активизировала свои усилия на других направлениях внешней политики — работе с ведущими специализированными организациями ООН, участии в крупных международных форумах, развитии контактов со странами ЕС, Африки и Юго-Восточной Азии, в первую очередь с Вьетнамом и Лаосом.

Председатель Президиума ВНС Ким Ен Нам в марте — апреле 2010 г. посетил Габон, Гамбию и Сенегал, где принял участие в открытии «Монумента возрождения Африки», сооруженного с помощью КНДР.

Министр иностранных дел КНДР Пак Ый Чун в июле 2010 г. совершил поездку по странам ЮВА (Вьетнам, Лаос, Мьянма, Индонезия) и принял участие в работе регионального форума АСЕАН в Ханое. Год спустя он принял участия в аналогичных мероприятиях на Бали, а также совершил визиты в Монголию, Малайзию и Сингапур.

В тот же период с визитами в КНДР побывали Президент Лаоса, руководители таких международных организаций как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Международный Красный крест (МКК), Всемирная продовольственная программа (ВПП), Межпарламентский союз (МПС), а также заместитель Генерального секретаря ООН.

В КНДР приезжали делегации Европарламента, а также парламентов Германии, Италии, Соединенного Королевства, Франции и ряда других европейских стран. В свою очередь, Председатель ВНС КНДР Цой Тхэ Бок в марте-апреле 2011 г. нанес визит в Великобританию, а парламентская делегация КНДР в ноябре 2011 г. совершила поездку по ряду стран Европы.

Наконец, спортсмены КНДР в 2010 г. приняли участие в чемпионате мира по футболу в ЮАР и 16-х Азиатских играх в Гуанчжоу (КНР), а в сентябре 2011 г. приняли у себя чемпионат мира по тхэквондо, организованный по версии Международной федерации тхэквондо (в отличие от Всемирной федерации тхэквондо, признанной МОК).

2010–2011 гг. стали периодом заметной активизации политики России на Корейском полуострове. В 2010 г. российская дипломатия, задействовав как двусторонние каналы, так и возможности ООН, сыграла решающую роль в недопущении широкомасштабного вооруженного конфликта между Севером и Югом Кореи, на грани которого они оказались после инцидента на о. Енпхендо. Год завершился визитом 11–16 декабря в РФ министра иностранных дел КНДР Пак Ый Чуна, который провел переговоры с его российским коллегой С.В. Лавровым и был принят спикером СФ С.М. Мироновым.

В 2011 г. Москва сосредоточилась на поиске путей возобновления шестисторонних переговоров по ЯПКП и создании экономического фундамента для прочного мира и сотрудничества на Корейском полуострове.

В практическом плане эти проблемы обсуждались в ходе визита 11–14 марта 2011 г. в КНДР заместителя министра иностранных дел РФ А.Н. Бородавкина. Российская сторона высказалась за безотлагательное возобновление шестисторонних переговоров и подчеркнула важность того, чтобы КНДР в интересах скорейшего восстановления переговорного процесса предприняла ряд практических конструктивных шагов: объявила о готовности вернуться за стол шестисторонних переговоров без предварительных условий на основе Совместного заявления КНР, КНДР, России, РК, США и Японии от 19 сентября 2005 года; ввела мораторий на производство и испытания ядерного оружия, а также ракетные пуски с использованием баллистических технологий; дала согласие на освидетельствование объекта по обогащению урана экспертами МАГАТЭ и включение «уранового досье» КНДР в повестку дня шестисторонних переговоров; пригласила инспекторов МАГАТЭ возвратиться в ядерный центр в Нёнбёне.³⁵

С учетом уроков событий 2010 г. российская сторона высказалась за восстановление диалога и налаживание сотрудничества между Севером и Югом Кореи и пообещала активно содействовать этому процессу. Было отмечено, что в этом контексте особенно перспективными являются предложения России о запуске трехсторонних проектов по соединению железнодорожных сетей России, КНДР и РК, строительству газопровода из России в РК через территорию КНДР и сооружению линии электропередач по аналогичному маршруту.³⁶

В сообщении российского МИД от 14 марта 2011 г. по итогам консультаций в Пхеньяне отмечалось, что корейской стороной было заявлено о поддержке этих подходов как по запуску трехсторонних экономических проектов, так и по денуклеаризации Корейского полуострова.³⁷

В тот же день в российских СМИ появились сообщения со ссылкой на пресс-службу Минфина РФ о том, что Москва готова возобновить переговоры об урегулировании долга КНДР России, достигшего 11 млрд долл.³⁸ Забегая вперед, отметим, что очередной раунд прошел в июне 2011 г., а к сентябрю стороны в основном согласовали схему решения проблемы.³⁹

В опубликованных 15 марта 2011 г. ответах представителя МИД КНДР на вопросы корреспондента ЦТАК по итогам поездки А.Н. Бородавкина отмечалось, что корейская сторона готова к участию в переговорах без всяких предварительных условий и не против обсуждения поставленных российской стороной проблем на принципе «одновременности действий», заложенном в Совместном заявлении участников «шестисторонки» от 19 сентября 2005 г. Таким образом, корейцы дали понять, что, принимая российские предложения, они вправе рассчитывать на какие-то встречные шаги со стороны США и их союзников.⁴⁰

О планах российской стороны вывести обсуждение указанных проблем на высокий политический уровень, в том числе с КНДР, свидетельствовало большое внимание, которое было уделено корейской теме Президентом РФ Д.А. Медведевым в интервью 7 апреля 2011 г. Центральному телевидению Китая накануне его визита в КНР. В нем глава российского государства высказался, во-первых, за продолжение контактов с КНДР по ядерной проблеме, во-вторых, за предоставление ей «неких стимулов», для того, чтобы в Пхеньяне поняли, что «не существует никакой альтернативы сотрудничеству, что ядерная энергетика, ядерные программы должны быть абсолютно мирными. Только в этом случае может быть достигнут успех».⁴¹

Обсуждение этих проблем было продолжено в ходе поездки в КНДР директора Службы внешней разведки РФ М.Е. Фрадкова, который 17 мая 2011 г. встретился с Ким Чен Иром. Хотя официальные сообщения о этой встрече, по понятным причинам, оказались не богаты на детали, фраза из сообщения ЦТАК о том, что гость передал подарки Ким Чен Иру и Ким Чен Ыну свидетельствовала, что Москва де-факто признала последнего в качестве наследника своего отца. Сделано это было в той же манере, как и в 80-е гг. минувшего столетия, когда высокие и не очень советские делегации наряду с подарком Ким Ир Сену обязательно захватывали что-то в дар и его преемнику — Ким Чен Иру.⁴²

Однако главная тема, обсуждавшаяся М.Фрадковым в Пхеньяне, стала понятна только в следующем месяце, когда в ряде российских и зарубежных СМИ появились сообщения о возможной встрече северокорейского лидера с Д.А. Медведевым во Владивостоке, куда российский президент должен был приехать, чтобы ознакомиться с ходом подготовки к саммиту АТЭС. Но встреча так и не состоялась.

Хотя Кремль официально опроверг слухи о предстоящем саммите, некоторые СМИ продолжали утверждать, что «переговоры действительно планировались, и Кремль был к ним готов». Причиной срыва, писал «Коммерсант», стала утечка информации о планах поездки, в связи с чем северокорейская сторона, озабоченная безопасностью Ким Чен Ира, ее отменила.⁴³ Существовали и другие версии: так, сайт ПОЛИТ.РУ со ссылкой на источники в разведке утверждал, что у сторон возникли разногласия по повестке дня.⁴⁴

О том, что визит все же планировался, стало ясно 20 августа, когда на официальном сайте Президента России появилось сообщение о начинавшемся в тот же день визите Ким Чен Ира в РФ, «основным мероприятием» которого должна была стать встреча с Д.А. Медведевым.⁴⁵

Такая встреча состоялась 24 августа 2011 г. в Улан-Удэ. Среди главных ее результатов можно назвать подтвержденную на высшем уровне готовность КНДР без предварительных условий вернуться на шестисторонние переговоры и в их ходе разрешить вопрос о введении моратория на ядерные испытания и запуски межконтинентальных баллистических ракет.⁴⁶

Экономическая составляющая встречи заключалась в политическом одобрении на высшем уровне проекта строительства газопровода из России в РК через территорию Северной Кореи. В свою очередь президент РК Ли Мен Бак в течение осени 2011 г. в ряде своих выступлений поддержал этот проект, подтвердив это в ходе встречи с российским президентом в начале ноября 2011 г. в Санкт-Петербурге.

На этом фоне практически незамеченным осталось еще одно важное событие в сотрудничестве двух стран — 25–27 августа, одновременно с поездкой Ким Чен Ира, в Пхеньяне состоялось очередное, 5-е заседание Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству между РФ и КНДР, которому предшествовало российское решение предоставить КНДР 50 тыс. т пшеницы в качестве продовольственной помощи.

Хотя стороны пока не дошли до стадии трехсторонних встреч по обсуждению газового проекта, двусторонние контакты «Газпрома» с соответствующим представителями КНДР и РК достаточно интенсивно шли на протяжении осени 2011 г. На российско-северокорейском направлении проект был конкретизирован в ходе визита в РФ 13–20 сентября министра нефтяной промышленности КНДР Ким Хи Ена и его переговоров с председателем правления «Газпрома» А. Миллером. В конце ноября-начале декабря 2011 г. в Москве прошло заседание российско-северокорейской рабочей группы по строительству газопровода.

Как следует из интервью российского посла в Пхеньяне В. Сухинина, новый лидер КНДР Ким Чен Ын тоже поддерживает проект строительства газопровода и контакты по этому вопросу между соответствующими ведомствами двух стран продолжаются.⁴⁷

* * *

В целом минувшие два года показали, что возможности российско-северокорейского политического и экономического взаимодействия далеко не исчерпаны. Россия остается серьезным и самостоятельным игроком в решении проблем полуострова.

Уход из жизни руководителя КНДР оказался в центре внимания мирового сообщества, вызвал вал самых разноречивых откликов и прогнозов. Многие лидеры как на Западе (в США и странах ЕС), так и на Востоке (Япония и Южная Корея) не скрывают обеспокоенности возможным курсом нового руководства в Пхеньяне

Теперь для всех, у кого есть интересы на полуострове, настал «момент истины». Им предстоит определиться со своим отношением к новому лидеру этой страны. Он еще не успел добиться каких-либо успехов. Но и заметных просчетов за ним не числится. По крайней мере, таких, которые запятнали бы его политическую репутацию и сделали неприемлемым партнером.

Нашим партнерам по «шестисторонке» можно было бы посоветовать не сталкивать молодого Кима в окопы «холодной войны» (а попытки «демонизировать» его путем утечек неких «разведанных» о его якобы «ужасном» характере и ответственности за обстрел южнокорейского о. Енпхендо в ноябре 2010 г. уже предпринимаются), а дать ему шанс, продемонстрировав готовность видеть в нем партнера. Предложить ему совместно поискать развязки вызывающих взаимную озабоченность проблем, попробовать устранить некоторые реальные опасения, которые, безусловно, испытывают в КНДР, видя судьбу лидеров ряда стран, переживших так называемую «арабскую весну», и помочь развеять другие, может быть, надуманные страхи северокорейской стороны.

График важнейших международных форумов 2012 г. предоставляет России исключительный шанс «вывести в свет» нового руководителя КНДР. Приглашение его в качестве гостя на саммит АТЭС во Владивостоке в сентябре 2012 г. позволило бы ему познакомиться с лидерами ведущих мировых держав, в первую очередь ближайших соседей и, возможно, открыть новую страницу в отношениях КНДР с некоторыми из них.

В частности, для южнокорейского президента Ли Мен Бака, за четыре года правления которого отношения с КНДР оказались отброшенными к худшим временам «холодной войны», Владивосток — это единственный шанс провести межкорейский саммит и поправить свое незавидное политическое наследие в межкорейских отношениях.

Такая поездка также открыла бы новые возможности для дипломатического маневра в целях реанимации шестисторонних переговоров по ядерной проблеме Корейского полуострова (ЯПКП).

В этих обстоятельствах, а также учитывая практически полное отсутствие информации и огромный интерес к новому лидеру КНДР, воспользоваться возможностью встретиться с ним на «нейтральной территории» — во Владивостоке могут счесть поли-

тически приемлемым руководители США, Японии и других государств. Россия, в случае необходимости, могла бы сыграть роль посредника в организации таких встреч.

К тому же Владивосток — единственно приемлемое место для северокорейцев с точки зрения обеспечения безопасности Ким Чен Ына. В Сеул или куда-либо еще (пожалуй, кроме Китая) они начинающего руководителя просто не отправят.

Главное заключается в том, что данный шаг позволил бы Москве вернуть себе политическую инициативу в СВА и АТР после выдвижения президентом США Б.Обамой в 2011 г. идеи транстихоокеанского партнерства, продемонстрировал бы активность и наличие собственных подходов России к решению азиатских проблем.

Такое приглашение, как представляется, могло бы самым благоприятным образом сказаться на предстоящих шагах руководства КНДР на мировой арене и внутри страны, сделать их более ответственными и предсказуемыми. Сложное международное положение и непростая внутриэкономическая ситуация, согласие КНДР возобновить без предварительных условий шестисторонние переговоры по ядерной проблеме, неоднократные попытки в течение 2011 г. наладить межкорейские отношения говорят в пользу того, что новый лидер и его ближайшие советники, если верить заявлениям о намерении следовать курсом, намеченным Ким Чен Ирром, вполне вероятно, попытаются воспользоваться приглашением к диалогу, нежели отвернутся от открытых для них дверей.

Кроме того, такое приглашение могло бы позитивно сказаться на стабилизации обстановки в КНДР, укреплении позиций начинающего руководителя, который получил бы таким образом определенное международное признание. Тем самым была бы снижена вероятность борьбы за власть в северокорейской верхушке, на которую так рассчитывают некоторые зарубежные «доброжелатели» северокорейцев, стремящиеся на самом деле развалить эту страну.

Активная внешняя политика, которую провозглашает Россия, предполагает наличие вполне осознанных национальных интересов и инициативных мер по их реализации. В отношении Кореи эти задачи сводятся к двум основным моментам — предотвращению возникновения угроз безопасности России с территории Корейского полуострова и содействию примирению и налаживанию экономического сотрудничества между двумя корейскими государствами с участием России. Обе эти задачи особенно актуальны в свете предстоящего саммита и председательства России в АТЭС. России предоставляется шанс воспользоваться для их решения новым окном возможностей, открытым последними событиями на полуострове.

1. *Жебин А.З.* Корейский полуостров: у опасной черты // Проблемы Дальнего Востока. М. 2011. № 1. С. 123–134.
2. KCNA. 2011.12.31.
3. «Нодон синмун». 2010.09.29.
4. Социалистическая конституция Корейской Народно-Демократической Республики. Издательство литературы на иностранных языках. Корея. Пхеньян. 2010. С. 19.
5. Там же.
6. «Минчжу чосон». 2010. 06.08.
7. «Нодон синмун». 2012. 01.01.
8. «Нодон синмун». 2012. 01.01.
9. «Нодон синмун». 2010.01.01; 2011.01.01; 2012. 01.01.
10. Kim Jung-un makes over 61 inspection visits. Institute for Far Eastern Studies. 2012.02.01. <http://www.nkeconomywatch.com/2012/02/07>.
11. «Нодон синмун». 2012. 01.01.
12. «Нодон синмун». 2012. 01.01.
13. <http://russian.people.com.cn/31520/6875653.html>.
14. <http://english.chosun.com/svc/news/printContent.html/>

15. «Российская газета». 2012.02.15.
16. Yonhap. North Korea newsletter. No. 195. 2012.02.02.
17. «Минчжу чосон». 2011.10.26.
18. <http://russian.people.com.cn/31521/7628950.html>.
19. S.Korea. China raise won-yuan swap deal. "Shanghai Daily". 2011.10.27.
20. KCNA. 2010.10.26.
21. «Независимая газета». 2011.10.27.
22. Goodby J.E., Gross D. Strategic Patience Has become Strategic Passivity. December 22, 2010. <http://www.nautilus.org/publications/essays/napsnet/forum/strategic-patience-has-become-strategic-passivity>.
23. Foreign Ministry Spokesman Denounces US Military Attack on Lybia. KCNA.2011.03.22.
24. KCNA. 2011.11.18.
25. KCNA. 2011.11.30.
26. "The New York Times". 2012.02.14.
27. <http://www.upi.com/Business-News/2012/02/11>.
28. DPRK's Foreign Ministry Memorandum. KCNA. 2010.04.21; Foreign Ministry Vows to Bolster Deterrent in New Way. KCNA. 2010.06.28.
29. "The New-York Times". 2010.08.31.
30. KCNA.2011.01.05.
31. KCNA.2011.01.08.
32. Lee Myung Bak Group Can Never Evade Responsibility for Bringing Inter-Korean Relations to Collapse: Spokesman for NDC. KCNA.2011.06.01.
33. KCNA.2011.12.30.
34. Ким чен Ир: углубление корейско-российской дружбы отвечает интересам наших народов и имеет важнейшее значение для сохранения мира и стабильности. ИТАР-ТАСС. 2011.10.15.
35. Сообщение для СМИ О консультациях по линии министерств иностранных дел России и КНДР. 324-14-03-2011. <http://www.mid.ru>.
36. Сообщение для СМИ О консультациях по линии министерств иностранных дел России и КНДР. 324-14-03-2011. <http://www.mid.ru>.
37. Сообщение для СМИ О консультациях по линии министерств иностранных дел России и КНДР. 324-14-03-2011. <http://www.mid.ru>.
38. <http://www.buhgalteria.ru/news/n50198?print=Y>.
39. <http://rus.ruvr.ru/-print/56144535.html>.
40. FM Spokesman on Russian Vice-Foreign Minister's Visit to DPRK/ KCNA.2011.03.15.
41. <http://news.kremlin.ru/news/10911>.
42. Kim Jong Il Meets with Russian Delegation. KCNA. 2011.05.17.
43. <http://www.vz.ru/news/2011/6/29/503307.print.html>; "Коммерсант".2011.06.30.
44. <http://polit.ru/news/2011/06/29/kim>.
45. <http://news.kremlin.ru/news/12369>.
46. http://english.aljazeera.net/new_europe/2011/08/2011824165914395292.html.
47. Ким Чен Ын поддерживает строительство газопровода через КНДР. VestiRegion.ru. 2012.02.04.

О некоторых особенностях внешней политики Китая в 2009–2011 гг.

© 2012

В. Портяков

Экономические успехи КНР побудили ее активнее, чем прежде, претендовать на формирование правил игры на мировой арене. Внешняя политика Китая в 2009–2010 гг., особенно в Азии, приобрела весьма напористый характер. Это дало повод США, объявившим о «возвращении в Азию», усилить противодействие растущему влиянию КНР в регионе.

Такой разворот событий грозил серьезным ухудшением внешних условий развития страны. В связи с этим с конца 2010 г. в ее внешнюю политику вносятся определенные коррективы, призванные смягчить сложности взаимной адаптации усилившегося Китая и меняющегося мира.

Ключевые слова: Китай, современная внешняя политика, Азия, напористость, коррективы.

В последние годы внешнеполитический курс Китайской Народной Республики, сохранив такие долговременные базовые характеристики, как независимость, самостоятельность, декларируемая ориентация на обеспечение благоприятных условий для мирного развития страны, претерпел, тем не менее, ряд заметных изменений.

Выявление и осмысление существа этих изменений, их причин и последствий активно идет в настоящее время в самом Китае, на Западе и в России, нередко порождая широкий разброс мнений. Некоторые новации Пекина были в целом позитивно встречены международным сообществом, например, самоидентификация Китая как ответственной державы. Другие новации, при всей их потенциальной важности, не вызвали особого резонанса, как это случилось с широко обсуждавшейся в экспертных кругах КНР идеей перемещения внешнеполитической опоры страны с развивающихся государств в целом на так называемые «новоподнимающиеся державы» («синьсин даго»), представленные в первую очередь форматом БРИКС (Бразилия — Россия — Индия — Китай — ЮАР).

В то же время усиление напористости Китая в практических действиях на международной арене, особенно при отстаивании своих интересов, привлекло повышенное внимание, в первую очередь на Западе, и послужило основанием для вывода, что Пекин «становится менее скрытным и выжидающим» и что его «дипломатия улыбок закончилась»¹.

К концу 2010 г. мнение о том, что «Китай ведет себя все более жестко и несговорчиво по отношению ко многим соседям в Азии, к США и ЕС»², стало преобладающим в США и достаточно популярным во многих других странах мира³. В этой ситуации Пекин существенно усилил пропаганду сугубо мирного характера своего возвышения и

неизменности политики добрососедства, не отказавшись, однако, от претензий на большую, чем в докризисный период, роль на мировой арене.

Рассмотрим эволюцию внешнеполитического курса КНР в 2009–2011 гг. более подробно.

Первопричиной подвижек во внешней политике Китая явился рост его абсолютной и относительной экономической мощи, особенно рельефно выявившийся в условиях мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Еще в докризисный период Китаю удалось заметно сократить отставание от ведущих экономик мира. Если в 2002 г. ВВП КНР составлял 13,9% от американского и 37% от японского (при пересчете в доллары по текущему курсу), то в 2008 г. это соотношение выросло, соответственно, до 27,2% и 78,6%. Доля страны в мировой продукции перерабатывающих отраслей с 5,1% в 1995 г. выросла до 11,4% в 2007 г.⁴ В период кризиса и первые посткризисные годы Китай сохранил высокие темпы экономического роста (9,2% в 2009 г.; 10,4% в 2010 г. и 9,2% в 2011 г.) и хорошую динамику развития внешней торговли (за исключением 2009 г.). Это позволило ему опередить Японию и выйти в 2010 г. на второе место в мире по годовому объему ВВП, также на второе место, опередив Германию, — по объему внешнеторгового товарооборота и импорта и на первое — по объему экспорта. Поскольку темпы экономического роста США оказались существенно ниже, чем у КНР, их отрыв от Китая по годовому объему ВВП вновь существенно сократился. Появились прогнозы, согласно которым экономики двух стран количественно сравняются в 2018 г.⁵ При этом по доле в мировой переработке Китай опередил США уже в 2010 г. (соответственно 19,8 и 19,4%)⁶.

Превращение Китая в настоящую мировую фабрику не только обеспечило ему высокие темпы роста, но и предопределило нарастание зависимости экономики страны от нормального функционирования мирового хозяйства, будь то обеспечение импорта возрастающих объемов нефти, железной руды, высокотехнологичных компонентов для промышленной сборки широкой гаммы машиностроительной и электронной продукции или поддержание устойчивого крупномасштабного экспорта готовых изделий по всему миру.

Мировой финансово-экономический кризис с характерным для него заметным ростом протекционизма поставил Китай перед необходимостью твердо и последовательно отстаивать свои интересы в мировой экономике.

В связи с этим в стране заговорили о развитии глубоководного военно-морского флота (включая обретение собственного авианосца), способного защитить наиболее важные маршруты транспортировки грузов.

В экспертном сообществе КНР было сформулировано понятие «интересы развития», де-факто выводящее всю конструкцию параметров и факторов функционирования современной китайской экономики за узкие для нее пределы национальных границ.

Ускорило осмысление общей концепции государственных интересов Китая. В июле 2009 г. в ходе китайско-американского стратегического и экономического диалога член Госсовета КНР Дай Бинго впервые на официальном уровне сформулировал «коренные интересы Китая»: защита основного строя и безопасности государства; государственный суверенитет и территориальная целостность; устойчивое стабильное социально-экономическое развитие. Представитель МИД КНР Цинь Ган на пресс-конференции 13 июля 2009 г. в обобщенном виде определил коренные интересы Китая как государственный суверенитет, безопасность, территориальную целостность и обеспечение интересов развития⁷.

Уже сама по себе всеохватывающая формулировка коренных интересов КНР недвусмысленно свидетельствовала о ее трансформации из регионального в глобального международного игрока. Новый глобальный статус Китая объективно подкреплялся от-

носителем успешным прохождением им мирового экономического кризиса и увеличением вклада страны в мировой экономической рост⁸.

Переход страны в новое качество все более полно начало осознавать и ее руководство. С одной стороны, мировое сообщество стало настойчиво требовать активного включения Китая в решение таких глобальных проблем, как борьба с изменениями климата. С другой стороны, присутствие Китая как экономического тяжеловеса на многочисленных саммитах с антикризисной повесткой дня, прежде всего на встречах лидеров «двадцатки», едва ли не впервые дало Пекину возможность практического участия в так называемом «глобальном управлении» и показало, что он отныне может реально влиять на формулирование «правил игры» на мировой арене в целом. Дополнительную уверенность в своих силах Китаю придало успешное проведение летней Олимпиады в 2008 г. в Пекине и Всемирной выставки «Экспо-2010» в Шанхае.

Симптоматично, что именно «уверенность в себе, присущую великой державе», некоторые китайские эксперты ставят на первое место среди новых особенностей внешней политики КНР в послеолимпийский период. Как подчеркивает проректор Академии международных отношений Народного университета Китая профессор Чэнь Юэ, «Китай начал еще более хладнокровно, с достоинством оглашать свои стратегические представления и цели, не стремясь отныне уклониться от выражения собственных чаяний или затушевать их, а также не проявляя чрезмерной обеспокоенности реакцией внешнего мира»⁹.

Первой удачной заявкой КНР на более активную роль в мировых делах стало улучшение ее позиций в ведущих международных валютно-финансовых организациях. Доля голосов Китая во Всемирном банке была увеличена с 2,47% до 4,42%, а в Международном валютном фонде — с 3,65% до 6,07%. В обоих случаях Китай поднялся на третью позицию, уступая ныне лишь США и Японии¹⁰. Еще одним знаковым свидетельством возросшей активности Пекина явилась постановка им в мировую финансово-экономическую повестку дня вопроса об интернационализации юаня и его выходе в обозримой перспективе на роль одной из мировых резервных валют. Хотя данная идея пока реализуется преимущественно в форме растущего использования юаня в расчетах КНР со своими торговыми партнерами, тем не менее, она вызвала широкий резонанс и подкрепила претензии КНР на весомое участие в управлении мировым хозяйством. Стремясь закрепить свой статус как ответственной глобальной державы, Китай увеличил долю взноса в постоянный бюджет ООН с 2,667% в 2009 г. до 3,189% в 2010 г. и долю взноса на миротворческие операции с 3,144% до 3,939% (в сумме — до 300 млн долл.). Кроме того, с конца 2008 г. Китай неоднократно направлял военные суда к берегам Сомали для участия в патрулировании района действий морских пиратов, обеспечив безопасное прохождение акватории для трех тысяч судов¹¹.

В то же время далеко не на всех направлениях Китай располагал достаточно внятной программой дальнейших действий. Переход в лигу «богатых и сильных» произошел слишком быстро даже для самой КНР, не говоря уже об остальном мире. Возникла потребность в определенном обновлении самоидентификации страны, переосмыслении места Китая в мире и стратегии его отношений с теми или иными группами государств. Эти обстоятельства обусловили заметное присутствие во внешней политике Китая 2009–2010 гг. элементов поискового характера, отчасти объясняемое также необходимостью оперативно реагировать на динамичные изменения международной обстановки в целом и на конкретные инциденты и действия, непосредственно затрагивающие Китай.

В частности, обратило на себя внимание предложение шанхайского политолога Ян Цземьяня сделать главной опорой Китая в продвижении к статусу глобальной державы группу «новоподнимающихся государств» — на тот момент БРИК, — а не все развивающиеся страны в целом, как прежде. Ян Цземьянь полагал, что эта группа,

оформление которой сделало международную обстановку более сбалансированной, могла бы служить Китаю стратегической опорой во многих аспектах, в том числе в политике, экономике и энергетике, в реформе международной валютно-финансовой системы и в формировании международного механизма противодействия нетрадиционным угрозам безопасности¹². В прямом виде данная идея (возникшая, на наш взгляд, как альтернатива предложению ряда американских политологов о формировании «большой двойки» в составе КНР и США) поддержки не получила. Возобладало официальное мнение, что Китай еще в течение длительного времени будет входить в круг развивающихся стран, пусть в качестве крупнейшей из них¹³. Вместе с тем, в китайском экспертном сообществе закрепились идея отказа от унифицированного подхода к данной группе стран и перехода к более адресной, точной, дифференцированной политике, учитывающей особенности каждой из них. Как полагает профессор Пекинского университета Е Цзычэн, именно такой новый подход в наибольшей мере отвечает интересам Китая и позволяет превратить отношения с развивающимися государствами в активный элемент его внешнеполитической стратегии¹⁴.

Важным фактором, заметно повлиявшим на особенности внешнеполитического курса КНР последних лет, стал рост национализма в стране, сопутствовавший успехам Китая и укреплению его позиций в мире.

На практике четко разграничить естественные чувства патриотизма, гордости за свою страну и национализм довольно трудно. Возможно, именно поэтому у ряда политологов КНР есть формальные основания представить китайский национализм последних лет как рациональный, то есть «открытый, мягкий... не направленный на сдерживание других государств, мирный, а не гегемонистский»¹⁵. На наш взгляд, однако, такая характеристика явно идеализирует реальный национализм в сегодняшнем Китае.

Во-первых, спектр его носителей весьма широк и включает приверженцев достаточно радикальных взглядов — от «леваков» до части военных¹⁶.

Во-вторых, их влияние на общество, незначительное еще 10 лет назад, существенно выросло с массовым распространением Интернета. К примеру, книги приверженца национализма Ван Сяодуна стояли на полках китайских книжных магазинов еще в 2000–2001 гг., но тогда его мало кто знал, зато теперь, благодаря публикациям в сети, он известен всему Китаю и даже за рубежом¹⁷. Соответственно, круги, принимающие решения, сегодня не могут игнорировать националистические воззрения в обществе и вынуждены так или иначе принимать их во внимание¹⁸.

В-третьих, как ни парадоксально на первый взгляд, питательной средой сегодняшнего китайского национализма выступают, среди прочего, и сами официальные прогнозы и ориентиры дальнейшего укрепления мощи Китая и его позиций в мире.

В этом плане показательны сопоставление двух недавних работ китайских авторов — «У Китая нет другого выбора, кроме...» Юань Куна¹⁹ и «Китай в 2030 году — продвигаясь к всеобщей зажиточности», подготовленный группой специалистов Университета Цинхуа во главе с известным ученым Ху Аньганом²⁰.

Первая работа написана с националистических и даже мессианских позиций и ставит своей целью доказать, что Китай уже заложил основы для превращения в «первоклассную державу» и непременно сможет стать сверхдержавой, «несущей с Востока цивилизацию и процветание». Единственное, чего Китаю не хватает для превращения в ведущее государство мира — это лишь уверенности и смелости. Юань Кунь широко использует броские метафоры и сравнения, призванные подкрепить его главную идею. Показательны названия разделов его работы: «Если Китай чихнет, то весь мир заболит гриппом», «Если однажды Китай наложит санкции на Америку...», «Продажа американских облигаций — новое ядерное оружие Китая» и т.п.

Близкие к официальному мейнстриму ученые Университета Цинхуа не прибегают к бахвальству, однако, их базовый прогноз — сосредоточение в 2030 г. в Китае трети

мирового валового продукта с опережением США по этому показателю в 2,2 раза — так же, как и работа Юань Куня, фактически ориентирует развитие страны на достижение сверхдержавного статуса.

Возникает устойчивое ощущение, что авторы долгосрочных прогнозов словно не замечают присутствия на планете других стран, игнорируют наличие у них собственных интересов и целей, отличных от китайских, ставя во главу угла только свое «право на развитие». В данном контексте по-своему закономерно, что, начиная с 2009 г., Китай стал нередко оцениваться за Западе как «нация, узко ориентированная на собственные интересы и стремящаяся к максимизации своей комплексной мощи»²¹. На наш взгляд, такая характеристика несколько чрезмерна, однако нельзя не признать, что усиление националистических настроений в китайском обществе способствовало определенному ужесточению внешнеполитического инструментария Китая в 2009–2010 гг. На местном уровне готовность к решительному отпору оппонентам по собственной инициативе, без каких-либо директив центральных властей стала в тот период достаточно массовым явлением.

В обществе крепло убеждение, что Китай перерос ограничительные рамки внешнеполитических заветов Дэна Сяопина двадцатилетней давности и что ему следует перестать «скрывать свои возможности» и перейти к самым активным действиям на международной арене, особенно при защите собственных интересов.

Во многом именно в таком ключе оказалось выдержано поведение Китая в ряде получивших заметный международный резонанс конфликтных ситуаций 2009–2010 гг.

«Точкой отсчета» здесь стал август 2008 г. Он ознаменовался двумя примечательными событиями. Во-первых, это успехи Китая на летних Олимпийских играх в Пекине, которые существенно повысили самооценку страны. Во-вторых, российско-грузинские боевые действия, последовавшие за попыткой Тбилиси силой восстановить контроль над Южной Осетией. То обстоятельство, что США не оказали эффективной поддержки своему союзнику Грузии, было расценено в Пекине как недвусмысленное доказательство ослабления их мощи.

Одним из первых практических эпизодов, продемонстрировавших готовность Пекина действовать жестче, чем раньше, стал инцидент с американским судном акустической разведки «Импекабл» (“Impressable” — «Безупречный») в 75 милях к югу от Хайнаня. 9 марта 2009 г. китайская сторона силами пяти судов различной ведомственной принадлежности попыталась физически воспрепятствовать плаванию этого американского корабля в экономической зоне КНР. Ранее в ответ на аналогичную рутинную разведывательную деятельность судов США подобные действия не предпринимались.

Одной из «фоновых» причин инцидента стало различное толкование в Китае и США ряда положений Конвенции ООН по морскому праву. Как полагает китайская сторона, запрет конвенции на разведывательную деятельность в территориальных водах должен распространяться и на эксклюзивную экономическую зону. Американская сторона отстаивает принцип полной свободы мореплавания и ведения разведывательной деятельности в этой зоне. США выразили протест, охарактеризовав действия китайских судов в отношении американского судна как нарушение требований международного права о соблюдении прав и безопасности всех пользователей моря. Китайская сторона, в свою очередь, отвергла этот протест как «несостоятельный»²².

Вместе с тем, нельзя не увидеть прямой связи между временем инцидента и приходом к власти в США новой администрации во главе с Б. Обамой. По логике вещей китайское руководство было абсолютно не заинтересовано в каком-либо осложнении отношений с новой американской администрацией в период между только что состоявшимся визитом в Пекин госсекретаря Х. Клинтон (20–22 февраля) и намечавшейся на 1 апреля 2009 г. первой встречей Ху Цзиньтао с Б. Обамой на полях саммита «группы два-

дцати» в Лондоне. Поэтому некоторые американские политологи охарактеризовали инцидент с «Импекабл» как предпринятую без согласования с центром сугубо местную инициативу, ставшую, тем не менее, «индикатором агрессивной манеры поведения Китая, особенно в Южно-Китайском море»²³.

Китайские аналитики, в свою очередь, увязали инцидент со стремлением военных кругов в США напомнить Б. Обаме об усилении Китая на морях и в целом затруднить задуманное новым президентом «стратегическое сближение» с Пекином²⁴.

Похожее мнение, только с возложением ответственности на китайских моряков, высказал М. Чэйз из военно-морского колледжа в Ньюпорте. Он напомнил, что инцидент 9 марта не был изолированным эпизодом: до этого, 4 и 5 марта, китайские суда чинили помехи плаванию другого американского разведывательного корабля — «Викториоус» — в двухстах километрах от берега в Желтом море²⁵.

Формально инцидент с «Импекабл» был быстро урегулирован — то ли после вмешательства центрального китайского руководства, то ли после согласия Б. Обамы на отправку в акваторию ракетного эсминца для защиты разведывательного судна на время его плавания в регионе.

Однако на китайское и американское восприятие политики другой стороны в Восточной Азии данный эпизод определенное влияние оказал.

Серьезные метаморфозы претерпела в 2009–2010 гг. политика Пекина по отношению к КНДР.

К началу 2009 г. в Китае накопилось заметное раздражение по отношению к Пхеньяну, тормозившему возобновление шестисторонних переговоров по денуклеаризации Корейского полуострова, в которых Пекин не без оснований претендовал на роль «первой скрипки». Издаваемый под эгидой МИД КНР журнал «Шицзе чжиши» («Знания о мире») констатировал, что благодаря «ловкому ведению дел» с администрацией Дж. Буша северо-корейская дипломатия, используя шесть лет шестисторонних переговоров, получила все желаемое: взорвала ядерный заряд, объявила КНДР ядерной страной, да к тому же получила значительную помощь нефтью с продовольствием... «Америка же в этот период лишь потеряла время и деньги, не получив ничего»²⁶.

Испытание Пхеньяном 5 апреля 2009 г. ракеты-носителя, будто бы выведшей на околоземную орбиту спутник связи, было расценено Советом Безопасности ООН как нарушение его резолюции № 1718 от 14 октября 2006 г. (в частности, требовавшей от КНДР не проводить новых ядерных испытаний или пусков баллистических ракет). В заявлении председателя Совета Безопасности содержалось требование к Пхеньяну не заниматься впредь запуском ракет. Северокорейская сторона отвергла его, заявила о выходе КНДР из шестисторонних переговоров и объявила о решении восстановить ядерные объекты, ранее выведенные из функционального состояния²⁷.

Китаю пришлось в срочном порядке определяться со своей позицией по КНДР — как относительно ее конкретных акций, так и в более долгосрочном стратегическом плане. В официальных и экспертных кругах развернулась серьезная дискуссия по этой проблеме, частично просочившаяся в СМИ. Наиболее критичная по отношению к КНДР позиция была сформулирована в статье Цай Цзяня, опубликованной в «Шицзе чжиши» 1 мая 2009 г.²⁸ В ней предельно четко указывалось, что «Китай не рассчитывает на превращение Северной Кореи в государство, обладающее ядерным оружием», поскольку иное нанесло бы серьезный ущерб коренным интересам КНР, создав существенные ограничения или даже угрозу для их реализации. Попытки КНДР создать ядерное оружие были осуждены как «крайне авантюрные» действия.

Кроме того, в статье содержался прозрачный намек на возможность снижения уровня отношений Пекина с Пхеньяном ради улучшения отношений Китая с США. Впервые, было отмечено, что «из всех проблем Корейского полуострова наибольшее совпадение позиций между Китаем и США наблюдается по его денуклеаризации». Во-

вторых, было заявлено, что «в долгосрочном плане проблема ядерной КНДР не является конфликтной проблемой в отношениях между нею и США. Это — проблема соотношения глобальной стратегии Китая и стратегии США в Азиатско-Тихоокеанском регионе». В связи с этим, делал вывод Цай Цзянь, особого внимания требует выстраивание баланса между китайско-северокорейскими и китайско-американскими отношениями.

Второе подземное ядерное испытание, проведенное Пхеньяном 25 мая 2009 г. (первое — в октябре 2006 г.), явно превысило пределы терпения Пекина, который присоединился к резолюции СБ ООН № 1874 от 12 июня 2009 г., строго осудившей данную акцию КНДР. При этом в период подготовки резолюции — 3 июня — ядерную проблему Кореи по телефону обсудили лидеры КНР и США²⁹.

По мнению американского эксперта из вашингтонского Центра стратегических и международных исследований Бонни Глэйзер, необычно резкая официальная реакция Пекина на ядерное испытание в КНДР объяснялась следующим обстоятельством: раньше в Китае полагали, что ядерная программа Пхеньяна выступает для него лишь средством размена на нормализацию отношений с США, однако после 25 мая стало ясно, что ядерный статус — это подлинная цель Пхеньяна³⁰.

В целом в июне — июле 2009 г. создавалось впечатление, особенно в США, что Китай как никогда близок к тому, чтобы присоединиться к «единому фронту» тотального давления на КНДР в составе США, Японии и Республики Корея. Этого, однако, не произошло. Китай перестал втягиваться в чужую игру с непредсказуемыми для него последствиями и постепенно реанимировал особые отношения с КНДР, сочтя их более эффективными для сохранения статус-кво на полуострове. Благо для этого были подходящие поводы — 60-летие установления дипломатических отношений и ранее сделанное объявление 2009 года «Годом дружбы КНР и КНДР».

В сентябре 2009 г. Пхеньян в статусе специального представителя Ху Цзиньтао посетил член Госсовета КНР Дай Бинго, а в октябре — премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао, подтвердивший курс Пекина на сохранение традиционной дружбы и сотрудничества с КНДР.

Резко изменился тон публикаций о КНДР в китайской печати, включая «Шицзе чжиши». Теперь подчеркивалось, что внутренняя стабильность в стране является предпосылкой решения ядерной проблемы КНДР путем диалога, что она соответствует интересам всех соседних государств, которым адресовался призыв «не оказывать на Пхеньян чрезмерного давления». Отмечалась необходимость видеть ошибки не только северокорейской, но и американской стороны³¹.

Очевидное изменение собственной позиции в Китае объясняли стремлением помочь Пхеньяну выйти из международной изоляции, необходимостью обеспечить стабильность на Корейском полуострове и вернуть КНДР «на рельсы диалога о решении ядерной проблемы». Смягчение позиции Пекина по КНДР было, как признают китайские политологи, критически воспринято частью международного общественного мнения³².

Вскоре «градус критичности» стал заметно расти. Резкое обострение межкорейских отношений в 2010 г., спровоцированное подрывом южнокорейского корвета «Чхонан» и обстрелом северянами острова Ёнпхёндо, находящегося под юрисдикцией Сеула, обнажило принципиальное различие подходов Китая и Запада к КНДР и к путям урегулирования ситуации на Корейском полуострове. Китай, руководствуясь собственными интересами, не поддержал возложение ответственности за случившееся исключительно на Пхеньян, активизировал политические контакты с ним и увеличил экономическое содействие КНДР. В связи с этим американские политологи обвинили Пекин в ослаблении взаимодействия с Западом в деле урегулирования проблем Корейского полуострова³³.

Осложнились и отношения Китая с Японией, которые после ухода в отставку правительства Дз. Коидзуми развивались в целом в позитивном ключе: состоялся обмен визитами лидеров двух стран, были развернуты китайско-японские стратегический и

экономический диалог, наметилась активизация двусторонних контактов в оборонной сфере³⁴. Однако задержание 8 сентября 2010 г. японской стороной экипажа и арест капитана рыболовецкого судна КНР за «незаконный лов рыбы» в оспариваемом двумя странами районе островов Дяоюйдао (Сэнкаку) вызвали необычно резкую реакцию Пекина. Китай немедленно объявил об отсрочке переговоров об увеличении числа авиарейсов между двумя странами и о прекращении обменов визитами официальных лиц на уровне администрации провинций и выше. Вопрос с освобождением китайского капитана был решен только после того, как 21 сентября этого потребовал премьер Вэнь Цзябао, находившийся в Нью-Йорке и пригрозивший серьезными последствиями для японской стороны за ее незаконные действия. Одним из таких последствий стало прекращение Китаем экспорта в Японию редкоземельных элементов, используемых для производства широкой гаммы электронных изделий.

Как полагают китайские политологи, жесткое поведение обеих сторон свидетельствует об усилении конкуренции между Китаем и Японией за обеспечение своей безопасности на морях и за морские ресурсы. Особенно неприятным для Китая последствием инцидента стало укрепление американо-японского союза, существенно ухудшившее общую ситуацию с обеспечением безопасности в регионе³⁵.

В 2009–2010 гг. заметно обострились споры между Китаем и рядом стран Юго-Восточной Азии, прежде всего Филиппинами, Вьетнамом и отчасти Малайзией, по вопросу о суверенитете над островами, разграничении шельфа и водной акватории в Южно-Китайском море.

После одобрения в 2002 г. КНР, Филиппинами и Вьетнамом Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море, зафиксировавшей ориентацию стран на решение спорных проблем путем мирных переговоров и их обязательство воздерживаться от угроз и враждебных действий, страсти вокруг этой чрезвычайно сложной проблемы на какое-то время улеглись

Ситуацию, однако, удалось «законсервировать» ненадолго. В связи с приближавшимся окончанием срока моратория на подачу заявок на участки шельфа вокруг островов, который был предусмотрен Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г., в мае 2009 г. Вьетнам и Филиппины активизировали действия по закреплению де-факто своего суверенитета над островами, находящимися под их контролем. Дополнительную остроту ситуации придали данные геологоразведки о существенном потенциале нефтедобычи в районе Южно-Китайского моря.

2 февраля 2009 г. Палата представителей парламента Филиппин приняла закон «Об определении основной линии Филиппинского архипелага», в соответствии с которым группа островов архипелага Наньша (Спратли), именуемая Манилой «архипелаг Калайаан», оказывалась в пределах основной морской границы Филиппин. 10 марта закон был утвержден президентом Филиппин. 6 мая Вьетнам и Малайзия внесли в ООН совместный проект разграничения шельфа в Южно-Китайском море за пределами двухсотмильной эксклюзивной экономической зоны.

Постоянный представитель Китая в ООН на следующий день передал Генеральному секретарю организации Пан Ги Муну ноту с адресованным комиссии ООН по разграничению морского шельфа требованием не рассматривать проект Вьетнама и Малайзии³⁶. Тогда же, по свидетельству некоторых экспертов, в комиссию ООН была представлена известная китайская карта с U-образным абрисом морской границы Китая в Южно-Китайском море, оставлявшим за ним 80% акватории³⁷. 8 мая Вьетнам вновь подал в комиссию ООН прежний проект, на сей раз индивидуально. Последовал взаимный обмен протестами между Пекином и Ханоем.

«Масла в огонь» добавило заявление госсекретаря США Х. Клинтон о «возвращении США в Азию», сделанное 22 июля на острове Пхукет в Таиланде в ходе заседания Азиатского регионального форума. Обострение конфликта в Южно-Китайском море

создало «режим наибольшего благоприятствования» для вмешательства США в ситуацию под предлогом «защиты свободы мореплавания». Кроме того, США фактически открыто предложили странам АСЕАН, как претендовавшим на какие-либо острова Южно-Китайского моря, так и просто опасавшимся возросшей мощи и напористости Китая, активизацию связей с Вашингтоном, особенно в военной сфере, в качестве своеобразной страховки от рисков. «Хеджирование» на основе противодействия Китаю, которое всего несколько лет назад рассматривалось как чисто гипотетическое, с 2009 г. в регионе Южно-Китайского моря стало реальностью.

В 2010 г. ситуацию еще более обострили широко распространившиеся слухи о включении проблемы суверенитета над островами Южно-Китайского моря в перечень «коренных интересов Китая».

Некоторые зарубежные эксперты говорят об этом как о свершившемся факте³⁸, но это не совсем так. Вопрос активно обсуждался в КНР, причем на Интернет-форуме «Сильное государство» («Цянго лунтань») за такое включение высказалось свыше 90% принявших участие в соответствующем голосовании. Однако в прямой форме этого официально сделано не было. Тем не менее, как констатировали китайские политологи, «в конце 2010 г. поветрие включения вопроса о Южном мире в перечень коренных интересов нанесло ущерб и удар по образу Китая как ответственной державы»³⁹.

Пожалуй, именно конфронтация в Южно-Китайском море в наибольшей степени, по сравнению с другими конфликтами, усилила у части международного сообщества сомнения в желании окрепшего Китая сохранять и впредь приверженность политике добрососедства. Да и в целом повышенная напористость 2009–2010 гг. принесла Пекину мало дивидендов. Более того, международная среда существования Китая усложнилась.

Критически анализируя этот период внешней политики КНР постфактум, некоторые китайские политологи пришли к выводу, что переоценка мощи страны, наступательный стиль поведения в международных отношениях и рост националистических настроений ведут «к углублению недопонимания Китая внешним миром, негативно влияя на эффективность внешней политики и вредят его государственным интересам»⁴⁰.

С конца 2010 г. китайское руководство стало вносить заметные коррективы во внешнеполитический курс, призванные показать неизменную приверженность Пекина линии на сугубо мирное развитие, добрососедство, обоюдный выигрыш, решение любых спорных проблем путем диалога.

Одним из первых сигналов стала статья члена Госсовета КНР Дай Бинго, которая была размещена на сайте МИД КНР 6 декабря 2010 г., а затем опубликована во многих изданиях, в том числе за рубежом. Дай Бинго заверил потенциально огромную аудиторию своих читателей в отсутствии у КНР каких-либо тайных амбиций, скрытой повестки дня, намерений добиваться гегемонии, в ее приверженности пути мирного развития «в течение следующих ста и даже тысячи лет». Дай Бинго призвал мировое сообщество приветствовать мирное развитие Китая, а не бояться его, помогать ему и поддерживать его, а не пытаться подрывать и сдерживать соответствующие усилия КНР.

Одновременно международному сообществу было адресовано требование «понимать и уважать законные интересы и озабоченности Китая в ходе осуществления его мирного развития». Особо было подчеркнуто, что не может быть выбран такой путь развития, который наносил бы ущерб коренным национальным интересам. В их число Дай Бинго включил сохранение действующей политической системы (включая руководство КПК и социалистический путь развития), суверенитет, территориальную целостность, достижение национального единства и обеспечение основных гарантий устойчивого экономического развития⁴¹.

Основные идеи статьи Дай Бинго были закреплены и развиты в Белой книге Госсовета КНР «Мирное развитие Китая», датированной 6 сентября 2011 г. В специальном разделе Белой книги, характеризующем внешнюю политику Китая, ее целями

были провозглашены: содействие строительству гармоничного мира; следование самостоятельным курсом, базирующимся на пяти принципах мирного сосуществования; содействие новому подходу к обеспечению безопасности, основанному на взаимном доверии, взаимной выгоде, равенстве и координации; несение подобающей международной ответственности; ориентация на региональное сотрудничество и добрососедство. Как и в статье Дай Бинго, в заключительном разделе документа выражалась надежда, что международное сообщество поверит в искренность китайского народа и в его решимость следовать мирным путем развития и будет содействовать этому курсу, а не препятствовать ему⁴².

В китайских СМИ появились многочисленные публикации, доказывающие, что внешнеполитические заветы Дэн Сяопина, призывавшего Китай к осторожному, осмотрительному поведению в мировых делах, являются долгосрочным ориентиром для страны, а вовсе не какой-то вынужденной тактической уловкой, от которой пришла пора отказаться. Как подчеркнул известный китайский дипломат, бывший посол КНР во Франции У Цзяньминь, следование заветам Дэн Сяопина и, в частности, его ключевому призыву «не выставлять напоказ свои таланты» нацелено на то, чтобы и в перспективе сохранить Китаю возможности для развития и сотрудничества, не дать поломать этот курс.

У Цзяньминь подверг критике приверженцев перехода к более наступательным методам во внешней политике КНР, особенно при решении тех или иных споров с зарубежными странами. «Они, — подчеркнул У, — забыли, что эпоха изменилась, и тот, кто провоцирует войну, утратит симпатии, окажется в пассивном положении и изоляции»⁴³. Быстро меняющаяся международная обстановка, отметил президент Китайского общества народной дипломатии Ян Вэньчан, требует от Китая «хладнокровного наблюдения», только таким образом можно будет выявить реальные тенденции эпохи⁴⁴.

В КНР участились публикации статей дипломатов высшего звена, подробно разъясняющие современный внешнеполитический курс страны.

С конца 2010 г. для разъяснения приверженности Китая пути мирного развития в ведущие зарубежные государства были направлены группы высокопоставленных отставных китайских дипломатов, проводивших беседы и дискуссии с экспертами и официальными лицами США, Канады, России, Казахстана, Индии, Франции и т.д.

Определенные коррективы начали вноситься и в практику.

Был взят долгосрочный курс на утверждение в мире достойного, благоприятного образа Китая, «призванного отразить миролюбие страны, ее ответственность перед международным сообществом и приверженность общему развитию»⁴⁵. Реализация этой цели видится, прежде всего, в повышении привлекательности китайской культуры за рубежом и в укреплении международного культурного влияния Китая. В то же время, некоторые зарубежные эксперты считают самым слабым местом «мягкой силы» Китая не культурную сферу, а политические институты и дипломатию (в плане их позитивного восприятия в мире)⁴⁶. В данном контексте вполне естественно, что в КНР после увлечения в предшествующий период общей концепцией «мягкой силы» делают следующий шаг, начав углубленное осмысление концепции «умной», или «умелой» силы (smart power)⁴⁷.

Корректируемый внешнеполитический курс КНР сохраняет глобальный характер. По-прежнему заметное место в нем уделяется Африке, выступающей и «демонстрационной витриной» эффективности китайской помощи, и в качестве источника нефти, минерального сырья и дополнительных сельхозугодий, а также в связи с «арабской весной», непосредственно затронувшей, как минимум, экономические интересы Пекина. Глобальное измерение международной деятельности Китая проявляется также в его растущей активности в Арктике (на эту тему в КНР уже опубликованы первые монографии) и в Антарктике, хотя, по оценке западных политологов, «здесь Китай пока являет собой среднюю державу, обладающую устремлениями большой державы»⁴⁸.

Несмотря на регулярные контакты высших должностных лиц КНР с функционерами Европейского Союза и входящих в него стран, складывается ощущение некоторого снижения политической активности Пекина на европейском направлении. Это можно объяснить выжидательной позицией Китая в условиях незавершенности развития ситуации с европейским долговым кризисом. Играет свою роль и то обстоятельство, что Европейский Союз, добиваясь весомого содействия Китая в решении своих финансовых проблем, уклоняется от удовлетворения встречных запросов о признании КНР рыночной экономикой и отмене эмбарго на продажу ей военной техники.

В то же время в региональных направлениях внешней политики Пекина усилилось приоритетное место прилегающих к Китаю государств и субрегионов Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. Именно соседний пояс остается основной зоной проецирования и реализации государственных интересов КНР на международной арене, и именно здесь в наибольшей мере оказались сфокусированы разного рода трения и недопонимания, вызванные напористыми действиями Пекина в 2009–2010 гг. «Китай. — констатировали в начале 2012 г. китайские СМИ, — должен, прежде всего, наладить отношения с соседями»⁴⁹.

Наметилось улучшение отношений с Японией. Состоялся визит в КНР нового премьер-министра Японии Есихико Нода, достигнута договоренность об использовании национальных валют во взаимной торговле и инновационных сделках, возобновлены усилия по углублению экономической интеграции в «треугольнике» Китай — Япония — Республика Корея. Президент последней Ли Мен Бак также посетил КНР, положив конец определенному охлаждению политических отношений двух стран из-за различий в оценке причин напряженности на Корейском полуострове.

Политическая и экономическая поддержка Китая способствовала сохранению стабильности в КНДР после внезапной кончины Ким Чен Ира. Пекин прилагает активные усилия по возобновлению шестисторонних переговоров по урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова.

Предприняты шаги по «ремонту» отношений с Индией, в которых в 2009–2010 гг. явно накапливалась скрытая напряженность, порожденная взаимными подозрениями двух держав по поводу неких попыток «окружить» друг друга и неуступчивостью в решении пограничной проблемы⁵⁰. В сентябре 2011 г. в Пекине был проведен первый раунд китайско-индийского стратегического экономического диалога. 17 января 2012 г. в Дели подписано двустороннее межправительственное соглашение о создании консультативно-координационного механизма по делам пограничных территорий. Оно нацелено на укрепление сотрудничества Китая и Индии в обеспечении мира и спокойствия на пограничных территориях двух стран.

Несколько по иному развивалась ситуация в Южно-Китайском море. До середины 2011 г. Китай продолжал наращивать здесь давление. 26 мая три китайских корабля заблокировали принадлежавшее вьетнамской государственной нефтегазовой компании судно «Биньминь 02», которое «вело сейсмическую разведку на континентальном шельфе и в эксклюзивной экономической зоне Вьетнама». Подводный кабель вьетнамского судна был перерезан, чего, как утверждали в Ханое, нельзя сделать без специального оборудования⁵¹. Однако поскольку ни Пекин, ни Ханой не были заинтересованы в нагнетании страстей и ухудшении двусторонних отношений, в октябре 2011 г. в ходе визита в КНР лидера компартии Вьетнама Нгуен Фу Чонга сторонам удалось достичь компромисса и выйти на подписание «Соглашения о базисных руководящих принципах урегулирования морских проблем между КНР и СРВ». В нем Китай и Вьетнам обязались гарантировать мир и стабильность в Южно-Китайском море до окончательного решения спорных проблем и не предпринимать действий, способных осложнить ситуацию⁵².

По-другому сложился спор Китая с Филиппинами. В конце августа 2011 г. в ходе визита в КНР президента Беннигно Акино стороны обменялись мнениями о конфликте в

Южно-Китайском море, но к сближению позиций не пришли, согласившись лишь, что данный конфликт не должен сказываться на «более широкой картине дружбы и сотрудничества между двумя странами»⁵³. Однако уже вскоре активное участие Филиппин в военных маневрах с США, призывы Манилы к странам АСЕАН организовать общий фронт противодействия Китаю и настойчивая дефиниция прилегающей с запада к архипелагу части акватории как «Западно-Филиппинского моря» вызвали в Пекине сильное раздражение, за которым последовал призыв «наказать Филиппины», причем достаточно сильно, чтобы «отбить у некоторых наций охоту присоединяться к США для сдерживания Китая»⁵⁴.

В разгар споров с Филиппинами и накануне Восточно-Азиатского саммита, в повестку дня которого США пытались продвинуть обсуждение ситуации в Южно-Китайском море, Министерство иностранных дел КНР обнародовало Белую книгу о результатах сотрудничества Китая с АСЕАН в период 1991–2011 гг. Главная цель документа состояла в том, чтобы, показав широкую панораму и высокую динамику развития двустороннего сотрудничества в самых разных сферах в предшествующее двадцатилетие, уверить государства региона в стремлении Китая всегда быть их «хорошим другом, хорошим соседом и хорошим партнером»⁵⁵. В параллельных материалах ведущих китайских СМИ выражалась надежда, что «большинство членов АСЕАН не попадет в ловушку споров о Южно-Китайском море, которые должны быть решены через двусторонние диалоги заинтересованных стран»⁵⁶.

К началу 2012 г. напряжение в зоне Южно-Китайского моря несколько спало. 14 января 2012 г. в Пекине прошло совещание Китая и стран АСЕАН о реализации «Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море» в контексте отмечаемого в этом году десятилетия со времени ее принятия. На совещании была зафиксирована заинтересованность вовлеченных стран «в продвижении делового сотрудничества» и «обеспечении мира и стабильности» в этой акватории⁵⁷.

Разумеется, споры по Южно-Китайскому морю лишь несколько приутихли, но не прекратились. Принимая во внимание серьезные сложности с продвижением максимальной позиции Китая и отсутствие достаточной поддержки ее в международном сообществе, китайские эксперты начали прорабатывать резервные варианты. Один из них состоит в том, чтобы сосредоточиться на отстаивании суверенитета над островами Сиша и Наньша (Парасельскими и Спратли), сделав уступку по вопросу о контроле над самим морем⁵⁸. 29 февраля 2012 г. официальный представитель МИД КНР Хун Лэй заявил, что «никакая страна, включая Китай, не требует установления своего суверенитета над всем Южно-Китайским морем».

Впрочем, в Китае раздаются и единичные радикальные призывы — «не ставить под угрозу дело возрождения страны, пойдя на неадекватное поведение в Южно-Китайском море». По мнению полковника Цяо Ляна, потенциальные выгоды Китая от полного контроля за Южно-Китайским морем несопоставимо меньше, чем выигрыш для дела модернизации, уже полученный им от сотрудничества с внешним миром. В целом, полагает он, «возвышение Китая требует стратегической мудрости и стратегического терпения»⁵⁹.

В двусторонних отношениях Китая с отдельными странами усилился приоритетный характер отношений с США. Одна из главных целей нынешней корректировки внешнеполитического курса Пекина состоит в том, чтобы снизить антикитайскую направленность международной политики Вашингтона в целом и особенно декларированной им стратегии «возвращения в Азию», улучшив тем самым общую внешнюю среду развития КНР.

По свидетельству известного американского политолога-китаеведа Д. Шамбо, на ежегодной конференции Китайского общества международных отношений в Ланьчжоу в

2010 г. на первое место была поставлена рекомендация «не вступать в конфронтацию с Америкой»⁶⁰.

Значительно скромнее стало оцениваться соотношение сил двух стран. Как констатировал директор Департамента планирования МИД КНР Лэ Юйчэн, «в ближайшие 20–30 лет никто не сможет стать равным соперником США»⁶¹.

Оптимальный для Китая вариант отношений с США нашел отражение в Совместном китайско-американском заявлении, подписанном 19 января 2011 г. в ходе официального визита Ху Цзиньтао в Америку. основополагающее значение для позитивного развития двусторонних связей призвано иметь положение о том, что «США... приветствуют сильный, процветающий и успешный Китай, играющий большую роль в мировых делах. Китай приветствует Соединенные Штаты как Азиатско-Тихоокеанскую нацию, вносящую вклад в мир, стабильность и процветание региона». Была декларирована приверженность Китая и США строительству «партнерства, основанного на взаимном уважении и обоюдном выигрыше»⁶².

Примерно с этого момента в китайском подходе к США возникает своего рода раздвоение: на официальном уровне доминирует чрезвычайно осторожная позиция, отношения с Вашингтоном неизменно характеризуются как «в основном хорошие», «здоровые». В то же время, в экспертном сообществе нередко высказывались весьма жесткие оценки политики США, особенно их «возвращения в Азию» и присоединения к Транстихоокеанскому партнерству.

Лишь на рубеже 2011–2012 гг. официальные и экспертные оценки сблизилась, возможно, в преддверии визита в США Си Цзиньпина, который состоялся в феврале 2012 г. Так, директор Института США Китайской академии современных международных отношений Юань Пэн на годичной конференции по итогам внешней политики Китая в 2011 г. признал, что перемещение стратегического центра тяжести глобальной политики США в АТР «не полностью обусловлено Китаем и направлено против него»⁶³. Именно такую точку зрения отстаивают американские эксперты, без устали напоминающие, что растущую важность Азии и АТР для национальных интересов США подчеркивали все четыре последних президента страны, начиная с Дж. Буша-старшего, и этот курс не был порожден возвышением Китая⁶⁴.

В любом случае, однако, процесс взаимной адаптации, поиска устраивающего и Китай, и США формата отношений на обозримую перспективу еще далеко не завершен.

Отношения с Россией сохраняют для Китая первостепенное значение с точки зрения обеспечения национальной безопасности, поскольку стратегическое партнерство и равноправное взаимодействие с ней, скрепленное двусторонним Договором 2001 г. о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, служит гарантией от каких бы то ни было попыток окружить КНР по периметру границ. Выступая 4 февраля 2012 г. в Мюнхене на конференции по вопросам безопасности, министр иностранных дел РФ С.В. Лавров заявил: «Мы не будем участвовать в конструкциях, имеющих целью сдерживание Китая, который является нашим добрым соседом и стратегическим партнером»⁶⁵.

Вето, дважды налагавшееся Китаем и Россией при голосовании в Совете Безопасности ООН по односторонним, несбалансированным проектам резолюций по Сирии, свидетельствует о сходстве самой философии видения Пекином и Москвой особенностей современной международной жизни.

Весьма динамично в 2011 г. росла двусторонняя торговля, объем которой достиг 79,25 млрд долл. по данным китайской таможенной статистики и 83,5 млрд долл. по данным российской таможни.

Разумеется, существенное повышение роли и общая активизация Китая в мировой политике и экономике ставят перед Россией новые проблемы и задачи — как в двустороннем сотрудничестве, так и во взаимодействии в различных форматах и сферах на международной арене. Однако при наличии общего настроения Москвы и Пекина на даль-

нейшее углубление равноправного партнерства и стратегического взаимодействия все они, безусловно, решаемы. Возможно, главное здесь — последовательно углублять взаимное доверие, формировать у населения, экспертного сообщества, бизнеса, политической элиты России и Китая устойчиво позитивный образ страны-партнера.

* * *

Дискуссии относительно новых моментов во внешней политике КНР и вариантов ее дальнейшей эволюции продолжаются и в самой стране, и в остальном мире. Можно предположить, что своего рода черту под ними на какое-то время подведет внешнеполитическая платформа XVIII съезда правящей Коммунистической партии Китая, намеченного на осень 2012 г.

1. A Special report on China's place in the World. "Less biding and hiding: China is becoming more nationalistic and more assertive"; "The Danger of Rising China: China and America are bound to be rivals, but they do not have to be antagonists" // *Economist*. 2010. 2 Dec.
2. *Shambaugh D.* Coping with a Conflicted China // *The Washington Quarterly*. 2011. Vol. 34, No. 1, Winter. P. 7.
3. См., например: *Christensen Th.* The Advantages of Assertive China. Responding to Beijing's Abrasive Diplomacy // *Foreign Affairs*. 2011. March—April; *Bisley N.* Biding and Hiding No Longer: A More Assertive China Rattles the Region // *Global Asia*. Seoul, 2011. Vol. 6, No. 4, Winter.
4. *Мао Чжунгэнь, Хун Тао.* Цун шэньчань даго дао сяофэй даго: сянь чжуан, цзичжи юй чжэнцэ [От державы производящей к державе потребляющей: современное состояние, механизм и политика] // Синьхуа вэньчжай. Пекин, 2011, № 19. С. 54.
5. *Economist*. London., 2011. 31 Dec. Со ссылкой на исследование Pew Research Center.
6. *Мао Чжунгэнь, Хун Тао.* Указ. соч. С. 53.
7. Лишисни тупо: Чжунго шоуцы цзедин хэсинь гоцзя лии [Исторический прорыв: Китай впервые определил коренные государственные интересы] // Шицзе чжиши. Пекин, 2011. № 19. С. 20.
8. Расчеты по данным Международного валютного фонда позволяют оценить вклад прироста ВВП в Китае в прирост мирового валового продукта (в долларах США, в текущих ценах) за три последних года (2009–2011 гг.) в 19,7%.
9. *Чэнь Юэ.* Даныцянь Чжунго вайцзяо дэ синь цзоусян хэ синь тэдянь [Новые ориентиры и особенности китайской внешней политики в настоящее время]. // Чжунго вайцзяо. Пекин, 2011, № 10. С. 4. Первоначально статья опубликована в журн. «Цзилинь дасюэ шэхуй кэсюэ сюэбао» (Чанчунь. 2011. № 3. С. 25–29).
10. *Ляован.* Пекин, 2011. № 37. С. 27.
11. *Чэнь Юэ.* Указ. соч. С. 4.
12. *Ян Цзэмянь.* Лунь «сыши шюньти» хэ гоцзи лилян чунцзу дэ шидай тэдянь [Размышления о «четырёх группах» и современных особенностях реструктуризации международных сил]. // Шицзе цзинши юй чжэнчжи. Пекин, 2010. № 3. С. 4, 11–12.
13. Чжунго цзай сяндан чан шици нэй жэн цзян ши фачжанычжун гоцзя [Китай в течение сравнительно длинного периода времени по-прежнему останется развивающимся государством]. // Цюши. Пекин, 2010. № 12. С. 42–44.
14. См.: *Е Цзычэн.* 2011 нянь Чжунго вайцзяо: Даго вайцзяо цзин шоу каоянь дэ и нянь [Внешняя политика Китая 2011: год испытаний для дипломатии державы]. // Цзюйлунь шан дэ Чжунго — данцянь гоцзи гоней чжундэ синши фэньси: 2010–2011 няньду баогао [Китай у колеса истории — макроанализ современной международной и внутренней обстановки. Годовой доклад за 2010–2011 гг.] / Цинь Чаоинь (гл. ред.). Пекин: Чжунго фачжаны чубаньшэ, 2011. С. 109–111.
15. *Чэнь Юэ.* Указ. соч. С. 5.
16. См.: *Бергер Я.* Эволюция геополитических взглядов в Китае // *Пробл. Дальнего Востока*. 2010. № 4. С. 23–37; *Shambaugh D.* Coping With a Conflicted China // *The Washington Quarterly*. 2011. Winter. P. 7–27.
17. Взгляды Ван Сяодуна подробно изложены в ст.: *Габуев А.* Китайские националисты: штрихи к интеллектуальному портрету Ван Сяодуна // *Пробл. Дальнего Востока*. 2010. № 3. С. 78–95.

18. Как отметила Линда Якобсен в работе «Новые акторы во внешней политике Китая», во многих интервью западных ученых с экспертами и официальными лицами КНР «сетевики» (netizens), т.е. люди, высказывающие свое мнение или участвующие в дискуссиях в Интернете, были охарактеризованы как «новая группа давления, оказывающая косвенное, но все более осязаемое влияние на формулирование внешней политики» (*Jakobson L., Knox D. New Foreign Policy Actors in China // SIPRI Policy Paper. Stockholm. 2010. № 26. Sept. P. 44.* Л. Якобсен в течение ряда лет представляла в Пекине Стокгольмский международный институт исследования проблем мира).
19. Юань Кунь. Чжунго бе у сюаньцзэ [У Китая нет другого выбора, кроме]. Пекин: Чжунъян бяньцзэ чубаньшэ, 2010. Для более точного понимания заголовка он приведен на обложке книги и в англоязычном варианте: «China has no alternative but...»
20. Ху Аньган, Янь Илун, Вэй Сун. 2030 Чжунго майсян гунгун фуюй [Китай 2030 — к всеобщей зажиточности]. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2011. С. 30.
21. *Shambaugh D. Coping with a Conflicted China. P. 24/*
22. [http://en.wikipedia.org/wiki/USNS_Impeccable_\(T-AGOS-23\)](http://en.wikipedia.org/wiki/USNS_Impeccable_(T-AGOS-23))
23. *McVadon E. The Reckless and the Resolute: Confrontation in the South China Sea // China Security. Washington, 2009. Vol. 5, No. 2. P. 3–17. Цитата — P. 7.*
24. 2010 Чжунго гоцзи дивэй баогао [Доклад о международном статусе Китая 2010]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2010. С. 261.
25. *Chase M. Chinese Suspicion and US Intentions // Survival. Washington, 2011. Vol. 53, No. 3, June—July. P. 133–150.*
26. Чжан Ляньгуй. Чаосянь баньдао чуюй «чжаньчжэнь бяньюань»? [Корейский полуостров: «на грани войны»?] // Шицзе чжиши. Пекин, 2009. № 5. С. 14–23. Цитата — С. 23.
27. 2010 Чжунго гоцзи дивэй баогао. С. 277.
28. Цай Цзянь. Чао гай вэйцзи цзайци Чжунго жухэ индуй [Новое обострение ядерного кризиса в Северной Корее. Как должен противодействовать ему Китай] // Шицзе чжиши. Пекин, 2009. № 9. С. 27–29.
29. 2010 Чжунго гоцзи дивэй баогао. С. 277, 281.
30. *Glaser B. China's Policy in the Wake of the Second DRPK Nuclear Test // China Security. 2009. Vol. 5, No. 2. P. 39–40.*
31. Юй Шаогуа. Чао гай вэньги: чулу цзай нали? [Ядерная проблема КНДР: где выход?] // Шицзе чжиши. 2009. № 18. С. 30–31.
32. 2010 Чжунго гоцзи дивэй баогао. С. 283.
33. Конкретный перечень претензий к китайской политике в отношении КНДР в 2010 г. дан в статье Т. Кристинсена «The Advantages of Assertive China. Responding to Beijing's Abrasive Diplomacy» (*Foreign Affairs. 2011, March—April. Российскую версию событий см.: Жебин А. Корейский полуостров: у опасной черты // Пробл. Дальнего Востока. 2011. № 1. С. 123–134.*
34. 2010 Чжунго гоцзи дивэй баогао. С. 268–272.
35. 2011 Чжунго гоцзи дивэй баогао [Доклад о международном статусе Китая 2011]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2011. С. 231–236.
36. Чжунго гоцзи дивэй баогао. 2010. С. 287–289.
37. См.: *Лексютина Я. Обострение напряженности в Южно-Китайском море: взгляд из ЮВА, КНР и США // Пробл. Дальнего Востока. 2011. № 5. С. 34.*
38. Ник Бисли ссылается на некое китайское официальное лицо, заявившее в частной беседе с Х. Клинтон в марте 2010 г., что Китай отныне рассматривает утверждение своих прав в Южно-Китайском море как «коренной интерес», то есть стратегический приоритет высшего порядка (*Bisley N. Op. cit.*).
39. *Е Цзычэн. Указ. соч. С. 97. В КНР Южно-Китайское море называется «Южное море».*
40. Там же. С. 118–119.
41. *Dai Bingguo. We must stick to the path of peaceful development // Foreign Affairs Journal. Chinese People's Institute of Foreign Affairs. Beijing, 2011. Spring. P. 1–16.*
42. Чжунго дэ хэпин фачжань. Чжунхуа жэньминь гунхэго гоюань синьвэнь баньгунши. 2011 нянь 9 юэ [Мирное развитие Китая. Канцелярия информации Государственного совета Китайской Народной Республики. Сент. 2011 г.] // *Beijing Review. 2011. № 37, 15 Sep.*
43. У Цзяньминь. Цзайлай и гэ хуаньцзин шиньянь [Следующие десять лет международной обстановки] // Чжунго вайцзэо. 2011. № 9. С. 3–5.

44. *Yang Wenchang*. Diplomatic words of wisdom // *China Daily*. 2011. 29 Oct.
45. Ян Цзечи тань 2011 нянь Чжунго вайцзяо. Чжаньшэн тяочжань вэйху гоцзя лини [Ян Цзечи рассказывает о внешней политике Китая в 2011 г. Победить вызовы, защитить интересы государства]. URL: <http://world.people.com.cn/GB/16781588.html> от 02.01.2012.
46. См.: *Holyk G*. Paper Tiger? Chinese Soft Power in East Asia // *Political Science Quarterly*. New York, 2011. Vol. 126, № 2. P. 223–254.
47. Концепция «умной силы» (smart power, по-китайски «цяо шили», что ближе к «умелой силе») была выдвинута Сюзан Носсель в 2004 г. в публикации в журнале «Foreign Affairs».
48. *Brady A*. China's Rise in Antarctica? // *Asian Survey*. Berkeley, 2010. Vol. 50, № 4, July—Aug. P. 759–785. Здесь — P. 781.
49. Новые особенности дипломатии Китая с соседними странами и регионами: расширение сотрудничества и «охлаждение» горячих вопросов. URL: <http://russian1.people.com.cn/95181/7733697.html>.
50. Во время визита премьер-министра Индии М. Сингха в Китай в 2008 г. стороны впервые обменялись своими проектами возможного рамочного соглашения, включавшими территориальные уступки как путь к постепенному решению пограничного спора. Однако ничего нового они практически не содержали. «стороны оказались неспособны освободиться от взаимных подозрений» (*Jacob Jabin*. The Sino—Indian Boundary Dispute: Sub—National Units as Ice — Breakers // *Eurasia Border Review / Slavic Research Center at Hokkaido University*. 2011. Vol. 2, № 1. Summer. P. 35–45. Здесь P. 37–38.
51. China Violates Sovereignty // *Viet Nam News*. Hanoi, 2011. 30 May.
52. Китайско-вьетнамское совместное заявление: Китай и Вьетнам заявили о намерении должным образом разрешить все морские вопросы. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7618050.html>.
53. Joint Statement of the People's Republic of China and the Republic of the Philippines. Beijing, September 1, 2011 // *Beijing Review*. 2011. 22 Sept.
54. Philippines walking a very fine line. Editorial // *Global Times*. Beijing, 2011. 17 Nov.
55. China — ASEAN Cooperation: 1991–2011 // *China Daily*. 2011. 16 Nov.
56. *Liu Weidong*. East Asia Summit Agenda // *China Daily*. 2011. 16 Nov.
57. <http://russian1.people.com.cn/95181/7733697.html>.
58. Такое предложение, поданное как «норвежская идея», содержится в докладе Ли Гана — сотрудника Института мирового развития Центра исследования проблем развития Госсовета КНР (Чжунго цзай цзецзюе Наньхай вэньтишан сомяньлинь дэ тяочжань [Китай в процессе разрешения вызовов, связанных с проблемой споров по Южному морю] // *World Development Working Paper Serie*. Beijing. 2011. Aug. Вместе с тем, идею «держаться за острова, пойдя на уступки по вопросам использования морской акватории», озвучил и Хуан Гуифан — китайский участник конференции по проблемам сотрудничества РФ и КНР в БРИКС и АТР (Москва, 1–2 дек. 2011 г.).
59. См.: Фэнхуан чжоукань. Шэньчжэнь, 2011. № 30. С. 68–71. Еженедельник «Фэнхуан» («Феникс») считается принадлежащим гонконгскому капиталу. Издается в Шэньчжэне, иногда продается в пекинских газетных киосках.
60. *Shambaugh D*. Op. cit. P. 19–20.
61. *Лэ Юйчэн*. Дуй гоцзи синши хэ Чжунго вайцзяо дэ исе каньфа юй сыкао [Некоторые взгляды и размышления о международной обстановке и дипломатии Китая] // Чжунго вайцзяо. 2011. № 5. С. 3–8.
62. <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/01/19/US-China-joint-statement>.
63. Китайские эксперты: следующий год станет ключевым для китайско-американских отношений, требующим надлежащего реагирования сторон. URL: <http://russian1.people.com.cn/31521/7680668.html>.
64. *Cossa R., Glosserman B*. Return to Asia: It's Not (All) About China // *PacNet*. 2012. № 7. 30 Jan. Pacific Forum CSIS, Honolulu. URL: www.pacforum.org.
65. <http://www.mid.ru>, 2012. 4 февр.

Как Япония становится «нормальным государством»

© 2012

В. Павлятенко

В статье освещается один из аспектов превращения Японии в «нормальное государство», т.е. в один из военно-политических центров мира. Данный аспект включает в себя завершение процесса формирования разведывательного сообщества или национальной разведки Японии. В статье рассматриваются особенности механизма координации деятельности разведсообщества, этапы и содержание реформ национальной разведки, структурный анализ основных субъектов разведсообщества страны, вскрытие особенностей развития национальной разведки на современном этапе.

Ключевые слова: Япония, национальная безопасность, разведывательное сообщество, разведка и контрразведка.

В начале 2011 г. большинство политических наблюдателей, специализирующихся на вопросах внутренней и внешней политики Японии, обратили внимание на два почти синхронизированных информационных сообщения. Первое (21 февраля) — публикация австралийской газетой «The Sydney Morning Herald» и рядом других газет содержания секретной дипломатической переписки между американским посольством в Японии и Госдепартаментом США, приданной гласности сайтом WikiLeaks. В телеграммах излагалось содержание бесед, состоявшихся в сентябре 2008 г., между главой Управления разведки и исследований Госдепартамента Р. Фортом с Руководителем аналитического отдела МИД Японии Х. Митани, из которых следовало, что правительство либерал-демократов (кабинет Я. Фукуда) приняло решение о создании полноценной структуры внешней разведки. Обращало на себя внимание то, что впервые за послевоенный период был взят курс на укрепление имеющегося разведсообщества путем создания агентурной разведки, прежде всего за рубежом. На другой встрече Р. Форты с начальником Управления внутренней безопасности Ё. Янаги, последний проинформировал американского представителя о том, что приоритетными объектами деятельности внешней разведки Японии станут КНДР, Китай, Россия, в числе главных задач было обозначено также «предотвращение террористических атак».

Второе (28 февраля) — сообщение о создании в кабинете Наото Кан (ушел в отставку 29 августа 2011 г.) подразделения, призванного содействовать активизации сбора информации по актуальным вопросам национальной безопасности. Его возглавил генеральный секретарь кабинета министров Ю. Эдано, в состав руководства вошли три его заместителя. Новая группа будет координировать работу всех соответствующих ведомств и подразделений, связанных с обеспечением национальной безопасности.

В упомянутых информационных сообщениях обращают на себя внимание несколько обстоятельств. Во-первых, в информации о создании в Японии полноценного механизма внешней разведки нет ничего секретного, кроме источника информации — ди-

пломатической переписки. Этот процесс эволюционировал все послевоенные годы вплоть до сегодняшнего дня и протекал хотя и не публично, но и не в абсолютно закрытом режиме. Во-вторых, из сообщений явствует, что речь идет не о создании конкретного органа, занимающегося «внешней разведкой», а о создании централизованного разведсообщества Японии на базе уже существующих ведомственных разведок. В-третьих, создание в кабинете демократов новой структуры, отвечающей за комплексную безопасность страны, означает более высокий уровень организации, чем просто упорядочение сбора и анализа разведывательной информации. Речь идет о завершении процесса создания Совета национальной безопасности, в структуре которого разведывательное сообщество (национальная разведка) Японии является одним из главных элементов. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что оба сообщения, прежде всего, являются прямым свидетельством того, что в рамках общих усилий по пересмотру стратегии обеспечения комплексной безопасности Японии в новых геополитических условиях в Северо-Восточной Азии (СВА) и в мире в целом, политическое руководство Японии, вне зависимости от партийной принадлежности — и либерал-демократы и демократы — ставит задачу повышения роли разведки как важнейшего компонента, обеспечивающего принятие адекватных политических решений в процессе реализации политики обеспечения национальной безопасности». Считается, что «без хорошей разведки» высшее политическое руководство Японии «не может проводить политику, учитывающую все вызовы и угрозы национальной безопасности страны».¹

Несмотря на то, что в послевоенный период проблема создания разведсообщества не была предметом открытых обсуждений в обществе, тем не менее, такое сообщество в своей специфической форме существовало все эти годы. В период «холодной войны» деятельность разведсообщества Японии, по оценке японских экспертов, концентрировалась на сборе информации в целях адекватной оценки и анализа внешнеполитической ситуации, главным образом, вокруг Японии, а не в целях использования разведанных для разрешения краткосрочных и долгосрочных проблем. С окончанием активной фазы «холодной войны» изменилось и прикладное значение разведки, которая стала рассматриваться как важный элемент системы кризисного реагирования. Вместе с тем, как считает большинство японских экспертов, современное разведсообщество Японии пока децентрализовано и находится в активной стадии эволюционного процесса, характеризующего стратегию обеспечения национальной безопасности в целом².

В современных условиях деятельность разведсообщества координируется на двух уровнях: на уровне кабинета министров и на уровне «старших должностных лиц».

Высшим органом первого уровня является *Совет по разведке кабинета министров* (Cabinet Intelligence Council). Совет проводит свои заседания дважды в год. Возглавляет Совет Генеральный секретарь кабинета министров. Помимо постоянных членов на заседания Совета приглашаются представители министерств и ведомств, имеющие отношение к рассматриваемым проблемам. Постоянными членами Совета являются:

- заместитель Генерального секретаря кабинета министров;
- заместитель Генерального секретаря кабинета министров по вопросам кризисного урегулирования;
- специальный помощник Генерального секретаря кабинета министров по вопросам национальной безопасности и кризисного урегулирования;
- Директор разведки кабинета министров;
- Генеральный директор Национального полицейского агентства;
- заместитель министра обороны;
- Генеральный директор Следственного управления общественной безопасности министерства юстиции;
- заместитель министра иностранных дел.

Руководящим органом второго уровня является *Объединенный совет по разведке* (Joint Intelligence Council). Встречи старших должностных лиц проводятся раз в две не-

дели. Возглавляет Объединенный совет заместитель Генерального секретаря кабинета министров по административным вопросам. Членами совета являются старшие должностные лица агентств и министерств, являющихся постоянными членами Совета по разведке кабинета министров:

- заместитель Генерального секретаря кабинета министров по вопросам кризисного регулирования;
- специальный помощник Генерального секретаря кабинета министров по вопросам национальной безопасности и кризисного регулирования;
- генеральный директор управления по безопасности Национального полицейского агентства;
- заместитель директора Следственного агентства общественной безопасности;
- генеральный директор Информационно-аналитического управления МИД;
- генеральный директор управления по планированию оборонной политики Министерства обороны.

Организационно в состав разведсообщества не входят *Центр космической разведки кабинета министров (Cabinet Satellite Intelligence Center — CSICE)* и *Центр по сбору информации кабинета министров (Cabinet Information Collection Center)*. Однако оба эти Центра поддерживают тесные рабочие контакты с разведсообществом.

Большинство японских экспертов по безопасности уже давно говорят о необходимости наращивания потенциала разведсообщества. Прежде всего, речь идет об *усилении централизации национальной разведки* в целях оптимизации механизма принятия решений премьер-министром Японии. Проблема усиления потенциала национальной разведки стояла в списке приоритетных задач правящей Либерально-демократической партии с 80-х годов прошлого столетия. Однако первая фаза реформы разведсообщества наступила во второй половине 90-х годов с созданием *Центра по сбору информации кабинета министров (Cabinet Information Collection Center)* и формированием *Комитета по разведке кабинета министров (Cabinet Intelligence Committee — CIC)* и *Объединенного комитета по разведке (Joint Intelligence Committee — JIC)*. Эти шаги стали ответом японского руководства на необходимость усилить эффективность системы кризисного регулирования в новых геополитических условиях.

Вторая фаза реформы наступила после террористического акта в США в сентябре 2001 г. Главную роль в этом процессе играл созданный в декабре 2006 г. *Совет по усилению разведывательных функций (Council on Enhancing Intelligence Function)*. В феврале 2007 г. Совет представил доклад с предложениями о расширении потенциала национальной разведки. В частности предлагалось: 1) более четко, чем было до сих пор, определить взаимоотношения между полицией и разведкой; 2) усилить общественное содержание разведки; 3) улучшить сбор, анализ и реализацию разведывательной информации; 4) создать необходимую инфраструктуру для поддержания разведывательной деятельности. В докладе так же подчеркивалась важность обеспечения безопасности информации, включая необходимость разработки критериев секретности информации³.

Одновременно были представлены на обсуждение основные принципы усиления контрразведывательных мероприятий:

- реорганизация Комитета по разведке кабинета министров;
- усиление роли Директора разведки кабинета министров как координатора деятельности всего разведсообщества Японии в вопросах определения приоритетов и направления работы национальной разведки;
- расширение общественной значимости разведсообщества;
- расширение объема сбора внутренней информации, полученной из источников членов «расширенного разведсообщества» (береговая охрана, министерство промышленности и торговли и др.)⁴;
- обеспечение эффективной охраны секретной информации.

На основе этих рекомендаций в августе 2008 г. в Исследовательском отделе кабинета министров был создан *Центр контрразведывательных операций (Counter-Intelligence Center)*⁵.

Современное разведсообщество Японии в том виде, в котором оно существует на сегодня, сформировано на базе пяти ключевых правительственных агентств и министерств.

Информационно-исследовательское бюро кабинета министров⁶ (Найкаку дзёхо тэса ситцу — Найтё) — (Cabinet Intelligence and Research Office-CIRO)

Информационно-исследовательское бюро (ИИБ) кабинета министров Японии представляет собой разведывательно-аналитическую структуру канцелярии кабинета министров и возглавляется Директором разведки кабинета министров (Director of Cabinet Intelligence — DIC). По оценкам японских специалистов, во всем разведсообществе ИИБ претерпела наибольшие изменения с точки зрения функций, персонала, размеров, возможностей и компетенции.

Прообраз современного ИИБ был создан в 1952 г. в составе канцелярии премьер-министра: с реорганизацией в 1957 г. кабинета министров — преобразован в Исследовательское бюро кабинета: в 1986 г. переименован в ИИБ кабинета министров.

На сегодня структурно ИИБ состоит из пяти отделов и трех Центров.

Отдел управления и координации (сому бумон) занимается персоналом, бюджетом, связями с общественностью. Кроме того, отдел занимается обеспечением всеобъемлющего разведывательного анализа поступающей информации.

Экономический отдел (кейдзай бумон) отвечает за сбор экономической информации.

Отдел внутренних проблем (кокунай бумон) занимается сбором информации о внутривнутриполитическом состоянии.

Отдел международных проблем (кокусай бумон) собирает информацию о международных проблемах и межгосударственных отношениях. **Исследовательский отдел (кэнкю бумон)** осуществляет углубленный анализ международных проблем.

Для исполнения функциональных обязанностей ИИБ приданы **Центр космической разведки (ЦКР)** кабинета (найкакю эйсэй дзёхо сента) и **Центр по сбору информации (ЦСИ)** кабинета (найкакю дзёхо сюяку сента). ЦКР был создан в 2001 г. Собранная им информация анализируется и направляется в ИИБ и другие правительственные агентства, заинтересованные в получении такой информации. ЦСИ территориально расположен рядом с Центром кризисного управления (ЦКУ) в официальной резиденции премьер-министра Японии. Центр работает в круглосуточном режиме, собирает, анализирует разнообразную информацию и обеспечивает ею высшее японское руководство с тем, чтобы оно было готово для принятия решений в чрезвычайных обстоятельствах. Как разведка кабинета министров ИИБ является наиболее влиятельным членом разведсообщества Японии. Директор ИИБ регулярно встречается с премьер-министром: в нормальных условиях он еженедельно информирует премьер-министра или чаще, если это необходимо. Директор ИИБ — один из должностных лиц, которые являются постоянными членами Совета по разведке Кабинета министров и членами Объединенного совета по разведке.

Отмечая положительные стороны и эффективность работы ИИБ, японские эксперты, вместе с тем, подчеркивают, что слабой стороной ИИБ является кадровый вопрос. Так, например, в 2005 г. ИИБ насчитывало около 170 чел. и около 60% этого состава было откомандировано из других государственных ведомств. По свидетельству бывшего заместителя Директора ИИБ С. Исадзики, из 170 чел. Бюро только 70 были его штатными сотрудниками, 40 — назначены из Национального полицейского агентства (НПА),

около 20 — из следственного управления общественной безопасности министерства юстиции, более 10 — из Управления национальной обороны, а затем Министерства обороны и по несколько человек из МИДа, Министерства внутренних дел, управления береговой охраны, Министерства финансов и Министерства торговли, экономики и промышленности⁷. Характерная деталь: до создания поста Директора ИИБ, сложилась бюрократическая практика, при которой старшие должностные лица Национального полицейского агентства, обладавшие опытом в вопросах общественной безопасности, назначались главой ИИБ, а представители МИДа с опытом работы в различных регионах мира — его заместителями. Эта традиция частично сохраняется и после создания поста Директора ИИБ и, как отмечают специалисты, прежнее доминирование НПА в ИИБ сказывается на объективности роли ИИБ как «честного координатора» в разведке и распространении его влияния на все разведсообщество Японии⁸.

Другое «слабое место» ИИБ — отсутствие собственного аппарата по сбору информации. В противоположность НПА, МИДУ и МО, которые обладают возможностями собственного сбора информации⁹, ИИБ не располагает таким потенциалом для сбора информации «из первых рук». Это означает, что хотя разведка и получает информацию от разведок «союзников и друзей», ИИБ большую часть своей собственной информации получает из открытых источников — местных и зарубежных СМИ, исследований неправительственных организаций, которые в свою очередь так же испытывают недостаток в кадрах и средствах¹⁰. По этой причине «активность по сбору разведывательной информации» ИИБ периодически подвергается критике — «все что делает (ИИБ), так это «режет газеты» или «обрабатывает» информацию других организаций». Вместе с тем, эксперты считают, что в действительности незначительный штат «безусловно, ограничивает возможности ИИБ по сбору и анализу информации»¹¹.

Национальное полицейское агентство (Кэйсацу тё) (National Police Agency — NPA)

В структуре силовых ведомств страны Национальное полицейское агентство (НПА) играет роль «бастиона внутренней безопасности». Вместе с тем, мало известно о том, что НПА является важным членом разведсообщества Японии, в котором Агентство представлено Бюро безопасности (ББ — кэйби кёку).

До реорганизации в 2006 г. проблемами, связанными с разведкой, в НПА занимались несколько «старших должностных лиц». Вопросами внутренней разведки и контрразведки ведали Отдел безопасности и ББ. Деятельность, связанная с иностранной разведкой и контрразведкой, являлась прерогативой Международного департамента (Кокусай бу), структурно входящего в состав Исполнительного секретариата и Отдела внешних дел (гайдзи ка) в рамках ББ. В 2006 г. НПА провела собственную реорганизацию и определила три главных цели своей деятельности: 1) усилить и совершенствовать способность противостоять организованной преступности; 2) провести рационализацию и усилить собственные контр-террористические способности и возможности; 3) существенно улучшить и совершенствовать способность противостоять кибер-преступности¹². В рамках этой реорганизации все зарубежные разведывательные функции были сосредоточены во вновь созданном Отделе внешних дел и разведки (гайдзи дзёхо бу) в составе ББ.

В соответствии с новой структурой НПА два отдела в ББ несут ответственность за внутреннюю разведывательную деятельность: Отдел планирования безопасности отвечает за планирование и изучение операций НПА по безопасности; Отдел общественной безопасности собирает разведывательную информацию о Компартии Японии, право- и левозэкстремистских организациях и группах, чья деятельность представляет угрозу общественной безопасности (подобных Аум Синрикё). В рамках Отдела внешних дел и разведки подразделение по противодействию международному терроризму занимается

сбором информации о деятельности зарубежных террористических организаций. Отдел также обладает правом формировать для выполнения специальных заданий. Специальные оперативные группы для борьбы с международным терроризмом (кокусай теро токубэцу кинкю тэнкай бутай). Отдел внешних дел отвечает за контрразведывательную деятельность НПА, а Отдел безопасности — за деятельность отрядов полиции, борющихся с массовыми беспорядками и если необходимо, могущих быть мобилизованными для сохранения общественной безопасности.

НПА, прежде всего в лице его ББ, является одним из ключевых членов разведсообщества Японии. Его главные функции в рамках сообщества — предотвращать крупномасштабные террористические акты в Японии и арестовывать его участников. Необходимость разделять внутренний и международный терроризм заставила НПА расширить масштабы его деятельности за счет большего участия в разведдеятельности за рубежом. Так, НПА активно вовлечена в обсуждение транснациональных преступлений (киберпреступления, отмывание денег, контртерроризм) в рамках G-8 и других многосторонних организаций. Кроме того, НПА прикомандировывает своих представителей к МИДу, где они занимают официальные должности полицейских атташе в посольствах Японии.

Эксперты считают, что роль НПА в деятельности разведсообщества Японии, прежде всего его ББ, будет расти. Так, в активизации своих разведывательных функций ББ опирается на Отделы безопасности префектуральных полицейских управлений по всей Японии, образуя централизованную национальную разведывательную сеть, которая играет решающую роль в сборе и анализе НПА разведывательной информации.

Разведывательное управление министерства обороны (Дзёхо хомбу) — (Defense Intelligence Headquarters, MOD)

Нынешнее Разведывательное управление Министерства обороны (РУМО) было образовано в январе 1997 г. в составе тогдашнего Управления национальной обороны (бозэй-тё дзёхо хомбу — УНО). До создания РУМО разведывательная и контрразведывательная деятельность осуществлялись военными разведподразделениями трех видов сил самообороны и координировались Объединенным комитетом начальников штабов (ОКНШ), а также возглавляемым гражданскими лицами Отделом разведки внутреннего Бюро УНО (нынешнего МО).

До 1997 г. разведывательная деятельность УНО была сосредоточена на ведении электронной разведки, в основном против СССР, КНР и КНДР, а также на мониторинге морских и воздушных путей¹³. Самым крупным разведподразделением был Второй сектор Отдела разведки сухопутных сил самообороны (ССС) (тёса бэссицу — тэбэцу), насчитывавший около 900 военнослужащих и 50 гражданских лиц, размещенных на 10 узлах связи по всей Японии. ВВС и ВМС УНО также имели свои разведывательные подразделения для обеспечения заданий собственных ведомств. После создания РУМО, насчитывающего около 2400 чел., оно стало крупнейшим в разведсообществе Японии¹⁴.

С момента своего создания РУМО непосредственно подчинялось начальнику ОКНШ, но после 2006 г. стало напрямую подчиняться министру обороны. Для сохранения связи «начальник ОКНШ—РУМО» при канцелярии МО был создан Объединенный разведывательный отдел (J-6).

Главная задача РУМО — обеспечение МО и СС стратегической информацией, необходимой для адекватной оценки внешних военных угроз Японии. РУ сохраняет организационную структуру, существовавшую до 2006 г.: возглавляется РУ военнослужащим (трехзвездный генерал), заместитель — гражданский служащий МО, помощники директора и его заместителя — три офицера разведки (полковник-капитан первого ранга) и одно гражданское лицо. Гражданский помощник отвечает за информацию по странам, военные — за разведывательную информацию военного характера.

Управление по руководству и координации (сому бу) в составе РУ занимается кадровыми вопросами, бюджетом, снабжением, административными вопросами, в том числе связанными с защитой секретной информации. Управление планирования (кэйкаку бу) занимается сбором развединформации и анализом планов и проектов. Это же Управление является ведущим при координации действий РУ с сотрудниками МО, связанными с разведкой и за его пределами (представители разведорганов США и др.).

Аналитическое управление (бунсэки бу) собирает всестороннюю разведывательную информацию, представляющую интерес для РУ. Анализ собранной информации составляет основу для текущей деятельности МО и перспективного планирования. В обязанности Управления объединенной разведки (того дзёхо бу) входит обеспечение ОКНШ оперативной информацией для принятия решений о проведении СС соответствующих мероприятий в случае возникновения угрозы извне.

Управление топографии и географии занимается сбором и анализом результатов космической разведки. Такая информация чаще всего покупается у гражданских коммерческих организаций, имеющих стационарные спутники. На основе этих данных формируются электронные карты, уточняются топографические привязки и др.

Управление электронной разведки (дэнпа бу) — единственное такого рода управление во всем разведсообществе в Японии. Оно занимается сбором информации с помощью объектов коммуникаций, расположенных по всей территории страны. В настоящее время шесть крупнейших узлов электронной связи подчинены Управлению, которое одновременно занимается как анализом информации, так и разработкой новых технологий и оборудования для ведения электронной разведки. Согласно некоторым оценкам, до 70% численного состава РУМО являются сотрудниками этого Управления¹⁵.

При создании РУ его первый директор генерал М. Куними так определял приоритетные цели: 1) обеспечение разведывательной информацией высшего качества; 2) развитие потенциала военных разведчиков. М. Куними одновременно считал, что РУ будет иметь преимущество перед другими членами разведсообщества за счет его сотрудничества с партнерами в США и других странах.

Однако, как считают специалисты, многие ожидания генерала не сбылись и на сегодняшний день в работе РУМО много «несовершенства, белых пятен». Так, например, большая работа предстает по повышению аналитического уровня результатов работы РУ. По оценкам специалистов, как минимум две причины обуславливают медленный рост аналитических способностей РУ. Одна из них — несоответствие критериев найма аналитиков и стоящих перед РУ задач. Особенно это касается специалистов внешней разведки, которые принимаются, прежде всего, на основании имеющихся знаний иностранного языка, а не с учетом аналитических способностей и опыта работы в отдельных странах или регионах. По этой причине, отмечают специалисты, аналитическая работа на выходе представляет собой по большей мере перевод на японский язык соответствующего материала, а не анализ его содержания. Другая причина заключается в следующем: хотя РУ самостоятельно занимается своими аналитиками, большая часть руководящих должностей (начальник сектора и выше) комплектуется карьерными сотрудниками МО или бюрократами из СС, которые не являются специалистами в области разведки¹⁶.

Информационно-аналитическая служба МИД (Кокусай дзёхокан сосики) — (Intelligence and Analysis Service — MOFA)

Информационно-аналитическая служба (ИАС) МИД первоначально носила название Информационно-исследовательское бюро (дзёхо тэса кёку), а в 1993 г. было вновь переименовано в Бюро международной информации (кокусай дзёхо кёку). Нынешнее название было утверждено при очередной реформе в МИДе в августе 2004 г.

ИАС возглавляется Генеральным директором и имеет четыре управления. Первое управление играет роль координатора между управлениями ИАС и занимается сбором различной информации и ее анализом, включая данные космической разведки. Второе управление в основном занимается обработкой и анализом информации по тематическим проблемам. Третье и четвертое управления занимаются региональными проблемами: за третьим управлением закреплены Азия и Океания, за четвертым — Европа, Америка, Ближний Восток и Африка.

Как отмечают эксперты, реорганизация разведки МИДа в 2004 г. являлась попыткой ответить на рост потребности в разведывательной информации и анализе в условиях меняющейся стратегической обстановки. Именно эта потребность и обусловила четыре главных принципа этой реорганизации: 1) компетентность; 2) оперативность; 3) эффективность; 4) всеобъемлемость. Эти принципы позволяют повышать эффективность и гибкость использования кадрового состава. Генеральный директор по необходимости может дать задание экспертам, специализирующимся на одной группе вопросов, оказать помощь группе экспертов, ведущих другие темы, что обеспечивает тщательный, глубокий и полный анализ. Так например, в отношении проблемы ракетных пусков КНДР Генеральный директор может поручить начальнику Третьего управления, дать задание специалистам космической разведки (Первое управление), экспертам по Северной Корее (Третье управление) и аналитикам по военно-политическим проблемам (Второе управление) с тем, чтобы собрать и проанализировать информацию, которая бы помогла руководству МИДа занять соответствующую позицию по тому или иному вопросу.

Другая цель реорганизации — увеличить разведывательные способности ИАС. Однако, по мнению некоторых специалистов, эта цель до конца не была достигнута потому, что ИАС никогда не играла главной роли в сборе и анализе зарубежной информации в рамках МИДа. Функциональные же отделы ежедневно ведут такую активную работу, поскольку они тесно связаны с посольствами и консульствами за рубежом. В целом ряде вопросов, например, связанных с данными электронной разведки, специализированные отделы дают более качественный анализ, чем ИАС, тем более, что численность Службы (около 100 чел.) «недостаточна, чтобы качественно ответить на нарастающий поток заданий». Поэтому, считают эксперты, ИАС скорее является «координатором» в поставке развединформации в рамках МИДа, чем основным разведывательным подразделением министерства.

Следственное управление общественной безопасности министерства юстиции (Коан тэса тэ) — (Public Security Investigation Agency (PSIA) — Ministry of Justice (MOJ))

Следственное управление общественной безопасности министерства юстиции (PSIA) является одним из правоохранных управлений в разведывательном сообществе. Оно было создано в 1952 г. с целью гарантировать правоприменение Закона о подрывной деятельности. Другой аспект деятельности PSIA — выполнение заданий, связанных с внешней разведкой. В период холодной войны управление собирало и анализировало информацию о «коммунистических соседях» — КНДР, КНР и СССР¹⁷. После окончания активной стадии холодной войны в связи с возросшей угрозой терроризма, управление расширило масштабы своих расследований, включая активность террористических групп. Часть материалов, подготовленных PSIA, носят открытый характер и доступны для общественности. В частности, материалы, касающиеся террористических групп и движений, публикуются в ежегодном издании «Ситуация в области общественной безопасности внутри и вне Японии и перспективы ее развития» (Naigai Josei—no Kaiko to Tembo), а также в регулярно публикуемом «Докладе о международном терроризме» (Kokusai terrorizumu yoran).

Следственное управление структурно состоит из трех основных составляющих — внутреннего бюро, подготовительных и исследовательских подразделений и региональных следственных бюро общественной безопасности.

Первый следственный отдел внутреннего бюро отвечает за сбор разведывательной информации внутри Японии. Объектами разведывательной деятельности являются профсоюзы, неправительственные организации, экстремистские группы правого и левого толка, Коммунистическая партия Японии. Второй следственный отдел внутреннего бюро отвечает за проведение расследований внешней ситуации, которая может угрожать общественной безопасности в Японии. Объектами этого отдела являются экстремистская организация Японская Красная армия, группы, связанные с похищением людей, иностранные рабочие в Японии, а также внутренняя ситуация на Корейском полуострове, в Китае, в России и «других бывших коммунистических странах»¹⁸.

Начиная с 1990 г. PSIA пересматривает свою роль в разведывательном сообществе. Такая позиция была обусловлена возросшей критикой общественности в адрес управления, особенно после газовой атаки в токийском метро, устроенной организацией Аум синрикё, когда стало очевидно, что PSIA не справилась со своими прямыми обязанностями, «прозевав террористический акт». Под давлением общественности и в результате действий руководства страны по консолидации деятельности правительственных подразделений в рамках политической реформы функции PSIA были пересмотрены в соответствии с новыми «вызовами». Начиная с мая 1996 г., управление смещает фокус своего внимания во внутренней деятельности с Коммунистической партии Японии и других групп левого толка на деятельность других подрывных групп. Объектом внимания PSIA также стали иностранные подрывные группы.

Совершенствование деятельности PSIA продолжилось и в новом столетии. После террористического акта в США 11 сентября 2001 г. руководство PSIA активизировало усилия по переориентации основной деятельности управления внутри страны на деятельность разведывательного управления, способного собирать и анализировать разведывательную информацию с целью предотвращения террористических инцидентов в Японии и за ее пределами.

Служба научно-технической разведки (НТР) (Office of Scientific and Technical Intelligence)

Эта служба является самой молодой в создаваемом разведсообществе. Решение о ее создании было принято кабинетом Асо Таро в 2008 г. Концепция службы предусматривала создание института кадровых разведчиков. В качестве агентов в него должны приглашаться японские ученые и инженеры высшего класса, которые регулярно участвуют в международных научных форумах и совещаниях, организуемых ведущими научными обществами мира. Идентичность агентов, которые «рекрутируются» службой в качестве советников по инновациям, составляет тайну, а сами советники подписывают обязательство о неразглашении своей миссии. Первый отбор «агентов» предполагалось ограничить количеством в 100 чел. Агенты должны докладывать Совету по научно-технической политике о новых направлениях научных исследований, о новейших разработках, о перспективных технологических инновациях и т.п.

Предшественником НТР стала активно развивавшаяся в послевоенной Японии конкурентная разведка, которая действует до сих пор на корпоративном и государственном уровне, как инструмент роста конкурентоспособности Японии на международных рынках¹⁹.

По оценкам западных экспертов, японские корпорации до 40% зарубежной технической и коммерческой информации получают «специфическим путем». Остальной объем «добирается» вполне легально — путем анализа открытой информации,

среди которой предпочтительно отдается корпоративным изданиям компаний-конкурентов (квартальные отчеты, рекламные анонсы, научные статьи и др.). Для этого в крупных компаниях созданы специальные информационно-аналитические группы и отделы численностью до нескольких сотен сотрудников, которые специализируются на информации по конкретным направлениям (технологии, патенты, организация и методы производства, клиентская база, маркетинговые исследования и т.д.). Расходы компаний на содержание таких групп-отделов составляют до 2% и более от их торгового оборота.

На государственном уровне конкурентная разведка начинает функционировать уже с середины 50-х годов прошлого века. В 1957 г. был сформирован научно-технический информационный центр, в котором обрабатывалось свыше 11 тыс. научно-технических и финансовых журналов (свыше 7 тыс. иностранных), а результаты рассылались по банкам и корпорациям (15 тыс. отчетов и 500 тыс. кратких резюме).

В 1958 г. формируется Организация содействия развитию внешней торговли (Japan External Trade Organization — JETRO), которая создает более 70 представительств в 60 странах мира, в том числе и в России. Организация занимается сбором и анализом зарубежной экономической информации и выработкой рекомендаций для японских компаний, ведущих свой бизнес на зарубежных рынках. В JETRO имеется «институт членов», которые за уплату членских взносов приобретают право преимущественного получения информационных услуг. Одновременно JETRO является своего рода связующим звеном между компаниями и нынешним Министерством экономики, торговли и промышленности (METI). В настоящее время численность сотрудников JETRO составляет более 3 тыс. чел., а количество зарубежных представительств превысило 100. Формально конкурентная разведка не включается в разведсообщество, а JETRO не является разведподразделением METI, которое не ведет специализированной разведывательной деятельности и не имеет штатных сотрудников-разведчиков. Однако, принимая во внимание результаты их деятельности, нацеленной на обеспечение экономической безопасности Японии и повышение конкурентоспособности японских компаний, можно рассматривать эти институты в качестве «внештатных сотрудников» разведсообщества Японии.

Таким образом, вышеизложенное дает основания утверждать, что в Японии создано полнокровное и работоспособное разведсообщество, которое призвано обеспечивать достоверной разведывательной информацией руководство отдельных ведомств и правительство страны в целом²⁰.

Особенности развития разведсообщества в Японии

По мнению многих японских экспертов, самым слабым звеном разведсообщества в Японии остается, как и прежде, его децентрализованный характер, при котором каждый из членов добывает информацию самостоятельно». Поэтому, отмечают они, приоритетной задачей нынешнего разведсообщества является усиление возможностей разведки, прежде всего, за счет усиления ее централизованного характера, что «несомненно скажется на процессе принятия решений» премьер-министром и кабинетом министров в целом.

Проблема «слабых сторон» японской разведки давно находилась в поле зрения послевоенных кабинетов. Так, правительство еще в 1982 г. приняло решение об обеспечении разведслужб собственным «разведывательным» спутником, т.е. обеспечением средствами космической разведки. Предметом озабоченности руководства общественной безопасности давно является активная деятельность северокорейской разведки на территории Японии, а также проблема «недостаточного вклада» разведки в реализацию внешнеполитической стратегии Японии в мире. Многие видные политические и дипломатические представители открыто призывали и продолжают призывать к созданию в Японии «полноценного разведсообщества» и «к повышению его роли» во внутренней и внешней политике страны²¹.

Однако до важнейших событий в международной жизни и в развитии японского общества прогресс в реализации таких призывов был незначительным. Поведение правительства во время землетрясения 1995 г. стало источником общественной критики в адрес кабинета министров и его главы за их неспособность обеспечить должное информационное обеспечение в предшествующий и последующий периоды возникновения и развития природной катастрофы. В ответ на эту критику правительство предприняло ряд шагов: в 1996 г. был создан упомянутый выше Центр по сбору информации при кабинете министров; для более «адекватной реакции на события во вне» были созданы Комитет по разведке при кабинете министров и Объединенный комитет по разведке при кабинете министров. Таким образом, отмечают некоторые эксперты, события 1990-х гг. подтолкнули правительство к повышению эффективности механизма кризисного регулирования, что включало в себя и реформу разведсообщества.

После событий 11 сентября 2001 г. наступила вторая фаза реформирования разведсообщества Японии. После избрания в сентябре 2006 г. премьер-министром Синдзо Абэ одной из приоритетных задач его кабинета стало наращивание способностей и возможностей разведки. Уже в декабре 2006 г. С. Абэ создает Совет по расширению функций разведки (Дзёхо кино кёка кэнто кайги). Наряду с этим Советом был создан Совет по расширению функций кабинета в области национальной безопасности (Кокка андзэн хосё-ни кансуру кантэй кино кёка кайги) и Консультативный совет по перестройке законодательной базы в области безопасности, которые изучали возможности реализовать право Японии на коллективную самооборону. Создание всех этих советов представляло собой главные политические инициативы С. Абэ в области национальной безопасности.

После ухода С. Абэ с поста премьер-министра его инициативы в области национальной безопасности были приостановлены, однако процесс расширения возможностей и способностей разведки продолжается и по сей день. В феврале 2007 г. была обнародован доклад, в котором определялись цели создания Совета по расширению функций разведки: 1) более четко определить взаимоотношения между полицией и разведкой; 2) обеспечить возможность налаживания агентурной разведки; 3) усовершенствовать процесс сбора, анализа и распределения разведывательной информации; 4) создать соответствующую инфраструктуру для поддержки разведывательной активности как области, где правительство в первоочередном порядке должно приложить соответствующие усилия. В докладе также обуславливалась важность обеспечения безопасности информации, включая необходимость создания критериев классификации информации. В августе 2007 г. были обнародованы основные принципы расширения контрразведывательных способностей соответствующих подразделений Японии.

Доклад 2007 г. был положен в основу нового доклада от февраля 2008 г., в котором в соответствии с новой ситуацией в стране и в регионе были изложены новые принципы расширения возможностей разведки кабинета министров. Эти принципы включали:

- реорганизацию Комитета по разведке кабинета;
- расширение роли Директора разведки кабинета как координатора в рамках разведывательного сообщества Японии по определению приоритетов и распределению заданий между членами разведывательного сообщества;
- расширение агентурной составляющей разведки;
- расширение объема разведывательной информации;
- улучшение сбора, анализа и распределения разведывательной информации и др.

Рекомендации доклада 2008 г. в определенной части уже реализованы, а другие реализуются и в настоящее время. Например, ряд высокопоставленных аналитиков разведки получили статус сотрудника разведки кабинета (найкакэ дзёхо бунсэки-кан). В соответствии с рекомендациями создан Контрразведывательный центр и др.

После окончания активной фазы холодной войны руководство страны предприняло конкретные шаги в направлении усовершенствования структуры и методов работы

участников разведсообщества. Однако, по оценкам специалистов, на сегодня все еще необходимо «справиться с целым рядом вызовов», чтобы японское разведсообщество работало более эффективно.

Во-первых, необходимо внести существенные изменения в «институциональные характеристики» ИИБ и его Директора с тем, чтобы ИИБ реально играл бы роль координатора деятельности разведсообщества. Так, бывший Директор ИИБ Ёсио Омори, будучи сторонником усиления централизации разведсообщества Японии, выступал с предложением вступать в контактах с разведками других стран единым сообществом, чтобы исключить «возможные манипуляции с полученной информацией». Кроме того, будучи до назначения Директором ИИБ одним из руководящих лиц НПА, Ё. Омори хорошо знал «внутреннюю кухню» и поэтому всячески отстаивал мнение о том, что эффективность деятельности разведки повысится только в том, случае, если она «может избавиться от влияния НПА»²².

Во-вторых, разведсообщество Японии продолжает испытывать дефицит в кадрах, поскольку отсутствуют критерии при найме на работу профессиональных аналитиков. Принимаемые, главным образом, за знание иностранного языка на работу сотрудники не получают навыков аналитика разведки. В рамках разведсообщества Японии ни один из его институтов не обладает системой подготовки аналитиков разведки. Так, в ГРУ обходятся краткосрочными программами подготовки, предлагаемыми Разведывательным управлением Министерства обороны США (РУМО) и разведслужбами других государств, которые они используют для подготовки своих аналитиков. В последнее время ИИБ стало практиковать посылку своих сотрудников в зарубежные политологические центры в рамках общей программы подготовки персонала. Однако говорить о каких-либо результатах такой практики еще рано. Как отмечают эксперты, отсутствие адекватных стимулов — рост карьеры и др. — для улучшения аналитиками разведки своего профессионального уровня, снижает и моральный уровень аналитиков разведки.

В-третьих, Японии предстоит долгий путь, прежде чем будет создан соответствующий интересам безопасности контрразведывательный потенциал. Эта проблема стоит в повестке дня с 1980 г., однако до сих пор, по признанию сотрудников контрразведывательных структур, сделано еще недостаточно. Отмечая, что Центр контрразведывательных операций создан только в 2008 г., эксперты считают, что потребуется, по крайней мере, несколько лет, пока японское правительство будем иметь в своем распоряжении эффективную контрразведывательную систему.

В-четвертых, японское правительство должно найти путь как заполучить доверие общественности, убедив ее в том, что деньги налогоплательщиков, предназначающиеся для обеспечения разведывательной деятельности, расходуются правильно. В 2001 г. использование правительством источника финансирования, обычно называемого «секретным фондом» (киммицу-хи), подверглось резкой критике за то, что представители МИДа тратили этот «секретный фонд не должным образом», позволяя японским посольствам использовать эти фонды для «увеселения депутатов парламента или высокопоставленных сотрудников» МИДа. В результате более тщательного рассмотрения выяснилось, что даже сотрудники МИДа «средней руки» использовали эти фонды в своих личных интересах²³. После этого скандала секретный фонд стал объектом пристального внимания надзорных органов. Совершенно очевидно, что детали расходов на разведывательную деятельность не подлежат обсуждению, равно как и спецификация расходов не является темой для общественных дискуссий. Кроме того, разведсообщество Японии нуждается в поисках форм, которые бы позволили удовлетворить требования общественности в отношении прозрачности и подотчетности расходов правительства без обнародования деталей разведывательности. Эксперты считают возможным решить эту задачу путем создания системы информирования ограниченного числа членов парламента при условии, что такая система будет гарантировать отсутствие утечки информации с этих встреч.

В-пятых, одна из важнейших задач, стоящая перед разведсообществом и правительством в целом — разработка и принятие закона, кодифицирующего защиту секретной информации. Однако, несмотря на то, что запущенные бывшим премьер-министром С. Абэ реформы разведки продолжаются и по сей день, в решении проблемы о защите секретной информации практически нет никакого прогресса. Многие специалисты считают, что закон о защите секретной информации нужен Японии не только для «более тесного сотрудничества с разведками друзей и союзников», но и с точки зрения сохранения подотчетности перед обществом без раскрытия содержания разведывательной деятельности.

Таким образом, современное разведсообщество Японии находится в стадии активного развития в соответствии с задачами и потребностями обеспечения безопасности Японии. Нет сомнений в том, что совершенствование деятельности разведсообщества и повышение эффективности его деятельности служат не только укреплению безопасности Японии, но и являются еще одним символом превращения Японии в «нормальное государство», в котором его экономическому потенциалу соответствуют политическая и военная мощь, превращающие страну в один из центров силы международного сообщества.

1. *Tatsumi Yuki*. Japan's National Security Policy Infrastructure. The Henri L. Stimson Center, 2008. С. 97.
2. *Tatsumi Yuki*. Op. cit. P. 97.
3. Basic Concept for Enhancing the Cabinet's Intelligence Capability, February 2007.
4. Principles of Enhancing Cabinet's Intelligence Capability, February 2008.
5. Japan's National Security Policy Infrastructure. Stimson Center, 2008.
6. Входит структурно в Секретариат кабинета министров. возглавляется Директором разведки кабинета министров (Director of Cabinet Intelligence — DIC).
7. *Tatsumi Yuki*. Op. cit. P. 115.
8. *Oros A.* Japan's Growing Intelligence Capability // International Journal of Intelligence and Counter-intelligence. 2002. Vol. 15, № 1. P. 6.
9. Например, Информационно-аналитическое управление МИДа при численности в 100 чел., по сути, «заставляет на себя работать» все дипломатические и консульские представительства по всему миру.
10. *Oros A.* Op. cit. P. 5.
11. *Tatsumi Yuki*. Op. cit. P. 115.
12. Хэйсэй 16-нэндо ни окэру Кэйсацу-тё но сосики кайхэн косо ни цуйтэ [Концепция реорганизации Национального полицейского агентства на 2006 ф.г.]. // *Tatsumi Yuki*. Op. Cit. P.
13. *Oros A.* Op. cit. P. 9.
14. Defense Intelligence Headquarter of Japan. URL: www.mod.go.jp/dih/bosyu.pdf. (accessed 2 april 2008)
15. *Oros A.* Op. cit. P. 9.
16. Заместителем директора Управления электронной разведки, как правило, является представитель НПА. См.: *Tatsumi Yuki*. Op. cit. P. 110.
17. *Oros A.L.* Op. cit. P. 8.
18. *Aoki Osamu*. Nihon-no Koan Keisatsu. Kodan-sha, 2000. P. 211–212; *Tatsumi Yuki*. Op. cit. P. 104.
19. *Иванов С.* Конкурентная разведка. URL: www.Amulet-group.ru.
20. Охарактеризованные подразделения разведсообщества Японии представляют собой его костяк. В более широком смысле к сообществу в зависимости от особенностей стоящих перед страной «вызовов» могут быть причислены: иммиграционное управление, Управление безопасности на море, специализированные НИИ (Японский научно-технологический информационный центр), информационные подразделения крупных компаний и др.
21. *Tatsumi Yuki*. Op. cit. P. 116.
22. *Omori Yoshio*. Intelligence o Hitosaji (A spoonful of intelligence). Sentaku Agency, 2004. P. 41; 86–90. Цит. по: *Tatsumi Yuki*. Op. cit. P. 118.
23. *Tatsumi Yuk.*, Op. cit. P. 119.

Концепция внешней политики Монголии

© 2012

В. Грайворонский

Подведены внешнеполитические итоги 2011 г., названы основные факторы повышения места и роли Монголии в современном мире, рассмотрены структура и основное содержание Концепции внешней политики Монголии, принятой в обновленной редакции Великим государственным хуралом (парламентом) Монголии в феврале 2011 г., проанализированы некоторые аспекты внешней политики Монголии (поддержание баланса в отношениях Монголии с Россией и Китаем, политика «третьего соседа» и др.)

Ключевые слова: Монголия, внешняя политика, концепция, Россия, Китай, США, политика «третьего соседа».

Прошедший 2011 г. был знаменателен для Монголии обилием разнообразных знаменательных дат и юбилеев. В их числе — 2220-летие образования Хуннской империи, которое впервые торжественно отмечалось как начало монгольской государственности, 100-летие национально-освободительной революции 1911 г., провозгласившей восстановление национальной независимости и государственности Монголии, 100-летие создания дипломатической службы Монголии, 90-летие победы национально-демократической революции 1921 г., 90-летие заключения первого соглашения о дружественных отношениях и установлении дипломатических отношений между Монголией и Россией, 50-летие вступления Монголии в ООН, 50 лет создания Академии наук Монголии, 30-летие совместного советско-монгольского полета в космос и др.

Кроме перечисленных выше, в список 11 наиболее важных внешнеполитических событий 2011 г. вошли также некоторые другие. В феврале 2011 г. Великий государственный хурал (ВГХ, парламент) Монголии принял обновленную редакцию Концепции внешней политики Монголии (КВП-2011). Летом того же года во время визита премьер-министра Монголии С. Батболда в КНР в Совместном монголо-китайском заявлении была закреплена договоренность об установлении отношений стратегического партнерства между двумя государствами. Тем самым уровень монголо-китайских отношений был официально поднят до уровня монголо-российских отношений. Как известно, 25 августа 2009 г. президент России Д.А. Медведев и президент Монголии Ц. Элбэгдорж подписали Декларацию о развитии стратегического партнерства между РФ и Монголией во время государственного визита президента России в Улан-Батор¹. В 2011 г. расширились и укрепились отношения и сотрудничество Монголии с государствами — «третьими соседями». В июле 2011 г. Монголия впервые заняла место председателя в Сообществе демократических государств мира (2011–2013 гг.). В истекшем году Министерство внешних сношений и торговли Монголии (МВСТ) организовало 27 визитов руководителей госу-

дарства, парламента и правительства своей страны в зарубежные страны, в том числе президента Монголии Ц. Элбэгдоржа — в Россию, США, Украину, Италию, Ватикан, Швейцарию, некоторые страны Ближнего Востока, на 66-ю сессию Генеральной Ассамблеи ООН и др., председателя ВГХ Д. Дэмбэрэла — во Францию, Японию и на 125-ю Ассамблею Международного парламентского союза; премьер-министра С. Батболда — в Россию, Китай, США, Индонезию и другие страны.

Монголию с официальными визитами посетили президент Республики Корея Ли Мен Бак, президент Финляндии Тарья Халонен, вице-президент США Джо Байден, канцлер ФРГ Ангела Меркель и другие высокопоставленные лица. В Монголии были проведены несколько международных конференций и мероприятий высокого уровня: совместно с ООН — конференция «Направление менеджмента добывающих производств на развитие человека», совместно с ЭСКАТО — консультативная встреча «Трудности развития, с которыми сталкиваются развивающиеся страны АТР, не имеющие выхода к морю», совместно с ОБСЕ — международная конференция «Укрепление сотрудничества ОБСЕ с ее азиатскими партнерами при комплексном подходе к проблеме безопасности и решению общих вызовов», 19-й парламентский форум АТР и др.

По предварительным данным, в 2011 г. ВВП Монголии вырос на 27,8% (в текущих ценах) и на 17,3% (в сопоставимых ценах 2005 г.), а объем внешнеторгового оборота впервые превысил рекордный уровень — 10 млрд долл. США². Уже простой перечень наиболее важных событий, состоявшихся в Монголии и за ее пределами в 2011 г., свидетельствовал об интенсивной внешнеполитической и международной деятельности Монголии на всех направлениях.

По состоянию на конец 2011 г. Монголия имела дипломатические отношения со 163 странами мира, в том числе с 12 странами-членами ООН (Андорра, Гондурас, Доминиканская Республика и др.) дипломатические отношения впервые были установлены в том же году. Монголия является членом более 60 международных и региональных неправительственных организаций, она присоединилась почти к 240 международным договорам и конвенциям³.

В последние годы интерес и внимание международной общественности, политиков, политологов, деловых кругов и востоковедов к Монголии заметно растет. Более того, можно без преувеличения сказать, что нынешняя Монголия, которая несколько десятилетий тому назад находилась на периферии международной политики, превращается в арену открытого политического и экономического соперничества между Россией, Китаем, США, Японией, ЕС, Канадой, Южной Кореей и другими странами. Чем вызван столь повышенный интерес к этой стране? Это обусловлено сочетанием ряда геополитических, экономических и других факторов.

Как известно, до конца 1980-х — начала 1990-х гг. Монголия в течение почти 70 лет находилась в орбите сильного доминирующего политического и экономического влияния Советского Союза. После победы мирной демократической революции в Монголии в 1990 г., распада СССР, резкого сокращения двусторонних политических, торгово-экономических, культурных и других связей и экономической помощи со стороны России Монголия оказалась на грани национальной катастрофы и была вынуждена самостоятельно искать пути выживания в сложный переходный период. При помощи ряда развитых стран Запада и Востока (США, Япония, Великобритания, Республика Корея и др.) и международных организаций (МВФ, ВБ, АБР, ПРООН и др.) Монголия сравнительно быстро преодолела наиболее острые кризисные явления переходного периода и стала проводить самостоятельную, открытую, многополюсную внешнюю политику. В 1990-е гг. политические, экономические, культурно-цивилизационные позиции России в Монголии заметно ослабли, а позиции США, Китая, Японии, Канады, Южной Кореи и некоторых других стран значительно укрепились. В то же время следует отметить, что в самые тяжелые 1990-е гг. такие крупные совместные российско-монгольские предпри-

ятия, как ГОК «Эрдэнэт», объединение «Монголросцветмет», АО «Улан-Баторская железная дорога» (УБЖД), были основными бюджетообразующими предприятиями Монголии. Они выдержали все испытания шокового, неподготовленного, форсированного перехода к новой политической и экономической системе в обеих странах и во многом спасли экономику страны от краха.

По оценкам современных западных политиков и экспертов, Монголия представляет собой один из удачных примеров относительно быстрой и успешной трансформации бывшей социалистической страны в современную, динамично развивающуюся, демократическую страну с многопартийной политической системой, рыночной экономикой и открытой внешней политикой. США, Великобритания, ЕС, Германия, Франция и другие страны видят в современной Монголии образец развития демократии западного типа, что, в частности, нашло отражение в избрании ее председателем международной организации Сообщества демократических стран мира на 2011–2013 гг.

В нынешних условиях постоянно растущего спроса на минеральное сырье в мире Монголия с ее богатыми, пока еще не до конца разведанными природными ресурсами, несомненно, представляет большой и лакомый кусок постоянно уменьшающегося «глобального сырьевого пирога» для многих крупных иностранных компаний и корпораций. Иностранные компании в Монголию привлекают, прежде всего, такие крупные месторождения, как Таван-Толгой (каменный и коксующийся уголь), Оюу-Толгой (медь, золото), Дорнод (уран) и др. Так, по уточненным данным, только одно из крупнейших в мире Таван-Толгойское угольное месторождение располагает запасами свыше 7,5 млрд т угля, в том числе 40% коксующегося угля⁴. Запасы медно-золотого месторождения Оюу-Толгой, расположенного в Южной Гоби, по расчетам специалистов, составляют 450 тыс. т меди и 330 тыс. унций золота⁵.

В последние годы в Монголии был проведен ряд международных инвестиционных форумов в горнорудной промышленности, в том числе только в 2011 г. 2-й Монгольский экономический форум, «Coal Mongolia—2011», «Metals Mongolia—2011», в работе которых приняли участие сотни представителей зарубежных и монгольских компаний.

Концепция внешней политики Монголии

Основные принципы и направления внешней политики новой, постсоциалистической Монголии были сформулированы в Концепции внешней политики Монголии, которая была принята Великим государственным хуралом в июле 1994 г.⁶ В ней, в частности, было отмечено, что «распад мировой социалистической системы и Советского Союза резко изменил внешние условия Монголии, которая была его союзником. Крупные преобразования, происходящие в настоящее время в двух соседних странах (имелись в виду Россия и Китай. — В.Г.), непосредственно влияют на внешнюю среду Монголии»⁷.

С тех пор прошло 17 лет. За эти годы в самой Монголии, России, Китае и во всем мире произошли большие изменения, назрела потребность обновить Концепцию национальной безопасности Монголии (1994) и Концепцию внешней политики Монголии (1994). Обновленная редакция Концепции национальной безопасности Монголии была принята ВГХ в июле 2010 г.

10 февраля 2011 г. парламент страны утвердил обновленную редакцию Концепции внешней политики Монголии (КВП—2011). Текст новой редакции Концепции состоит из преамбулы и семи разделов, в том числе: «Общие положения», «Политика в области внешнеполитических отношений», «Политика в области внешнеэкономических отношений», «Политика в области внешних научно-технологических отношений», «Политика в области внешних культурно-гуманитарных отношений», «Политика в области защиты прав граждан своей страны, находящихся за границей» и «Политика в области внешней пропаганды и связей с общественностью». По сравнению с Концепцией—1994

структура новой Концепции—2011 в основном осталась прежней, но при этом в нее были дополнительно включены два последних раздела⁸.

В КВП—2011 дана краткая характеристика современного международного положения в мире, места Монголии в нем, нового этапа ее развития, определены принципы и основные направления государственной политики.

В преамбуле, в частности, отмечается, что с начала XXI в. в мире все более набирает темпы процесс глобализации, скачкообразно развиваются наука и информационные технологии, расширяется политическая и экономическая интеграция, углубляется взаимозависимость между государствами. Международные отношения резко изменились по сравнению с периодом существования двухполюсной системы во второй половине XX в. Обозначились новые крупные центры развития, наблюдается тенденция возрастания их влияния на международные отношения. С другой стороны, углубляется разница в темпах и уровне развития государств, в государствах со слабой уязвимой экономикой не сокращаются безработица и бедность. В некоторых государствах и регионах продолжают попытки обзавестись ядерным оружием. Кроме этого, возрастают такие опасности и вызовы, как изменения климата, ухудшение природной среды, а также международный терроризм, торговля людьми и наркотиками, распространение эпидемических заболеваний⁹.

Монголия превратилась в государство с рыночной экономикой, в котором высшими ценностями считаются демократия, права и свободы человека. Наряду с этим, все более расширяются ее внешние связи и сотрудничество, значительно выросла численность монгольских граждан, работающих и обучающихся за границей.

Монголия, используя свои природные богатства, вступает на путь интенсивного развития, наращивания своего экономического потенциала, увеличения занятости и повышения уровня жизни населения.

Существует потребность увеличить вклад Монголии в решение глобальных актуальных проблем, расширить внешние связи и повысить их результативность для реализации политики национального развития¹⁰.

Внешняя политика Монголии, указывается в Концепции—2011, опирается на национальные интересы, изложенные в Конституции Монголии и Концепции национальной безопасности. Внешние и внутренние факторы страны являются основой для определения целей, принципов и направлений ее внешней политики. В связи этим следует напомнить, что в феврале 2012 г. исполняется 20 лет вступления в силу новой Конституции Монголии, которая закрепила завоевания мирной демократической революции 1990 г. и определила основы внешней политики страны.

Цель внешней политики Монголии состоит в том, чтобы «укреплять независимость и суверенитет своего государства путем поддержания дружественных отношений, развития политических, экономических и других отношений и сотрудничества с государствами мира, укрепления своих позиций в международном сообществе и ускорения прогресса своей страны. Обеспечение безопасности и коренных национальных интересов Монголии в сфере международного права политико-дипломатическими методами является приоритетной задачей внешней политики»¹¹.

Монголия проводит миролюбивую, открытую, самостоятельную, многоопорную внешнюю политику¹².

В Концепции—2011 подтверждено, что в отношениях с другими государствами Монголия будет руководствоваться принципами, изложенными в Уставе ООН, такими как взаимное уважение независимости, полный суверенитет, территориальная целостность, неприкосновенность границ, полное право на самоопределение, невмешательство во внутренние дела, мирное решение спорных проблем, приоритет прав и свобод человека, равноправное и взаимовыгодное сотрудничество, а также другими общепринятыми

принципами и нормами международного права и принципами, содержащимися в основных документах двусторонних отношений¹³.

При этом в новой КВП выделен специальный пункт об отношениях Монголии с крупными, влиятельными государствами мира. В нем, в частности, сформулировано принципиально важное положение: «Наряду с развитием отношений и сотрудничества с влиятельными глобальными и региональными государствами остерегаться попадания в чрезмерную зависимость или подчиненное положение от какого-либо государства»¹⁴. Иными словами, Монголия стремится проводить полностью самостоятельную, независимую внешнюю политику и не попадать при этом в чрезмерную зависимость от какой-либо большой, влиятельной страны или подчиняться ей. Принимая во внимание, что Монголия непосредственно граничит только с двумя государствами — Россией и Китаем, очевидно, что данное положение Концепции, прежде всего, относится именно к этим двум странам. Следует отметить, что подобный пункт был также и в Концепции—1994, но он касался только России и Китая. Новый момент в вышеприведенной формулировке, на наш взгляд, состоит в том, что в ней речь косвенно идет не только о России и Китае, но также и о других сильных, влиятельных государствах, возможно, имеются в виду США, Япония и др.

Согласно КВП—2011, внешняя политика Монголии осуществляется по шести взаимосвязанным направлениям: политика в области политических, экономических, научно-технологических, культурно-гуманитарных отношений, защиты прав граждан, находящихся за границей, внешней пропаганды и отношений с общественностью. При этом определяющим среди них является политика в области внешнеполитических отношений.

Цель государственной политики в области внешнеполитических отношений Монголии состоит в том, чтобы «создать благоприятные внешние условия для обеспечения безопасности и прогрессивного развития государства, развивать дипломатические и консульские отношения, повышать уровень своих отношений с влиятельными государствами, активизировать деятельность в международных организациях, внести свой вклад в решение глобальных актуальных проблем»¹⁵.

В нынешней международной обстановке Монголия по ряду причин оказалась на перекрестке геополитических, экономических и других интересов ряда крупных, влиятельных держав — России, Китая, США, Японии и др. В связи с этим принципиально важным представляется то, что в новой КВП—2011 подтверждено, что «в условиях отсутствия внешней военной угрозы Монголия будет придерживаться курса на неприсоединение к различным военным союзам, на недопущение использования своей территории и воздушного пространства против какого-либо государства, на недопущение ввода, размещения иностранных военных сил на своей территории и пропуска их через свою территорию»¹⁶. Тем самым Монголия повторила свои прежние обязательства проводить политику неприсоединения к военным блокам, не предоставлять свою территорию и воздушное пространство для использования против других государств, не создавать иностранные военные базы на своей территории.

В Концепции—2011 определены 5 основных направлений политики Монголии в области внешнеполитических отношений:

1. отношения и сотрудничество с Россией и Китаем;
2. отношения и сотрудничество с США, Японией, ЕС, Индией, РК и Турцией;
3. отношения и сотрудничество с другими странами Азии;
4. отношения и сотрудничество с ООН, ее специализированными организациями, международными финансовыми, торговыми и экономическими организациями;
5. отношения и сотрудничество с развивающимися странами.

По сравнению с Концепцией—1994 общее число основных направлений внешней политики было сокращено с 6 до 5 за счет отказа от выделения отношений с бывшими социалистическими странами и странами СНГ в качестве отдельного направления.

Как и в Концепции-1994, отношения с Россией и Китаем определены в качестве первого приоритетного направления внешней политики современной Монголии и формулировка по существу осталась прежней. В ней, в частности, говорится: «Поддержание дружественных отношений с РФ и КНР — самая приоритетная задача (монг. *эн тэргүүний зорилт*) политики Монголии в области внешних связей, и она будет поддерживать с этими государствами в целом сбалансированные отношения и развивать широкое добрососедское сотрудничество. При этом будут учитываться исторические традиции взаимоотношений и особенности экономического сотрудничества с этими двумя государствами»¹⁷. Из аналогичной формулировки КВП—1994, в частности, была исключена фраза «Монголия не будет односторонне следовать ни за одной из них».

Поскольку вышеприведенная формулировка является основной, определяющей характер политических и всех других отношений Монголии с Россией и Китаем, целесообразно остановиться на ней несколько более подробно. Во-первых, обращает на себя внимание, что отношения Монголии с двумя ее непосредственными, великими и очень разными соседями — Россией и Китаем, как и Концепции—1994, выделены в качестве первого, важнейшего приоритета внешней политики страны, а во-вторых, объединены в рамках одного приоритетного направления. В этом, по нашему мнению, состоит одна из важных особенностей внешней политики Монголии. Главный смысл такого объединения состоит в том, что с учетом исторического опыта взаимоотношений с Россией и Китаем в прошлом, в XVII—XX вв., современная Монголия последовательно и настойчиво стремится избегать попадания в чрезмерную зависимость как от Китая, так и от России. На протяжении последних двадцати лет Монголия придерживалась и, по всей видимости, в дальнейшем будет придерживаться принципа «не отдавать приоритета ни одной из двух великих соседних держав», поддерживать с ними в основном сбалансированные, дружественные отношения и развивать всестороннее добрососедское сотрудничество.

В то же время обращает на себя внимание, что в новой Концепции—2011 вообще отсутствует упоминание о стратегическом партнерстве Монголии с Россией, Китаем, США и некоторыми другими странами.

Если во внешнеполитических отношениях с Россией и Китаем (встречи на высшем и высоком уровне, совместные заявления, декларации, межпарламентские связи и т.д.) Монголии в целом удается поддерживать определенный баланс, то в торгово-экономических отношениях Монголии с этими государствами возник и продолжает увеличиваться большой дисбаланс в пользу Китая. Так, по итогам 2011 г. во внешнеторговом обороте Монголии доля Китая составляла около 60%, а доля России — около 15%¹⁸. В общем объеме иностранных инвестиций, вложенных в экономику Монголии за последние 20 лет (1991–2011 гг.), доля Китая составила почти до 50%, а России — немногим более 3%.

Второе направление внешней политики Монголии охватывает развитие двусторонних отношений и сотрудничества в рамках так называемой «политики «третьего соседа» — с США, Японией, ЕС, Индией, Республикой Корея и Турцией.

Политика «третьего соседа» — это вторая важная особенность внешней политики современной Монголии. Впервые выражение «третий сосед» появилось в начале 1990-х гг., когда тогдашний госсекретарь США Дж. Бейкер впервые посетил Монголию в августе 1990 г. и заявил, что США готовы быть «третьим соседом» Монголии¹⁹. В последующие годы официальные представители США на разных уровнях, включая президентов Б. Клинтона, Дж. Буша и Б. Обаму, неоднократно подтверждали готовность США быть «третьим соседом» новой демократической Монголии и защищать ее интересы.

С течением времени содержание понятия «третий сосед» постепенно расширялось, охватив, помимо США, некоторые другие развитые страны Запада и Востока. Оно прочно вошло в идеологию и практику внешней политики современной Монголии²⁰. В настоящее время феномен политики «третьего соседа» Монголии привлекает внимание многих монгольских и зарубежных политиков, политологов и исследователей, появились первые научно-исследовательские работы и монографии об исторических предпосылках и первых попытках реализации идеи «третьего соседа» в начале XX в., когда в декабре 1911 г. Монголия провозгласила восстановление своей национальной независимости и государственности²¹.

По нашим наблюдениям, в нынешней политике «третьего соседа» можно выделить несколько аспектов. Во-первых, из самого названия видно, что эта политика изначально предполагает наличие некоей достаточно крупной внешней силы, крупного и влиятельного государства или группы государств, которые способны быть определенным противовесом двум сильным географическим соседям Монголии — России и Китаю. Данный аспект, естественно, вызывает определенное настороженное отношение со стороны России и Китая. Тем более, со стороны России, которая на протяжении почти всего XX в. выступала покровительницей и защитницей национальных интересов Монголии, гарантом ее национальной независимости и основным донором социально-экономического и культурного развития.

В то же время, как официально заявляют монгольские лидеры, политики и дипломаты, политика «третьего соседа» не направлена против России и Китая, она не предполагает ухудшение отношений и сотрудничества с ними. Они рассматривают эту политику как один из важных инструментов формирования и реализации политики обеспечения национальной безопасности и ускоренного развития Монголии путем балансирования не только между Россией и Китаем, но и между другими крупными, влиятельными странами, имеющими свои политические, экономические и другие интересы в этой стране и регионе. Иными словами, основной позитивный смысл политики «третьего соседа» для Монголии состоит в том, чтобы, с одной стороны, в какой-то степени уравновесить и ограничить сильное влияние традиционных российского и китайского факторов, а с другой стороны, привлечь интерес и внимание других, прежде всего крупных развитых стран как дополнительных внешних факторов обеспечения национальной безопасности и прогрессивного развития своей страны.

В Концепции внешней политики Монголии—2011 имеется формулировка «политика «третьего соседа», названы страны и объединения, которые подпадают под это понятие, однако отсутствует четкое определение существа этой политики. Между тем, в современной монгольской внешнеполитической практике понятие «третий сосед» широко применяется не только в отношении США, но и в отношении Японии, Индии, ЕС, Республики Корея и Турции. Все эти государства и ЕС представляют собой крупные, развитые, влиятельные страны и объединение европейских стран, которые входят в группу стран и международных организаций-доноров Монголии, тесно сотрудничают с ней в политической, экономической, культурной, образовательной и других областях, оказывают ей существенную помощь и являются опорами ее современного развития. Наблюдается тенденция возрастания роли политики «третьего соседа» в общем комплексе внешней политики Монголии.

Третье направление внешней политики Монголии состоит в том, чтобы «развивать дружественные двусторонние отношения и сотрудничество с другими странами Азии, участвовать в многосторонней деятельности в АТР, поддерживать политику и участвовать в деятельности, направленной на укрепление стратегической стабильности и расширение сотрудничества в области безопасности в Восточной Азии, Северо-Восточной и Центральной Азии»²². Как азиатская страна Монголия стремится активно развивать двусторонние отношения с другими странами АТР, прежде всего со странами

Северо-Восточной, Центральной и Юго-Восточной Азии, участвовать в многостороннем сотрудничестве, в политической и экономической интеграции в АТР. Монголия является членом таких региональных международных организаций, как АРФ (1998), СТЭС (2000), страной-наблюдателем в ШОС (2004), ожидает своей очереди для вступления в АТЭС.

Четвертое направление внешней политики Монголии предусматривает продолжение активного сотрудничества с ООН, ее специализированными организациями, а также с международными финансовыми, торговыми и экономическими организациями. Монголия поддерживает повышение роли и ответственности ООН в современном мире²³. В 2011 г. исполнилось ровно 50 лет со времени вступления МНР/Монголии в члены ООН. За истекшие годы Монголия стала полноправным и активным членом международного сообщества, вносит свой достойный вклад в укрепление мира и безопасности, развитие всестороннего сотрудничества между странами всех континентов. Монголия выступила инициатором свыше 70 резолюций по 20 международным вопросам, которые были обсуждены и приняты на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН²⁴. Самостоятельно или с участием других стран-членов ООН Монголия инициировала резолюции о праве народов на мирное существование, о предоставлении международных гарантий безъядерного статуса Монголии, о развитии всеобщего образования, об улучшении жизни сельских женщин, о повышении роли кооперации в социальном развитии, о преодолении трудностей, с которыми сталкиваются развивающиеся страны, не имеющие выхода к морю и др.²⁵ В настоящее время в соответствии с недавно принятой резолюцией ООН по вопросу об удовлетворении специфических потребностей стран, не имеющих выхода к морю, ведется работа по созданию в Монголии специального Международного исследовательского центра развивающихся стран, не имеющих выхода к морю. В последние годы миротворцы Монголии принимают активное участие в миротворческой деятельности ООН в ряде стран Азии и Африки. С 1963 г. до конца 2011 г. ООН оказала Монголии экономическую помощь в объеме свыше 350 млн долл. США, ее специализированные организации, особенно ПРООН, сыграли важную роль в преодолении экономического кризиса в начале 1990-х гг. и в создании Группы стран и организаций-доноров развития Монголии. Монголия последовательно поддерживает цели и принципы ООН²⁶.

Пятое направление внешнеполитических отношений Монголии предусматривает развитие двусторонних отношений с развивающимися странами, а также сотрудничество с ними в рамках международных организаций — ООН, «группа 77». Движение неприсоединения.

Целью политики Монголии в области внешнеэкономических отношений является «повышение эффективности внешних отношений для обеспечения устойчивого роста национальной экономики, гарантий экономической безопасности и повышения уровня жизни народа»²⁷. При этом особое внимание уделяется всемерному обеспечению экономической безопасности, избеганию попадания в чрезмерную экономическую зависимость от какого-нибудь государства. В Концепции—2011 указаны 10 направлений внешнеэкономической политики.

1. Путем внедрения передовых технологий и менеджмента в отрасли экономики, приближения и доведения качества и стандартов работ, услуг и продукции до международного уровня и стандартов повышать их конкурентоспособность, поддерживать наращивание объемов экспорта.

2. Полностью перерабатывать горнорудное и сельскохозяйственное сырье, выпускать конечную продукцию с добавленной стоимостью, производить импортозамещающую продукцию, увеличивать рабочие места, а также оказывать поддержку развитию производства, основанного на знании.

3. Оказывать содействие в развитии инфраструктуры, в том числе тепло- и электроэнергетики, дорог, транспорта, коммуникаций.

4. Стремиться к вхождению в международную и региональную экономическую интеграцию и инфраструктурные сети, оказывать поддержку в создании благоприятных условий для доступа к морским портам, транзитным путям и транспорту.

5. Развивать международный туризм, опираясь на природное, историческое и культурное наследие, довести его сервис до международного уровня, войти в международные сети, оказать поддержку в распространении достижений национальной культуры за рубежом.

6. Нацелить внешнюю торговлю на рост экономики и удовлетворение потребностей населения, повысить ее эффективность и путем создания благоприятных условий для внешней торговли расширить рынки для национальных товаров и услуг.

7. Формировать благоприятную среду для бизнеса, сбалансированно наращивать прямые иностранные инвестиции и, наряду с этим, стремиться к созданию условий для инвестирования средств национальных хозяйственных единиц за границей и проникновения на мировые финансовые и фондовые рынки.

8. Развивать «зеленую» и «голубую» экономику, оказывать поддержку снижению вредного воздействия на природу и окружающую среду в процессе использования горнорудных богатств.

9. Развивать двустороннее и многостороннее сотрудничество в направлении обеспечения экологической безопасности, сохранения баланса и защиты окружающей среды, особенно борьбы с опустыниванием, активно работать в области получения безвозмездной помощи от иностранных государств и международных организаций.

10. Добиться сдвигов в защите интересов развивающихся стран, не имеющих доступа к морю, изыскивать возможности для использования ресурсов мирового океана²⁸.

Перечень основных направлений внешнеэкономической политики Монголии показывает, что эта политика направлена, прежде всего, на всемерное наращивание экономического потенциала, на обеспечение экономической самостоятельности страны, на повышение конкурентоспособности национальной экономики, на избежание чрезмерной экономической зависимости от какого-либо иностранного государства, на активное участие в мировой и региональной экономической интеграции, на повышение уровня жизни народа, на сохранение природы и окружающей среды и экологического равновесия. По каждому из этих направлений Монголия планирует и осуществляет ряд мероприятий.

В настоящее время главным направлением внешней и внутренней экономической политики руководства Монголии является привлечение иностранного капитала для освоения ряда крупных, стратегических месторождений угля, меди, золота, урана и других полезных ископаемых. Первым практическим шагом в этом направлении после длительных переговоров и внутренних дискуссий стало подписание в октябре 2009 г. первого Инвестиционного соглашения между правительством Монголии и руководителями канадской компании «Айвенхоу майнз» (Ivanhoe mines) и британо-австралийской корпорации «Рио Тинто» (Rio Tinto) об освоении медно-золотого месторождения Оюу-Толгой, расположенного в Южной Гоби. По расчетам специалистов, данное месторождение располагает 2,7 млрд т руды, которая содержит 25,4 млн т меди, более 1 тыс. т золота, свыше 5 тыс. т серебра и более 80 тыс. т молибдена²⁹. По расчетам экспертов канадской компании «Айвенхоу майнз», в течение 65 лет после начала эксплуатации карьера и шахты в Оюу-толгой планируется добыть 22,6 млн т меди, 798 т золота, 5,3 тыс. т серебра, 2,8 млрд т руды, содержащей 58 тыс. т молибдена, и произвести 78 млн т концентрата. В течение срока действия инвестиционного соглашения объем ВВП Монголии увеличится на 34,3%, трудовая занятость — на 3 тыс. чел., число рабочих мест — на 10 тыс.³⁰

Общий объем инвестиций в этот проект составит свыше 2 млрд долл. Создана и функционирует совместная компания с ограниченной ответственностью «Оюу-Толгой», в которой 34% акций принадлежит монгольской государственной компании «Эрдэнэс МГЛ». Построены и функционируют обогатительная фабрика, бетонный завод, местный

аэропорт. Компания «Оюу-Толгой» подготовила более 3 тыс. монгольских рабочих и специалистов. По соглашению, 60% рабочей силы, занятой в проекте, должны составлять монголы. По состоянию на конец 2011 г. в проекте были заняты около 12 тыс. монголов, или 63,34% всей рабочей силы. Непосредственно на строительной площадке работали более 7700 монголов, кроме этого, 3300 монголов были охвачены профессиональным обучением³¹.

В настоящее время ведутся напряженные переговоры по другому крупному инвестиционному проекту — освоению одного из крупнейших в мире угольных месторождений Таван-Толгой, которое также расположено в Южной Гоби, недалеко от монголо-китайской границы. По уточненным данным, его запасы оцениваются в 7,5 млрд т угля из которых более 40% составляет коксующийся уголь³². На первом этапе тендера по определению оператора на Западном участке Цанхи, входящего в группу месторождений Таван-Толгой, участвовали 15 крупных иностранных компаний. в т.ч. российский консорциум во главе с ОАО РЖД, китайская компания «Шэньхуа энерджи» (China Shenhua Energy Co. Ltd), американская корпорация «Пибоди Энерджи» (Peabody Energy Corp.), австралийская компания «Экстрата» (Xstrata), британская «Би Эйч Пи Биллитон» (BHP Billiton), бразильская «Вале» (Vale), японские компании «Сожиц» (Sojitz), «Марубени» (Marubeni), «Мицуи» (Mitsui & Co. Ltd), «Сумитомо» (Sumitomo), корейский консорциум «Корес», индийская компания «Жиндал» (Jindal) и др. Согласно предварительным итогам, победителями тендера были объявлены китайская «Шэньхуа энерджи» (40% акций), российско-монгольский консорциум «РЖД (36%), американская «Пибоди энерджи» (24%)³³. Однако Совет национальной безопасности Монголии признал объявленные итоги тендера недоработанными и отправил документы на доработку в правительство.

В 2011 г. Профессиональный совет по минеральным ресурсам Монголии установил и зарегистрировал 112 новых месторождений 14 видов полезных ископаемых. В результате этого прогнозные запасы угля в стране увеличились на 8,4 млрд т. золота — на 35 т, вольфрама — на 60 тыс. т. железной руды — на 30 млн т³⁴.

В КВП—2011 также определены цель и направления внешней политики в области науки и технологии. Цель политики состоит в том, чтобы оказывать поддержку повышению современного национального научно-технологического потенциала и ускорению развития общества³⁵. Основные направления политики:

1. оказывать поддержку в отборе и внедрении прогрессивных технологий глубокой переработки минерального и сельскохозяйственного сырья;

2. активизировать сотрудничество в области внедрения инноваций в экономическую и социальную сферы, использования ядерной энергии в мирных целях, оказывать поддержку в реализации проектов и программ использования возобновляемых источников энергии;

3. привлекать иностранные инвестиции и внедрять современные достижения в отрасль информационных технологий, оказывать поддержку расширению и развитию национальной сети научно-технологической информации;

4. укреплять опытно-экспериментальную базу по передовым направлениям научных исследований, стремиться увеличить иностранную помощь и поддержку для подготовки профессиональных исследователей;

5. поддерживать расширение и развитие монголоведения в других странах, оказывать содействие в создании центров монголоведения за рубежом;

6. развивать сотрудничество в области науки, технологии и интеллектуальной собственности на двусторонней и многосторонней основе³⁶.

Из вышесказанного видно, что в области международного научно-технологического сотрудничества Монголия отдает приоритет отбору и внедрению прогрессивных технологий переработки минерального и сельскохозяйственного сырья, мирного использования ядерной энергии, а также возобновляемых источников энергии. Это

вызвано тем, что стратегия экономического развития Монголии на ближайшие 15–20 лет строится на базе приоритетного развития горнодобывающей промышленности, освоения ряда крупных месторождений полезных ископаемых, а также более эффективного использования сельскохозяйственных ресурсов.

Обращает на себя внимание, что в число приоритетов внешней политики Монголии в области науки и технологий вошло монголоведение как отрасль науки, развитию которой руководство страны придает важное политическое значение. Монгольское государство будет оказывать содействие развитию монголоведения в других странах. Примером реализации шагов в этом направлении может служить речь президента Монголии Ц. Элбэгдоржа на открытии очередного X Международного конгресса монголоведов (Улан-Батор, август 2011 г.). Президент Монголии, в частности, выступил с предложениями о создании Фонда поддержки монголоведения в мире и Университета монголоведения³⁷.

Концепция внешней политики Монголии—2011 в области культурно-гуманитарных связей нацелена на развитие национальной культуры и ее традиций в сочетании с общими достижениями мировой культуры, на сохранение и восстановление ценностей своей истории и культуры, на развитие сотрудничества, направленного на поиски материальных предметов, оказавшихся за границей по историческим причинам, на оказание содействия прямым связям в социально-гуманитарной области. Для достижения поставленных целей внешние отношения будут развиваться по следующим направлениям.

1. В области сохранения и восстановления исторических и культурных памятников и ценностей сотрудничать с зарубежными государствами, ЮНЕСКО и другими международными организациями, стремиться зарегистрировать национальное материальное и нематериальное наследие в Фонде мирового культурного и природного наследия.

2. Приблизить услуги в области образования, здравоохранении и социальной защиты к международным требованиям и стандартам, оказывать содействие в изучении и использовании опыта государств, добившихся прогресса в этом отношении.

3. Создать условия для подготовки в развитых странах особо необходимых для национального развития специалистов, для приглашения на работу высококвалифицированных иностранных преподавателей и ученых, оказывать поддержку развитию сотрудничества в области образования, в том числе в создании учебных заведений и исследовательских учреждений.

4. Активно взаимодействовать с международными организациями в области образования, культуры, искусства, спорта, общественных связей и информации, присоединяться к договорам в этих сферах, развивать прямые связи и обмены с родственными организациями, участвовать в международных культурных, художественных, спортивных и других мероприятиях, оказывать поддержку в организации аналогичных мероприятий у себя на родине.

5. Расширять связи и сотрудничество с монгольскими соплеменниками в других странах, оказывать поддержку сохранению и развитию национального языка, культуры и традиций.

Таким образом, внешняя политика Монголии в области культуры и гуманитарных отношений направлена, прежде всего, на сохранение и развитие своей оригинальной национальной культуры, монгольской цивилизации в сочетании с достижениями мировой культуры и цивилизации, на расширение двустороннего и многостороннего сотрудничества в области образования, культуры, искусства, информации, спорта, гуманитарных связей. Большое внимание по-прежнему будет уделяться расширению культурных и гуманитарных связей с соотечественниками и родственными монгольскими народами и этническими группами, проживающими в других странах. По данным монгольских источников, в современном мире насчитывается до 10 млн чел. монгольского происхождения, которые проживают в Монголии, России (буряты, калмыки), Китае (чахары, харчины, хорчины, ойраты и др.) и некоторых других странах. Будет продолжена деятельность

Конвента монголов мира — неправительственной организации, которую возглавляет президент Монголии и которая объединяет представителей различных монгольских народов, политиков, ученых, деятелей культуры, искусства, бизнесменов с целью укрепления культурных и гуманитарных связей, сохранения монгольского языка, традиций и обычаев национальной культуры.

В новом разделе КВП—2011, озаглавленном «**Политика в области внешней пропаганды и связей с общественностью**», в частности, заявлено, что цель этой политики состоит в том, чтобы «пропагандировать и знакомить другие народы с внутренней и внешней политикой Монголии, с процессом ее демократизации и модернизации, создавать у них позитивные представления и впечатления о нашей стране, расширять круг дружественно настроенных к ней людей, развивать связи и сотрудничество между гражданами»³⁸. Эта политика осуществляется по следующим направлениям.

1. Активизировать внешнюю деятельность по пропаганде истории, культурных традиций и социально-экономических достижений Монголии, поддержать создание структуры внешней пропаганды.

2. Выпускать и распространять среди других народов пропагандистские книги, брошюры, передачи, кинофильмы, альбомы, рассказывающие об истории, природе, обычаях, жизни и развитии Монголии.

3. Оказывать поддержку и содействие в проведении в рамках двусторонних отношений Дней пропаганды Монголии за рубежом, в организации выставок, ярмарок, демонстраций кинофильмов, выступлений мастеров искусств, встреч и интервью.

4. Для улучшения внешней пропаганды сотрудничать с известными людьми, государственными, общественными деятелями и деятелями культуры, журналистами других стран и международных организаций, а также со средствами массовой информации.

5. Изучать сообщения и информацию о Монголии, появляющиеся в зарубежных СМИ.

6. Обеспечивать общественность и средства массовой информации объективной информацией о внешней политике и внешних связях Монголии, направлять силы и возможности этих организаций на развитие отношений и сотрудничества с другими государствами.

7. При реализации политики в области внешней пропаганды и связей с общественностью использовать формы и способы народной и культурной дипломатии.

8. Поддерживать деятельность организаций мира и дружбы.

В последние годы Министерство внешних сношений и торговли и другие организации Монголии заметно активизировали свою деятельность по пропаганде истории Монголии, особенно эпохи Чингис-хана и Монгольской империи, национально-освободительной борьбы монгольского народа в XIX—XX вв. за восстановление национальной независимости и государственности, за свободное и демократическое развитие. В последние годы Монголию в среднем в год посещают 400–450 тыс. иностранных туристов из Китая, России, США, Японии, Республики Корея и других европейских и азиатских стран. Поставлена задача — довести численность иностранных туристов до 1 млн. чел. в год. Иностранный туризм уже стал важным источником пополнения госбюджета, получения иностранной валюты и каналом для пропаганды истории, культуры и достижений современной Монголии и кочевой цивилизации.

Ознакомление с Концепцией внешней политики Монголии—2011 и практикой ее реализации показывает, что современная Монголия преодолела кризисные явления переходного периода и первой фазы глобального экономического кризиса 2008–2009 гг. Она вступает в новый этап своего интенсивного социально-экономического развития, проводит активную, самостоятельную, открытую, многоопорную внешнюю политику, направленную на создание благоприятных внешних условий для реализации амбициозных пла-

нов прорыва в социально-экономическом развитии в ближайшие 10–20 лет, перехода из группы слаборазвитых стран в группу среднеразвитых стран мира.

Между тем, практика международных и двусторонних отношений Монголии с соседними и другими странами за последние годы показывает, что при реализации этой концепции Монголия столкнется с немалыми трудностями. Это вполне естественно и закономерно. Монголия, обладающая обширной территорией, большими, пока еще не до конца разведанными природными богатствами, но малочисленным и в большинстве своем бедным населением и слаборазвитой экономикой, находясь на перекрестке геополитических, экономических и других интересов таких великих держав, как Россия, Китай, США, Япония и другие, впервые за последние 300 лет получила уникальную возможность разрабатывать и проводить относительно самостоятельную, независимую внешнюю политику, основанную на сочетании национальных интересов с геополитическими, геоэкономическими, стратегическими и другими интересами ведущих государств мира.

1. Декларация о развитии стратегического партнерства между РФ и Монголией. URL: <http://www.kremlin.ru> 25.08.2009.
2. <http://www.nso.mn> 13.01.2012.
3. <http://www.mfat.gov.mn> 28.12.2011.
4. Монголия сегодня. 2011. 8 июля.
5. <http://www.montsame.mn> 02.04.2010; Монголия сегодня. 2009. 6 янв.
6. Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал [Концепция внешней политики Монголии] // Ардын эрх. 1994. 17 июля.
7. Там же.
8. Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал [Концепция внешней политики Монголии]. URL: <http://www.pmis.gov.mn> (Здесь и далее перевод автора. — В.Г.)
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. В российской общественно-политической литературе и СМИ монгольское выражение «олон тулгуурт гадаад бодлого» (дословно «многоопорная внешняя политика») обычно переводится на русский язык как «многовекторная внешняя политика». Между тем, на наш взгляд, понятия «многовекторная» и «многоопорная» не идентичны. Если первое понятие отражает разнонаправленность, многовекторность внешней политики, то второе понятие «многоопорная» выражает сложный, составной характер основ внешней политики страны, в частности, не одну-две, а несколько внешних опор. Поэтому представляется, что в русскоязычной литературе и СМИ выражение «олон тулгуурт гадаад бодлого» следует переводить как «многоопорная внешняя политика».
13. Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же.
18. Монголия сегодня. 2011. 27 дек.
19. Тумурчулуун Г. Процесс принятия внешнеполитических решений в малых государствах (На примере Монголии) М., 1999. С. 127–128.
20. Tsedendamba Batbayar. Mongolia's New Identity and Security Dilemmas // The Mongolian Journal of International Affairs. 2002. No. 8–9. P. 11; Яскина Г.С. Монголия и Соединенные Штаты Америки: на пути к сближению // Пробл. Дальнего Востока. 2008. № 3. С. 26–34.
21. Батбаяр Ц. Богд хаант Монгол Улс гуравдахь хөршийн эрэлд [Богдоханская Монголия в поисках «третьего соседа»]. УБ., 2011 (Выражение «Богдоханская Монголия» в данном случае означает «Монголия в период теократического правления богдохана Джиблзундамба-хутухты VIII (1911–1919 гг. — В.Г.)»; Яскина Г.С. Указ. соч. С. 26–34; Баркманн Удо Б. Монголд гурав дахь тулш хэрэгтэй юу? [Нужен ли Монголии третий партнер?] // Орчин үеийн Монголын тухай егууллуд [Статья о современной Монголии]. Улаанбаатар, 2008. С. 294–297; Hiroaki Matsui,

- Dashdulam D. Mongolia's Third Policy and Japanese Factor // The History and Culture of Mongols in the 20th Century. Summaries of Symposium Papers. Ulaanbaatar, August 16–18, 2011. P. 45–46.*
22. Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал.
 23. Там же.
 24. <http://www.mfat.gov.mn> 28.12.2011.
 25. Там же.
 26. Там же.
 27. Там же.
 28. Там же.
 29. <http://www.montsame.mn> 04.2010.
 30. Монголия сегодня. 2009. 5 авг.
 31. Монголия сегодня. 2011. 20 окт.
 32. Монголия сегодня. 2011. 8 июля.
 33. <http://www.rbc.ru> 05.07.2011.
 34. Монголия сегодня. 2011. 21 дек.
 35. Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал.
 36. Там же.
 37. Одрийн Сонин. 2011. 10 авг.; Монголия сегодня. 2011. 12 авг.
 38. Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал.

Некоторые проблемы борьбы с терроризмом на территории стран Шанхайской организации сотрудничества

© 2012

В. Журавель

Рассматриваются проблемы террористической угрозы для стран, входящих в Шанхайскую организацию сотрудничества, и борьбы с этой угрозой, характерные черты действий террористических организаций, меры повышения эффективности антитеррористической деятельности ШОС.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, терроризм, антитеррористическая коалиция, контртеррористические операции.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) в силу геостратегического положения входящих в ее состав государств в центральной части евразийского континента и мощного потенциала развития имеет все необходимые предпосылки для того, чтобы стать одним из главных полюсов современного мира. За короткий срок своего существования ШОС стала заметным звеном в формировании нового полицентричного миропорядка. Долговременная цель ШОС — оздоровление обстановки в Центральной Азии, налаживание сотрудничества и укрепление доверия между странами региона. «Для России, — подчеркивается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., — особое значение будут иметь укрепление политического потенциала Шанхайской организации сотрудничества, стимулирование в ее рамках практических шагов, способствующих укреплению взаимного доверия и партнерства в Центрально-Азиатском регионе»¹.

Препятствием в реализации данной цели являются новые вызовы и угрозы, среди которых особое место занимает терроризм. Как показывает анализ, степень террористических угроз, как на региональном, так и мировом уровнях остается достаточно высокой, несмотря на активные усилия международной антитеррористической коалиции. Свидетельством этого являются крупномасштабные террористические акции, совершенные за последнее время в странах, граничащих с регионом ШОС (Индия, Пакистан, Ирак, Афганистан). Следует учитывать, что мировой финансово-экономический кризис выступает одним из катализаторов активизации террористической деятельности, роста экстремистских проявлений, преступности, нелегальной иммиграции, наркотрафика, контрабанды и других противоправных действий.

Что характерно для деятельности террористов на пространстве ШОС?²

Во-первых, они способны и ставят целью нанести не только значительный материальный и моральный ущерб отдельно взятому государству, но и спровоцировать многосторонний международный конфликт, что создаст серьезную угрозу международной стабильности и системе международной безопасности в целом. В последнее время в террористических акциях доминирует не само насилие, а производимый им психологический эффект — дискредитация и ослабление власти, социальная нестабильность, массовый страх, растерянность, психологическое травмирование общества³.

Во-вторых, для вербовки новых сторонников, как идейных, так и наемников, для привлечения финансовых средств и оправдания своих методов и целей террористические структуры напрямую используют национальные, религиозные, социально-политические и этнические конфликты в этом регионе. При реализации своих планов террористы кооперируются с транснациональными криминальными группировками и все шире пользуются их возможностями и услугами. В своей деятельности они практикуют тщательную конспирацию и отбор кадров.

В-третьих, объектами акций террористов в последние годы все чаще становятся международные мероприятия политического, культурного, спортивного характера⁴.

В-четвертых, террористы в своей преступной деятельности активно используют Интернет для связи, распространения сведений о тактике «уличного террора», способах конспирации, методах создания в «домашних» условиях биологического оружия, способах изготовления самодельных взрывных устройств, в том числе с использованием отравляющих веществ. Первостепенное значение для террористических организаций приобретает распространение идеологии.

В-пятых, большинство международных террористических организаций адаптировалось к тактике действий спецслужб и организует свою деятельность по сетевому принципу, позволяющему обеспечивать высокий уровень конспирации и собственной безопасности.

Что способствует распространению терроризма в регионе?

Во-первых, восстановление потенциала террористических группировок под флагом «Аль-Каиды», усилившей свою роль основной структуры-координатора международного терроризма. Она, несмотря на устранение ее наиболее одиозных лидеров, по-прежнему является наиболее влиятельной террористической силой глобального масштаба, которая объединяет автономные региональные ячейки без единого руководящего центра и жесткой иерархии⁵.

Во-вторых, значительное повышение уровня координации деятельности глобальных и региональных террористических сетей в странах Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, Центральной и Южной Азии. Рост угрозы распространения терроризма в центрально-азиатских странах в значительной степени обуславливается и тем обстоятельством, что в ряде террористических структур имеются экстремистские этнические группировки, соотечественники которых проживают в этих регионах⁶.

В-третьих, рост активности террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». Ее действия направлены на захват власти в регионах, где преобладает мусульманское население, с использованием на первой стадии методов «бархатных революций» и с дальнейшим переходом к вооруженному мятежу. Она ведет широкую подрывную работу, втягивает в свои ряды новых членов. Последовательно используя недовольство населения ряда стран внутривосточной обстановкой и уровнем жизни, «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» предлагает себя в качестве единственной альтернативы существующей власти.

В-четвертых, негативное влияние афганского и иракского фактора на развитие международной обстановки в Центральноазиатском регионе. На эту особенность указывается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года⁷. Проведение в Афганистане антитеррористической операции вооруженными силами США при активном участии ряда государств-участников НАТО, без учета региональных и национальных особенностей этой страны и интересов граничащих с ней государств вызвало рост проявлений террористического характера. К примеру, если в 2005 г. здесь произошел 491 теракт, то в 2006 г. уже 749⁸. На территории Афганистана объединенными усилиями международных террористов развернута сеть из 28 лагерей по подготовке боевиков⁹. Афгано-пакистанская зона стала основным «инкубатором» международной террористической активности. Основная угроза национальной безопасности для государств ШОС исходит от действующих именно на этих территориях международных террористических организаций, движение Талибан, «Аль-Каида» и других. Их цель — насильст-

венными методами свергнуть светские правительства в государствах Центральноазиатского региона. На обстановку в странах ШОС негативно влияет террористическая обстановка в Ираке. В 2005 г. здесь произошло 3468 терактов, а в 2006 г. — уже 6630¹⁰.

В этих условиях вполне объяснимо уделяемое Россией особое внимание этому региону¹¹.

Что же в этом плане предпринимается Шанхайской организацией сотрудничества?

ШОС, являясь одной из самых молодых международных организаций, сумела за достаточно короткое время поднять сотрудничество в сфере обеспечения безопасности государств-членов Организации на качественно новый уровень, показать свою эффективность в этой сфере деятельности.

Приняты основополагающие нормативно-правовые документы, позволяющие компетентным органам государств-членов ШОС оперативно и максимально эффективно осуществлять противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму¹². Эта база постоянно совершенствуется сообразно потребности в новых правовых инструментах по противодействию терроризму, экстремизму, наркопреступности.

Странами ШОС совместно с партнерами из стран Европы, США, Канады, Закавказья, Ближнего и Среднего Востока проведены результативные мероприятия в отношении лиц, подозреваемых в террористической деятельности, осуществлен ряд успешных операций по их обезвреживанию.

Особое место уделяется отработке практических навыков взаимодействия компетентных органов государств-членов ШОС при проведении контртеррористических мероприятий. В этих целях на регулярной основе проводятся антитеррористические учения государств-членов ШОС.

Начиная с 2005 г., регулярно проводятся многосторонние совместные антитеррористические военные учения под кодовым названием "Мирная миссия", на которых совершенствуется оперативная совместимость участвующих в них силовых формирований государств-партнеров по ШОС. В ходе других учений — «Волгоград—Антитеррор—2008» отработаны механизмы обмена информацией и оперативного реагирования на угрозы террористического характера в отношении объектов топливно-энергетического комплекса.

В апреле 2009 г. было проведено командно-штабное учение "Нурек. Антитеррор—2009". В рамках этого мероприятия в городе Душанбе состоялся сбор руководящего состава органов безопасности и специальных служб государств-членов ШОС. 14 мая того же года в Москве на совместном заседании руководителей специальных служб и правоохранительных органов государств-членов ШОС впервые обсуждались вопросы практического взаимодействия подразделений специального назначения и компетентных органов государств-членов ШОС. В ходе заседания на базе Центра специального назначения ФСБ России был осуществлен показ учебно-методической базы Центра, вооружения и специальной техники, а также проведены показательные занятия сотрудников подразделений специального назначения по освобождению заложников.

В Екатеринбурге в июне 2009 г. на саммите ШОС состоялось подписание Конвенции ШОС против терроризма и соглашения о подготовке кадров для антитеррористических формирований государств-членов ШОС, была утверждена программа сотрудничества государств—членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2010–2012 годы.

Положительным примером взаимодействия и сотрудничества в обеспечении безопасности проводимых международных мероприятий может послужить участие государств-участников ШОС в оказании содействия Китайской Народной Республике в проведении в 2008 г. Олимпиады в Пекине. Еще в период подготовки Олимпиады руководитель отдела безопасности Организационного комитета Олимпиады в Пекине Лу Шимин, отмечал, что ее участники и гости могут столкнуться с девятью видами угроз. Это пожары, незаконное проникновение в спортивные сооружения, городские беспорядки, уголовные преступления, технологические сбои на ключевых системах обслуживания Олимпиады, происшеств-

вия на дорогах, природные катаклизмы и, наконец, собственно терроризм¹³. Чтобы не допустить этого, в Пекинском муниципальном бюро общественной безопасности в период Олимпиады работало более 40 тыс. чел. в сфере общественной безопасности, уголовного розыска, пожарной службы и безопасности дорожного движения. При подготовке и проведении Олимпийских игр китайские специалисты в области безопасности существенно укрепили свои международные контакты, понимая, что без них противодействовать терроризму в сегодняшних условиях малоэффективно. Этот опыт может в полной мере использоваться при проведении зимней олимпиады в Сочи в 2014 г.

Задачи развития и укрепления сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом находятся в центре внимания заседаний Совета Региональной антитеррористической структуры (РАТС) ШОС. Координирующая деятельность Исполкома РАТС ШОС способствовала выявлению на ранних стадиях и своевременной локализации ряда негативных процессов, а также намерений отдельных лиц по совершению террористических актов, иных тяжких преступлений и в других государствах. Должностными лицами Исполкома регулярно проводятся рабочие встречи с руководителями компетентных органов государств—членов ШОС, представителями ОДКБ, антитеррористического центра и координационной службы Совета командующих погранвойсками СНГ.

Повышению роли ШОС в укреплении безопасности и стабильности в регионе значительно способствовало председательство России в Шанхайской организации сотрудничества в 2008–2009 гг. Было проведено большое количество самых различных мероприятий антитеррористической направленности, начиная от научно-практических конференций до встреч руководителей правоохранительных и силовых структур. Так, 20 мая 2009 г. в Москве состоялась встреча секретарей Советов безопасности стран-членов ШОС, по окончании которой с ними встретился Президент России Д.А. Медведев.

Что еще предстоит сделать ШОС в противодействии терроризму?

Во-первых, реализация Глобальной контртеррористической стратегии ООН, принятой 8 сентября 2006 г., и расширение контактов между государствами и спецслужбами по упреждению и пресечению враждебных устремлений террористов на более ранней стадии. Так, ФСБ России установило официальные контакты со 137 органами безопасности и пограничными ведомствами 77 стран. Расширяют подобные контакты и другие страны, особенно Китай. В июле 2009 г. в Иркутске состоялось и успешно прошло очередное совещание, в работе которого участвовало более 80 делегаций от спецслужб всего мира. Актуальной мерой является разработка в рамках стран ШОС системы реагирования на террористические угрозы, более быстрое получение данных о террористах¹⁴.

Во-вторых, формирование правовой базы противодействия экстремизму и терроризму, совершенствование национальных процедур признания конкретных организаций террористическими. На сегодняшний день Верховным Судом Российской Федерации признаны террористическими 18 организаций, их деятельность запрещена на территории России. В Республике Казахстан террористическими признаны 14 организаций, в Кыргызской Республике — 6, в Республике Таджикистан — 11¹⁵. Важным также является совершенствование правовой базы деятельности правоохранительных органов стран ШОС¹⁶.

В-третьих, консолидация усилий, направленных на пресечение финансирования терроризма, осуществление проектов по созданию «поясов антинаркотической, антитеррористической и финансовой безопасности». Одним из значимых мероприятий в формате ШОС в этом плане является проведенное в 2010 г. в Казахстане совместное антитеррористическое военное учение "Мирная миссия — 2010".

В-четвертых, развитие контактов РАТС ШОС с профильными органами АТЭС и АСЕАН по вопросам борьбы с терроризмом. Необходимо также стимулировать установление регулярных связей между РАТС и соответствующими органами стран-наблюдателей по обмену оперативной информацией, прежде всего о лицах, причастных к терактам, налаживание сотрудничества в расследовании уголовных дел; усиливать взаимодействие по подготовке специалистов по борьбе с террористами, по разработке образцов техники и оборудования для борьбы с терроризмом.

В-пятых, активное привлечение населения, институтов гражданского общества к участию в контртеррористических программах. Среди них можно выделить проекты: по пресечению распространения террористической идеологии и пропаганды, использования террористическими группировками киберпространства; по участию представителей неправительственных организаций, средств массовой информации, деятелей науки, образования, культуры и особенно духовенства в международных мероприятиях по борьбе с терроризмом, вопросам межцивилизационного диалога, социальной интеграции, религиозной терпимости, отказа от радикализма и других.

На современном этапе поддержание мира и стабильности, противодействие новым вызовам и угрозам, особенно терроризму, возможно только на основе долгосрочных международных и национальных стратегий обеспечения безопасности.

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. М., 2009. С. 14. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537.
2. Более подробно см.: *Михайленко А.Н., Келехсаев В.И.* Противодействие терроризму: международный опыт. М., 2008. С.59–76.
3. *Хвалько И.В.* Психологическое сопровождение антитеррористической деятельности. Автореферат диссертации на степень кандидата психологических наук. М., 2008. С. 16.
4. Интерес в этом плане представляет диссертация Селезнева И.А. «Противодействие политическому терроризму в сфере международного спорта». Ее защита состоялась в 2008 г. в Москве в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.
5. См.: Восстановление возможностей «Аль-Канды» /подгот. А.И. Москвичев // Борьба с преступностью за рубежом: (По материалам зарубежной печати) // Ежемес. информ. бюл. / ВИНТИ. 2008. № 6. С. 3–12.
6. См.: *Койбаков С.М.* Антитеррористические подразделения и их использование в противодействии терроризму // Информ. бюл. Антитеррористического центра государств-участников СНГ 2005. № 7. С. 6.
7. См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.- М., 2009. С. 11.
8. См.: NCTC Report on Terrorist Incidents. 2006.
9. *Егоров К.Ю.* Международный терроризм как глобальная угроза // Власть. 2008. № 6. С. 73.
10. Там же.
11. См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.
12. См.: Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года; Соглашение о сотрудничестве в области выявления и перекрытия каналов проникновения на территории государств ШОС лиц, причастных к террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности; Соглашение о порядке и организации проведения совместных антитеррористических учений государствами-членами ШОС; Программа сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2007–2009 годы.
13. См.: People's Daily. 2005. May 12.
14. См.: Новые средства получения разведанных о террористах / подгот. Вершинин В.И. // Борьба с преступностью за рубежом: (По материалам зарубеж. печати) // Ежемес. информ. бюл. / ВИНТИ. 2008. № 7. С. 3–9.
15. См.: Список организаций, признанных террористическими либо экстремистскими в судебном порядке в государствах СНГ // Информ. бюл. Антитеррористического центра государств-участников СНГ. 2008. С. 56–60.
16. См.: *Редкоус В.М.* Борьба с терроризмом: Особенности правового регулирования деятельности органов национальной безопасности Узбекистана в данной сфере // Закон и право. 2008. № 9. С. 19–20.

Круглый стол в ПДВ

Фактор Китая во взаимоотношениях РФ и США «Заочный» круглый стол российских и американских китаеведов

Впервые на страницах журнала российские и американские китаеведы дискутируют по проблемам взаимоотношений в «треугольнике» КНР—США—РФ.

Ключевые слова: Китай, США, Россия, «треугольная» дипломатия.

В феврале нынешнего года исполнилось 40 лет с момента визита президента США Р. Никсона в КНР, ставшего историческим не только по меркам того времени, но и с учетом последующего развития международных отношений и мировой политики.

Редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» выступили с инициативой проведения обмена мнениями между российскими и американскими китаеведами с целью оценки значения этого события, влияния его результатов на сегодняшнее состояние отношений в формате «США—КНР—РФ» и перспектив становления и совершенствования будущей мировой архитектоники.

Свои соображения по существу поставленных редакцией вопросов эксперты представили в письменном виде, что обусловило ее решение изложить их в форме т.н. «заочного» круглого стола. В обмене мнениями приняли участие:

С российской стороны:

- главный научный сотрудник ИДВ РАН, доктор военных наук А.В. БОЛЯТКО;
- ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока», кандидат исторических наук А.С. ДАВЫДОВ;
- профессор МГИМО (У) МИД РФ, кандидат исторических наук Ю.А. ДУБИНИН;
- заведующий отделом экономики журнала «Проблемы Дальнего Востока» А.С. КРУШИНСКИЙ;
- ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, кандидат филологических наук А.Г. ЛАРИН;
- старший научный сотрудник ИДВ РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол В.И. ТРИФОНОВ;
- ведущий научный сотрудник Института США и Канады (ИСК) РАН, кандидат исторических наук С.М. ТРУШ.

С американской стороны:

- профессор Гарвардского университета Эзра ВОГЕЛЬ;
- профессор Школы международных отношений им. Сэма Нанна Технологического университета Джорджии Джон ГАРВЕР;

- профессор Университета Беркли (Калифорния) Лоуэлл ДИТТМЕР;
- профессор Университета Майами Джун ДРЕЙЕР;
- профессор Стэнфордского университета и Гуверовского института Эллис МИЛЛЕР;
- доцент факультета политических наук Университета провинции Чжэцзян (Ханчжоу, КНР) Грегори МУР.

За неоценимую помощь в организации «круглого стола» редакция выражает особую благодарность и признательность доктору исторических наук, профессору А.В. ПАНЦОВУ, обеспечившему установление контактов с американскими коллегами и передачу их материалов в редакцию ПДВ, и заведующему Отделом международного научного сотрудничества и внешних связей ИДВ Т.А. КАРГАНОВОЙ, осуществившей перевод англоязычных текстов на русский язык.

Надеемся, что этот, первый для нашего журнала опыт научного взаимодействия китаеведов России и США будет подкреплен последующими шагами ученых обеих стран в целях расширения и углубления взаимовыгодного партнерства и сотрудничества.

*Главный редактор ПДВ,
доктор экономических наук,
профессор В. ПОРТЯКОВ*

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

А. Разрядка в отношениях СССР и США и американо-китайское сближение в 1970-е гг.

1. Причины появления «китайского фактора» в отношениях СССР и США на рубеже 1970-х гг.

Ю. ДУБИНИН. На рубеже 1960-х—1970-х гг. биполярная структура мира претерпевала серьезные изменения. Наблюдалось относительное ослабление — по разным причинам — мощи сверхдержав.

США все глубже втягивались в войну во Вьетнаме, что отвлекало огромные материальные средства, сопровождалось значительными людскими потерями, вызывало в мире и в самой Америке острую критику ее политики. Непопулярность вьетнамской войны в американском обществе была настолько велика, что президент Л. Джонсон принял решение не выставлять свою кандидатуру на выборах 1968 г.

СССР, в свою очередь, был сосредоточен на решении внутренних политических и экономических проблем. В экономике страны все более весомое место занимал военно-промышленный комплекс, ударными темпами выполняя поставленные задачи выравнивания военно-стратегического паритета с США. Косвенным свидетельством того, что в других отраслях промышленности и в сельском хозяйстве дела не очень ладились, стали решения ЦК КПСС 1965–1966 гг. о реформе системы управления экономикой. В политике после снятия Н.С. Хрущева были сделаны попытки восстановить коллегальность руководства страной и наладить испорченные прежним лидером отношения с КНР.

В эти условия наряду с бесспорными глобальными лидерами — США и СССР — в мире начали формироваться новые региональные центры силы и влияния. В их число входили объединенные в «общий рынок» страны Западной Европы (Европейское экономическое сообщество — ЕЭС), Япония и Китай. Ни один из них в то время еще не обладал характеристиками глобального центра силы, однако рост их мощи, несо-

мненно, заставлял принимать эти центры в расчет при планировании глобальных политических процессов.

Усиливающийся внешнеполитический потенциал первых двух обеспечивался растущими политическими амбициями, опиравшимися на их стремительно увеличивавшиеся экономические возможности, и проявлялся в их стремлении занять более равноправные позиции во взаимоотношениях со своим главным союзником — США. С этой целью западноевропейские лидеры пытались самостоятельно налаживать отношения с соседями на востоке Европы, что в дальнейшем трансформировалось в политику разрядки на европейском континенте. Япония, в свою очередь, небезуспешно добивалась от Вашингтона восстановления национального административного контроля над островами архипелагов Огасавара (Бонин) и Окинава (Рюкю), а также прорабатывала идеи создания "тихоокеанского сообщества", где могла бы занять место, подобающее ее экономическому потенциалу.

Что касается Китайской Народной Республики, ее руководители также стремились всемерно повысить статус страны в международных делах. Однако в отличие от Западной Европы и Японии ресурсная база КНР была значительно более ограниченной, поскольку экономика страны, еще не восстановившись после разрушительных последствий "большого скачка", вновь страдала от развернувшейся во второй половине 1960-х гг. "великой пролетарской культурной революции".

Руководители Китая усмотрели свои конкурентные преимущества в выдвижении претензий на лидерство в левацких группировках стран Запада и национально-освободительных движениях Азии, Африки и Латинской Америки, всерьез оспаривая традиционно прочные позиции КПСС и СССР, восходящие еще ко временам Коминтерна. В этих целях руководители КПК прибегли к абсолютизации опыта народной войны в Китае, попыткам ее теоретического обобщения и экстраполяции на глобальную сферу в виде концепции "окружения мирового города мировой деревней".

Публикация статьи Линь Бяо «Да здравствует победа народной войны!», ее широкое распространение в развивающихся странах и среди левацких группировок по всему миру стали серьезной заявкой на лидерство КПК в мировом революционном процессе. Свидетельством того, что эта идеология приобретала определенное влияние даже в развитых странах Запада, стали события 1968 г. во Франции, образование многочисленных левозкстремистских групп в государствах Западной Европы ("красные бригады", "красная армия" и др.). "Маленькие красные книжечки" цитат Мао Цзэдуна, распространявшиеся миллионными тиражами на различных языках, становились весьма популярными в рядах левых движений различных стран мира.

Теоретические изыскания лидеров КПК получили дальнейшее развитие в годы "культурной революции" и выразились в становлении доктрины "трех миров", что предполагало готовность тогдашних руководителей КНР "вести непримиримую борьбу против империализма и социал-империализма". Иными словами, теория и практика тогдашнего руководства КНР демонстрировали позиции жесткого противостояния Советскому Союзу. Интенсивное раскручивание антисоветской кампании в годы "культурной революции", апофеозом которого стали вооруженные конфликты на советско-китайской границе в марте и августе 1969 г., сигнализировало всему миру об окончательном разрыве между тогдашними лидерами КНР и СССР. Совершенно очевидно, что пограничные столкновения были именно сигналом, а не прелюдией большого конфликта, поскольку уже в сентябре 1969 г. китайские руководители дали согласие на проведение переговоров в пекинском аэропорту с Председателем Совета Министров СССР А.Н. Косыгиным, целью которых являлось достижение договоренностей о недопущении новых вооруженных инцидентов между двумя странами.

Отмеченные выше полицентрические тенденции, которые начали проявляться в биполярной структуре мира в конце 1960-х—начале 1970-х гг., натолкнули руководите-

лей двух сверхдержав на размышления о том, каким образом эти тенденции могли бы быть использованы в целях компенсации относительного ослабления собственных позиций в мире и для достижения стратегического преимущества в «холодной войне». И в СССР, и в США аналитики пришли к пониманию того, что система международных отношений стала значительно более сложной, при том, что существовавший десятилетиями биполярный мир приобретает элементы многополярности. Советские руководители заявили об этом в отчетном докладе ЦК XXIV съезду КПСС, выдвинув тезис о появлении «трех центров империалистической силы» и «межимпериалистических противоречий»¹. Несколько раньше на возникновение пятиполярного мира обратил внимание Г. Киссинджер, указавший на то, что наряду с США и СССР в мире выросли такие глобальные игроки, как Западная Европа, Япония и Китай².

СССР пытался активно сыграть на «межимпериалистических противоречиях», продвигая идею коллективной безопасности в Европе. При этом советское руководство принимало во внимание заинтересованность ряда европейских лидеров в достижении большей свободы внешнеполитического маневра в жестких рамках западной блоковой системы и расширении торгово-экономических связей с Советским Союзом и государствами Восточной Европы. В середине 1960-х гг. Москва начала налаживать особые отношения с правительством Шарля де Голля, который весьма критично отзывался о развязанной американцами войне в Индокитае, а также вывел Францию из военных структур НАТО. Ближе к концу того же десятилетия руководство СССР приняло к сведению и поддержало объявленную коалиционным правительством социал-демократов и свободных демократов «новую восточную политику» ФРГ, направленную на урегулирование проблем в Европе, унаследованных после Второй мировой войны, и признание сложившихся послевоенных границ, а также его отказ от планов приобретения ядерного оружия.

Хотя такая политика приводила к некоторому размыванию единства Запада, она все же не имела фундаментальных последствий. Связи западного мира имели для Бонна и Парижа более существенное значение, чем те преходящие выгоды, которые они могли бы получить от серьезного развития тесных связей с СССР. Гораздо более серьезное воздействие на геостратегическую расстановку сил оказала коррекция политики США на китайском направлении.

Первые шаги навстречу КНР начала делать еще администрация Л. Джонсона, заявляя о своем стремлении к «мирному сотрудничеству» и «примирению между нациями, долгие годы считавшими себя врагами». На переговорах послов в Варшаве в 1966 г. американские дипломаты впервые употребили официальное название КНР, заявив о стремлении к развитию отношений с Китаем. Однако какому-либо существенному сдвигу в подходах Вашингтона к КНР мешали растущая военная вовлеченность США в дела Индокитая, а также сложившиеся стереотипы восприятия происходившей во Вьетнаме борьбы за объединение страны как следствия китайской коммунистической экспансии.

Реальные шаги во взаимной игре по использованию американо-китайского сближения для укрепления позиций каждого из его участников в противостоянии СССР Вашингтон и Пекин смогли сделать только в начале 1970-х гг. при администрации Р. Никсона. Выбор момента был предопределен совпадением внешнеполитических факторов, а также спецификой внутривосточной динамики событий в США и КНР.

Во внешнеполитической сфере США столкнулись с трудностями обеспечения почетного выхода из вьетнамской войны, завершить которую Р. Никсон обещал во время предвыборной кампании 1968 г. Вьетнамские представители на переговорах в Париже непреклонно добивались безоговорочного вывода американских войск из Южного Вьет-

1. См.: XXIV: Документы и материалы. М., 1971.

2. Kissinger H. American foreign policy; three essays. New York, 1969.

нама и прекращения бомбардировок ДРВ, тогда как американцы стремились оговорить продолжение своей поддержки сайгонского режима. Полагая, что за жесткостью вьетнамских позиций стоят обещания со стороны КНР, Вашингтон считал, что диалог с Пекином позволит ему ослабить китайско-вьетнамский союз. С точки зрения американской внутренней политики Р. Никсон идеально подходил для осуществления прорыва в американо-китайских отношениях. Его репутация антикоммуниста, работавшего два срока в качестве вице-президента с Д. Эйзенхауэром, не подвергалась ни малейшему сомнению. Именно такой президент мог без оглядки сделать решительный шаг навстречу "коммунистическому Китаю".

Китайские руководители, похоже, в тот момент всерьез опасались перспектив эскалации напряженности в китайско-советских отношениях (которая, в первую очередь, была вызвана их собственными авантюристическими действиями) и стремились заручиться благожелательным отношением со стороны США. Что же касается внутренней ситуации в китайском руководстве, то устранив всех своих политических конкурентов в ходе многочисленных чисток и особенно разгромив структуры КПК в годы "культурной революции", Мао Цзэдун превратился в непререкаемого лидера, который мог себе позволить любые политические зигзаги.

Первые шаги по китайско-американскому сближению оказались не очень впечатляющими и результативными. Так, американская политическая элита оставила без внимания намеки, сделанные Мао Цзэдуном в 1965 г. в интервью Э. Сноу — журналисту и писателю, который был знаком с Мао еще со времен Яньани. В нем он высказал сожаление о том, что "силы истории разделили китайский и американский народы"¹ (Сноу считали в Вашингтоне слишком подверженным влиянию китайской коммунистической пропаганды). На призыв в инаугурационной речи Р. Никсона "открыть линии связи" в Пекине ответили двояко: с одной стороны, пресса впервые после образования КНР опубликовала речь американского президента, с другой — сопровождала публикацию стандартной жесткой критикой. Очевидно, что китайское руководство размышляло над тем, как использовать древнюю китайскую стратегию "бороться с ближними варварами в союзе с варварами отдаленными".

Далее события развивались по нарастающей. Вслед за встречами послов КНР и США в Варшаве (февраль—март 1970 г.), которые не дали каких-либо практических результатов, Вашингтон взял инициативу в свои руки. В ходе своих зарубежных турне летом того же года Р. Никсон просил руководителей Румынии и Пакистана сообщить китайским лидерам о желании США вступить в диалог с КНР на высоком уровне. Прошло несколько месяцев, прежде чем в Вашингтоне получили через Исламабад согласие Чжоу Эньлая принять в Пекине представителя США для обсуждения вопросов "освобождения китайских территорий, оккупированных иностранными войсками". В послании подчеркивалось, что китайская сторона ответила только потому, что сообщение было "направлено Главой государства Главе государства через Главу государства". Характерно, что ни в этом послании, ни в другом, доставленном месяц спустя через Румынию, ни словом не упоминались американские военные действия во Вьетнаме как препятствие на пути начала китайско-американского диалога. США немедленно ответили согласием, предложив включить в повестку дня встречи "широкий круг проблем", существовавших между двумя странами.

Три месяца спустя начался публичный процесс того, что позднее было названо "пинг-понговой дипломатией". Вместо ответа на послание Вашингтона по установленным каналам Пекин пригласил американскую команду по настольному теннису, прие-

1. Snow E. Interview with Mao, The New Republic 152, no. 9, issue 2623 (February 27, 1965); см. также интервью Мао Цзэдуна Э. Сноу в октябре 1970 г., которое также осталось без внимания властей: Snow E. A Conversation with Mao Tse-Nung; // Life. 1971. 30 Apr., № 16.

хавшую на чемпионат мира в Японию, посетить КНР. Ее приняли там на самом высоком уровне, тем самым сигнализируя американской стороне, что китайские руководители сами будут определять темп и форму контактов с Америкой. Тем не менее, китайская сторона, выдержав паузу, не отвергла и идею прямых переговоров. В июле 1971 г. состоялась тайная поездка советника президента США по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджера в Пекин, по результатам которой было объявлено, что в начале 1972 г. американский президент нанесет визит в КНР.

Сам факт начала прямых контактов на высшем уровне между руководителями двух государств, до этого находившихся в состоянии резкой взаимной враждебности, да еще в отсутствие дипломатических отношений, обозначил фундаментальный поворотный момент в миропорядке эпохи холодной войны — поворот к практике «баланса сил» и многополярной дипломатии. США сделали попытку перестроить существовавший в биполярном мире международный порядок как по существу, так и по форме.

По существу американо-китайские контакты выстраивались вокруг достигнутого во время визита Р. Никсона в КНР в феврале 1972 г. взаимопонимания по двум принципиальным моментам. Прежде всего, американская администрация получила от Пекина обещание на самом высоком уровне о том, что китайские вооруженные силы не собираются воевать за пределами территории Китая. Тем самым руководители КНР по сути дали обязательство обеспечить беспроблемную реализацию «доктрины Никсона», заверив США, что они не собираются повторять во Вьетнаме сценарий войны на Корейском полуострове 1950–1953 гг. Другими существенными договоренностями стали готовность лидеров двух государств обеспечивать сохранение статус-кво в западной части Тихого океана и восприятие ими обоими политики Советского Союза как серьезной угрозы этому. В результате — хотя СССР и не был прямо назван в документе — в «Шанхайском коммюнике» появилось заявление о том, что ни КНР, ни США не стремятся к гегемонии в Азии и бассейне Тихого океана, и что каждая из сторон выступает против попыток любой третьей страны или группы государств к достижению подобной гегемонии. Это заявление, разумеется, ни в коей мере не свидетельствовало о возникновении китайско-американского союза, однако вполне определенно указывало на одинаково понимаемую угрозу своим интересам обеими сторонами. На протяжении десятилетия такой подход определял смысл и основное содержание китайско-американских отношений.

Достигнутое взаимопонимание по вышеупомянутым позициям позволило обеим сторонам найти взаимоприемлемый подход к проблеме, которая более 20 лет являлась источником острейших противоречий и враждебности в отношениях между КНР и США, — вопросу о принадлежности Тайваня. Еще на пути в КНР Р. Никсон, размышляя над вопросом о будущих отношениях США с Пекином и Тайбэем, обращал внимание своих помощников на то, что постепенно отношения с правительством КНР будут вытеснять в американской политике отношения с режимом на Тайване. Зафиксированная в «Шанхайском коммюнике» позиция США по Тайваню, а именно то, что Вашингтон принимал во внимание, что и Пекин, и Тайбэй полагали, что существует один Китай, а Тайвань рассматривали как часть Китая, говорила о готовности США к существенным подвижкам в своих подходах к отношениям с КНР. Вместе с тем, Соединенные Штаты выражали заинтересованность в мирном разрешении тайваньской проблемы. Этот подход США к тайваньскому вопросу с тех пор практически не претерпел существенных изменений и позволял Вашингтону в меняющихся обстоятельствах гибко корректировать свой курс. Пекин, со своей стороны, давал понять, что при достижении принципиального понимания по вопросу о принадлежности Тайваня сроки объединения двух частей страны не являются для него существенно важным вопросом.

Д. ГАРВЕР. Китайско-американское сближение в 1971–1972 гг. в значительной степени ознаменовало возрождение традиционной политики США в отношении Китая.

Еще в конце XIX—начале XX вв. американцы полагали, что у США сложились с Китаем особые отношения дружественного сотрудничества — причем как с Цинской империей, так и с Китайской Республикой. В представлении многих американцев Америка отличалась от европейских стран и Японии тем, что не захватывала китайские территории и не стремилась создавать сферы своего исключительного влияния, которые подорвали бы административную целостность Китая. Многие американцы считали, что их страна может послужить моделью для развития Китая. Хотя в таких воззрениях была изрядная доля романтизма, они способствовали формированию целого ряда политических мер и подходов со стороны США. К таковым, в частности, следует отнести ноты о политике «открытых дверей»; освобождение от контрибуций за ущерб, нанесенный «боксерским восстанием»; содействие участию Китая в политике великих держав с его почти одновременным вступлением на стороне союзников в Первую мировую войну; поддержку Китая в антияпонской борьбе в 1930-е и 1940-е гг., а также поддержку Китая в качестве участника «большой пятерки», «жандарма Восточной Азии» (включая возврат «украденных» у него территорий,) и постоянного члена обновленного Совета Безопасности ООН. На мой взгляд, основу такого «традиционного» стремления США к партнерским отношениям с Китаем составляли два краеугольных камня: во первых, глубокое уважение к достоинствам китайской цивилизации (зачастую воспринимаемым в интерпретации протестантских миссионеров, посылавших отчеты в свои «родные церкви» в США), и, во вторых, оценка потенциальной мощи Китая, позволявшая рассматривать его как фактор, который можно использовать для противодействия могущественным соперникам США — изначально имперской Японии, а затем СССР. Как это часто случается, американский подход являл собой сплав идеалистической морали и расчетов с позиции грубой силы.

В конце 1948 г. перед лицом суровой реальности, суть которой заключалась в приближении решающей победы сил КПК в гражданской войне, лидеры США решили варьировать традиционную американскую политику в отношении Китая — то есть постараться оторвать коммунистический Китай от СССР и переманить его на свою сторону. В значительной степени исходя из жесткой конфронтации между социалистическим и либеральным лагерями, которые уже прочно утвердились в Европе, руководство США пришло к выводу, что главный геополитический интерес Америки заключался в ограничении влияния Советского Союза на Дальнем Востоке и что наилучшим средством для достижения этой цели был бы «отрыв» коммунистического Китая от СССР. За этим последовала серия таких политических акций США, как отмежевание от остатков правительства националистов и «развод» с Тайванем; публикация «Белой книги» с документальными свидетельствами широко распространенной коррупции и бездарности Гоминьдана; приказ американским консулам в Китае оставаться на посту и стараться наладить практическую работу с новыми коммунистическими властями; определение нового «периметра обороны», за пределами которого остались Тайвань и Южная Корея, и сигналы о возможности оказания экономической помощи коммунистическому Китаю, если он будет готов ее принять. Предпосылкой к такому подходу служила убежденность в том, что конфликты между Китаем (даже коммунистическим Китаем) и СССР — особенно в Маньчжурии и Синьцзяне — намного глубже, чем конфликты между Китаем и США.

Лидеры КПК, зная о заявке США, отвергли ее как попытку расколоть лагерь социализма и революции. Проводимая Трумэнном и Ачесоном политика заигрывания с «титонсткими» настроениями в Китае вызвала резкое осуждение в США, особенно в Конгрессе и в СМИ, где ее клеймили с позиций ярого антикоммунизма как «политику умиротворения» и даже как «предательство». Трумэну пришлось принять меры, чтобы успокоить столь энергичную оппозицию. Однако главные (перечисленные в предыдущем абзаце) элементы его политики были преданы гласности, и в заявлениях КПК прослеживалась осведомленность о предложении, сделанном со стороны США.

В итоге руководство КПК отвергло предложение США в пользу полного политического и военного союза с СССР, который обещал “немедленно оказать военную и иную помощь всеми имеющими средствами”. Дополнительные соглашения к договору о “союзе и взаимопомощи” позволяли использовать Маньчжурию как плацдарм для советской военной мощи в случае войны с США. Затем новый альянс КНР и СССР стал “опорной базой” в развязанной Северной Кореей войне за установление власти коммунистов на Юге, а также в войне за замену колониального правления Франции в Индокитае (и в остальной Азии) коммунистическим правлением. Расчеты, заложенные в основе этих решений, становятся более понятными, если принять во внимание, что руководство КПК верило в марксистско-ленинскую идеологию, а советская модель рассматривалась им как наилучшее средство для превращения Китая в могущественную и влиятельную державу.

К 1969 г. в расчетах Мао произошли изменения, чему способствовали многие факторы. В 1956 г. Мао развернул полемику в международном коммунистическом движении, направленную против “ошибок” Хрущева. С того момента, как Хрущев по своему решил “вопрос о Сталине”, Мао уверился в том, что этот советский руководитель повел мировое коммунистическое движение по неверному пути. Мао исходил из ленинского постулата о том, что “верный анализ” есть ключ к историческому успеху, и чем больше он задумывался о руководстве Хрущева, тем больше его “ошибок” становились для него очевидными. Разворачивая полемику против “ревизионизма” КПСС, КПК опиралась на ту посылку, что спор между братскими партиями в рамках международного коммунистического движения не повредит “межгосударственным” отношениям между КНР и СССР. Мао не сумел понять, что контроль над международным коммунистическим движением (в рядах которого к 1960 г. насчитывалось более 100 правящих и “неправящих” партий) служил для СССР одним из главных инструментов государственной мощи, и что основа советского контроля над ним заключалась в способности определять его “генеральную линию”. Подрывая полномочия Москвы на определение этой “генеральной линии”, развернутая Мао Цзэдуном полемика фактически подрывала глобальное могущество советского государства.

Необходимость быть кратким не дает возможности проследить связь между межпартийной полемикой и столкновениями на китайско-советской границе в 1969 г. Достаточно лишь отметить, что к тому моменту китайское руководство считало, что опасность нападения СССР на Китай значительно превышает опасность нападения со стороны США. Более того, установление связей с США, как полагало китайское руководство, могло бы помочь в сдерживании советского нападения. Никсон и Киссинджер, со своей стороны, были убеждены, что улучшение отношений с Китаем позволит Вашингтону получить нужные рычаги в отношениях с СССР, а также с Северным Вьетнамом.

Последний фактор, который способствовал китайско-американскому сближению, состоит в том, что Мао уверовал в теорию реставрации капитализма в Советском Союзе. Мао был убежденным революционером, преданным идеям Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Как отмечалось выше, Мао считал, что он гораздо лучше понимает сформулированные ими принципы, чем Хрущев или другие советские руководители. Поскольку один из ключевых принципов марксизма-ленинизма — превосходство социализма над капитализмом, то подсознательно Мао Цзэдуну было крайне трудно пойти на объединение с капиталистическими США против социалистического СССР. Мао преодолел этот барьер подсознания, сделав вывод, что СССР переродился из социалистической в капиталистическую страну. Будучи капиталистическим государством, СССР демонстрировал все признаки империализма, свойственные капиталистическим странам — угрозы и запугивания, стремление к господству, агрессивность. Именно эти признаки, по мнению Мао, были характерны для советской политики в отношении Китая, начиная с конца 1950-х гг. Переквалифицировав СССР в “капиталистическое” и “социал-

империалистическое" государство, Мао сообразовал объединение с США против СССР со своей истинной приверженностью марксистско-ленинской идеологии. С тех пор сближение с США стало для Мао средством конъюнктурных манипуляций противоречиями между двумя империалистическими державами.

А. ДАВЫДОВ. В конце февраля 1972 г. произошло событие знакового характера, имевшее последствия не только для того периода, но для развития мировой истории и международной политики на долгую перспективу.

Поездка тогдашнего президента США Р. Никсона в КНР, его встреча с Мао Цзэдуном и подписание знаменитого «Шанхайского коммюнике» обозначили начало формирования в мире иной по сравнению с прошлым геополитической реальности: блоковому противостоянию пришла на смену система «баланса сил». Это было подтверждено три месяца спустя визитом американского лидера в Москву, который неформально закрепил возникновение в рамках существовавшей системы международных отношений новой геостратегической фигуры — «треугольника» США—КНР—СССР, сразу ставшего одним из наиболее существенных факторов регулирования этого баланса. Идеологическая конфронтация начала постепенно отходить на второй план, все явственнее уступая место борьбе национальных интересов.

Хотя, строго говоря, первоначальные контуры будущего «треугольника» стали прорисовываться во второй половине 1940-х гг., еще до образования КНР, когда США искали для себя в Китае «точку опоры», а Сталин до определенного момента лавировал между Гоминьданом и КПК. То, что идеологические соображения окончательно перевесили геополитические, стало ясно позднее — в период войны в Корее.

Борьба между КПСС и КПК за лидерство в международном коммунистическом движении, развернувшаяся в начале 1960-х гг., послужила Америке импульсом к возобновлению поисков выгодных геополитических комбинаций для реализации собственных стратегических целей.

По утверждению некоторых аналитиков, именно февраль 1972 г. стал отправной точкой процесса распада биполярной системы мира, завершившегося прекращением существования СССР. Все это, однако, хотя и значимые, но косвенные последствия того знаменательного визита. Его прямым результатом было начало нормализации отношений между двумя крупнейшими мировыми державами — США и Китаем. С тех пор и поныне эти отношения сохраняют определяющее влияние на состояние мирового политического и экономического климата.

А тогда, в условиях близившегося поражения во Вьетнаме и внутривосточного кризиса Америки, проявлявшегося в мощных протестных акциях, радикализации движения за гражданские права, громких политических убийствах М.Л. Кинга и Р.Ф. Кеннеди — что в совокупности поставило американское общество на грань раскола — налаживание контактов с еще недавно враждебным Китаем, который, в свою очередь, довел до состояния вооруженного конфликта отношения со своим прежним союзником — СССР, открывало перед США возможность поиска более пристойного выхода из тяжелой ситуации, в которой они оказались.

По замыслу «главного архитектора» новой китайской политики Вашингтона Г. Киссинджера, нормализация отношений и сближение с КНР давали в руки американцам беспроигрышный козырь и в противостоянии главному стратегическому сопернику — СССР, заставляя его быть более сговорчивым и уступчивым. «Китайский фактор» становился по существу дополнительным рычагом давления на Советский Союз, к тому же ограничивавшим и умалявшим эффект т.н. «доктрины Брежнева». Не отказываясь в процессе разрядки от углубления и развития американо-советских отношений, Никсон исходил из того, что позиции США в их двустороннем диалоге будут прочнее, если Вашингтон укрепит свои китайские тылы.

Г. МУР. Существует некая основная версия возникновения «китайского фактора» в отношениях между СССР и США на пороге 1970-х гг. Суть ее состоит в следующем. После «освобождения» (или, как сказали бы некоторые, «захвата») страны в 1949 г. Китай «выбрал одну из сторон» (то есть, сторону СССР и мирового социализма). Однако к концу 1960-х гг. советско-китайские отношения ухудшились настолько, что на границе двух стран в районе китайской провинции Хэйлуцзян между ними произошло несколько вооруженных столкновений (фактически, это была мини-война). По мере ухудшения советско-китайских отношений Китай стал рассматривать возможность налаживания отношений с США в качестве балансирующей меры против СССР. К началу 1970-х гг. США были готовы к такому повороту, поскольку для достойного ухода из Вьетнама им требовалась помощь Китая (на оказание которой Китай дал согласие), и поскольку в США также оценили возможности китайско-американского сближения в качестве противовеса Советскому Союзу. Произошел обмен секретными посланиями, состоялись тайные встречи, стороны «ударил по рукам», после чего президент Ричард Никсон и его советник по национальной безопасности Генри Киссинджер проследовали в Пекин для заключения революционного соглашения о балансе сил.

Мне, однако, представляется более убедительной другая версия, которую «раскручивает» Элистер Ян Джонстон¹. Излагаемые реалистами истории о балансе сил, определяемом материальными соображениями, одна из которых представлена в предыдущем абзаце, не объясняют сути происшедшего сдвига, ибо то, что произошло между Китаем и Советским Союзом, не означало какого-то изменения потенциалов или баланса сил, в чем пытаются убедить нас реалисты. Скорее, это был сдвиг в политике Китая по отношению к СССР, и произошел он вследствие того, что поведение СССР на границе с Китаем, вторжение в Чехословакию и «доктрина Брежнева» генерировали в Пекине восприятие Советского Союза как самой серьезной угрозы для КНР. В то же время не отмечалось ни впечатляющего роста советского потенциала, ни резкого сокращения потенциала США (в той степени, чтобы объединение с США против более могущественного государства выглядело, с точки зрения реалистов, логичным). На деле, в то время именно США являлись господствующей военной державой в мире и в Восточной Азии, и поэтому создание, по логике реалистов, «баланса с США против СССР» не имело материального и стратегического смысла. «Изменились восприятия угрозы, в то время как распределение потенциалов оставалось, по сути, постоянной величиной»². Восприятие угрозы — это воображаемая переменная величина, и именно изменения в восприятии угрозы, а не сдвиги в материальных потенциалах наилучшим образом объясняют, почему в 1970-х гг. Китай перешел к «негласному альянсу» (определение Киссинджера) с США.

А. КРУШИНСКИЙ. 40 лет назад Никсон и Киссинджер сделали, пожалуй, самый блистательный шаг в истории американской дипломатии, а благодаря последовавшей волне дипломатических признаний странами Запада и допуску на законное место в ООН — весьма выгодный и для КНР.

Свершившаяся геополитическая подвижка по праву трактуется в США как «поворотный момент в мировой истории»³, хотя мнение, будто КНР именно с того момента заняла «достойное место в мире», сомнительно.

1. Johnston A.J., International Structures and Chinese Foreign Policy. *Kim S.S. China and the World*. 4-th ed., 1998.

2. Ibid. P. 67.

3. Козин У.И. Никсон в Китае (Поворотный момент в мировой истории). URL: <http://www.america.gov/st/peacesec-russian/2008/August/20080814154536WRybak-cuHO.5987971.html>.

Вес мировой державы был присущ КНР с момента ее образования в 1949 г. и китайско-американские отношения — вне зависимости от их формы и содержания — изначально были геополитически значимы. То, что Китай примкнул к советскому лагерю, твердо противостоял Соединенным Штатам в Корее, Тайваньском проливе, Тибете, можно отнести к числу причин, воспрепятствовавших «ястребам» США реализовать их план «Double Star» — атомную бомбардировку 30 советских городов в момент, когда СССР ядерным арсеналом еще не обзавелся.

Мировая архитектура была bipolarной, причем к идеологически спаянному содружеству СССР, КНР, стран Восточной Европы тяготело «движение неприсоединения» под лидерством Индии, возглавлявшейся Джавахарлалом Неру. Но феномены «треугольника» и «треугольной дипломатии» (предполагавшие «отпочкование КНР от СССР») уже вызревали. Серьезным сигналом стал резкий отказ Мао Цзэдуна от естественной для союзников идеи создания единого командования ВМС на Дальнем Востоке, прозвучавший по ходу странноватого «саммита в плавательном бассейне» летом 1958 г. Год спустя размежевание углубилось.

«Мятеж в Тибете», — гласила моя дневниковая запись за март 1959 г. А в сентябре, когда уже паковал чемоданы по завершении китайской командировки, я записал: «По радио прозвучало «Заявление ТАСС»: Китаю и Индии дан совет помириться. Мао здесь поставлен на одну доску с Неру — не оскорбился ли?»

Напомню, что в 1951 г., когда КНР установила контроль над Тибетом, Пекин (преимущественно, стараниями Чжоу Эньлая) прилагал колоссальные усилия, чтобы завоевать сердце 16-летнего далай-ламы, не допустить его эмиграции. И небезуспешно: последний совершил продолжительную экскурсию по КНР, был избран заместителем председателя ПК ВСНП (став самым юным в мире «вице-спикером» высшего законодательного органа). Многократно виделся с Мао Цзэдуном и даже сочинил оду, в которой уподобил его «солнцу» и «могучему орлу, победившему империализм». Главное же — ему было обещано, что клерикально-феодалные порядки в Тибете будут меняться без спешки, реформы начнутся не ранее 1963 г. И хотя в 1958 г. развернулась тотальная коммунизация Китая (так называемый «большой скачок»), Пекин старался блюсти это обещание в административных границах Тибета. Но имелись еще и территории, населенные тибетцами в провинциях Сычуань, Цинхай, Юньнань, Ганьсу, на которые оно не распространялось. *«В результате многие тибетцы — из высших классов и из низов — взбунтовались против власти Китая, создав повстанческое движение “четырёх рек и шести районов”, получавшее многообразную поддержку ЦПУ», — читаем в работе американца китайского происхождения Чэнь Цзяня «Тибетское восстание 1959 г. и изменение отношений Китая с Индией и СССР»¹.*

Оценивая глобальные последствия той операции Аллена Даллеса, ее можно считать самой успешной в его карьере, но если бы не просчеты Мао Цзэдуна, ЦПУ тогда осталось бы без «фронта работ».

В 1956 г. оно переслало на выучку в секретный лагерь на территории США первую группу будущих боевиков-тибетцев, год спустя их вернули в Тибет — а «скачок» тут как тут! Брожение охватило Цинхай, Мао же... возликовал: *«Если реакционные силы в Тибете решатся на полномасштабный мятеж, — указывал он в июне 1958 г., — трудовой люд выиграет благодаря более раннему освобождению». В феврале 1959 г., читая рапорт генштаба НОАК о волнениях в примыкающих к Тибету провинциях, Мао заявил: «Мятеж весьма благоприятен для нас, ибо способствует подготовке армии, подготовке народа... В военном отношении не надо бояться мятежа, его надо приветствовать...»*

1. Chen Jian. The Tibetan Rebellion of 1959 and China's Changing Relations with India and the Soviet Union. URL: <http://www.fas.harvard.edu/~hpcws/jcws.2006.8.3.pdf>.

В результате НОАК рассеяла мятежников, а агентам ЦРУ не составило труда переправить далай-ламу в Индию. От «тибетской занозы» Пекин страдает по сей день. Но неизмеримо болезненней — возникший тогда геополитический разлом. Между соавторами «пяти принципов мирного сосуществования», Китаем и Индией последовала долгая пограничная война, расцененная Чэнь Цзянем как «начало краха великой китайско-советской солидарности». СССР попал в геополитический тупик. Важная опора тогдашней архитектуры — нарождавшийся «третий мир» — стал ареной соперничества Москвы и Пекина. К счастью, советский ракетно-ядерный потенциал к тому моменту уравнялся с американским, безопасность и без дружбы с Китаем оказалась возможной... Так зарождался «треугольник».

Л. ДИТТМЕР. «Китайский фактор» появился в советско-американских отношениях как результат конкретных событий и — одновременно — концептуальных построений. Если говорить о конкретных событиях, то решающую роль сыграла опасная эскалация советско-китайского раскола, который достиг своей кульминации в виде вооруженных столкновений и угроз упреждающего удара со стороны СССР в 1969 г. и который создавал американцам удобный прецедент для вмешательства.

Концептуальная новация состояла в следующем: вместо того, чтобы просто поддержать более слабую сторону в ее противостоянии более сильной стороне (как того требует классическая теория равновесия сил), администрация Никсона предпочла установить более открытые отношения с Китаем и в то же время по-прежнему культивировать разрядку (переговоры ОСВ, и т.п.) в отношениях с СССР. Таким образом, США поддерживали с СССР и КНР более благоприятные отношения, чем те, которые существовали между СССР и Китаем, что, собственно, и составило «треугольную» конфигурацию.

Прежде всего, развитие американо-китайских отношений способствовало уходу США из Вьетнама, ибо Китай сократил субсидирование его войны за национальное освобождение (что впоследствии вылилось во враждебное отношение со стороны Ханоя). Косвенный эффект налаживания отношений между США и КНР просматривался в «доктрине Никсона», направленной на сокращение сил США в Восточной Азии. Кроме того, благодаря налаживанию американо-китайских отношений был заложен фундамент для «возвышения Китая», ибо оно помогло КНР стать членом Совета Безопасности ООН, позволило ликвидировать установленные Соединенными Штатами препятствия на пути широкого дипломатического признания КНР и открыть западные рынки для китайских товаров.

А. ЛАРИН. За те шесть с лишним десятков лет, что существует стратегический треугольник «Россия—США—КНР», его конфигурация несколько раз менялась кардинальным образом, и всякий раз это было обусловлено сменой идеологического фундамента и, соответственно, внешнеполитической стратегии его участников.

Контуры «треугольника» — присутствие американского фактора на китайском направлении политики России (тогда еще СССР) — появились одновременно с поражением Японии во второй мировой войне. В 1945 г., при подготовке советско-китайского договора о мире и дружбе Сталин, если верить мемуарной литературе, подчеркивал: «Советское правительство не хотело бы, чтобы американские войска вступили в Маньчжурию. Это — советская зона».

Разразившаяся вскоре в Китае гражданская война представляла собой не только битву КПК и Гоминьдана, но и — на заднем плане — соперничество между СССР и США за влияние на огромную страну.

В первые годы после образования Китайской Народной Республики два государства — СССР и Китай в составе «единого антиимпериалистического лагеря» пребывали в состоянии острой военно-политической конфронтации с США. В связи с этим интересно вспомнить один эпизод. Вскоре после провозглашения КНР китайское правительство в секретном порядке обратилось к Сталину с просьбой предоставить Китаю боевые

самолеты и персонал с тем, чтобы использовать их при предполагавшемся штурме Тайваня. Сталин предпочел воздержаться от прямого участия в военной операции, опасаясь, по-видимому, обострить отношения с США, однако под Шанхаем появился советский авиационный отряд, для защиты, как писали историки, побережья Китая.

На рубеже 1960–1970-х гг. позиция Пекина радикально поменялась: сменив идеологические знамена, он в течение короткого времени осуществил «блокирование с американским империализмом» против СССР и его союзников. Вашингтон охотно пошел ему навстречу (важной вехой в этом процессе послужил памятный визит Р. Никсона в Китай в 1972 г.). На этом этапе США в своей политической игре против СССР стали активно использовать «китайскую каргу», и это помогло им выиграть «холодную войну». Лидеры СССР не сумели объективно оценить ни масштабы «китайской угрозы», ни военно-экономический потенциал собственной страны. Поддавшись влиянию руководителей военно-промышленного комплекса и генералитета и подменив тем самым государственные интересы их корпоративными интересами, высшие деятели советского государства параллельно с гонкой вооружений, навязанной Советскому Союзу Соединенными Штатами, пошли на небывалое наращивание вооруженных сил на китайском направлении. Результат известен: экономика СССР не выдержала напряжения.

Между тем, Китай в 1980-х гг. начал успешно перестраивать свою экономику на рыночный лад, что обеспечило ему прилив симпатий со стороны Запада.

Э. МИЛЛЕР. Во-первых, достижение стратегического паритета между США и СССР в конце 1960-х гг. развеяло представления об американском превосходстве и подпитывало впечатления о росте мощи Москвы и падении мощи США. Во-вторых, стали появляться новые центры силы. К 1970 г. Япония заняла второе место в ряду крупнейших экономических держав мира. Тем временем экономическое возрождение стран Западной Европы и обретенная ими способность к сотрудничеству, проявившиеся в создании совместных институтов в 1967 г. и подключении к ним Великобритании в 1973 г., сделали реальным формирование Европейского Союза. Экономическая мощь Японии и Европы ослабила послевоенное экономическое господство США, свидетелем чему стал крах системы Бреттон-Вудса в 1971 г. И, наконец, в Пекине и в Вашингтоне, где в каждом случае руководствовались своими собственными соображениями, усмотрели совпадение стратегических интересов КНР и США. Вашингтон стремился получить помощь Пекина в выходе из Вьетнама и заручиться сотрудничеством Китая в сдерживании растущей советской мощи. Пекин, со своей стороны, стремился выйти из международной изоляции, в которой он оказался из-за действий Вашингтона в период войны в Корее и из-за своего отхода от советского блока в начале 1960-х гг. Изоляция Пекина представлялась еще более опасной с учетом того, что Москва возобновила применение силы в рамках блока — в августе 1968 г. советские войска вошли в Чехословакию.

В. ТРИФОНОВ. Приход к власти в США президента Р. Никсона в результате ноябрьских выборов 1968 г. привел к существенному изменению американской стратегии в отношении Советского Союза и Китая. В инаугурационной речи в январе 1969 г. новый президент объявил об окончании эры конфронтации и начале переговоров. Появились серьезные шансы для достижения разрядки в отношениях с Москвой и стабилизации общей обстановки на международной арене.

Одновременно, в условиях резкого ухудшения советско-китайских отношений, Соединенные Штаты и их союзники совершили кардинальный поворот в своей политике в отношении КНР, взяв курс на наведение мостов с Пекином. 1970-е гг. были отмечены интенсивными переговорами между КНР и США в поисках формулы, позволяющей установить между ними прямые связи, кульминацией чего стал визит в КНР президента Р. Никсона (21–28 февраля 1972 г.) и подписание Шанхайского коммюнике.

Тем не менее, дипломатические отношения между США и КНР в тот период установлены не были. Вашингтон был пока не готов к этому. Требовалось уладить вопросы, связанные с Тайванем, слишком сильным было сопротивление дальнейшим уступкам Китаю в американском Конгрессе. В то же время ведущие западноевропейские страны не стали медлить с открытием своих посольств в Пекине. В сентябре 1972 г. в ходе визита в Китай премьер-министра К. Танаки дипломатические отношения с КНР установила Япония. В октябре 1971 г. КНР была принята в ООН.

Д. ДРЕЙЕР. Китайско-советские отношения ухудшились в 1960-е гг. Ядерные испытания, начатые Китаем осенью 1964 г., массовый психоз и дошедшая до крайности ксенофобия, охватившие страну в период «культурной революции», воинственные заявления и огромное население Китая — все это, конечно же, вызвало опасения со стороны всех соседних стран. В силу непосредственного соседства СССР с Китаем и накала звучавшей из КНР антисоветской риторики опасения Москвы приобрели особую остроту. Поскольку претензии Республики Китай на законное управление всем Китаем с каждым годом становились все менее осуществимыми, некоторые вашингтонские политики начали искать пути к установлению нормальных отношений с правительством КНР. Коль скоро советско-китайский раскол означал конец монолитного единства коммунистических стран и тем самым ослабил восприятие угрозы советско-китайского блока, эти политики, исходя из принципа «враг моего врага — мой друг», увидели в расколе определенные возможности для США.

С. ТРУШ. Сорокалетие никсоновских «восточных» визитов, вошедших в учебники по современной дипломатии — хороший информационный повод поразмышлять о прошлом и будущем трехсторонних отношений, очертить политологические параллели, более или менее оправданные.

Многое со временем видится по-иному. В начале 1970-х гг. секретные визиты Киссинджера в Пекин, его полеты на истребителях французских ВВС, несущие печать голливудовской «бондианы», договоренности этого вашингтонского Талейрана с Мао — экстравагантным, малопонятным Западу, пишущим стихи, но вполне прагматичным вождем самой многочисленной коммунистической империи, представлялись политологам и журналистам «внешнеполитическим кульбитом», событием, «изменившим мир». С годами флер такой сенсационности, несомненно, блекнет. Примеров неожиданных альянсов ранее непримиримых врагов перед лицом большей опасности предостаточно и в китайской, и в российской, и в западной политической традиции. Достаточно вспомнить стратегию Сунызы, духом которых пропитана не только династическая история Китая, но и недавняя (XX век) история КПК, или пакт Молотова — Риббентропа, рядом с которыми любой Макиавелли чувствует себя вполне уютно.

Э. ВОГЕЛЬ. Думается, Киссинджер намеревался получить помощь Китая в решении проблемы войны во Вьетнаме и поэтому желал «размораживания» отношений с Китаем. Полагаю, что Китай, после своих девяти писем¹ в адрес СССР, был готов рассматривать вопрос об открытии навстречу Западу как о средстве получения поддержки в его противостоянии Советскому Союзу.

Американцы опасались, что установление отношений с Китаем может осложнить отношения с русскими, но произошло обратное. Стремясь «оторвать» США от Китая², Советский Союз стал более открытым для США.

1. Следует уточнить, что речь идет, по-видимому, о девяти статьях и семи письмах КПК и китайского руководства в адрес руководящих органов СССР.

2. В тексте — «от СССР», что, видимо, является авторской опечаткой. (Прим. перев. — Т.К.)

2. Становление «треугольной дипломатии» как инструмента «баланса сил» во внешней политике США

Д. ДРЕЙЕР. Генри Киссинджер, который начал свою карьеру как внешнеполитический советник Нельсона Рокфеллера, а затем занимал посты советника по национальной безопасности в администрации Ричарда Никсона (с 1968 г.) и государственного секретаря в администрациях Никсона и Форда (с 1973 г.), считается непревзойденным мастером политики баланса сил. Так, к поддержке Пакистана в индо-пакистанской войне 1971 г. его побудило сближение Индии с СССР. Благодаря улучшению отношений с Пакистаном, США получили «естественный проход» к его союзнику, Китаю, и Исламабад содействовал организации изначально тайных визитов Киссинджера в Китай. К тому времени КНР уже оправилась от хаоса «культурной революции» и, похоже, вполне могла послужить для США противовесом советскому экспансионизму.

В самих США протесты против войны во Вьетнаме вышли далеко за пределы проблемы Вьетнама (которому, по мнению американских левых, было лучше жить под властью коммунистов, чем при прогнившем сайгонском режиме) и обернулись против военного комплекса, против размеров военного бюджета и вообще против слишком активной внешней политики США. Киссинджер, удрученный отсутствием признания его усилий, всячески старался отбиться от своих американских оппонентов, предвещавших закат США, но, тем не менее, считал необходимым привлечь союзников на сторону своей страны.

В то же время Мао Цзэдун благосклонно воспринимал идею улучшения отношений с США, которые, при всем его отвращении к американской политико-экономической системе, по крайней мере, находились далеко от территории Китая и могли создать надежную оборону от СССР. К подавлению «пражской весны» в августе 1968 г. и к провозглашению «доктрины Брежнева», утверждавшей право СССР на вторжение в другие страны для поддержки коммунистического строя, в Пекине отнеслись как к предупреждению. Коммунистическая система по Мао заметно отличалась от советской. Предполагалось, что к сокрушению уклонизма в Чехословакии Москву побудило стремление подать предупреждающий сигнал Пекину: «свернуть шею цыпленку [правительству Чехословакии], чтобы напугать обезьяну [Китай]». «Культурная революция» существенно ослабила китайскую армию, и некоторые обстоятельства указывали на то, что СССР и его квази-союзник Индия намеревались воспользоваться этой слабостью. Так сложилось мнение, что Китай и США имели общую заинтересованность в обуздании «советской угрозы».

А. ДАВЫДОВ. С начала 1970-х гг. в мировой политологии укоренилось понятие «треугольной дипломатии», а термины «баланс сил», «факторы США и Китая», характеризовавшие степень влияния и роль этих стран во взаимоотношениях формата СССР—США—КНР, заняли прочное место в научной литературе и международной публицистике.

В течение 1970-х — первой половины 1980-х гг. «китайский фактор» в советско-американских отношениях ассоциировался преимущественно с т.н. «единой линией» Вашингтона и Пекина на сдерживание СССР и отождествлялся с важным компонентом их общей антисоветской стратегии. Несмотря на сохранявшиеся серьезные китайско-американские разногласия и противоречия, он зачастую использовался США для ослабления советского влияния на глобальном пространстве. В тот период КНР как слабойшей в «треугольнике» стороне отводилась роль своеобразного «балансира».

Китай, со своей стороны, часто прибегал к опоре на США как на более влиятельную и могущественную силу, блокируясь с ними для осуществления разнообразных антисоветских акций, включая, например, «ветирование» ряда инициатив СССР в ООН, бойкот московской Олимпиады, подрыв советских усилий в Афганистане, ограничение влияния

Советского Союза в АТР и др. Иногда взаимодействие Китая с Америкой на почве антисоветизма ограничивалось «мягкими формами», т.е. попросту оказанием друг другу определенной моральной поддержки, но чаще носило вполне вещественный характер.

Справедливость требует, однако, признать, что и СССР подключался тогда к «треугольным играм», рассматривая, например, разрядку с США в первой половине 1970-х гг. одновременно и как средство борьбы против маоистского Китая. Позднее достоянием гласности стали факты, касавшиеся попыток согласования Москвы с Вашингтоном возможности нанесения в 1970-е гг. ядерного удара по КНР.

Практическими результатами «балансирования силами» в рамках «треугольной дипломатии» в тот период стали подрыв фундамента советско-американской разрядки, ослабление взаимного доверия и усиление военно-силовых компонентов во внешней политике обеих держав, что привело в итоге к новому витку гонки вооружений, возникновению «афганского синдрома» и множеству других негативных последствий.

Г. МУР. Я не уверен в том, что концепция «треугольников» может объяснить многие моменты в отношениях между Китаем, Россией (СССР) и США или между любыми другими странами. На мой взгляд, треугольная схема — это конструкция, созданная реалистами в период «холодной войны» для материализации (и поддержки) их структурно уязвимых концепций, в то время как на деле отношения между тремя державами всегда носят более сложный характер, не укладывающийся в понятие «треугольника». На деле «треугольники», как представляется, без какой-либо необходимости разграничивают более широкую динамику балансирования, которую реалисты эффективно оспаривают не одно десятилетие. Более того, вне самого «треугольника» между тремя игроками, несомненно, присутствуют три диады, имеются международные организации, международные структуры и международные нормы, имеются (по Вендту) культуры анархии (на международном, региональном и двустороннем уровнях)¹, внутренняя политика и прочие переменные факторы, оказывающие политическое влияние.

Говоря о Китае, об СССР и Китае в 1970-е гг., и задаваясь вопросом, усматривали ли американские политики какую-либо связь между своей политикой в отношении Китая и СССР, я бы сказал и «да» и «нет». «Да» в том смысле, что СССР, разумеется, вызывал озабоченность Никсона и Киссинджера, и потому они считали благом отвлечь Китай от русских и приманить его к США. Американское сближение с Китаем несло в себе существенные стратегические выгоды. В то же время, я отвечаю «нет», поскольку госсекретарь США Уильям Роджерс договаривался с Москвой, стараясь снизить уровень напряженности в советско-американских отношениях, и далеко не сразу узнал о тайных договоренностях Никсона и советника по национальной безопасности Киссинджера с Пекином. Вообще, по мнению Роджерса, сделка с Китаем представляла собой проблему, и он был крайне недоволен отсутствием координации между двумя столь важными договоренностями (США с Китаем и США с СССР).

С. ТРУШ. Жив ли «треугольник» сегодня? Если да, то в какой форме, с какими сущностными и ситуативными изменениями? В какой мере «треугольный» формат продуктивен для практической российской политики?

Немного о понятиях. «Треугольник» («многоугольник», «N-угольник») — виртуальная конструкция, но устоявшийся термин в политологии. Этот термин обычно в ходу для отображения интересов и отношений трех (или более) стран, сопоставимых по внешнеполитическому «весу» и влиятельности, когда стратегия этих стран, будучи в целом са-

1. Moore G.J. Constructing Cooperation in Northeast Asia: Historical Northeast Asian Dyadic Cultures and the Potential for Greater Regional Cooperation," for a workshop, "Beyond History: Reconciliation, Cooperation and Social Integration in Northeast Asia," at Zhejiang University, Hangzhou, China, December 3, 2011.

мостоятельными и самодостаточными, демонстрируют очевидную степень взаимообусловленности. Характерной чертой «треугольных» отношений является использование стороной А своих отношений со стороной В для косвенного воздействия или уравнивания отношений со стороной С. Такая взаимообусловленность может касаться какой-либо одной сферы международного взаимодействия — например, исключительно военно-стратегической сферы, сферы безопасности, идеологии или экономики — либо быть более синтетичной, комплексной, захватывающей все основные сферы внешней политики.

Понятно также, что каждая исторически складывающаяся «геометрическая» ситуация уникальна в той мере, в какой уникален состав этой «фигуры», внешнеполитические ресурсы соответствующих стран и их мотивации, меняющаяся гамма их сближающих и разводящих интересов, композиция «сдержек и противовесов», глобальный международный контекст — «фон» — их взаимодействия.

Применительно к конкретной историко-политической ситуации между США—КНР—СССР с конца 1960-х вплоть до начала 1990-х гг. под «треугольником» подразумевалась конфигурация, в первую очередь, силовых и геополитических интересов Вашингтона, Пекина и Москвы, их взаимоотношения преимущественно в сфере безопасности. Центробежные— «антимосковские» — процессы в коммунистическом блоке в период после Второй мировой войны, эволюция Москвы и Пекина до грани полномасштабного и, возможно, ядерного столкновения, привели к ситуации «коалиционного торга» между тремя обозначившимися «центрами силы». Хотя этот торг проходил по каждой из осей наметившегося «треугольника», в силу совокупности международных, внутриамериканских и внутрикитайских причин (поиски Вашингтоном «стратегии выхода» из вьетнамской войны; прогресс стратегического диалога США с СССР; китайская «паранойя» по поводу возможного ядерного удара Москвы после событий на о. Даманский; «финальная» зачистка Мао Цзэдуном своей внутренней оппозиции; стремление Р. Никсона компенсировать свои внутренние проблемы дипломатическими «прорывами») торг этот наиболее продвинулся по линии КНР — США. Его результатом стал «исторический» визит Р. Никсона в Пекин и не менее историческое «Шанхайское коммюнике», зафиксировавшее компромиссы сторон по тайваньскому и другим узловым вопросам. Считается, что главный китайский «приз» этих договорённостей — хотя никаких документальных свидетельств этого быть не может по определению — определенные гарантии, данные Пекину в случае ядерной атаки Москвы. Америка, со своей стороны, с помощью Пекина смогла осуществить менее болезненный выход из вьетнамской войны и, что не менее важно, значительно усилить свои переговорные позиции с Москвой, в частности, по проблеме СНВ. Доминирование «треугольных» мотивов китайско-американского сближения отчетливо проявлялось до начала 1980-х гг. пока III пленум ЦК КПК (1978 г.) и XII съезд КПК (1982 г.) ни обозначили собой гамму новых факторов, определяющих китайскую внутреннюю и внешнюю стратегию.

Э. МИЛЛЕР. Поворот Вашингтона к Пекину ознаменовал фундаментальный сдвиг в американской стратегии сдерживания. Он означал отказ от движимой идеологией глобализации сдерживания, предписанного директивой № 68 Совета национальной безопасности — своего рода оценки стратегической ситуации, подготовленной Полом Нитце в 1958 г. В этой директиве продвижение коммунизма в любой стране — как, например, во Вьетнаме — рассматривалось как повсеместное поражение Америки. Кроме того, указанный сдвиг означал возврат к исходной реалистичной формулировке сдерживания, предложенной Джорджем Кеннаном в 1946 г. и основанной на той посылке, что Вашингтону следует поддерживать центры индустриальной мощи в Западной Европе и Японии, чтобы отразить вызов со стороны Советского Союза. Вернувшись к прежней логике баланса сил, Никсон тем самым придал легитимность сотрудничеству с откровенно

“революционным” коммунистическом государством — КНР, поскольку оно было направлено против общего противника — другого коммунистического государства, СССР.

В плане т.н. «жесткой силы» КНР по всем параметрам уступала потенциалу США и СССР. Поэтому понятие “стратегического треугольника” трех крупных держав не имело никакого смысла. Однако, вступление в ООН, которое состоялось в 1971 г. с согласия США, наконец-то подтвердило легитимность КНР и позволило ей обрести статус великой державы, ставшей одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности. Это обстоятельство, наряду со становлением таких игроков, как Япония и Европейский Союз, ознаменовало появление тенденции движения к многополюсному миру, которое продолжается и поныне.

Ю. ДУБИНИН. Что касается формата китайско-американских отношений, то на протяжении более 10 лет после подписания «Шанхайского коммюнике» это была нигде письменно не зафиксированная договоренность о координации сторонами своих действий в противостоянии политике СССР в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Более того, речь шла даже не столько о конкретных действиях, сколько о том, что каждая из сторон стремилась использовать другую в качестве противовеса Советскому Союзу. Основой такого курса должны были стать не формальные обязательства, а тождественность взглядов и подходов руководителей КНР и США.

Каждая из сторон извлекала из этого положения вещей определенные преимущества. Сознательная неопределенность, придаваемая сторонами характеру и содержанию реально достигавшихся договоренностей, составляла основное содержание “треугольной дипломатии”. Эта неопределенность вызывала подозрения Москвы, однако — вопреки ожиданиям Пекина — не усиливала напряженность в советско-американских отношениях. Более того, советско-американские отношения — особенно в первой половине 1970-х гг. — были существенно более содержательными и продуктивными по охвату обсуждавшихся проблем и реально достигнутым результатам, чем контакты между КНР и США. Позиция КНР в “треугольнике” была в то время наиболее слабой, что особенно реально выявилось в середине 1970-х гг. Следует особо отметить обостренно-негативную реакцию Пекина на проведение встречи Дж. Форда и Л.И. Брежнева во Владивостоке в ноябре 1974 г., а также трудности поддержания содержательного американо-китайского диалога с новым руководством КНР после смерти Чжоу Эньлая и Мао Цзэдуна в 1976 г.

Ближе к концу 1970-х гг., по мере нарастания внешнеполитической активности СССР в различных регионах «третьего мира» (Ангола, Эфиопия, Вьетнам, Кампучия, а в дальнейшем — Афганистан), руководители КНР и США восприняли “советскую угрозу” как сигнал к своему дальнейшему сближению. При этом, большую необходимость в нормализации отношений испытывал скорее Вашингтон, чем Пекин, поскольку именно США пошли на удовлетворение всех требований КНР, включая прекращение дипломатических отношений с Тайбэем, вывод американских войск с о. Тайвань, разрыв американо-тайваньского договора безопасности 1954 г. Китай же, наоборот, категорически отказался брать на себя какие-либо обязательства относительно неприменения силы для объединения страны. Последовавший за установлением дипломатических отношений визит Дэн Сяопина в США в январе-феврале 1979 г. явился, пожалуй, кульминацией китайско-американского партнерства 1970-х гг. Одной из важнейших целей визита было добиться от американского руководства хотя бы молчаливой поддержки китайских планов вторжения в Социалистическую Республику Вьетнам. Дэн Сяопин предложил Дж. Картеру рассматривать противодействие Китая вьетнамской операции в Камбодже как элемент совместных действий против политики СССР. В беседе с Картером Дэн Сяопин заявил: «повсюду, куда Советский Союз протягивает свои руки, мы должны об-

рывать его пальцы»¹. И хотя китайский руководитель не получил прямой поддержки своих планов от Картера, американский президент, тем не менее, сообщил ему, что, по данным разведки США, каких-либо существенных перемещений советских вооруженных сил в направлении Китая не обнаружено.

С приходом в Белый дом республиканской администрации Р. Рейгана Китай начал высказывать беспокойство в связи с протайваньскими настроениями, выражавшимися Рейганом в ходе предвыборной кампании 1980 года, в том числе его заявлениями о намерении восстановить отношения США с Тайванем в случае его избрания. Вашингтон попытался погасить обеспокоенность КНР, направив в июне 1981 г. в Пекин государственного секретаря А. Хейга (участвовавшего в качестве сотрудника аппарата Совета национальной безопасности в подготовке первого визита Р. Никсона в КНР), однако камнем преткновения стали продолжавшиеся поставки США вооружений Тайваню. Подписание в 1982 г. китайско-американского коммюнике о рамках поставок американских вооружений Тайбэю несколько снизило озабоченности Пекина и позволило продолжить сближение между КНР и США на основе стратегических (противостояние с СССР) и экономических интересов. Между двумя государствами складывались отношения, предполагавшие параллельные и даже согласованные действия по целому ряду вопросов международной политики. О степени близости этих отношений свидетельствовал начавшийся регулярный диалог не только между руководителями двух стран и их внешнеполитическими ведомствами, но и интенсивные военные контакты, включая обмены визитами министров обороны.

Вместе с тем, руководители КНР осознавали, что в условиях проведения администрацией Р. Рейгана жесткого антикоммунистического и антисоветского курса, направленного на достижение победы в «холодной войне», чрезмерная близость с США может при определенных обстоятельствах и вопреки воле и интересам Пекина вовлечь Китай в американско-советскую конфронтацию. Кроме того, провозглашенный III пленумом ЦК КПК и закрепленный XII съездом КПК курс на проведение реформ предполагал поворот страны к более деидеологизированной, прагматичной внешней политике, отказ от близких или союзнических отношений с какой-либо из сверхдержав. Начался поворот от жестко конфронтационной политики Китая в отношении СССР к дозированному диалогу с Москвой, в условиях которого чрезмерная ассоциация с линией Вашингтона оказывалась неуместной. В частности, Пекин отверг американское предложение о совместном выступлении с осуждением введения военного положения в Польше, начал открыто дистанцироваться от политики США в различных районах мира: Европе, Латинской Америке, Африке, на Ближнем Востоке и др. В ходе визита Р. Рейгана в КНР в апреле 1984 г. китайские средства массовой информации не публиковали наиболее критические пассажи из выступлений американского президента относительно политики СССР.

Очевидно, можно констатировать, что ближе к середине 1980-х гг. китайские руководители начали более активно играть в «треугольную дипломатию», повышая в ней свою роль и значение и демонстрируя значительно возросшую активность в «треугольнике».

Л. ДИТТМЕР. «Стратегический треугольник» создал преимущества для всех трех сторон, ибо остановил эскалацию двустороннего спора и в то же время позволил США добиться уступок от обеих спорящих сторон, ибо каждая из них «ревниво» опасалась, как бы соперник не заключил с Вашингтоном более выгодную сделку. В то же время формирование «треугольника» помогло закончить «холодную войну» в Азии раньше, чем в Европе, поскольку основанное на антикоммунизме враждебное отношение к КНР сублимировалось в общую навязчивую идею об угрозе со стороны «полярного медведя».

1. Цит. по: Kissinger H. On China. New York, 2011. P. 495–498.

А. КРУШИНСКИЙ. В течение десятилетий каждая из трех сторон исходила из субъективно трактуемых национальных интересов. Мировая архитектоника становилась все менее стабильной, и американо-китайское сближение в 1970-х гг. оказалось не менее серьезным потрясением, нежели «тибетский кризис». Показательно: если Никсон с Киссинджером, балансируя между Пекином и Москвой, взяли на вооружение «треугольную дипломатию», то Мао был бескомпромиссен, что загодя подтвердил его идеологический рупор, журнал «Хунци». Через три недели после первого визита Киссинджера он призвал: КНР должна объединиться с «врагом № 2» — США, чтобы изолировать и разбить «врага № 1» — СССР. Последнему пришлось держать оборону на двух фронтах, и в этом, возможно, таятся корни его поддержки Вьетнама, укрепления военной группировки в МНР, вторжения в Афганистан.

Э. ВОГЕЛЬ. Думаю, что Вэнс хотел установления более близких отношений с СССР, в то время как Киссинджер и многие другие тяготели к тому, чтобы склониться в сторону Китая, и относились к СССР более критично.

А. БОЛЯТКО. В 1970-е гг. Китай в поисках самостоятельной роли в мире начал претендовать на место, равноправное положению «сверхдержав», выбрал образ неконфронтационного «полюса», находящегося на меньшем расстоянии от «разнозаряженных полюсов» — Соединенных Штатов и Советского Союза, чем расстояние, разделяющее их самих. В этом заключалась суть установки на проведение «независимой и самостоятельной внешней политики», которую в тот период можно было назвать политикой «свободного балансирования» в «треугольнике» СССР—КНР—США.

В. ТРИФОНОВ. Процесс нормализации американо-китайских отношений был завершён при президенте Дж. Картере, победившем на выборах 1976 г. В мае 1978 г. Пекин со специальной миссией посетил помощник президента по вопросам национальной безопасности З. Бжезинский, который быстро нашел общий язык с тогдашним китайским руководством. Окончательные детали договоренностей между КНР и США выработывались сторонами в глубокой тайне, а 15 декабря Дж. Картер в телевизионном обращении к нации зачитал текст совместного американо-китайского коммюнике об установлении с КНР с 1 января 1979 г. дипломатических отношений. Прекращались дипотношения с Тайванем.

Шаги администрации были дополнены американским Конгрессом, разработавшим, к сильнейшему недовольству Пекина, так называемый «Закон об отношениях с Тайванем», вступивший в силу 10 апреля 1979 г. В нем содержались обязательства США развивать отношения как с «народом Тайваня, так и с народом на материке Китая», «снабжать Тайвань оружием оборонительного характера», указывалось, что «решение Соединенных Штатов установить дипломатические отношения с КНР базируется на ожидании, что будущее Тайваня будет определено мирным путем. Особое значение имела формулировка: «считать любые попытки определить будущее Тайваня иными, чем мирными средствами, включая бойкот или эмбарго, как угрозу миру и безопасности в западной части Тихого океана и как источник серьезного беспокойства для США».

Быстрыми темпами стали налаживаться политические, экономические и культурные связи между США и КНР, активно зондировались возможности военного сотрудничества между ними. С 28 января по 5 февраля 1979 г. состоялся визит в США высшего руководителя КНР Дэн Сяопина. Несмотря на исключительно теплый прием, оказанный китайскому лидеру, Пекин, однако, довольно скоро убедился, что США не намерены заходить слишком далеко в своих отношениях с КНР, продавать Китаю необходимые ему виды вооружений, передавать современную технологию военного применения. США, к тому же, несмотря на протесты КНР, продолжали и продолжают осуществлять крупные продажи оружия Тайваню.

К началу 1980-х гг. во внутренней и во внешней политике КНР стали происходить серьезные изменения в сторону прагматизма и реализма. Переломное значение для судьбы Китая имел декабрьский (1978 г.) пленум ЦК КПК, взявший курс на стабилизацию обстановки в стране, проведение необходимых реформ, для осуществления которых она нуждалась в мирных внешних условиях. На первый план вышел известный тезис Дэн Сяопина о мире и развитии как главной тенденции современной эпохи.

Состоявшийся в сентябре 1982 г. XII съезд КПК закрепил три основополагающих принципа в политике КНР — «независимость, самостоятельность и опору на собственные силы». Был подчеркнут отказ от установления союзнических отношений или стратегического сотрудничества с какой-либо из «сверхдержав», определен курс на улучшение и развитие взаимовыгодных связей со всеми странами мира, включая СССР и США, на основе пяти принципов мирного сосуществования.

Дальнейшим позитивным переменам во взаимоотношениях Советского Союза и Китая способствовал начавшийся в СССР процесс перестройки, выдвинутая политика нового мышления. Состоялся интенсивный обмен визитами министров иностранных дел сторон, носивший исключительно продуктивный характер. Важнейшее значение имел визит в Китай в мае 1989 г. президента М.С. Горбачева, закрепивший поворот к нормализации в советско-китайских отношениях. При встрече с М.С. Горбачевым Дэн Сяопин произнес символическую фразу о том, что стороны должны «закрыть прошлое, открыть будущее».

Начало 1990-х гг. было отмечено драматическими событиями. Произошел распад Советского Союза, не выдержавшего груза взятых на себя обязательств в результате ряда просчетов, допущенных прежним и тогдашним советским руководством. Китай одним из первых признал Россию полноправным правопреемником СССР, что имело особое значение для нашей страны в условиях проводившейся внешними силами политики давления на Россию в целях ее дальнейшего ослабления. Два государства встали на путь взаимодействия и расширения сфер сотрудничества. Важнейшим шагом в этом направлении стала подписанная 25 апреля 1996 г. президентом России Б.Н. Ельциным и председателем КНР Цзян Цзэмином «Совместная российско-китайская декларация», в которой стороны провозгласили свою решимость «развивать отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке». Прочную базу под отношения России и Китая заложил подписанный сторонами 16 июля 2001 г. «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве».

Б. Влияние американо-китайских отношений на процесс трансформации мировой архитектоники

1. Крах биполярности и «фактор Китая» на рубеже 1990-х гг.

А. ДАВЫДОВ. Естественный конец попыткам блокирования КНР и США на антисоветской основе положили распад СССР и крах биполярной системы мироустройства. Хотя Китай сделал первые шаги по восстановлению связей с Советским Союзом и отказался «подыгрывать» Америке в антисоветских выпадах несколько раньше этого геополитического коллапса.

После развала СССР Западом предпринимались попытки привлечения Москвы к сдерживанию Пекина, отношения которого с США и НАТО периодически обострялись на протяжении 1990-х гг. после известных событий на площади Тяньаньмэнь. Жизнь, однако, показала и Китаю, и России, и, в конечном счете, США, что использование любых «треугольных схем», основанных на принципе «двое против одного», дело, как правило, непродуктивное, а порою весьма опасное.

Как бы то ни было, отношения между Китаем, Америкой и Россией и сегодня остаются одним из ключевых элементов новой мировой архитектоники. Трансформировавшись после распада СССР в конструкцию «США—КНР—РФ», пресловутый «треугольник» утратил часть прежних характеристик, одновременно приобретя некое новое качество. Но главное его свойство — радикально влиять на глобальную ситуацию — сохраняется и поныне: от состояния взаимоотношений трех стран по-прежнему в значительной степени зависят мир и стабильность на нашей планете.

В то же время очевидно, что распад СССР, приведший к краху двухполюсной системы, практически не предоставил никакой альтернативной модели мироустройства. Правы те аналитики, кто утверждает, что в сегодняшнем мире сохраняется наличие двух разновекторных противоречивых тенденций развития — к многополярности и однополярности, способных сосуществовать в течение некоторого времени. При этом ни та, ни другая модель не являются идеальными.

Идею многополярного мира Москва и Пекин начали отстаивать с середины 1990-х гг. Если в интерпретации Москвы она в то время выглядела как путь к восстановлению былых позиций одного из прошлых мировых лидеров, то многополярность «по-пекински» предполагала становление нового центра силы путем превращения Китая сначала в региональную, а затем в глобальную супердержаву.

До определенной поры, однако, практические действия Пекина на этом направлении носили ограниченный характер. Выполняя установку Дэн Сяопина «не высываться», Китай определил в качестве приоритета наращивание экономических мускулов за счет проведения сугубо прагматического курса и готов был к сотрудничеству с любыми силами, если это способствовало реализации его интересов.

Свое влияние и авторитет в мире КНР стремилась поначалу укреплять с помощью т.н. «мягкой силы» (Олимпиада-2008, Всемирная выставка в Шанхае и другие подобные мероприятия, распространение по миру сети «университетов Конфуция» и т.п.), а не путем демонстрации военной мощи.

Многое изменил разразившийся в конце 2008 г. глобальный финансово-экономический кризис. Преодолев его с наименьшими потерями по сравнению с другими ведущими мировыми экономиками и выйдя по ряду основных показателей на позиции второй державы мира, Китай испытал пьянящее чувство эйфории и головокружение от успехов.

На этом фоне некоторые последующие шаги его, включая форсированное усиление вооруженных сил, особенно военно-морских, трудно интерпретировать иначе, чем стремление заявить о растущей претензии на роль мирового «со-лидера». Последние события в районе Южно-Китайского моря можно трактовать и в таком ключе.

Вот почему декларируемое «возвращение» США в АТР, парадоксальное по своей сути на фоне принятой ими новой оборонной стратегии, постулирующей значительные урезания американских военных расходов, боевых сил и средств, следует расценивать не только как реакцию на ускоренный рост китайской военной мощи в регионе, но — принимая во внимание череду «взлетов и падений» в отношениях двух стран на всей протяженности их зигзагообразного развития — как столкновение их интересов во круг проблемы будущего мироустройства.

Из четырех основных геополитических центров силы в сегодняшнем мире США как апологет однополярности относительно комфортно и уверенно чувствуют себя лишь в трех — Америке, Европе, в Центральной Азии и на Ближнем Востоке. Распространение влияния усилившегося Китая на Северо-Восток и Юго-Восток Азии вынуждает их на контрмеры. Мир глобализуется экономически, но политически он не един и не будет таковым в будущем, по крайней мере, обозримом. Это порождает противоречия.

Г. МУР. Я бы сказал, что окончание «холодной войны» забрезжило осенью 1989 г., когда не стало Берлинской стены. Однако, формально «холодная война» завершилась в момент официального роспуска Советского Союза — в полночь 31 декабря 1991 г., когда был спущен красно-золотой флаг СССР и поднят трехцветный флаг Российской Федерации¹. К этому я бы добавил, что кратковременный спад в отношениях между Китаем и США, открывший новую, продолжительную эру их усложненных отношений, начался 4 июня 1989 г., когда китайское руководство решило применить в Пекине силу против своего народа. (Этот эпизод часто называют «побоищем» или «инцидентом» на площади Тяньаньмэнь, хотя основные события происходили не на самой площади, а вокруг нее и на западе Пекина, в районе Мусиди)². Совершенно очевидно, что именно 4 июня 1989 г. было резко покончено с «негласным альянсом» между Пекином и Вашингтоном. Американо-китайские отношения в период с 1972 г. до конца 1980-х гг. действительно представляли собой негласный альянс — ЦРУ установило станции прослушивания в Западном Китае, недалеко от советского космодрома Байконур, США и Китай сотрудничали в разработке китайского истребителя нового поколения, США продавали Китаю суперкомпьютеры двойного (военного и гражданского) назначения и т.п. После 4 июня, когда США ввели санкции против Пекина, все это прекратилось. По логике реалистов, можно предположить, что именно окончание «холодной войны» и распад Советского Союза привели к прекращению негласного китайско-американского альянса, но в таком аргументе имеются две важных ошибки — одна логическая и одна хронологическая. Во-первых, хронологическая ошибка заключается в том простом факте, что процесс окончания «холодной войны» начался не раньше осени 1989 г. и, следовательно, он не мог послужить причиной изменения в отношениях между Китаем и США. Во-вторых, имеется логическая проблема. Доводы реалистов о том, что важную роль сыграл крах двухполюсной системы, а не события 4 июня, несостоятельны в силу нескольких причин. Джордж Буш-старший, пытаясь следовать политике реалистов в отношении Китая и сохранить с ним хорошие стратегические отношения, летом 1989 г. и несколько месяцев спустя направлял в Пекин своих эмиссаров Скоукрофта и Иглбергера, которым предстояло выправить ситуацию. Однако, Конгресс не принял подобных усилий и жестко призвал президента перейти к санкциям и выступить с резкой реакцией на действия китайского руководства 4 июня. «Эффект Си-Эн-Эн» еще более распалил страсти, что усилило давление на Вашингтон и заставило его выступить на стороне демонстрантов и осудить действия китайских властей. Именно с тех пор лидеры США при определении курса двусторонних отношений с Китаем стали регулярно обращаться к вопросу прав человека. В данном случае проблема состояла не в изменившемся распределении возможностей, а в изменении американского восприятия Дэн Сяопина и Китая, который в глазах многих американцев превратился из «Китая — беспокойного модернизатора» в «Китай — красную угрозу»³.

А. КРУШИНСКИЙ. На стыке XX—XXI вв. синхронно с геополитической катастрофой века — распадом СССР — возобновилось американо-китайское противостояние: в феврале 1990 г. заместитель госсекретаря США Иглбергер объявил, что антисоветская база политики США в отношении КНР более не существует, а в сентябре 1992 г.

1. Уточним, что днем прекращения существования СССР официально считается 26 декабря 1991 г., хотя некоторые учреждения и организации СССР еще продолжали функционировать в течение 1992 г.

2. See: Moore G.J., *Sino-American Dyadic Cultures: Enemies, Rivals, or Friends?* (Book manuscript in preparation for 2012 publication).

3. Madsen R. *China and the American Dream: A Moral Inquiry*. Berkeley; Los Angeles, 1995). P. 4.

президент Джордж Буш решил возобновить поставки оружия Тайваню (150 истребителей F-16 за 6 млрд долл.)

Мир становится все менее стабильным: множится число стран, располагающих ядерной бомбой, как и число региональных войн (Китай и Россия после 1959 г. провели по три, включая краткосрочный инцидент на Даманском, США — семь).

Л. ДИТТМЕР. Крах биполярной системы на рубеже 1980-х — 1990-х гг. совпал с распадом «стратегического треугольника» и ускорил его. Дело в том, что в результате событий на площади Тяньаньмэнь в мае 1989 г. с советско-китайской враждой было покончено, а США уже не нуждались в Китае как в стратегически полезном инструменте для сдерживания и без того трещавшего по швам СССР. В то же время подавление массовых выступлений на площади Тяньаньмэнь 4 июня весьма охладило китайско-американские отношения. С момента окончания «холодной войны» международная политика развивалась, в основном, без каких-либо стратегических построений, если не считать эфемерной и весьма спорной «однополярности».

А. ЛАРИН. На рубеже 1980–90-х гг. отказ советского руководства во главе с М.С. Горбачевым от идеологических антагонизмов во внешней политике позволил нормализовать отношения с КНР и установить с США новые, неконфронтационные отношения, воплощавшие, как тогда казалось, принципы взаимопонимания и доверия и сулившие в перспективе тесное экономическое и политическое партнерство. «Стратегический треугольник» еще раз обновился, и перед СССР встала непростая задача найти в нем свое место, еще более усложнившаяся, когда советскую сверхдержаву заменила более слабая Россия, руководству которой заведомо недоставало государственного и дипломатического опыта.

Стержневым направлением поиска сделался вопрос об отношении к западному миру, прежде всего США, тогда как подход к Китаю стал в известной мере производным от него. А именно, сторонники ориентации России на Запад относились к Китаю с глубоким недоверием, а противники — с надеждой найти в его лице опору для противостояния США и их союзникам. Сознание как позднесоветской горбачевской, так и новой российской политической элиты было глубоко пропитано «атлантическими» симпатиями. Их возникновение логически вытекало из тесного взаимодействия с США в деле устранения военной конфронтации двух сверхдержав, из равнения на западные образцы при проведении экономических и политических реформ в стране, из начавшегося широкого подключения России к мировому рынку и, наконец, из представления о том, что в условиях усиливавшегося распада экономики страны успех реформ и ее возрождение возможны только при помощи Запада. Огромные кредиты, которые Россия стала получать оттуда, казалось, подтверждали ее ожидания. Предполагалось, что Запад будет рад принять признавшую общечеловеческие ценности и демилитаризованную Россию в семью «свободных государств». В большинстве своем «атлантисты» отдавали себе отчет, что Россия не имеет шансов стать равноправным членом западного мира, что ее ожидает там лишь «асимметричное партнерство», но полагали, что даже такое положение для страны лучше, чем изоляция от Запада, фактически означающая конфронтацию с ним. Москва усиленно доказывала свою готовность иметь с Западом самые дружеские отношения.

Оказалось, однако, что надежды России стать для Запада «своей» и обрести гармоничное сосуществование с ним в духе «нового мышления» строились на глубоких политических заблуждениях. Предложение Москвы Вашингтону стать «стратегическими партнерами» принято не было. Таковую же реакцию продемонстрировали США в ответ на инициативы Москвы, когда в начале 2000-х гг. она в одностороннем порядке понизила свой военный потенциал: сократила стратегические силы до 1500 боеголовок — ниже предела, предполагавшегося по договору ОСВ-3, а затем добровольно отказалась от станции электронной разведки на Кубе и военно-морской базы во Вьетнаме.

Политика США и НАТО на российском направлении обрела форму силового нажима, экспансии в зоны интересов России и вытеснения ее оттуда, подрыва ее безопасности и противодействия подъему. Россию вновь, как ранее Советский Союз, втягивают в разорительную гонку вооружений. Дальнейшей задачей американской стратегии с достаточным основанием можно считать превращение России в слабосильное государство — сырьевой придаток Запада. Похоже, единственное, что удерживает НАТО от более радикальных действий в отношении России — это ее способность, будучи прижатой в угол, создать ядерную угрозу.

Э. МИЛЛЕР. В конце 1980-х гг. «китайский фактор» попросту перестал существовать. После распада СССР исчез основной мотив американско-китайских отношений — стратегическое сотрудничество, нацеленное против Москвы. С точки зрения Вашингтона, стратегическая полезность Китая ослабла, ибо оставалось все меньше возможностей использовать его для решения таких основных проблем глобальной повестки дня, как объединение Германии и Ближний Восток. При отсутствии общих стратегических интересов антисоветской направленности на передний план китайско-американских отношений вышли вопросы второго порядка — права человека, торговля, Тибет и т.п. И, наконец, наиболее серьезный вызов США усматривали со стороны Японии — по крайней мере, до тех пор, пока ее дутая экономика не лопнула, как мыльный пузырь, и пока ЛДП не потерпела сокрушительное поражение.

Д. ДРЕЙЕР. Временное ослабление России после распада СССР в 1991 г. предоставило Китаю возможность обойти санкции на передачу ему военных технологий, установленные США после жестокого подавления гражданских демонстраций силами НОАК. Китай стал осуществлять крупные закупки советских вооружений, которые уже не требовались стране-производителю. Кроме того, китайские торговцы, умело используя расположение рынков советской эпохи, перемещались через границу и нередко оседали на Дальнем Востоке России. Китай стал охотно покупать российское сырье, необходимое для подпитки его бурной экономической экспансии. Отношения двух стран отнюдь не являлись альянсом — скорее, это было удобное партнерство. Оно не стало противовесом США и не внесло каких-либо фундаментальных изменений в однополярную структуру мира, сложившуюся в начале 1990-х гг. В действительности, трудная ситуация, в которой оказалась Россия после распада Советского Союза, побудила тогдашнего президента Ельцина к поиску возможностей улучшения отношений с США.

Э. ВОГЕЛЬ. Думаю, что после того, как США проиграли во Вьетнаме, в Советском Союзе поверили в возможность своей экспансии и не преминули ею воспользоваться. Однако довольно скоро такая экспансия «перенапрягла» силы СССР.

2. Подъем КНР в глобализирующемся мире: реален ли паритет с США?

Д. ДРЕЙЕР. В настоящее время Китай не обладает паритетом с США. Однако — и это, возможно, более важно — Вашингтон обращается с Китаем так, как будто такой паритет имеет место. Стало общепризнанным, что ни одна международная проблема не может быть решена без активного участия КНР. К китайской помощи стараются прибегнуть в решении проблем ядерного распространения в Северной Корее и Иране, а Пекин имеет возможность требовать компенсацию за свои услуги и иногда получает ее. Как отмечается в публичных комментариях Вашингтона, НОАК в плане боеспособности уступает военным силам США, но в закрытых дискуссиях американские военные откровенно признают, что им было бы трудно противодействовать вооружениям, которые в настоящее время разрабатываются и используются силами НОАК — например, таким как противокорабельные баллистические ракеты, противоспутниковое оружие, или истребитель J-20. Более того, в то время как НОАК наращивает потенциал, перспективы сопос-

такого совершенствования американских вооруженных сил представляются весьма проблематичными, ибо:

- американские ВС недоукомплектованы, поскольку военный призыв осуществляется исключительно на добровольной основе, что не позволяет привлекать дополнительный контингент;

- США, похоже, не могут выпутаться из ближневосточных проблем. Следовательно, внимание и ресурсы Америки концентрируются, главным образом, на Ближнем Востоке, а другим регионам мира соответственно уделяется меньше внимания;

- военный бюджет стал излюбленной мишенью представителей администрации Обамы, выступающих за снижение расходов. Были урезаны несколько программ, которые, по мнению военных специалистов, могли бы сыграть важную роль в обеспечении превосходства ВС США.

С другой стороны, нет никаких гарантий дальнейшего возвышения Китая. Симбиоз таких факторов, как экологическая деградация; население, недовольное партией и правительством и все более склонное к протестам против ощущаемых несправедливостей, старение трудоспособного населения, масштабная коррупция, доставляющие беспокорство национальные меньшинства и финансовая система, поставленная на весьма хрупкую основу — все это, как представляется, ограничивает перспективы неуклонного быстрого роста.

В то время, как СМИ КНР то и дело говорят о том, что США находятся в состоянии спада, некоторые китайские ученые полагают, что Америку не следует столь легко «списывать со счетов». Совсем недавно декан Школы международных отношений Пекинского университета Ван Цзисы выделил ряд факторов, обеспечивающих жизнеспособность американского общества — общие ключевые ценности, способность к технологической и социальной инновации, власть закона и терпимость к разнообразию.

В. ТРИФОНОВ. Развитие обстановки в мире во многом будет зависеть от того, как станут складываться взаимоотношения двух крупнейших государств — Соединенных Штатов, сохраняющих позиции наиболее мощной державы мира, и поднимающегося Китая. Станет ли мир свидетелем нарастающего противоборства между двумя гигантами, либо же эти две страны объединят усилия в создании — вместе со всем мировым сообществом — более справедливого и равноправного миропорядка, при котором учитывались бы интересы всех стран, и больших, и малых.

США сыграли важную роль в быстром экономическом подъеме Китая, осуществив крупные инвестиции в эту страну и оказав КНР техническое содействие по многим направлениям. По сути, можно говорить об «экономическом сращивании» двух держав. В Китае действует около 50 тыс. предприятий с американским капиталом. Торговля двух стран достигла в предкризисном 2008 г. 407,5 млрд долл. (около 440 млрд долл. в 2011 г.). Объем приобретенных Китаем в США ценных бумаг составил на данный момент астрономическую сумму — около 1,2 трлн долл., что является важным фактором поддержания на плаву американской экономики. В США обучается 157 тыс. китайских студентов, поставлена задача до 100 тыс. довести число американских студентов в КНР.

Неплохо складывались и политические отношения сторон, в том числе при администрации Дж. Буша-мл. Курс на тесное партнерство с Китаем был сразу же взят на вооружение администрацией Б. Обамы, к чему ее настойчиво подталкивало американское экспертное сообщество. Известными американскими политологами были выдвинуты теории G-2 и «кимерики», предполагавшие совместное с Китаем управление мировыми делами. В ходе ноябрьского (2009 г.) визита в Китай нового американского президента стороны договорились об осуществлении далеко идущих совместных усилий по регулированию мировых проблем, подчеркнули, что они «разделяют широкие общие интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе».

В то же время продолжающийся уже три десятилетия стремительный рост экономической и совокупной мощи Китая, включая увеличение его военного потенциала, вызывает все большую озабоченность в политических и военных кругах США, в американском Конгрессе, у американских союзников, в первую очередь Японии.

Особое беспокойство Вашингтон проявляет в связи с заметным усилением позиций Китая в Восточной и Юго-Восточной Азии, где КНР существенно потеснила Соединенные Штаты, как в экономическом, так и в политическом плане. Китай занял место США в качестве главного торгового партнера Японии, Южной Кореи, многих стран АСЕАН, Тайваня, играет активную роль в региональных организациях АТР, в жизни региона в целом. Дальнейшему упрочению позиций КНР в АТР способствовало вступление в силу с 1 января 2010 г. зоны свободной торговли между Китаем и АСЕАН, совокупные параметры которой составили 1,9 млрд населения, примерно 8 трлн долл. ВВП, 4,5 трлн долл. общего внешнеторгового оборота.

Не проявил Пекин особого интереса к идее американо-китайского дуумвирата, где КНР отводилась, по существу, подчиненная роль. Китай вновь подтвердил курс на независимость и самостоятельность, выразил несогласие с «гегемонией» какой либо крупной державы или группы держав. КНР также ясно дала понять, что не намерена подстраиваться под американские и западные воззрения в проведении своей внешней и внутренней политики, будет и дальше выстраивать собственную линию в вопросах прав человека, продвигаясь все дальше по пути демократизации (нельзя не заметить, насколько к лучшему изменилась жизнь в Китае в последние десятилетия).

Заметную остроту приобрели американо-китайские трения в торгово-экономической области, причем Вашингтон открыто обвинил Пекин в «недобросовестной практике» в сфере проведения валютно-финансовой политики. В жесткой форме были выдвинуты требования ревальвировать юань, реформировать в сторону либерализации и большей прозрачности китайскую банковскую сферу. Не менее жесткие претензии к США предъявила со своей стороны и КНР.

Серьезное беспокойство в США вызывают усиливающиеся военные возможности Китая, укрепление китайских ВМС с приобретением ими способностей выхода в открытый океан (что в значительной степени связано с необходимостью для КНР обеспечить защиту своих морских коммуникаций, путей доставки энергетических и иных ресурсов). В 2010 г. оборонный бюджет Китая вырос на 12,7% и составил, по официальным данным, 91,5 млрд долл. — второе место в мире после США (671 млрд долл.).

Все это побудило Соединенные Штаты довольно круто поменять свою стратегию, взять курс на противодействие дальнейшему усилению КНР. Провозглашена линия на «возвращение США в Азию» в опоре на своих традиционных союзников. Заявлено, что XXI в. будет тихоокеанским веком в политике США. Существенно активизировалась роль Вашингтона в региональных организациях АТР, США присоединились к тем из них, где они до последнего времени не участвовали. Задачи подкрепления позиций США в ряде ключевых стран региона преследовали ноябрьский (2010 г.) визит президента Б. Обамы в Индию, Индонезию, Южную Корею и Японию, его заявления в рамках последних (ноябрь 2011 г.) саммитов АТЭС, АСЕАН, Восточноазиатского саммита на Бали, визитов в Индонезию и Австралию, а госсекретаря на Филиппины.

Эта линия была подкреплена предпринятыми Соединенными Штатами в последнее время масштабными шагами по дальнейшему укреплению своего военного и политического влияния в АТР. 6 января 2012 г. президент Б. Обама изложил в Пентагоне новую военную стратегию США, центром тяжести которой станет Азиатско-Тихоокеанский регион.

В целом предусматривается усиление военно-морской и военно-воздушной компоненты американской политики на Тихом океане; дальнейшее развертывание широко-

масштабной глобальной и нацеленной на Восточную Азию региональной системы ПРО; укрепление военных баз на о. Гуам и на Окинаве; увеличение военной помощи американским союзникам в АТР. Создается, по сути, новый мощный военный комплекс в юго-восточной части Тихого океана — размещение 2500 морских пехотинцев в Дарвине (Австралия) с определенным количеством флотских и авиационных соединений, опорные пункты на Филиппинах, в Сингапуре и Новой Зеландии. По мнению многих политологов, вся эта деятельность осуществляется с явным прицелом на Китай и на регион Южно-Китайского моря, где США берут линию на открытое противостояние КНР.

Как противовес имеющимся в АТР региональным организациям расценивают китайские эксперты активно продвигаемую в последнее время Соединенными Штатами идею Транстихоокеанского партнерства.

О том, что Вашингтон не собирается отказываться от своей линии в столь чувствительном для КНР тайваньском вопросе, Пекину говорят очередные, осуществленные уже администрацией Б. Обамы продажи Тайваню новейших американских вооружений на сумму 6,4 и 5,85 млрд долл.

Указанные шаги Соединенных Штатов, судя по китайской реакции, рассматриваются в КНР как серьезный вызов, требующий адекватного ответа с китайской стороны.

В то же время очевидно, что Вашингтон и Пекин хотели бы избежать серьезного ухудшения отношений, учитывая сложившуюся между ними в последние десятилетия глубокую экономическую и политическую взаимозависимость. Показательны итоги состоявшегося 18–21 января 2011 г. визита в США председателя КНР Ху Цзиньтао. Стороны договорились не обострять взаимоотношения, подчеркнули важность конструктивного взаимодействия для поддержания мира и стабильности на мировой арене. Подтверждена их приверженность «строительству позитивных, основанных на сотрудничестве и всесторонних китайско-американских отношений в XXI веке». Американская сторона подтвердила, что она «приветствует сильный, процветающий и успешный Китай, играющий еще большую роль в мировых делах». Китайская сторона заявила, что «приветствует Соединенные Штаты в качестве азиатско-тихоокеанского государства, которое вносит вклад в дело мира, стабильности и процветания региона». Стороны договорились «работать вместе» с тем, чтобы «поддержать усилия по строительству более стабильного, мирного и процветающего Азиатско-Тихоокеанского региона в XXI веке», проявили готовность к взаимодействию и сотрудничеству по широкому спектру международных проблем.

Данные договоренности были закреплены и дополнены в ходе состоявшегося 9–10 мая 2011 г. в Вашингтоне третьего раунда китайско-американского стратегического и экономического диалога, для участия в котором в США прибыла представительная китайская делегация. Отдельный разговор состоялся между военными представителями сторон в целях укрепления сотрудничества по военной линии, «налаживания большего взаимопонимания и уменьшения взаимной подозрительности» в вопросах военной деятельности. Подписан ряд важных документов и договоренностей о расширении сотрудничества по многим направлениям и областям, включая так называемые «Всесторонние рамки содействия мощному, продолжительному и сбалансированному росту экономики и экономического сотрудничества между Китаем и США». Было также решено создать специальный механизм американо-китайских консультаций по делам АТР, который уже приступил к работе.

Попутно следует отметить, что предпринимаемые время от времени попытки вовлечь в схемы «сдерживания» Китая Россию под предлогом растущей для нас «китайской угрозы» вряд ли приемлемы для нашей страны. Россия последовательно проводит сбалансированную, многовекторную политику на мировой арене, стремится развивать взаимовыгодные отношения со всеми готовыми к этому странами, включая, разумеется, и Соединенные Штаты, активно откликнулась на предложение о «перезагрузке» россий-

ско-американских отношений. Сложившиеся в последние годы прочные отношения сотрудничества и взаимодействия с КНР — нашим ближайшим соседом и партнером — отвечают коренным интересам обеих сторон, являются для них надежным тылом в нынешней непростой международной обстановке.

Г. МУР. Китай — растущая держава и в грядущие десятилетия, вероятнее всего, станет сверхдержавой. Это представляется неоспоримым. Однако в настоящее время Китаю далеко до паритета с США в экономической или военной области. В 2010 г. ВВП Китая достиг 5,9 трлн долл., а ВВП США — 14,6 трлн долл., что в пересчете на душу населения составило 4 393 долл. в Китае и 47 192 долл. в США (по данным Всемирного банка). Если говорить о военной области, то США обладают самыми передовыми в мире военными, космическими и компьютерными технологиями и ежегодно расходуют на военные нужды порядка 741 млрд долл., или 5,2% своего ВВП, а военные расходы Китая составляют 380 млрд долл., или 4,3% ВВП (данные 2007 г., Global Security.org).

А. ЛАРИН. Америко-китайские отношения, как и российско-американские, носят четко выраженный конфронтационный характер, однако, их содержание — существенно иное. Оно обусловлено непрерывным и быстрым подъемом экономической и военной мощи КНР, благодаря которому Китай постепенно догоняет США, бросая вызов их доминированию в Восточной Азии, а в перспективе — оспаривая их положение мировой державы № 1.

Первоочередная задача Пекина — установить контроль над омывающими Китай морями, чтобы, во-первых, в максимальной мере обеспечить безопасность проходящих через них жизненно важных для страны транспортных артерий. Во-вторых, получить возможность изолировать Тайвань на тот случай, если тайваньская проблема вдруг войдет в критическую фазу, и китайскому руководству придется принимать решение о применении силы, поскольку объединение родины остается для КНР одной из самых приоритетных национальных задач. В-третьих, занять преобладающие позиции в спорах о принадлежности архипелагов, особенно тех, чьи недра потенциально богаты нефтью (Парасельские, Дяоюйдао-Сэнкаку).

Решение названной задачи неизбежно предполагает вытеснение США из прилегающего к Китаю пространства: ограничение свободы маневрирования американских морских и воздушных сил, подталкивание азиатских союзников Вашингтона к большему учету китайских интересов и постепенной переориентации с Вашингтона на Пекин.

О том, что Китай действительно ставит перед собой такие цели, свидетельствует, например, категорический отказ китайских руководителей от американского посредничества в улаживании споров относительно принадлежности островов в Южно-Китайском море. Или такой мелкий, но показательный факт, как организованный китайской стороной демонстративный инцидент — попытка воспрепятствовать движению американского гидрографического судна вблизи о. Хайнань в 2009 г.

В более широком стратегическом плане рост военных расходов Китая, кардинальная модернизация армии — при том, что нынешняя мощь уже гарантирует безопасность страны — означают, что Пекин считает необходимым для себя быть готовым к любому крупному конфликту. При этом особое внимание придается строительству современных военно-морских и военно-воздушных сил.

Э. МИЛЛЕР. КНР утверждается сейчас как держава среднего порядка, и ей еще далеко до достижения глобального масштаба мощи США. Представляется, что ее военная модернизация пока еще нацелена не на достижение имеющихся у США возможностей глобального проецирования мощи, а на ослабление вероятности интервенции в Тайваньский пролив и на решение проблем в контексте милитаризации Азии. Китай — воистину, срединное царство — окружен несколькими крупными державами (Япония, Индия и Россия) и несколькими странами поменьше (Южная Корея и страны АСЕАН).

Его растущие глобальные экономические интересы требуют наличия определенных возможностей для обеспечения доступа к крайне необходимым ресурсам, но при этом имеется очень мало оснований предполагать вероятность каких-либо усилий со стороны Китая, направленных на вытеснение США.

А. БОЛЯТКО. В настоящее время китайско-американские отношения оказывают существенное влияние на перспективы и форматы современного международного сотрудничества. Конструктивный диалог между руководством двух стран, начавшийся в 1972 г., продолжал развиваться в 1980-е и 1990-е гг. и, несмотря на существенные разногласия по ряду стратегических вопросов, отмечен в настоящее время духом реального партнерства. Сегодня эти страны объединяет товарооборот около 450 млрд долларов, двусторонние связи на уровне правительственных учреждений, органов представительной власти, экономических структур и общественных организаций. Достижением последнего времени в американо-китайских отношениях явилось создание по решению глав государств двух комиссий высшего уровня — для рассмотрения стратегических и экономических вопросов сотрудничества, которые вскоре были объединены в одну. Не исключено, что указанное объединение явилось следствием недостатка вопросов стратегического характера, которые стороны, в первую очередь китайская, склонны обсуждать.

Экономическое развитие стало главным приоритетом КНР, а ее внешняя политика отмечена стремлением сохранить стабильность на региональном и глобальном уровне. Поэтому позиция китайского руководства заключается в выстраивании продуманного взаимодействия с мировым сообществом и интеграции в международный рынок. США как безусловный лидер процессов формирования глобального, технологического, информационного и финансового пространства и один из главных политических центров на мировой арене представляет чрезвычайный интерес для китайской стороны.

В отношении России с Китаем и США в течение длительного времени муссировались ложные тезисы, в том числе:

- о реальной угрозе ядерного нападения США на РФ;
- об угрозе экономической, демографической и т.п. экспансии Китая на территории РФ.

В наследство от СССР нам досталось большое количество мифических представлений, которые составляли основу идеологического и политического механизма страны, в том числе, ее внешней политики.

Эти мифы, включая так называемый «классовый подход», настолько сильно укоренились в общественном сознании и в умах многих руководителей страны, что потребуются длительный срок, а может быть, смена поколений, прежде чем это сознание и умы очистятся от фальшивых представлений об угрозах, уяснят суть национальных интересов России, и выстраивать ее внутреннюю и внешнюю политику можно будет на этой базе.

Одним из губительных для страны проявлений этих представлений явилась безудержная гонка вооружений, развитие военно-промышленного комплекса в ущерб национальной экономике.

Указанное обстоятельство влияло и на выстраивание отношений с Китаем и США, в том числе, в трехстороннем режиме. Хотя для Китая характерным явилась демонстрация своей позиции по проблемам войны и мира в основном на словах, не сопровождаемая их масштабными военными приготовлениями. Страна довольствовалась заимствованиями зарубежного вооружения, собственный уровень разработки и производства вооружения и военной техники был относительно невысоким.

Конечно, нельзя быть безоружным. Однако опыт послевоенного развития говорит о лимитах вооружения и резонансировал в этом отношении образец разумного и экономного расходования материальных ресурсов.

Сдерживающий ядерный фактор в отношениях СССР и США существовал в полном объеме уже в начале 1960-х гг., хотя у СССР было около 300 обеспеченных носителями ядерных боеприпасов, а у США в 17 раз больше.

Такая же ситуация сложилась в отношениях СССР—КНР, особенно после 1964 г., когда у Китая появилось ядерное оружие, количество которого с тех пор поддерживается на демонстративно низком уровне.

В этом смысле как не было реального паритета СССР и США, так нет и не будет реального военного паритета между США и КНР.

Любые противоречия в «треугольнике» США—РФ—КНР могут разрешаться на дозированном минимальном уровне применения обычной военной силы.

Это подтверждает отказ Китая от любых переговоров об ограничении ядерного оружия до тех пор, пока США и Россия не сократят объемы собственных его арсеналов до уровней, сопоставимых с китайским.

Л. ДИТТМЕР. Пока нет. Амбиции КНР еще не обрели глобального измерения и в данный момент, по существу, ограничены рамками Азиатско-Тихоокеанского региона. Но даже в региональном масштабе Китаю приходится считаться с Японией и Индией. Да, экономический рост Китая, который после вступления в ВТО в 2001 г. получил мощную подпитку в форме внешних инвестиций в экспортные отрасли, действительно впечатляет, но в нем заложен потенциал грядущего проецирования военной мощи, которое может осложнить дальнейшую экономическую экспансию. Возвышение Китая также будет осложняться необходимостью определить, хочет ли он изменить мир, и если да, то какими методами. До сих пор его амбиции, по сути, сводились к собственному подъему и, за исключением нескольких общих заявлений, не сопровождалась изложением каких-либо пространственных мировых планов.

С. ТРУШ. Говоря о сегодняшнем дне, я не думаю, чтобы концепты «треугольника» были очень продуктивны для понимания всей полноты интересов, существующих между США, КНР и РФ. В отличие от ситуации 1960-х—1970-х гг. острота конфронтационности этих стран заметно снижена и проблема безопасности не стоит в центре их взаимодействия. Ныне их связывает гораздо более сложная ткань конкурентных, конфликтных, равно как и сближающих, взаимодополняющих мотиваций. Так, реальность экономической взаимозависимости, наличие тесной макроэкономической и финансовой связки, существующей между Китаем и США, накладываются на сохраняющиеся, порой острые противоречия между ними в геополитической и военных сферах. Логикой треугольных коалиций трудно объяснить, например, тот факт, что Китай держит в валюте и ценных бумагах своего «противника» львиную долю своей экспортной выручки, значительную долю ВВП, ставя себя, тем самым, в сильную зависимость от западных биржевых площадок. Сложно оценить однозначно и вектор идеологического взаимодействия между КНР и США: очевидные взаимоисключающие ценности — коллективизм и индивидуализм, государственническая идеология и права человека — эклектически соседствуют с разделяемыми по обе стороны Тихого океана ценностями рыночной экономики, частного предпринимательства, идеологии потребительства. Сама модель экономического развития КНР носит эклектический характер, и привлекая, и отвергая американский опыт.

Если говорить о российско-китайских связях, то для них характерны отсутствие в настоящий момент острых военно-политических противоречий, очевидное созвучие интересов экономического роста и модернизации («соразвитие»), совместное продвижение миропорядка в сторону многополярности, на реформирование мировой экономической архитектуры, налицо близость позиций по целому ряду региональных конфликтов. Эти позитивы, вместе с тем, сочетаются с пугающим провисанием реальных экономических связей, с отсутствием встроенных механизмов и опор взаимозависимости, в отличие от ситуации между Китаем и США. Россию беспокоит и другой важный вопрос:

формула сочетания российских и китайских интересов в развитии Дальнего Востока РФ на данный момент не найдена. Существуют проблемы во взаимоувязке энергетических стратегий РФ — масштабного производителя углеводородов в Евразии, и КНР — их масштабного потребителя.

Наконец, между РФ и США также налицо широкий спектр как взаимосближающих интересов — модернизация, инновационное развитие, контроль над ядерным нераспространением, глобальные проблемы человечества, так и очевидных диссонансов: военно-стратегический паритет, региональные противоречия, понимание демократии, отношения в СНГ.

Накрывать всю палитру такого рода интересов и мотиваций концептом «треугольника» с очевидным акцентом на военно-стратегическую сферу, проблематику безопасности вряд ли обоснованно. Даже сама эта безопасность понимается всеми тремя «центрами силы» далеко не так, как это имело место в 1970-е гг. Сейчас однозначно в нее включены и экономические компоненты (жизнеспособность экспортоориентированной экономической модели КНР и американской модели общества потребления, доступ к мировым рынкам сбыта и сырья, стабильность ценообразования и финансовой архитектуры) и другие составляющие.

Э. ВОГЕЛЬ. КНР не имеет ни военного паритета с США, ни открытого влияния в мире. Привлекательность американских университетов и «мозговых центров» намного превосходит любые возможные достижения Китая в ближайшие несколько лет.

А. ДАВЫДОВ. Существует ряд прогнозов, в основном — китайских, согласно которым КНР в ближайшие 25–30 лет не только догонит, но обойдет Америку по многим важнейшим экономическим параметрам, причем по отдельным из них китайское преимущество будет чуть ли не трехкратным. Подобную точку зрения пропагандирует и отстаивает, в частности, известный китайский экономист, профессор Ху Аньган.

Представляется, что слабость таких прогнозов состоит в выстраивании их, исходя из неких идеальных условий, без учета существования целого ряда негативных факторов, замедляющих или тормозящих развитие.

К внутренним можно причислить нехватку ресурсов, природные и экологические катаклизмы, другие обстоятельства объективного и субъективного характера, включая возможность возникновения внутривосточных проблем.

Одновременно игнорируется или недооценивается влияние и воздействие разнообразных внешних сил. Не секрет, что многие страны, мягко говоря, не в восторге от стремительного возвышения и выхода Китая на позиции второй экономики мира. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов, что резерв экономического роста за пределами темпами у КНР не бесконечен. В экстенсивном формате он себя уже почти исчерпал. К тому же, расти будет не только догоняющая китайская экономика, но и догоняемая американская.

«Большие скачки» — специфика чисто китайская. Но даже если втрое уступающий американскому ВВП КНР через несколько лет превзойдет его по объему, чтобы сравняться с США по показателю ВВП на душу населения, Китаю, по некоторым оценкам, понадобится более века.

Ресурсы Китая далеко не беспредельны, а ограничены уже сегодня. Чтобы обеспечить искомый рост, ему необходимы резервы извне, причем в таких количествах и объемах, что продолжение его роста планируемыми темпами объективно создаст барьер на пути развития остального мира.

Нечего и говорить о том, что сталкивать страну на обочину с ее поступательного пути могут удручающее состояние экологии и большое количество бедности в сельских районах и отсталых окраинах, которая так и не вкусила в полной мере плодов модернизации за 30 с лишним лет реформ, доставшихся, в основном, жителям крупных городов и населению приморских зон.

Понятие паритета включает помимо экономической и другие составляющие. В военном отношении догнать США Китаю будет еще труднее, чем в экономике. Осознавая это, он пока не ставит такой цели, хотя по оборонным расходам уже вышел на второе место в мире.

Важными показателями являются уровни развития науки и техники, образования и культуры. Прогресс в этих сферах в Китае налицо. В стране действует большое количество университетов и других вузов высокого уровня, с каждым годом все больше китайских студентов и аспирантов получают возможность обучаться или стажироваться за границей, преимущественно на Западе. Многие из них остаются жить и работать за рубежом. Те, кто возвращается, усиливают научный и технологический потенциал страны.

Повышение научно-технического и образовательного уровня, глобальная притягательность национальной культуры напрямую связаны с ростом авторитета и влияния страны на мировой арене. Китай прилагает для этого особые усилия, но их эффект, к сожалению, пока не вполне компенсирует масштабы затрат. Славившийся в древности великими изобретениями и открытиями, сегодня он мало что может предложить остальному миру в плане современных новаций и прорывных технологических идей, оставаясь преимущественно «фабрикой-имитатором» продукции зарубежных фирм и непревзойденным мастером промышленного шпионажа и бытового контрафакта.

Относительным достижением Китая с точки зрения культурной экспансии является распространение в мире ресторанов китайской кухни, сопоставимое с «гамбургерной глобализацией» по-американски. Другие сферы культурного влияния страны не так успешны. Тому есть и объективные причины. Важнейшим инструментом такого влияния является язык. Хотя по распространенности китайский находится на втором месте в мире, в силу его специфики (нероглифика, фонетические тона и пр.) им труднее овладеть, чем английским. Произведения литературы, кинематографа, китайская музыка значительно уступают западным в мировом рейтинге популярности.

Объективная оценка приведенных выше параметров не дает оснований Китаю рассчитывать в обозримой перспективе на достижение паритета с США.

В. Контуры грядущего миропорядка

1. Влияние взаимозависимости и конфликтного потенциала в отношениях США и Китая на перспективы будущей структуры мира

В. ТРИФОНОВ. Нынешний мир вступил в этап глубочайших перемен, канула в вечность биполярная система, не выдерживают испытания временем претензии на единоличное управление мировыми делами, не без трудностей, но идет процесс становления новой, полицентричной системы международных отношений.

Одним из знаковых явлений, меняющих мировой экономический и политический ландшафт, стало появление группы так называемых «возвышающихся» государств, главной особенностью которых являются сравнительно быстрые темпы развития их экономики. Речь, прежде всего, идет о механизме БРИКС, объединившем пять стран — Бразилию, Россию, Индию, Китай, ЮАР. Отличительной особенностью этих стран является то, что они больше не согласны мириться со сложившейся несправедливой мировой финансово-экономической системой, порождающей все новые и новые кризисы, выступают за формирование рационального и справедливого миропорядка, при котором обеспечивались бы интересы всего мирового сообщества, а не только группы развитых государств.

Уже сейчас на долю входящих в БРИКС государств приходится свыше 25% мирового ВВП (по паритету покупательной способности национальных валют), 30% территории Земли, 45% населения мира. В настоящих условиях страны БРИКС обеспечивают — в силу более высоких темпов их экономического роста — свыше 50% прироста

мировой экономики. Ожидается дальнейшее повышение их удельного веса, так как «пятерка» развивается более высокими темпами, чем среднегодовые темпы подъема мировой экономики.

Повышается значение регионального фактора в регулировании мировых проблем. Такие структуры как ЕС, АТЭС, АСЕАН, ШОС и другие все больше берут дела региона в свои руки, появляются новые механизмы коллективного реагирования — «Группа 20», БРИКС, ШОС, РИК и др.

Характерной особенностью всех этих механизмов и объединений является то, что они не ставят перед собой каких-либо «революционных» целей, задачи создания замкнутых группировок, союзов, направленных против третьих стран, предпочитают действовать в тесном сотрудничестве с другими странами и партнерами — Соединенными Штатами, ЕС, Японией, странами СНГ, АСЕАН, развивающимися странами Азии, Африки, Латинской Америки — в направлении совместных поисков коллективных решений злободневных проблем современности, выработки конструктивной программы действий по стабилизации мировой экономики, созданию гармоничного мирового порядка.

Развернувшиеся процессы глобализации, наряду со многими преимуществами, которые они несут, породили новые опасности и факторы риска, изменив характер существовавшей открытой угрозы между Западом и Востоком на опасность менее осязаемую, непредсказуемую, но от этого не менее грозную. Набирают силу новые, нетрадиционные, вызовы, грозящие взорвать мир и требующие совместных действий всего мирового сообщества для их преодоления.

По оценкам многих ведущих мировых аналитических центров, в ближайшие десятилетия геополитическая ситуация в мире — если не предпринять решительных мер — будет и дальше ухудшаться по мере возрастания угрозы со стороны международного терроризма, исламского фундаментализма, радикализации среднего класса и появления новых опасных наукоемких видов вооружений.

Вместе с тем, в мире постепенно крепнет понимание, что обеспечить стабильный и безопасный мир можно только объединив усилия мирового сообщества. На «мир и развитие» нацелена основополагающая внешнеполитическая установка Китая. С идеей выработки объединительной повестки дня для всего мирового сообщества активно выступает Россия. О необходимости «концерта держав» заговорили в США. Тем самым складываются предпосылки для формирования нового, более совершенного и справедливого миропорядка.

Путь к этому будет не простым. К сожалению, мир продолжает сталкиваться с сильнейшим противодействием «непримиримых», упорно не желающих считаться с новыми реалиями международной жизни, отказываться от установок на мировое доминирование, пытающихся «раскачать» и так уже нестабильный мировой порядок.

Серьезную напряженность вызывают участвовавшие конфликты между различными странами, нарастающие в мире протестные движения — как следствие острого недовольства жизнью, оживившиеся территориальные споры. Нередко подобные ситуации используются как предлог для вооруженного вмешательства извне. При этом попытки «наказать» того или иного неугодного лидера оборачиваются гибелью десятков и сотен тысяч ни в чем не повинных мирных жителей, огромными материальными разрушениями.

Все большую остроту приобретают цивилизационно-нравственные аспекты современного общества, нарастающие религиозно-этнические конфликты, проповедь насилия, аморализма, заполонившие буквально все виды литературы и искусства, втягивающие в свою орбиту все более широкие слои молодежи. На повестке дня — признание плюрализма ценностей, культурных программ и моделей политического и экономического устройства, в чем немалая роль принадлежит странам Азии, Африки и Латинской

Америки с их вековыми гуманистическими традициями и культурой. В целом же вопросы мирного сосуществования религий, содружества, а не столкновения цивилизаций требуют самого внимательного отношения со стороны мирового сообщества.

Нельзя не отметить еще один важнейший геостратегический сдвиг — постепенное смещение вектора мировой политики и экономики в Азиатско-Тихоокеанский регион. Становится очевидным, что значение этого региона в формировании нового мирового порядка будет и дальше неуклонно возрастать. На данный момент это самый быстроразвивающийся регион мира, показавший свою устойчивость в условиях нынешнего финансово-экономического кризиса. Именно ряд стран АТР, прежде всего Китай, Индия, Индонезия стали одними из главных сил по выводу из кризиса мировой экономики.

В последние десятилетия в АТР сформировались и действуют такие крупные региональные форумы и механизмы как АТЭС, АСЕАН, АРФ, Восточноазиатский саммит (ВАС), Диалог по сотрудничеству в Азии (ДСА), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), которые в немалой степени способствовали стабилизации и экономическому подъему региона, укреплению партнерства между странами АТР. Как известно, Россия недавно выступила с идеей создания Евразийского союза, который начинает приобретать реальные контуры.

В то же время все более остро ощущается отсутствие универсального механизма, в задачу которого входило бы комплексное рассмотрение политических и экономических проблем АТР, обеспечение безопасности и стабильности. В последнее время и здесь происходят позитивные сдвиги. В частности, широкую поддержку встретила идея использовать — в качестве общерегиональной площадки, ключевого форума для нахождения путей решения политических и стратегических вопросов в АТР — механизм Восточноазиатских саммитов (ВАС), к которому в октябре 2010 г. присоединились США и Россия.

Не следует, очевидно, закрывать глаза на все более заметную обеспокоенность в странах АТР по поводу возможного усиления американо-китайского противоборства. Против этого предупреждает в своей новой книге «О Китае» такой опытный и дальновидный американский политик как Г. Киссинджер. По его твердому убеждению, основанные на сотрудничестве отношения между США и Китаем «необходимы для глобальной стабильности и мира», а новая «холодная война» и конфронтация между ними имели бы самые непредсказуемые последствия для самих этих стран и всего мира.

Г. МУР. США и Китай в большой степени зависят друг от друга. По данным статистики Государственного таможенного управления КНР, в 2010 г. объем их двусторонней торговли достиг 385,3 млрд долл. Более того, Китай является держателем ценных бумаг США на сумму порядка 1,6 трлн долл. (данные за июнь 2010 г.) и ценных бумаг Казначейства США на сумму 1,17 трлн долл. (на июнь 2011 г.), что составляет 25,9% всех авуаров в иностранной валюте¹. Даниэл Дрезнер показал, что несмотря на столь беспрецедентную зависимость США от Китая, он не получил ни влияния, ни рычагов воздействия на Вашингтон, которые заставили бы США идти на поводу у Пекина². Дело в том, что и Китай находится в сильной зависимости от США: он осуществляет крупный экспорт в Америку, огромная часть его инвалютных резервов выражена в долларовых активах, и Китаю, как и любому крупному игроку в международной экономике, нужна добрая репутация, рисковать которой для него непозволительно. Следовательно, если бы Китай решил использовать финансовые рычаги давления на США для достижения соб-

1. Morrison W., Labonte M. China's Holdings of US Securities: Implications for the US Economy. Congressional Research Service RL34314 (September 26, 2011).

2. Drezner D. Bad Debts: Assessing China's Financial Influence in Great Power Politics. *International Security*. 2009. Vol. 34, No. 2. P. 7–45.

ственных политических целей (например, стал бы угрожать демпингом имеющихся у него ценных бумаг США для дестабилизации их экономики в наказание за американскую поддержку Тайваня в случае кризиса), то это было бы равносильно безрассудной ядерной бомбардировке, в результате которой и бомбардировщик, и жертвы атаки будут накрыты ядерным облаком. Разумеется, та же логика действует и в обратном направлении. США оказались бы в весьма неудобной позиции, если бы стали противником своего банкира в каком-либо серьезном международном кризисе.

Все это означает, что взаимное проникновение Китая и США в жизнь друг друга действительно не имеет прецедентов в других сценариях перемещения мощи. В данном случае представляется, что либеральные сторонники подхода к международным отношениям с точки зрения сложной взаимозависимости правы в том, что такая взаимозависимость препятствует конфликту сторон в сфере безопасности (но не может полностью предотвратить его), ибо она многократно повышает стоимость конфликта.

Если в грядущие годы между Китаем и США возникнет какой-либо конфликт, он будет иметь огромные последствия для глобальной экономики и международного порядка. Что касается его влияния на глобальную экономику, то США и Китай занимают соответственно первое и второе места в мире по объемам ВВП и получаемых прямых иностранных инвестиций, лидирующие позиции в мировой торговле, и в совокупности на их долю приходится почти 25% мирового населения. Любая война или торговая война между ними вызовет потрясение мировой экономики. Если говорить о влиянии китайско-американского конфликта на мировой порядок, есть множество сценариев, которые позволили бы с той или иной степенью уверенности определить его последствия, но любая война между этими двумя странами — будь то за Тайвань, Корею, Японию или за что угодно — крайне дестабилизирует ситуацию в регионе и может нарушить торговлю и обращение капиталов во всем мире. Она может привести к новому виду «холодной войны», которая заставит друзей и партнеров США и Китая выбирать между ними. Она, скорее всего, парализует Совет Безопасности ООН, где Китай и США имеют право вето, как это было почти на всем протяжении «холодной войны» между США и СССР. В наступившем веке Китай и США, несомненно, представляют собой наиболее важную диадду в международных отношениях.

А. ЛАРИН. Процесс наращивания совокупной национальной мощи Китая не остановить. Перспектива превращения КНР в одного из двух мировых лидеров представляется бесспорной. Создадут впоследствии США и Китай некое подобие кондоминиума или нет — сегодня обоснованному прогнозу не поддается.

США выдвигают в качестве стратегической цели укрепление и сохранение своих позиций в мире и одновременно сдерживание Китая, которое подразумевает меры, способные замедлить его развитие. Для этого в распоряжении Соединенных Штатов имеются два ресурса.

Первый — огромный научно-промышленный потенциал, позволяющий им идти во главе мирового технического прогресса и создавать все более совершенные виды оружия, в том числе ракетно-ядерные ударные комплексы и системы противоракетной обороны. Китай в этом отношении далеко отстает от США, которые ограничивают продажу ему новейших и высоких технологий.

Второй ресурс — система противостоящих Китаю военно-политических союзов, совершенствованием которой Вашингтон занимается постоянно. Концепция «возвращения в Азию» призванная усилить военное присутствие США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, уже начала воплощаться в жизнь, примером чего служат договоренности о создании базы морской пехоты в Австралии и о базировании американских боевых кораблей в Сингапуре.

В меру возможностей США вместе с Западной Европой пытаются подталкивать Китай в сторону демократизации, используя для этого тему прав человека. Однако возможности у Запада здесь крайне невелики. Главное — даже если в грядущем в КНР произойдет смена политической системы («буржуазное перерождение»), едва ли это смягчит его геополитическую конфронтацию с США.

Нелишне заметить, что действия США в составе или при поддержке НАТО, ущемляющие интересы России, в значительной степени являются таковыми и по отношению к КНР. Это — шаги, предпринятые с целью утвердиться на Ближнем Востоке и в Средиземноморье, откуда Китай получает нефть, а также в странах Центральной Азии — стратегически важном районе вблизи российских и китайских границ. Операция в Ливии в 2011 г. представляла собой явную попытку нанести удар по экономическим интересам России и Китая в этой стране, включить ее в сферу влияния Запада. Эта операция означает, что новым направлением китайской политики Вашингтона становится отеснение Китая от его ресурсных источников.

Углубление геополитических противоречий — обозначившаяся тенденция в китайско-американских отношениях. Ее сопровождают серьезные трения, связанные с торговым дисбалансом и проблемой девальвации юаня. Вместе с тем, зависимость Китая от американских технологий и инвестиций и встречная зависимость США от китайского рынка сбыта современной техники и от китайских товаров массового спроса, а также китайские вложения в американские долги, которые на самом деле почти невозможно потребовать — все это создает основу для экономического взаимодействия, которое сдерживает развитие противоречий и обуславливает стабильность двухсторонних отношений.

Л. ДИТТМЕР. Похоже, мы продвигаемся к формированию структуры согласованных действий, известной как «концерт держав», при относительном ослаблении старых развитых «полюсов» (ЕС, США) и подъеме таких растущих стран как Бразилия, Южная Африка, Индия, Турция, и т.д. Китай хотел бы стать лидером данной группы стран, но не вполне ясно, вызывает ли такое стремление единодушный восторг остальных. Создается новый мир, более гибкий, но в то же время более изменчивый и нестабильный, чем прежняя биполярная структура.

До сих пор процесс перемещения мощи удавалось успешно контролировать. Однако сейчас появились признаки того, что Китай движется «на двух скоростях» — одна используется в ходе его возвышения, после чего появится новый, более наступательный Китай: переходная культура как противовес целевой культуре.

А. ДАВЫДОВ. Развитие торгово-экономических связей между КНР и США на протяжении четырех десятилетий вылилось в тесную взаимозависимость: США от Китая как крупнейшего импортера, а Китая от США как крупного кредитора и держателя американских долговых обязательств. Глобальный кризис 2008–2009 гг. сделал ее еще сильнее.

На предложение Вашингтона Пекину в конце 2009 г. о «дуумвирате», в котором «партию первой скрипки» США безоговорочно оставляли за собою, последовал резкий отказ. Отверг Китай и выработанную Госдепом и Советом национальной безопасности США т.н. «формулу стратегического заверения», призывавшую его в обмен на статус глобальной державы «убедить мировое сообщество, что КНР не стремится угрожать его безопасности и благополучию».

Однополярный мир под эгидой США неприемлем для Китая, как и любые формы альянса с Америкой, где ей отводится главенствующее, а ему вспомогательное место. Обе державы руководствуются одинаково укоренившимся в их национальном сознании постулатом собственной избранности и предопределенности их роли как ведущих мировых цивилизаций.

Между США и Китаем сохраняются серьезные разногласия и противоречия, затрагивающие сферы политики, экономики, торговли, экологии, военную и гуманитарную

области, подходы к решению ряда локальных, региональных и глобальных проблем. При этом обе страны считают свои двусторонние отношения самыми важными в мире, влияющими на все основные мировые процессы.

Вполне естественно, что расширение рамок китайско-американского диалога увеличивает вероятность пересечения и столкновения сфер интересов двух стран. Быстрый экономический рост заставляет Китай искать дополнительные источники ресурсов, технологических новаций и инвестиций и одновременно защищать свои интересы на этом поприще, в том числе на пути военного усиления.

Это не говорит, однако, о том, что он готовится к внешней экспансии и открытому конфликту с США. Нынешнему, да и следующему поколениям руководителей КНР придется скорее озаботиться решением серьезных внутренних проблем — экологических, климатических, социальных. Необходимо перенастраивать экономику с экстенсивного на интенсивный путь развития, переориентировать ее с экспортной модели на модель внутреннего потребления.

С учетом этого логичен вывод, что даже фундаментальные и трудно устранимые разногласия между КНР и США — идеологические различия по проблемам демократии, прав человека или соперничество в сфере потребления энергоресурсов — вряд ли спровоцируют резкую силовую конфронтацию между ними. Представляется, что и при урегулировании наиболее острых политико-стратегических противоречий по вопросам Тайваня, Корейского полуострова и Южно-Китайского моря стороны «не перейдут Рубикона», отделяющего перманентный, но тлеющий конфликт от военного противоборства.

Что касается будущего мироустройства, то предложенная Ху Цзиньтао формула «гармоничного мира» выглядит, на первый взгляд, привлекательно. Однако вопрос в том, насколько в нее вписываются цели и интересы США и каковы будут практические шаги Китая по ее воплощению в жизнь.

Д. ДРЕЙЕР. Между США и КНР будет сохраняться высокая степень взаимозависимости. Столь большой объем долговых обязательств США, находящихся в руках Китая, ставит КНР и США в одинаково уязвимое положение. Аналогичной экономической взаимозависимости нет и, по всей видимости, не будет в отношениях между США и Россией. Хотя у США и России имеется общая заинтересованность в переговорах о контроле над вооружениями, она не компенсирует отсутствие глубокой основы их торговых отношений. Однако, китайско-российские экономические отношения играют важную роль для обеих стран. Они создают для Китая преимущество в «треугольных» отношениях, ибо его торговые связи с Россией и США более прочны, чем торговые связи между США и Россией. Поэтому Китай находится в более выгодной позиции, позволяющей ему играть на американо-российских противоречиях более успешно, чем Россия или США могут использовать друг друга в качестве противовеса подъему Китая. При сохранении этих факторов отношения между тремя державами будут тяготеть к асимметричности.

Э. МИЛЛЕР. В силу трений между Пекином и Вашингтоном по поводу региональных и двусторонних проблем их отношения будут носить неровный, «ухабистый» характер, но эти неровности будут сглаживаться глубокой экономической взаимозависимостью и общей заинтересованностью в сохранении стабильности. Вот уже 13 лет Пекин и Вашингтон демонстрируют осторожный подход к наиболее опасной проблеме — тайваньской.

Э. ВОГЕЛЬ. Все это создает больше возможностей для наращивания сотрудничества.

2. Прогнозы взаимоотношений в формате КНР— США— РФ: станет ли «треугольник» «триумvirатом»?

Г. МУР. Прогнозы — опасное занятие для ученых и разработчиков политики (как и предвыборные обещания для политиков — всем нам приходится держать отчет!). Однако если разделяемые нами теории имеют хоть какие-то достоинства, в нашем ремесле без прогнозов не обойтись. Как наблюдатель международных отношений я являюсь конструктивистом — то есть, сторонником научного реализма¹, имея в виду, что наш мир формируют как материальные, так и нематериальные факторы, и в любом добросовестном исследовании необходимо учитывать и те, и другие, а также формы их взаимодействия. Реалисты специализируются на изучении материального, а конструктивисты уделяют особое внимание процессу структуризации (взаимного построения) не только между агентом и структурой, но и между материальными и нематериальными (или социальными и воображаемыми) факторами. Будучи державой, растущей по трем направлениям, Китай, несомненно, является важнейшим новым переменным фактором, находящимся в состоянии изменений. По мере дальнейшего неизбежного роста материальных возможностей Китая, он (как правильно указывают реалисты) обретет способность делать больше, чем в настоящее время. Это имеет значение в международных отношениях. Однако, нам пока неизвестно, какие желания возникнут у Китая (другими словами, его намерения)², какой страной он в конечном итоге станет (тип режима), какие внутривнутриполитические тенденции/движения появятся в Китае в результате происходящих там глубоких экономических изменений (т.е. социальные и внутривнутриполитические факторы), как китайский народ и/или китайское руководство будет воспринимать себя и свою роль в мире (идентичность), или частью какого мира окажется Китай (т.е. глобальные и региональные социально-материальные структуры). Все эти факторы не менее, а возможно, и более важны, чем материальные возможности Китая как таковые.

В попытках понять динамику отношений между тремя державами мы обращаем внимание на ряд заметных факторов. Представляется, что весьма важную роль играют внутривнутриполитические тенденции в Китае и России. Какие режимы сформируются в этих странах? Если они будут продвигаться к демократии, повысятся шансы на появление триумvirата. Если же Китай или Россия (либо и Китай, и Россия) останутся авторитарными странами, напряженность между ними и США (и, по-видимому, между ними самими) станет более вероятной, и в этом случае, скорее всего, в их отношениях возобладает «треугольная» динамика, или динамика «по Хоббсу». Немаловажную роль играют курс развития и судьба мировой экономики, ибо в ситуации кризиса и дефицита отношения между любыми контрагентами становятся гораздо менее гладкими, чем в период стабильности и изобилия. Серьезное значение будет иметь также способность трех стран (особенно Китая и России) держать под контролем национализм. Китай и Россия все еще находятся на разных стадиях перехода от экономики централизованного планирования и исторически более жестких типов «коммунистического режима» к более бюрократически-авторитарному и/или авторитарно-рыночному типу, и оба режима, стремясь укрепить легитимность руководства, прочно внедрили в сознание своих народов чувство национализма. Такой подход, разумеется, имеет смысл в краткосрочной перспективе, но в более долгосрочном плане он может стать весьма рискованным — в частности, по той причине, что определяется способностью данных стран и их народов жить в ладу со своими соседями. Интенсивное культивирование национализма повышает напряженность и риски, усиливая разграничение по принципу «мы» — «они», которое увеличивает

1. See: *Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: New York. 1999.*

2. *Legro J. What China Will Want: The Future Intentions of a Rising Power. Perspectives on Politics, 2007 Sept.*

вероятность таких явлений как фундаментально ошибочный поиск виноватых¹, и в то же время оставляет меньше возможностей для компромисса в случае конфликта.

Кроме того, большое значение будут иметь тенденции в США, которые по-прежнему обладают всеобъемлющими силовыми преимуществами. Если США вернуться к исторически более характерной для них либеральной интернационалистической внешней политике (в противовес одностороннему вмешательству, продемонстрированному при Буше-младшем), это будет хорошим предзнаменованием для всех трех стран. Если же США, руководствуясь мотивировками, исходящими слева или справа, в своей внешней политике вновь станут двигаться более интервенционистским, проактивным курсом, то они тем самым осложнят и затруднят отношения между тремя странами. Более агрессивная позиция США повышает вероятность стратегического сближения России и Китая, но это предполагает способность Пекина и Москвы отодвинуть на задний план множество своих разногласий и сомнений, что отнюдь не бесспорно.

Точно так же, повышение агрессивности Китая осложнит дела в трехсторонних отношениях и может сблизить США и Россию подобно тому, как США и Китай сблизились в 1970-х и 1980-х гг. Разумеется, такой сценарий — кошмар для Китая, и потому он будет действовать осторожно, дабы не спровоцировать его реализацию. Аналогичным образом, более агрессивное поведение России может сблизить Китай и США, как это уже было при Никсоне и Киссинджере. Подобный поворот, однако, предполагает отход от давней напряженности в китайско-американских отношениях в связи с такими проблемами, как Тайвань, Корейский полуостров, торгово-финансовые разногласия, и т.п., весь комплекс которых повышает порог сотрудничества (то есть, ситуация будет намного сложнее до того, как Китай и США смогут отложить свои противоречия и перейти к сотрудничеству в том или ином вопросе.

В заключение представляется уместным обратить внимание на два момента. Во-первых, согласно данным торговой статистики, в настоящее время Китай и США имеют гораздо больше общего и намного больше заинтересованы друг в друге, чем Россия и Китай: в 2010 г. объем китайско-американской торговли составил 385,3 млрд долл., а китайско-российской — 55,4 млрд долл.²

Следовательно, хотя помимо этого обстоятельства сторонам приходится учитывать и множество других переменных факторов, данная материальная «связка» очень важна и блокирует любые серьезные события, которые могли бы «вбить клин» между США и Китаем (хотя подобные события отнюдь не невозможны). Именно поэтому Китай не предпринимает и в недалеком будущем едва ли станет предпринимать какие-либо совместные действия с Россией, направленные на создание противовеса США.

Во-вторых, я не считаю, что «треугольник» (двое против одного) или «триумвират» (единение всех троих) есть единственные или наиболее вероятные варианты отношений между Китаем, Россией и США. Следует рассматривать и вполне возможные трехсторонние сценарии «по Локку» (соперники, но не враги) или «по Хоббсу» (враги)³.

В настоящее время, в соответствии со схемой Вендта, три государства сообщают практикуют конкурентную культуру взаимоотношений (о которой говорил Локк) — то есть, между ними имеются какие-то конфликты, какие-то разногласия, и они рассматри-

1. Имеется в виду свойственная всем нам тенденция оставлять за собой (своей группой) право на сомнения, но приписывать злонамеренные планы внешним группам / другим, когда дела идут на перекося, а источники неудач точно не известны.

2. This data is taken from the Customs Administration of the People's Republic of China, as of October 2011.

3. This refers to Wendt's three cultures of anarchy: Hobbes/enemy, Locke/rival, and Kant/friend (Wendt, 1999).

вают друг друга в качестве соперников, а не друзей. Это, возможно, далеко от идеала, но все-таки предпочтительнее, чем разделы и хождения по кругу в период «холодной войны», которые отравляли жизнь трех стран с 1917 г., как минимум, до 1991 г.

Глобальная система и региональная система Северо-Восточной Азии — это сложные и многомерные переменные факторы, формирующие поведение трех государств на всех трех уровнях анализа — индивидуальном, государственном и системном. Именно с анализа и оценки переменных факторов, играющих наиболее заметную роль в формировании поведения трех наиболее важных государств в Северо-Восточной Азии и, возможно, в мире следует начать работу, направленную на избежание конфликта и совершенствование сотрудничества между ними.

С. ТРУШ. Аргументы, отрицающие значимость «треугольника», особенно при понимании таких отношений как отношений, преимущественно в сфере безопасности, отнюдь не означают, что в современных связях США, КНР и России вообще нет места «трехсторонности». Такая «трехсторонность», под которой подразумевается чуткое реагирование одного из контрагентов на процессы и отношения между двумя другими, — без ярко выраженной «коалиционности», розыгрыша одного партнера против другого — вытекает из сути международного общения. Более того, эта «трехсторонность», в отличие от «треугольности» объективно усиливается, поскольку глобализация, интенсификация международного общения, стирание межгосударственных границ для коммуникации объективно порождают взаимозависимость не только по линии «центр — периферия», но и непосредственно между «центрами силы».

Недавняя идея китайско — американской «большой двойки» при всей ее иллюзорности, слабой проработанности, была симптоматичной. Она появилась не только как креативный компонент внешнеполитической программы Б. Обамы, но и как очевидное проявление «ревности» Белого дома в связи с нарастанием российско — китайского «братства». Элементы этой ревности очевидны даже в деталях. В подходе Б. Обамы к Китаю с самых первых шагов было заявлено явное стремление соперничать с Россией в «мягкой силе» на китайской площадке. Многие из озвученных нынешним президентом США инициатив в адрес КНР явно навеяны аналогами в китайско-российских отношениях (Год России в Китае, Год русского языка в КНР). Так, в ходе первого госвизита Б. Обамы в Китай в 2009 г. было объявлено о перспективной программе научных, культурных и деловых обменов с КНР, ориентирующихся на присутствие в Китае 100 тыс. американцев.

Сходным образом успехи экономического взаимодействия Китая с Америкой, почти полутриллионный товарооборот психологически давят на Россию. В силу этого Москва гораздо сильнее своего китайского партнера по доверительному сотрудничеству озабочена провисанием своей торговли с ним, ее архаичной структурой. Причем оргвыводы, которые делаются из данного факта московской бюрократией, пока также не убеждают глубиной проработки, мало коррелируются с глубинным российским интересом. Озвученные в ходе последнего (ноябрь 2011 г.) визита В.В.Путина в КНР планы довести оборот торговли до 200 млрд долл. к концу десятилетия, если и будут достигнуты, то скорее всего за счет российской энергосоставляющей и китайского экспорта, не оздоровив существующие для Москвы дисбалансы. В экспертных кругах резонно отмечают, что искусственная «накачка» товарооборота в условиях разнотемповых экономик РФ и КНР на руку, в первую очередь, китайской мировой «фабрике»¹.

Китайские мотивы для стратегической ревности к Москве также существуют. Китай с настороженностью следит за диалогом Россия — НАТО, его резонно нервнируют хотя и малопродуктивные к настоящему времени проекты РФ по совместным с НАТО и США программам ПРО. Китай с напряжением наблюдает за взаимодействием РФ, США

1. Первым об этом в ряде своих интервью говорил российский китаевед А.Н. Карнеев.

и НАТО по логистике, транспортировке грузов и борьбе с наркотрафиком в Афганистане. Внутри китайской элиты много и других сомнений: действительно ли уходит в прошлое «однополярность» или США справятся с временным ослаблением; какова глубина финансово-экономического кризиса в западном мире; уйдет ли Россия из тесного взаимодействия с КНР, «сдвинется» ли в сторону Запада; применим ли марксистский метод для анализа современной международной действительности.

Весьма показательным и пока неутешительным является то, что в экспертных сообществах США, КНР и РФ слабо прорабатываются и обсуждаются «позитивные» проекты трехсторонних отношений, основанные на увязке и сочетании объективных интересов всех трех государств. Для России такая увязка особенно важна, в частности, в проблематике подключения ее в экономическое пространство АТР. Дело в том, что в этом регионе Россия может реально столкнуться с необходимостью выбора из двух потенциальных интеграционных форматов. Центровыми государствами одного из таких формирований может стать КНР на базе соглашений "АСЕАН — Китай" и "АСЕАН плюс", а другого — США на базе активно продвигаемого в последнее время формата Транстихоокеанского партнерства (ТТП)¹. Перспектива такого «двухъядерного», по сути блокового интеграционного сценария в АТР в корне противоречила бы интересам России. Эти интересы, если говорить о главном, заключаются в многостороннем, не сдерживаемом никакими блоковыми ограничителями инвестиционном участии главных акторов региона в программах развития Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Иными словами, в этом сюжете, и не только в нём, Россия кровно заинтересована в преодолении «треугольных» концептов прошлого.

Э. МИЛЛЕР. Представляется едва ли возможным формирование нового «треугольника» КНР—США—Россия — будь то «треугольник» стратегической конкуренции или стратегического сотрудничества. Начиная с 1991 г., Пекин и Москва сообщают сопротивление гегемонистской мощи США — отсюда и их «стратегическое партнерство» 1996 г. и российско-китайский Договор 2001 г. Возникали и сопутствующие договоренности о сотрудничестве — например, с Берлином и Парижем, призванные обуздать амбиции США, направленные против Ирака под властью Саддама. Нынешние экономические трудности США могут означать относительное сокращение американской мощи, но в перспективе будут возникать меняющиеся по составу коалиции в полицентричных форматах, среди центров которых мы увидим не только Вашингтон, Москву и Пекин, но и Дели, ЕС, Токио, Бразилию и Анкару.

А. ЛАРИН. За то время, пока отношения США с Китаем и Россией развивались в негативном ключе, Россия и Китай в отношениях друг с другом сумели достичь многого: они урегулировали вопрос о границе, подписали в 2001 г. базовый документ — Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, выстроили эффективный механизм многоуровневых и многозвенных консультаций, вплоть до регулярных встреч высших руководителей двух государств. Успешно развиваются торгово-экономические отношения, постепенно восходящие от простого торгового обмена к совместным инвестиционным проектам и инновационным разработкам. Правда, структура торговли, в которой современная техника уже перемещается преимущественно не из России в Китай, а в противоположном направлении, не удовлетворяет российскую сторону, однако, такая ситуация логически вытекает из особенностей развития российской экономики.

Российско-китайское стратегическое партнерство сложилось под воздействием глубинных интересов сторон. Прежде всего, это потребность обоих партнеров в ста-

1. В состав ТТП на конец 2011 г. входят США, Чили, Новая Зеландия, Сингапур, Бруней. Переговоры о вступлении ведут Австралия, Малайзия, Вьетнам, Перу. Планы подключения к ТТП, находящиеся в разной степени проработанности, уже озвучили Канада, Мексика, Япония.

бильном мирном окружении — необходимым условием для решения жизненно важных внутренних задач, требующих мобилизации всех национальных сил. Далее, это высокая степень взаимной дополняемости экономических потребностей сторон и, наконец, необходимость для обоих государств противостоять усиливающемуся американскому диктату. Последнее обстоятельство вместе со сходством потребностей догоняющего развития России и Китая обуславливает совпадение их принципиальных подходов к ключевым вопросам мировой политики.

Благодаря общности коренных интересов российско-китайское стратегическое партнерство отличаются стабильность и предсказуемость, несмотря на наличие ряда противоречий, неизбежное в любых межгосударственных отношениях. В их число входят естественные споры относительно цен, прежде всего на энергоресурсы; выход Китая на лидирующие позиции в экономических отношениях с постсоветскими республиками Центральной Азии, где он, опередив Запад, нарушил прежнюю монополию России на вывоз углеводородов; конкуренция в некоторых видах продукции (стальной прокат, стройматериалы и др.). Различные идеи строительства трансазиатского пути из Китая в Европу означают, что у Транссибирской магистрали может появиться мощный конкурент. Уже несколько лет Китай выступает с предложением о введении свободного обмена товарами и услугами, что неприемлемо для России ввиду заведомого неравенства партнеров.

Отдельно следует сказать о том, что на фоне растущего «весового» превосходства Китая в российском обществе существует озабоченность перспективой отдаления находящейся в упадке дальневосточной части страны от общенационального экономического пространства. Однако, в силу характера российско-китайских отношений из них исключены силовой нажим, создание военных угроз, окружение военными базами и т.д. Стороны рассматривают свои отношения, давшиеся им нелегким опытом, как величайшую ценность и заботятся об их сохранении.

Все сказанное выше однозначно определяет место России в «стратегическом треугольнике». Независимо от степени ее близости к тому или иному из его участников, оно обусловлено принципами «самостоятельной и конструктивной» политики — формулой, закрепленной в Концепции внешней политики РФ — не допускающей превращения страны в «асимметричного», т.е. ведомого партнера при какой-либо державе даже при том, что российская экономика основана на сырьевом экспорте.

В настоящее время «стратегический треугольник» представляет собой устойчивую конструкцию, плавно эволюционирующую в зависимости от изменения баланса сил. Вследствие отсутствия в «треугольнике» антагонизмов, характерных для периода «холодной войны», и высокой степени зависимости всех троих друг от друга в нем невозможны ни разыгрывание какой-либо «карты» против третьей стороны, ни конкуренция двух участников за благосклонность третьего. Попытка любой из двух ведущих держав настроить Россию против другой заведомо безрезультатна. Поэтому единственное, что предпринимается в данном плане с американской стороны — это выступления специалистов, публицистов и т.д. с целью привлечь внимание общественности к «китайской угрозе» России. Российские деятели с прозападными взглядами повторяют их доводы. Китайские специалисты не остаются в долгу, просвещая публику относительно опасностей, какие несет России американский гегемонизм. (В опросе, проведенном Фондом общественного мнения в 2011 г., 26% респондентов назвали врагом России США и 13% — Китай).

Невозможны в «треугольнике» и альянсы двух против третьего, даже неформальные и даже между такими близкими партнерами, как Россия и Китай: это чревато обострением их отношений с Западом — источником необходимых им технологий. Кроме того, для России как более слабого участника альянса это было бы сопряжено с риском оказаться в фарватере чужой политики.

Проблема «стратегического треугольника» для России заключается теперь не в выборе оптимальной дистанции относительно каждой из двух держав, а в создании внутри страны благоприятного инвестиционного климата и, вообще, такой обстановки, которая позволила бы в максимальной мере использовать сотрудничество с ними в интересах развития. При наличии таких условий гораздо более плодотворными, чем сегодня, будут экономические отношения не только с Китаем, уже давно призывающим Россию к соразвитию, но и с США.

Д. ДРЕЙЕР. Появление «триумvirата» вызвало бы у меня шок, ибо между этими тремя государствами существуют значительные различия во взглядах и глубоко укоренившееся чувство соперничества наряду с фундаментальными основаниями для сотрудничества. Напряженность можно проследить в неприязненной реакции Пекина на российское вторжение в Грузию, объясняемой тем, что он опасается создания прецедента для внешнего вмешательства в дела КНР. Россия и Китай с подозрительностью относятся к деятельности друг друга в Центральной Азии, и в России весьма чувствительно воспринимают китайскую иммиграцию на российский Дальний Восток.

Что касается США, то китайское руководство крайне недовольно американскими предложениями об урегулировании споров по соответствующим участкам Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей посредством многосторонних переговоров. Китай испытывает непреходящий страх оказаться окруженным коалицией государств во главе с США. Далее, Пекин не разделяет ни озабоченность Вашингтона по поводу ядерного распространения в Иране, ни предлагаемый со стороны США сценарий решения проблемы Северной Кореи. Кроме того, Пекин и Вашингтон занимают диаметрально противоположные позиции по таким вопросам, как котировка китайской валюты, сохраняющийся в пользу КНР торговый дисбаланс и права человека. В то же время заинтересованность России в сохранении своего влияния в ближнем зарубежье идет вразрез со стремлением США установить и защищать демократию в этих странах и включить их в НАТО, созданное для сдерживания СССР.

Поэтому три страны будут не формировать «триумvirат», а преследовать свои интересы и сотрудничать в тех случаях, когда они совпадают. В случаях их расхождения они едва ли будут корректировать свою политику в целях координации, хотя от каждой из них следует ожидать частых красноречивых заявлений о необходимости сохранения международной стабильности.

Нам, однако, не следует исходить из треугольной конфигурации сил. Изначально в отношениях трех стран действовали направленные силы — как, например, в период советско-китайских разногласий, когда каждая из двух стран стремилась перетянуть на свою сторону Японию. В то время, к примеру, Пекин поддерживал права Японии на удерживаемые Советским Союзом Курильские острова и высказывал свое одобрение американо-японского договора о взаимной безопасности. После улучшения советско-китайских отношений выражения поддержки по каждому из этих вопросов сразу прекратились.

Если Индия и/или Бразилия сохранят свои нынешние темпы роста (что не есть само собой разумеющееся ни для них, ни для какой-либо другой страны), то «треугольник» может превратиться в четырехугольник или пятиугольник. Сейчас это представляется маловероятным, но Японии, возможно, удастся вылезти из трясины, в которой она находится уже два десятка лет, и начать движение к более сильной и независимой позиции. Что касается Европейского Союза, чрезмерно расширившего свою политическую орбиту и превысившего собственные экономические возможности, то остается все меньше оснований предполагать вероятность углубления его интеграции до такой степени, чтобы Европа могла выступать в качестве единого субъекта. Африка и Латинская Америка также едва ли сумеют обрести подобную возможность.

В. ТРИФОНОВ. Свой вклад в утверждение рационального миропорядка, стабильной и безопасной обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе могли бы внести три наши страны — Россия, США, Китай, их трехстороннее взаимодействие. Каждая из них имеет свои немалые возможности для того, чтобы сделать нынешний мир более безопасным и стабильным, помочь в решении тех огромных экономических и политических проблем, которые накопились в последние десятилетия. О мощи и влиянии Соединенных Штатов говорить не приходится. Сильный рывок в своем развитии совершил Китай, выйдя на второе место в мире по размерам экономики и укрепив свой статус одной из крупнейших мировых держав. Все увереннее восстанавливает свои позиции Россия. Наша страна располагает огромной территорией, уникальными природными ресурсами, великой культурой и наукой, мощным стратегическим и военным потенциалом.

В связи с вышесказанным было бы, очевидно, полезным наладить трехсторонний диалог между нашими странами для обсуждения затрагивающих «треугольник» проблем, согласования позиций сторон, устранения имеющихся недопониманий.

Л. ДИТТМЕР. Нереально ни то, ни другое. Сотрудничество между любыми двумя сторонами этой конструкции носит слишком ограниченный характер, чтобы угрожать третьей «парии» в треугольной «семье», а в силу ограниченности двустороннего соперничества оно может создать выгоды для третьей стороны романтического «треугольника». «Триумvirат», подобный триумvirату Цезарь — Красс — Помпей, подразумевает, что все три стороны занимают командную позицию на международной арене, продвижение к которой политически нереально. Мне видится более многосторонняя модель. При сохранении нынешних тенденций роста развивающиеся страны станут превалировать над развитыми и потребуют передела добычи.

А. БОЛЯТКО. В перспективе ситуацию может изменить резкий рост материальной военной силы (в том числе и ядерной) исламского радикального милитаризма.

Паритета Китая, да и России с США в военном отношении нет и не будет в перспективе в силу значительного отрыва США в научно-техническом и военнотехническом отношениях и опережения в военно-промышленной области. Другое дело, что накопленный на берегах Тихого океана арсенал ядерного и обычного оружия делает бессмысленным достижение разумных политических целей путем широкомасштабного применения вооруженной силы любой из сторон.

Поэтому нельзя говорить о каком-либо достойном равноправном сотрудничестве трех стран в военной области, а тем более о «триумvirате». Некоторое усиление сотрудничества (по примеру сотрудничества антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне) возможно лишь в целях отпора воинствующему исламу, что в ближайшем будущем маловероятно.

В силу изложенного выше возможно лишь построение отношений в экономической области, где «треугольник» (а, тем более, «триумvirат») при условии сохранения нынешних тенденций превращается в господство американо-китайских экономических отношений.

Происходит переход к стратегическим отношениям без опоры на ядерное оружие. Осуществляется своего рода отделение политики от экономики, деполитизация как китайско-американских, так и российско-американских отношений.

США сейчас намного сильнее любой другой страны. Противостоять им в военнотехническом отношении бессмысленно, а в научно-технической и экономической областях малоперспективно, если не использовать какие либо новые подходы. В силу этого идея о «треугольнике», так же как и подброшенная американцами пару лет назад концепция парного союза Китая и Америки, представляется нежизненной.

По существу, США продолжают начатый после Второй мировой войны курс на максимальную глобальную экспансию в основном экономическими методами. Они дей-

ствуют под прикрытием господства своих вооруженных сил и военно-промышленного комплекса, а также верных союзников во всех регионах мира (Великобритания, Канада, Япония, Южная Корея, Австралия и др.)

Вполне очевидно, что в перспективе Китай и США — это два главных субъекта международных отношений. России необходимы нормальные мирные и равноправные отношения и с Китаем, и с Америкой, сохраняя при этом полную самостоятельность и независимость, что исключает возможность заключения союзов с одним из этих партнеров против другого. Россия должна вести себя на международной арене так, чтобы, обеспечивая свои интересы, в то же время быть необходимой и для Китая, и для Америки. В перспективе могут возникнуть условия для создания механизма трехстороннего российско-китайско-американского сотрудничества.

Для того, чтобы достойно сотрудничать с двумя главными субъектами международных отношений, России необходимо укрепить экономически. Это предполагает перестройку подготовки кадров для научно-промышленного комплекса, устранение зависимости экономики от нефтяной иглы, выход на передовые позиции в ведущих направлениях научно-технического и технологического прогресса. Для этого может потребоваться несколько десятилетий.

Э. ВОГЕЛЬ. Не будет ни того, ни другого — Япония и Южная Корея тоже весьма сильны, к тому же сохраняются серьезные противоречия в национальных интересах.

А. КРУШИНСКИЙ. Внутри «треугольника» возможны альянсы на двусторонней основе; «триумвират» вряд ли возможен, поскольку стратегические устремления сторон диаметрально противоположны: цель США — не допустить возрождения биполярного мироустройства, цель Китая — воспрепятствовать упрочению односторонней гегемонии США (что без содействия России вряд ли осуществимо), цель последней — как минимум, возродить былой престиж.

А. ДАВЫДОВ. Хотя по признанию Председателя КНР Ху Цзиньтао, «значимость влияния китайско-американских отношений выходит за рамки их двустороннего формата», и, определяя вектор своих взаимоотношений с США и Китаем, этой реальностью, очевидно, предстоит руководствоваться и России. У нее, тем не менее, должна быть в этом вопросе самостоятельная, четко выверенная и одновременно гибкая и прагматичная позиция.

Примечательно, что в экспертных кругах КНР еще не так давно, в первые месяцы пребывания администрации Б. Обамы в Белом доме, высказывалось мнение, что модель мира, где США вместе с кем-то «правят бал», связана с их желанием, чтобы «кто-то оплачивал их счета», и правильнее было бы говорить не о «двойке» (КНР—США), а о «тройке» (КНР—США—РФ), причем не в формате «треугольника», предполагающего в силу наличия углов определенную взаимонацеленность отношений двух против третьего, а о равносоставленном построении, некоем «триумвирате».

Эту идею в то время всецело поддержал министр иностранных дел РФ С. Лавров, который в интервью, опубликованном в № 5 журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2009 г., подчеркнул, что «тройка» — именно тот формат, который может способствовать «сопряжению подходов трех стран к обеспечению международной и региональной безопасности, к дальнейшему развитию между ними разностороннего сотрудничества».

Тогда, на фоне объявленной «перезагрузки» отношений России и США и намечавшегося американцами т.н. «нового курса» во взаимодействии с Китаем это поначалу не выглядело иллюзорным.

Проблема, по существу, заключалась в том, сможет ли Россия стать третьей полноценной стороной в этом «триумвирате». прежде всего, по экономическим критериям, где ее отставание от двух других держав было наиболее явным.

К сожалению, полноценной «перезагрузки» в российско-американских взаимоотношениях реально не произошло, а «новый курс» США на китайском направлении в итоге свелся к их попытке «пристегнуть» к себе КНР в роли «младшего партнера» через форматы «кимерики» и «большой двойки».

Все дальнейшие перипетии в отношениях США с обеими странами на протяжении последних двух с половиной лет — противоречия и конфликты с Китаем по целому ряду торгово-экономических и политико-стратегических проблем, их соперничество за влияние в АТР и на глобальном уровне, отказ России в учете ее интересов при осуществлении планов по ПРО, регулярные попытки Америки, по меткому выражению В. Путина, «заниматься политической инженерией в регионах традиционно важных для нас, да и по ходу избирательных кампаний в России» и многое другое — подводят к выводу о том, что американцы не только продолжают пребывать в созданном ими самими иллюзорном мире навязчивых стереотипов и фобий, но, несмотря на произносимые по разным поводам красивые слова о демократии и справедливости, нисколько не сомневаются в собственной исключительности и «богоизбранности», которые якобы дают им право диктовать другим странам «правильные» с точки зрения США стандарты и шаблоны, по которым тем необходимо строить свою жизнь.

Именно такая «богоизбранность», по глубокому убеждению американцев, должна оправдывать в глазах других их неукротимое стремление торить свой путь к глобальной гегемонии в облици однополюсности, что на практике реализуется ими в силовых акциях по захвату Ирака, разжиганию конфликтов на Ближнем Востоке, подстегиванию антигосударственных мятежей в ряде арабских стран, включая Ливию и Сирию, и, наконец, — в т.н. «возвращении в АТР», где Америка узрела реальную угрозу своим геополитическим планам в лице экономически окрепшего и стратегически усилившегося Китая.

В конечном итоге, конфликт в Южно-Китайском море, который на уровне региона позиционируется как отстаивание его странами-участницами своих экономических прав и стратегических интересов, в формате противостояния двух ведущих мировых держав есть, прежде всего, стремление одной из них окончательно укорениться в тихоокеанской Азии, безоговорочно включив ее в качестве опорного бастиона искомой ею монополярности в сферу собственного влияния, в противоборстве с попытками другой всячески сопротивляться и препятствовать такому развитию событий.

С учетом изложенного выше нецелесообразно и неуместно вести сегодня речь о каком-либо полноформатном «триумvirате», но роль и важность России во взаимоотношениях трех держав не становится от этого менее существенной и значимой.

Исходя из контурных набросков будущего внешнеполитического курса России, намеченного в одной из предвыборных программных статей ее следующего президента В. Путина, наша страна будет, безусловно, стремиться к стабилизации отношений с Западом, включая США, но при этом «ориентироваться на Восток». Из статьи Путина четко явствует, что развивающиеся уже на протяжении многих лет в здоровом направлении российско-китайские отношения будут и впредь стабильно продвигаться вперед.

Россию не пугает и ей не угрожает стремительный рост китайской экономики. Наоборот, она рассматривает его как «колоссальный потенциал делового сотрудничества», как возможный шанс для хозяйственного подъема Сибири и своих дальневосточных регионов.

России импонирует, по утверждению Путина, и то, что в отличие от США поведение Китая на мировой арене «не дает повода говорить о его претензиях на доминирование». КНР разделяет ее видение формирующегося равноправного миропорядка, многие позиции по острым международным и региональным проблемам, что позволяет наращивать российско-китайское взаимодействие в различных международных организациях и

многосторонних форматах (недавним примером такого взаимодействия стало консолидированное veto РФ и Китая на резолюцию Совета Безопасности ООН по Сирии).

И, наконец, у России и КНР, как отмечает Путин, «закрываются все крупные политические вопросы в отношениях», включая пограничный. Выстроен прочный, оформленный юридически механизм двусторонних связей, развивается сотрудничество в сферах энергетики, высоких технологий, в межрегиональных и других областях, совершенствуется структура торговли, стабильно растут взаимные инвестиции. Объем российско-китайского товарооборота в 2011 г. превысил 80 млрд долл. США, и Китай второй год подряд стал нашим крупнейшим торговым партнером. Налажены и интенсивно развиваются различные гуманитарные обмены.

Все это дает основание предполагать, что, базируясь на общих стратегических интересах и реальных взаимных потребностях, российско-китайские отношения будут иметь прочный фундамент и благоприятные перспективы для дальнейшего развития.

С другой стороны, инициативные попытки России наладить в свое время подлинно партнерские отношения с США не увенчались успехом, натолкнувшись на менторское высокомерие Америки, посчитавшей, что Россия не годится ей в равноправные партнеры и должна сделать выбор между ролью ее сателлита, либо врага.

Это еще одна причина, по которой узы, связующие сегодня Россию и Китай, по своей прочности несравнимы с российско-американскими взаимосвязями. В любом случае, качество отношений между РФ и США, уступающее сегодня отношениям Китая и России, всецело зависит от настроений в Вашингтоне.

Что касается трехстороннего формата, то в условиях, когда главенствующей сферой отношений между Россией и США являются стратегическая стабильность и военный паритет, но в них отсутствует весомый экономический фундамент, в то время как в китайско-американском сотрудничестве доминирует как раз экономический фактор, вычленив общую составляющую тройственных взаимоотношений довольно трудно.

Тем не менее, и в этой ситуации существуют основы для взаимодействия: перспектива диалога в области сокращения ядерных арсеналов и сотрудничества в нераспространении ОМУ, решение других стратегических глобальных проблем. Кроме того, на повестке дня остаются вопросы глобального изменения климата, сохранения безопасности и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и целый ряд других.

Известно, что США активно практикуют ныне организацию различных региональных многоуровневых систем взаимодействия. Поэтому существует вероятность, что на фоне наблюдаемого американо-китайского соперничества за региональное и мировое влияние Америка и Запад в целом захотят заручиться в нем российской поддержкой. Того же у России может попросить Китай. В этой ситуации России важно не дать втянуть себя в такое противоборство и оказаться в результате в буквальном смысле «между молотом и наковальней».

Прежде всего, недопустимы действия, которые могут нанести ущерб ее отношениям с Китаем, но и выстраивать с ним силовые альянсы, бросая вызов США, было бы нерационально. Возможно, целесообразной и актуальной могла бы быть трехсторонняя встреча на самых высоких уровнях с целью нахождения моделей урегулирования возникающих между тремя странами противоречий и расхождений.

В любом случае, России предпочтительнее искать выход на пути открытого равнонаправленного диалога с обеими сторонами, развивая партнерские отношения с США и поддерживая стратегическое взаимодействие с КНР.

Теория и методология

Парадигма мирного развития Китая

© 2012

А. Мокрецкий

Автор подробно анализирует путь мирного развития Китая. Самыми яркими характеристиками данного пути являются научный поиск, независимое и самостоятельное развитие, открытость, мирное сосуществование и сотрудничество, соразвитие.

Ключевые слова: Китай, мирная внешняя политика, независимое развитие, соразвитие, открытость, мирное сосуществование и сотрудничество, научный поиск.

Развитие и рост мощи Китая вызывают различные реакции соседних стран и мировой общественности: одни приветствуют это с разной степенью искренности, другие — видят угрозу.

По мере возрастания совокупной мощи государства перед руководством КНР встал вопрос о том, какой опыт возвышения взять за основу. Опыт Японии, Германии и царской России был отвергнут. Была поставлена задача мирного возвышения КНР (*чжунго цзюэци*), однако термин «возвышение» стал трактоваться недоброжелателям Китая как угроза и стремление к великодержавности и гегемонизму. Тогда по указанию Председателя КНР Ху Цзиньтао была поставлена цель «мирного развития Китая» в соответствии с новой концепцией научного развития, выдвинутой Ху Цзиньтао в то же время. Принципиально новым здесь является не акцент на «мирном развитии» как вкладе КНР в мировую цивилизацию, а трактование «мирного развития» в его увязке с глобализацией как соразвитие — совместное развитие и всестороннее сотрудничество.

Концепция «мирного развития» (*хэтин фачжэнь*) как и подъем (*цзюэци*) имеет три главных составляющих:

- а) социально-экономический подъем и культурное развитие;
- б) укрепление международных связей в дипломатических и торгово-экономических сферах, упрочение позиции в глобальном диалоге цивилизаций;
- в) обеспечение безопасности, укрепление обороноспособности; военная доктрина и модернизация армии.

Достижения Китая

Рост комплексной мощи государства. КНР совершила мощный экономический рывок. Ее внутренний валовой продукт (ВВП) с 1978 г. (удельная доля от мирового ВВП 1,8%) многократно увеличился, составив в 2010 г., по данным китайской статистики, 5,88 трлн долл. (9,3% от мирового ВВП)¹. Укрепилась материальная база китайской модернизации; количественно и качественно развиваются процессы индустриализации, информатизации, урбанизации, маркетизации, интернационализации. Повысился уровень жизни народа: происходит переход к всестороннему строительству общества «сяо-кан». Значительно возросла доля среднедушевого ВВП Китая в мировом ВВП: с 24,9% в 2005 г. до 46,8% в 2010 г.² Формируется многоукладная экономическая система. Значительно повысилась роль рынка в распределении ресурсов. Совершенствуется система макрорегулирования. Формируется система социальных гарантий, охватывающая жителей городов и деревень. Быстро развиваются культура, образование, наука и техника, здравоохранение, спорт.

Произошел переход от закрытости к всесторонней открытости. Созданы особые экономические зоны, открыты морские и речные порты и внутриконтинентальные районы; привлекаются иностранные инвестиции и поощряются китайских предприятий за рубежом. Китай участвует в экономической глобализации и региональной кооперации, непрерывно повышая уровень открытости внешнему миру. Увеличились объемы торгового оборота: от 20,6 млрд долл. в 1978 г. до 2,974 трлн долл. в 2010 г. Совокупность прямых иностранных инвестиций (ПИИ) за 30 лет превысила 1,048 трлн долл. К настоящему времени существуют двусторонние механизмы торгово-экономической кооперации с 163 странами и регионами; подписано 10 соглашений о создании свободных экономических зон (СЭЗ). С 129 государствами подписаны двусторонние соглашения о защите инвестиций, с 96 — протоколы об освобождении от двойного налогообложения³.

Весомый вклад в стабильное развитие мировой экономики. После вступления в ВТО в 2001 г. среднегодовой импорт КНР составляет 750 млрд долл., что эквивалентно созданию более 14 млн рабочих мест для ряда стран и регионов. За 10 лет чистый доход ПИИ иностранных компаний достиг 261,7 млрд долл., ежегодно повышаясь на 30%. Китайские нефинансовые ПИИ от менее 1 млрд в 2000 г. приблизились к 59 млрд долл. в 2010 г. В 2009 г. китайские инвестиционные компании, работающие за рубежом, заплатили пошлины на сумму 10,6 млрд долл., наняли 439 тыс. чел. Доля экономики КНР в мировой экономике составляет более 10%⁴. Во время азиатского финансового кризиса 1997 г., повлекшего за собой широкомасштабную девальвацию валюты ряда сопредельных стран и государств региона, Китай, поддержав устойчивость курса жэньминьби, внес вклад в региональную экономическую стабильность и развитие. В период эскалации финансово-экономического кризиса (с 2008 г.) КНР, активно участвуя в саммите G-20 и создании других механизмов по управлению мировой экономикой, способствует реформированию международной финансовой системы, координации макроэкономической политики государств. Китай добросовестно осуществляет цели развития тысячелетия ООН: он стал первым в мире государством, достигшим сокращения числа бедных на 50%, и активно предоставляет гуманитарную помощь нуждающимся странам. К концу 2009 г. Пекин оказал поддержку 161 государству, более 30-ти международным и региональным организациям в размере 256,3 млрд юаней, сократил или аннулировал 380 обязательств 50-ти самым неразвитым государствам, подготовил 120 тыс. специалистов для развивающихся стран, отправил туда 21 тыс. представителей медицинского персонала и около 10 тыс. преподавателей. Китай активно стимулирует увеличение экспорта и согласился ввести беспошлинные тарифы на 95% продукции всем наименее развитым государствам, имеющим дипломатические отношения с КНР⁵.

КНР играет важную роль в защите международного мира и противодействии глобальным вызовам. Китай — это единственная ядерная держава, открыто объявившая о неприменении и неиспользовании оружия массового уничтожения (ОМУ) против безъядерных государств и зон, свободных от ядерного оружия. Китай командировал около 21 тыс. специалистов в ООН на проведение 30 операций по обеспечению мира и является постоянным членом Совета Безопасности ООН (СБ ООН), отправившим наибольшее количество миротворцев. Пекин активно участвует в международном сотрудничестве в области борьбы с терроризмом, с нераспространением ОМУ; предоставляет гуманитарную помощь и посылает отряды спасателей государствам, потерпевшим стихийные бедствия. Для предотвращения пиратских рейдов и конвоирования судов в Аденском заливе и акватории близ Сомали формирует отряды военно-морского флота. КНР участвует в работе более 100 международных межправительственных организаций, подписала более 300 международных конвенций по этой проблематике.

Проблемы развития КНР

Достижения Китая общепризнаны. Однако наряду с несомненными успехами нельзя не обратить внимания на то, что процесс подъема Китая, позволив решить неотложные проблемы развития экономики и повышения уровня жизни населения, одновременно привел к возникновению ряда новых значимых для страны противоречий и вызовов. Прежде всего, следует указать на появление серьезных проблем в социально-политической, экономической и цивилизационной сферах, что нашло свое отражение в соответствующих дискуссиях внутри Китая.

В ходе проведения политики реформ и открытости особую остроту в КНР приобрели так называемые «пять разрывов»:

- рост безработицы (более 30 млн безработных в городах и 150–200 млн — в деревне);
- дисбаланс в развитии города и деревни;
- существенное различие в уровне развития приморских восточных и внутренних западных регионов;
- социальная и имущественная поляризация общества;
- серьезные проблемы в создании общегосударственных систем социального обеспечения, здравоохранения и образования⁶.

В стране возникли такие явления, как распространение порнографии, рост преступности, наркомании, игромании, культ денег.

Чэнь Цзягуэй, вице-президент Академии общественных наук КНР (АОН КНР), обратил внимание на наблюдающийся чрезмерный рост капиталовложений в основные фонды, что не позволяет избегать перегревов и последующих спадов в экономике. Хотя, по его мнению, увеличение инвестиций на данном этапе развития представляется естественным процессом, но темпы роста капиталовложений гораздо выше соответствующих показателей как развитых, так и развивающихся стран. По-видимому, государственные органы еще не полностью учитывают возникшие изменения и новые тенденции в экономике и действуют по старым моделям, что серьезно сдерживает рост благосостояния простых тружеников и соответственно ограничивает внутренний спрос и внутренний рынок.

Ответственность за складывающуюся ситуацию несут местные правительства, которые, пользуясь ослаблением контроля со стороны центра, во имя лозунга роста валового внутреннего продукта (ВВП), увеличивают масштабы кредитования, вкладывают средства в строительство роскошных деловых центров, офисов, обустривают парки, используя для этих целей не предназначенные для подобного строительства средства и пахотные земли. Это нередко приводит к нарушению законов⁷.

В последние годы все более серьезными становятся проблемы на рынке труда. В быстро развивающихся юго-восточных районах возник недостаток трудовых ресурсов, особенно высококвалифицированных рабочих и инженеров. Разумеется, он восполняется за счет притока работников из деревень, но эти рабочие не обладают необходимыми навыками и требуют специального предварительного обучения. Уровень их зарплаты намного вырос. Тем не менее новые рабочие предъявляют свои требования. Подобные явления наблюдаются среди выпускников вузов, у которых возникают сложности с трудоустройством. Незначительно отличается средняя зарплата подсобных рабочих из деревни и специалистов с высшим образованием. В стране сохраняется низкая стоимость рабочей силы. Растет нужда в высококвалифицированных кадрах в городах, но таких кадров не хватает⁸.

В ходе экономических реформ резко возросла разница в доходах населения, начали формироваться слои общества, имеющие собственные не только экономические, но и социально-политические интересы. В силу этого возникают трения, противоречия и конфликты между ними. В Китае, по данным АОН КНР, сегодня существует около десяти различных социальных групп, слоев, по-разному влияющих на жизнь общества и имеющих свои корпоративные интересы (приводится в той последовательности, как это дается в китайских оригиналах):

1. Государственный и общественный управленческий персонал — руководящие кадровые работники, исполняющие административные функции в партийных и правительственных органах, непроизводственных единицах и общественных организациях; главные редакторы газет, радио и телевидения, руководители научно-исследовательских институтов (около 2% населения, примерно 2,5 млн чел.).

2. Слой менеджеров: высший и средний управленческий персонал крупных и средних предприятий (около 1,6% населения или 2 млн чел.).

3. Предприниматели, обладающие частным капиталом и нанявшие более восьми наемных рабочих (не более 1%).

4. Единоличные собственники — 7,1%. Данную категорию представляют мелкие хозяйственники, у которых число рабочих варьируется в пределах от одного до семи человек.

5. Специалисты (4,6%), занятые, как правило, в государственном секторе. Это работники в области науки и образования, культуры, медицины (69,3%), инженерно-технические работники (22,4%), специалисты в сфере экономики и финансов — бухгалтеры, маклеры, маркетологи (8,3%).

6. Работники госучреждений, государственных предприятий, сотрудники административного аппарата предприятий, «белые воротнички» (7,2%).

7. Работники сферы торговли и услуг — 11,2%. Эта группа довольно быстро разрастается за счет сокращения численности рабочего класса и резкого увеличения доли занятых в сфере обслуживания (повара, водители, парикмахеры, кассиры, «голубые воротнички» или работники физического труда, например, продавцы, уборщики и т.д.).

8. Промышленные рабочие или лица, занимающиеся в основном физическим трудом во всех сферах народного хозяйства (примерно 17,5% общего числа населения).

9. Сельскохозяйственные труженики: крестьяне (42,9%, более 500 млн чел.).

10. Безработные — 4,8% (молодые люди, ожидающие трудоустройства (22,8%), люди, потерявшие работу (35,2%) и другие)⁹.

Стремительный и гипертрофированный характер урбанизации сопровождается углублением экологического кризиса, увеличением числа крестьян, лишившихся земельных наделов, чрезвычайным ростом цен на землю и соответственно на недвижимость. Процессы урбанизации будут продолжаться, и вместе с ними появятся новые вызовы перед КПК.

Что касается экологического кризиса, то в Китае на данный момент окружающей среде нанесен ущерб, который во многих районах защитные силы природы не в состоянии ни преодолеть, ни восстановить. Китайские ученые пишут о появлении территорий, где утрачены предпосылки для устойчивого развития. Многие из проблем, связанных с массовым уходом крестьян из деревень, обусловлены серьезным ухудшением качества природной среды и снижением плодородия почв, а неквалифицированная рабочая сила находит себе применение в отраслях, консервирующих экстенсивный природоёмкий характер китайской экономики.

Сокращаются пахотные земли, существуют проблемы обеспечения питьевой водой, опустынивания; участились стихийные бедствия, вызванные антропогенным фактором. Продолжаются вырубка лесов, распахивание степи, открытая добыча угля.

Загрязнение среды наносит удар по результатам реформ в деревне, решению проблемы «саньнун» (проблемы сельского хозяйства, крестьянства и деревни). Ухудшение состояния среды ограничивает возможности экономического роста в старых промышленных районах страны. Например, на Северо-Востоке невыгодно или невозможно развивать производство электронных компонентов из-за сильного загрязнения атмосферы¹⁰. О континууме вызовов на пути мирного развития Китая см. подробнее рис. 1. На рис. А указана общепризнанная схема развития (от меньшего к большему, от количественного в качественное и т.п.); данная схема использована для показа развития Китая.

Преимственность внешнеполитического курса

За более чем 60 лет с момента образования КНР и в особенности за период проведения реформ и открытости Китай всеми силами стремился найти путь социалистической модернизации, соответствующий внутреннему положению страны и требованиям эпохи. Несмотря на различные перипетии, китайский народ идет в ногу со временем: постоянно обобщает накопленный в стране и за рубежом опыт развития, исправляет ошибки, непрерывно пополняет объем знаний о законах общественного развития человечества, способствует самосовершенствованию и развитию социалистической системы. В результате титанических усилий Китай нашел путь развития, соответствующий реальному положению страны — строительство социализма с китайской спецификой.

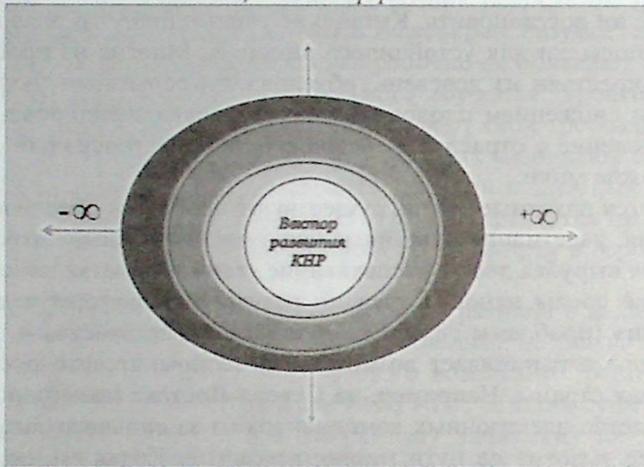
В Пекине придерживаются взвешенной и сдержанной позиции, демонстрируют приверженность стратегическому курсу, выдвинутому Дэн Сяопином: «Хладнокровно наблюдать, укреплять расшатанные позиции, проявляя выдержку, справляться с трудностями, держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, быть способным защищать свои незрелые взгляды, ни в коем случае не лезть вперед, на первое место, но при этом что-то делать»¹¹.

Мао Цзэдун в первые годы после образования КНР полагал, что нужно стремиться к тому, чтобы пять принципов мирного сосуществования (взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, взаимное ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование) распространились на взаимоотношения между всеми странами¹².

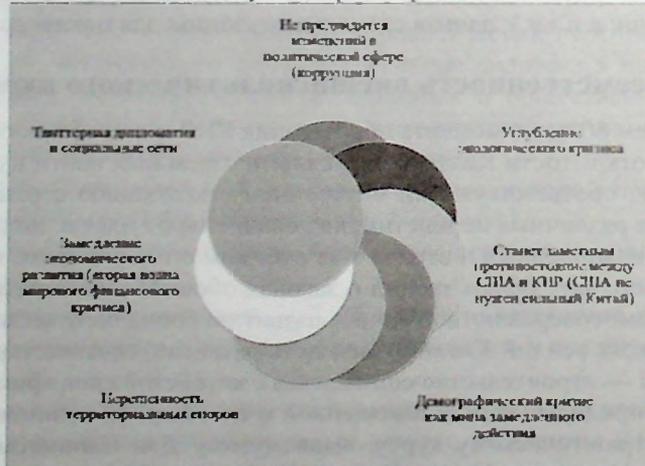
Цзян Цзэминь, Председатель КНР в 1993–2003 гг. высказывался за то, чтобы вести совместно с народами разных стран неуклонную борьбу за мир, стабильность, развитие и прогресс человечества и видел в этом твердый и неизменный курс китайского правительства¹³.

Рис. 1. Континуум вызовов на пути мирного развития КНР

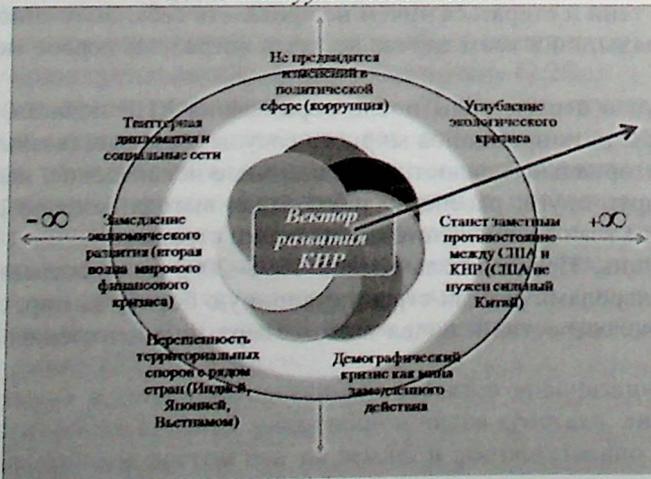
А. Общий вектор развития



Б. Вызовы на пути мирного развития КНР



В. Континуум вызовов КНР

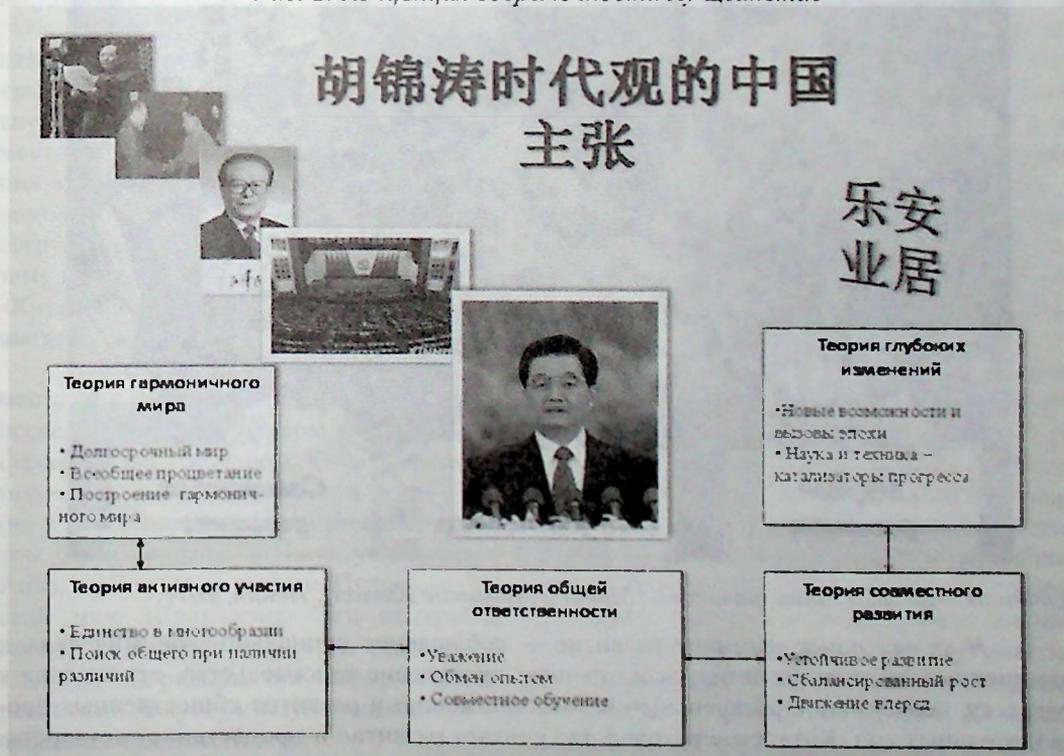


Выступая на саммите в Нью-Йорке по случаю 60-й годовщины образования ООН 15 сентября 2005 г., Председатель КНР Ху Цзиньтао предложил создавать гармоничный мир, продвигаясь по следующим направлениям.

1. Принять новую концепцию безопасности, гарантом которой должна стать ООН.
2. Стремиться к взаимной выгоде и всеобщему процветанию.
3. Уважать право всех стран мира на самостоятельный выбор социального строя и пути развития.
4. Путем справедливой реформы поддержать ООН и ее способность противостоять новым угрозам и вызовам¹⁴.

Вместе с тем, понимая, что мир находится на этапе больших исторических изменений, Ху Цзиньтао в ноябре 2009 г. выдвинул концепцию современности, которая отражает основные теоретические новации Коммунистической партии Китая (КПК). Данная концепция, опубликованная в журнале «Ляован», состоит из пяти теорий: глубоких изменений, гармоничного мира, совместного развития, общей ответственности и активного участия. Суть концепции в том, что мировое сообщество должно уважать выбранные другими странами пути развития, обмениваться опытом и учиться друг у друга (см. рис. 2)¹⁵.

Рис. 2. Концепция современности Ху Цзиньтао



Источники: Титаренко М.Л. Китай на марше // Пробл. Дальнего Востока. 2009. № 5; КНР: научная разработка проблем развития // Экспресс-информация / РАН. Ин-т Дальнего Востока. М., 2008. № 5; Китай: Пробл. Гармоничного и устойчивого развития // Там же. 2009. № 1; Чжунго хэши фацжань [Мирное развитие Китая]. Пекин, 2011.

Путь мирного развития Китая

В контексте мирового развития путь Китая представляется следующим образом: защищая мир во всем мире, добиваться собственного развития; полагаясь на собственные силы, реформы и инновации, осуществлять развитие, поддерживать внешнюю открытость к миру, учиться и перенимать успехи других государств; отвечая на развитие экономической глобализации, стремиться к обоюдному выигрышу, взаимной выгоде и соразвитию с другими странами; вместе с международным сообществом идти одним путем, способствовать построению гармоничного мира с всеобщим процветанием и устойчивым миром. Самыми главными чертами данного пути являются научный поиск, независимое и самостоятельное развитие, открытость, мирное сосуществование и сотрудничество, соразвитие (см. рис. 3)¹⁶.

Рис. 3. Концепция мирного развития Китая



Источник: Чжунго хэпин фачжэсань [Мирное развитие Китая]. Пекин, 2011.

Научный поиск. Научное развитие — соблюдение социально-экономических и естественных законов развития; всестороннее проведение строительства, стремление к прогрессу, непрерывное раскрепощение (освобождение) и развитие общественных производительных сил. Китайское руководство считает развитие и процветание государства важнейшей задачей, твердо придерживается принципа «человек в основе всего» (в корне) (*и жэнь вэй бэнь*); отстаивает всестороннюю координацию и устойчивое развитие, проводит «единое планирование».

Твердо придерживаться принципа «человек в основе всего» значит соблюдать права людей и уважать человеческое достоинство; непрерывно удовлетворять растущие материальные и культурные потребности народа; идти путем всеобщего благосостояния, стимулировать всестороннее развитие человека; достигнуть принципа — развитие для народа, развитие опирается на народ и народ пользуется успехами развития.

Отставание всесторонней координации и устойчивого развития нацелено на то, чтобы всеобъемлюще стимулировать строительство в области экономики, политики, культуры, в социальной и экономической сферах, способствовать взаимной координации и согласованности всех звеньев модернизации.

Проводить «единое планирование» — это означает правильно понимать и надлежащим образом регулировать важные отношения в деле строительства социализма с китайской спецификой; планировать сбалансированное развитие города и села, регионов, социально-экономической сферы, гармоничное развитие человека и природы, а также внутреннее развитие страны и открытость для внешнего мира.

Независимое и самостоятельное развитие. Китаю как крупному развивающемуся государству с многочисленным населением, в конечном итоге, необходимо полагаться на свои собственные силы для развития. Китай твердо придерживается независимости и самостоятельности, исходит из внутреннего положения страны, проводит инновации и реформы для стимулирования общественно-экономического развития, не перекладывает проблемы на другие страны. В условиях экономической глобализации, только неуклонно отстаивая независимое развитие, Китай сможет эффективнее участвовать в международном разделении труда, расширять взаимовыгодное сотрудничество со всеми государствами мира.

Открытость. В КНР из собственного опыта развития глубоко осознали, что нельзя проводить строительство за закрытыми дверями. Поэтому политика реформ и открытости становится основным государственным курсом. Китай объединяет проведение внутренних реформ и открытость для внешнего мира, отстаивание независимости и самостоятельности и участие в экономической глобализации, наследие передовых традиций китайского народа и заимствование всех культурных достижений человечества. С помощью открытости страна вступает в мир, постоянно укрепляет обмен и расширяет сотрудничество со всеми государствами, совершенствует открытую экономическую систему высокой эффективности и безопасности, взаимной выгоды и обоюдного выигрыша. «Китайские двери» не закроются, уровень открытости к внешнему миру будет повышаться.

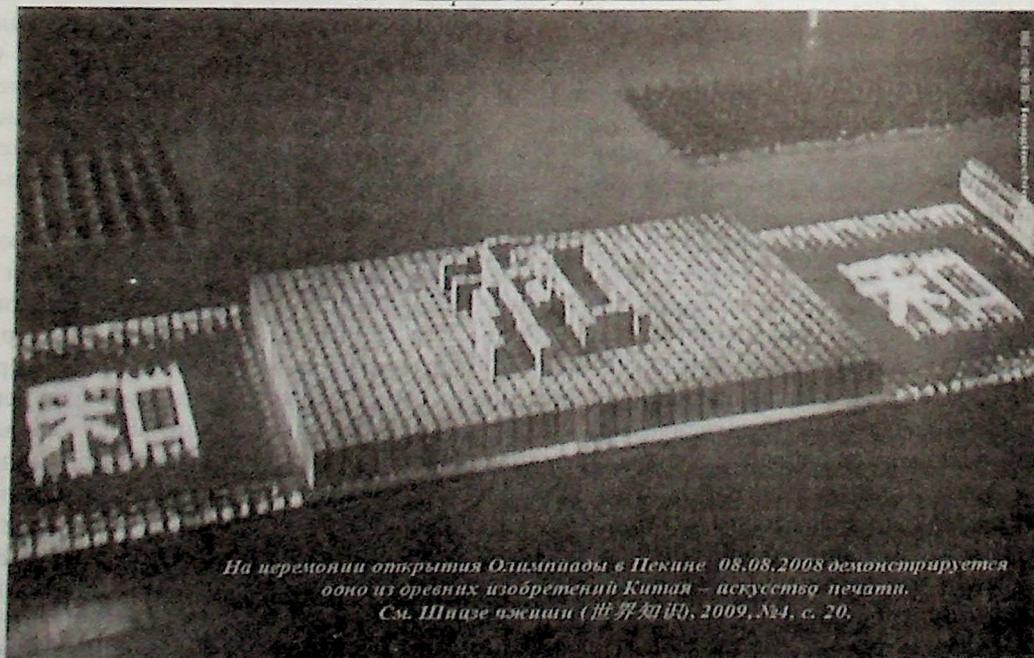
Китай активно привлекает иностранные инвестиции (в 2010 г. вышел на второе место — 420 млрд долл.), изучает иностранный опыт, создает совместные предприятия и исследовательские центры в области высоких технологий, максимально использует ресурсы ареала «Большого Китая», то есть Сянган и Тайвань, а также китайской диаспоры («хуацяо») в Юго-Восточной Азии (Сингапур, Малайзия, Индонезия) и по всему миру (но в особенности в Кремниевой долине в США). Самые крупные технологические центры были созданы в Чжунгуаньцуне — город-спутник Пекина (Zhongguancun Science Park), в Шанхае (в районе Пудуна — Zhangjiang High-Tech Park) и в особой экономической зоне Шэньчжэня. Эти центры представляют собой интегрированные научно-производственные кластеры, охватывающие ряд университетов, исследовательских институтов и предприятий информационно-технологической (ИТ) продукции. Например, пекинский Чжунгуаньцунь включает 7100 ИТ-компаний, 39 университетов и 200 исследовательских институтов¹⁷.

Несмотря на кризис, КНР выдала иностранным государствам и компаниям кредитов на 110 млрд долл. (тогда как кредиты Мирового банка в том же 2010 г. составили 100 млрд долл.)¹⁸. Все большее число китайских предприятий вкладывает инвестиции в зарубежные проекты. В 2010 г. общий объем внешнего инвестирования Китая составил 56,5 млрд долл. За прошедшие пять лет этот объем в общей сложности достиг 215,9 млрд долл. По прогнозам главного экономиста британской аналитической компании The Economist Intelligence Unit Робина Бью, в 2012 г. общий объем инвестиций китайских предприятий в зарубежные проекты достигнет 100 млрд долл.¹⁹.

С 2004 г. ежегодно проводится ярмарка Китай — АСЕАН. В предыдущих семи ярмарках приняли участие 265,4 тыс. бизнесменов, объем торговых сделок достиг 9,883 млрд долл., были заключены договоры на сумму 41,752 млрд долл. В рамках 8-й экспо-выставки были подписаны 63 международных соглашения по сотрудничеству (5,41 млрд долл.), 87 контрактов между отечественными фирмами (69,13 млрд юаней), что на 64% и 8,4% больше, чем на предыдущей 7-й ярмарке²⁰. По мнению генерального секретаря АСЕАН Сурина Питсувана, благодаря созданию зоны свободной торговли Китай — АСЕАН с 1,9 млрд потребителей неуклонно расширяется взаимовыгодное сотрудничество. КНР два года сохраняет позицию самого крупного торгового партнера АСЕАН. В первом полугодии 2011 г. АСЕАН стала третьим крупнейшим торговым контрагентом Китая.

Мирное сосуществование. Китайская нация — это миролюбивая нация, которая, познав горечь смут и нищету в период новой истории, видит особую необходимость в мире, глубоко верит, что только в мирных условиях народ может спокойно жить и радостно трудиться, быть сытым и одетым. Поэтому китайская дипломатия ставит в центр задачу создания мирной и стабильной международной среды для развития государства. Вместе с тем, Китай вносит весомый вклад в дело мира и развития, не осуществляет агрессию и не распространяет экспансию, не борется за гегемонию и не является гегемоном, выступает решительной силой в защите мира и стабильности в мире и регионах (см. рис.4).

Рис. 4. Мирное сосуществование



*На церемонии открытия Олимпиады в Пекине 08.08.2008 демонстрируется одно из древних изобретений Китая — искусство печати.
См. Шичзе чжэши (世界知识), 2009, №4, с. 20.*

Источник: Шичзе чжэши. 2009. № 4. С. 20.

Сотрудничество. Соперничество и конфликты будут всегда существовать в международном сообществе. Государства в условиях конкуренции должны учиться друг у друга, заимствовать положительный опыт, непрерывно искать возможности для сотрудничества, расширять сферы кооперации и искать общие интересы. Китай твердо придерживается принципа «на основе сотрудничества стремиться к миру, стимулировать развитие и решать конфликты», устанавливает и развивает разнообразные формы коопе-

рациональных связей с другими государствами, эффективно отвечает на ежедневно растущие глобальные вызовы, согласованно решает проблемы, связанные с развитием мировой экономики и прогрессом человечества.

Соразвитие. С каждым днем углубляется взаимозависимость стран современного мира. Только осуществляя соразвитие, открывающее большинству людей доступ к достижениям цивилизации, мир и стабильность во всем мире будут иметь твердую основу и эффективные гарантии, развитие государств сможет продолжаться. Поэтому Китай строго руководствуется открытой стратегией обоюдного выигрыша и взаимной выгоды, твердо придерживается консолидации собственных интересов и интересов человечества; осуществляя собственное развитие, содействует соразвитию с другими странами. КНР искренне надеется, вместе с миром идти плечом к плечу, рука об руку, стремиться к соразвитию и процветанию²¹.

В статье «Национальные задачи против стратегических выборов — уроки из китайской дипломатии» Чжан Байцзя, заместитель директора отдела исследования истории партии ЦК КПК, отмечает, что модернизация, единство нации, социальная реформа и возрождение великой державы — четыре главные задачи, нацеленные на осуществление коренных интересов Китая, и обращает внимание на три момента.

Китай должен придерживаться политики реформ и открытости. Что бы ни произошло за пределами страны, главный приоритет возлагается на проведение модернизации и всестороннего строительства общества малого благоденствия «сяокан» с достижением социальной справедливости и гармонии к 2025 г.

Долгое время Китай позиционировался как развивающееся государство. Такое позиционирование, по мнению Чжан Байцзя, представляется неуместным, когда КНР стала второй экономикой мира. Но вместе с тем, Китай не должен излишне переоценивать собственные силы, взваливая на свои плечи бремя международной ответственности. Кроме того, Пекину следует считаться с нуждами экономического роста за счет энергетических и минеральных ресурсов и получить понимание других государств. Предстоит долгосрочный процесс взаимной адаптации.

Пекин должен надлежащим образом формулировать задачи для внешней политики. Несомненно, Китай — мировая держава, и ему предстоит долгий, трудный и извилистый путь, который необходимо пройти в целях улучшения экономической системы, выполнения задачи объединения родины, укрепления мягкой силы государства в политической и культурной областях. Китай неуклонно следует по пути мирного развития, не стремясь к гегемонии. Статус великой державы преследует иные цели, которые основаны на внутренней стабильности, процветании, благосостоянии, международном мире и гармонии²².

Модернизация. Китайские попытки модернизировать страну берут свое начало в 1860-х гг. Вскоре реформаторы осознали, что усилия в экономической области должны быть связаны с прогрессом в сферах политики, культуры и др.

Возрождение великой державы. Превратившись после «опиумной войны» (1840–1842) в полуколонию, Китай продолжал бороться за государственный суверенитет и национальную независимость. Подлинная национальная независимость наступила с образованием Китайской Народной Республики в 1949 г. С тех пор Китай стремится стать богатым и процветающим государством, достичь среднего уровня развитых стран к 2049 г. Вместе с тем, мечта о восстановлении исторического статуса великой державы живет и передается из поколения в поколение.

Единство нации. Вслед за падением династии Цин в 1911 г. страна переживала период смут и гражданских войн. Национальное единство было желанием подавляющего большинства китайского народа.

Социальная реформа. После 1979 г. социальные реформы тесно переплелись с модернизацией, направленной на достижение социальной справедливости, равенства и свободы²³.

Пройдя 60-летний путь, китайская дипломатия накопила богатый опыт и пришла к пониманию реалий нового века. Чжан Байцзя полагает, что разрабатывая «Большую стратегию», Пекину следует уделять равное внимание четырем историческим задачам (модернизации, единству нации, социальной реформе и возрождению великой державы). Вместе с тем, руководители КНР должны хладнокровно оценивать возможность и положение Китая относительно других государств. Любой необдуманный шаг послужит катализатором регресса. Дипломатия является одним из инструментов осуществления национальных задач. Главная цель — успешное решение внутренних проблем. Национальное единство, социальный прогресс и гармония, статус великой державы — все зависит от успешного развития модернизации²⁴.

* * *

Успехи экономической реформы и политики открытости сделали Китай своего рода образцовой моделью развития модернизации. Для развивающихся стран особое значение имеет и опыт адаптации Китая к экономической глобализации, умение использовать предоставленные шансы для своего развития. КНР в сотрудничестве с другими странами и народами активно выступает за сохранение культурного, цивилизационного и политического многообразия мира, содействует становлению многополярности (полицентричности) и нового демократического справедливого миропорядка, в котором большие и малые страны и народы будут иметь право собственного выбора условий для развития и сопроцветания.

Безусловно, путь мирного развития Китая — это тщательно продуманный, долгосрочный курс проведения внутренней и внешней политики государства, соответствующий национальным интересам и чаяниям китайского народа. КНР будет твердо придерживаться мирного развития для дальнейшего осуществления модернизации и всестороннего строительства общего малого благоденствия «сяокан».

-
1. Приводится по: Чжунгодэ хэпин фачжань / Чжунхуа жэньминь гуэхэго говуюань синьвэнь баньгунши, 2011 [Мирное развитие Китая / Пресс-канцелярия Госсовета КНР]. Пекин: Жэньминьчубаньшэ, 2011.
 2. Там же.
 3. Там же.
 4. Там же.
 5. Там же.
 6. *Титаренко М.Л.* Китай на марше: о достижениях и перспективах развития страны в XXI веке // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 5. С. 29.
 7. См. подробнее: КНР: научная разработка проблем развития. С. 9. // Экспресс-информация / РАН. Ин-т Дальнего Востока. М., 2008. № 5. С. 9.
 8. Там же. С. 22.
 9. См. подробнее: Китай: Проблемы гармоничного и устойчивого развития. // Экспресс-информация / РАН. Ин-т Дальнего Востока. М., 2009. № 1. С. 5–7.
 10. Там же. С. 61–62.
 11. *Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай—Россия—2050: стратегия соразвития. М.: Ин-т эконом. стратегий, 2006. С. 527.
 12. См. подробнее: *Мао Цзэдун.* Революция и строительство в Китае // Вожди народов — XX век. М., 2000. С. 319.
 13. *Цзян Цзэминь.* Реформа. Развитие. Стабильность: Ст. и выступления // Вожди народов — XX век. М., 1996. С. 419.
 14. См. подробнее: <http://www.china-un.org/eng/zt/shnh60/t212915.htm>.

15. *Чжан Сяотун*. Ху Цзиньтао шидайгуань дэ Чжунго чжучжан [Концепции современной эпохи товарища Ху Цзиньтао] // Ляован. 2009. № 47, 23.11. С. 32–36.
16. Приводится по: Чжунгодэ хэпин фачжань. Пекин, 2011.
17. Приводится по: *Симония Н.* Социально-экономические аспекты глобального лидерства // Международные процессы. 2010. Т. 8, № 3(24). С. 16–30.
18. См. подробнее: Ведомости. 2011. 12 янв.; Financial Times. 2011. 17 Jan. См. также: *Симония Н.* Указ. соч.
19. См. подробнее: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2011-10/24/content_23711118.htm.
20. http://russian.china.org.cn/news/txt/2011-10/18/content_23653737.htm [14]
21. Приводится по: Чжунгодэ хэпин фачжань. Пекин, 2011.
22. Приводится по: *Zhang Baijia*. National Objectives vs. Strategic Choices: Lessons from Chinese Diplomacy // Contemporary International Relations. 2010. Vol. 20, № 6. P. 1–14.
23. Ibid. P. 1–3.
24. Ibid. P. 12.
- 26 Агентство Синьхуа. URL: http://news.com/photo/2007-10/21content_6916338_5htm.

Государство и общество

Борьба с незаконным оборотом наркотиков в КНР: история, современность, международный аспект

© 2012

А. Диченко

Статья посвящена опыту Китая в борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Содержит анализ принятого в декабре 2007 г. соответствующего закона КНР, дает обзор связанной с ним правоприменительной практики, а также взаимодействия КНР с другими странами в данной сфере. Рассматривается сотрудничество Китая и России по противодействию незаконному обороту наркотиков, осуществляемое в рамках ШОС и на двустороннем уровне.

Ключевые слова: Китай, китайско-российское сотрудничество, наркоугроза, наркоконтроль.

Проблема наркомании в Китае имеет длительную историю. Во второй половине XIX — начале XX вв. эта страна пережила бум потребления опиума, связанный с деятельностью европейских и американских торговцев, который охватил практически все слои населения и стал настоящей угрозой безопасности страны. Современная наркоситуация в КНР напоминает события полуторавековой давности, поскольку усиление экономической открытости страны влечет за собой всплеск потребления наркотических веществ и числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Согласно неофициальной статистике, в Китае в начале «нулевых» число наркоманов приближалось к 15 млн¹. Осознавая необходимость решительных мер и опираясь на существующий положительный опыт, правительство Китая ведет активную борьбу с наркоманией, создавая для этого актуальную и всеобъемлющую законодательную базу.

Создание правовой основы для борьбы с наркоугрозой в Китае уходит своими корнями в XVIII в., когда верховная власть Поднебесной ввела запретительные меры на опиекурение и содержание опиумных курилен. В 1729 и 1799 гг. императоры династии Цин издают декреты о полном запрете на торговлю и потребление опиума. Однако такие меры не имели большого успеха, так как в конце XVIII — начале XIX вв. Британская империя, а впоследствии Франция и США постарались изменить в свою пользу торговое сальдо на рынке Китая за счет опиума, поставляемого из тогдашней британской колонии, Индии. Поражение Китая в «опиумных войнах» приводит к тому, что масштабы потреб-

Диченко Александра Андреевна, ведущий научный сотрудник отдела проектов в сфере международного сотрудничества ФГБУ «Научно-исследовательский центр ФСКН России», аспирант ИДВ РАН. E-mail: sportblag07@mail.ru. Тел.: (925) 874-73-09.

ления этого наркотика приняли там катастрофический характер, массовая наркотизация повлекла резкое снижение численности населения: по некоторым данным в 1842 г. оно там составляло 416 118 200 чел., а в 1881 г. — 369 183 000 чел.²

В начале XX в. Китай вновь попытался принять меры против этого бедствия. В 1909 г. в Шанхае созывается Международная комиссия по опиуму, послужившая отправной точкой в объединении стран мира против наркоугрозы. Поражение в войне с Японией, отчасти обусловленное большой численностью наркоманов среди солдат, стало еще одним «отрезвляющим» фактором.

Переломным моментом стало образование в 1949 г. Китайской Народной Республики. Правовой основой новой власти в борьбе с наркоманией и наркоторговлей стал «Циркулярный приказ о строгом запрещении опиума и других наркотиков» от 24 февраля 1950 г. За 3 года количество наркоманов с 20 млн было практически сведено к нулю³, что было достигнуто, в основном, за счет мер репрессивного характера, а именно наказаний по отношению к производителям и распространителям наркотиков, а также их потребителям. Наркоманы подвергались принудительному лечению, которое зачастую сводилось к простому отказу в доступе к наркотическим средствам, а производство и распространение наркотиков каралось смертной казнью⁴. За период этой массовой кампании было осуждено 80 тыс. чел., из них 800 приговорено к вышей мере наказания⁵.

Китай оставался страной, свободной от наркотиков, вплоть до конца 70-х гг. XX в., когда курс «реформ и открытости» привел к созданию условий для транспортировки наркотиков из регионов «золотого треугольника» (географической зоны на стыке Мьянмы, Лаоса и Таиланда) и «золотого полумесяца» (территории сопредельных районов Афганистана, Пакистана и Ирана). В самой стране стало стремительно расти число наркозависимых и преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. При этом значительную часть потребителей составляют героиновые наркоманы: по данным за 2009 г., таковых числилось 740 тыс.⁶ Неуклонно растет количество лиц, употребляющих синтетические наркотики, что обусловлено существованием в КНР подпольных лабораторий по их изготовлению. Таким образом, современный Китай является уже не только страной-транзитером и потребителем наркотиков, но и довольно-таки активным производителем и экспортером новых видов наркотических средств (в частности, метамфетамина), которые поступают на нелегальные рынки России, Японии, Филиппин, Южной Кореи и других сопредельных государств⁷.

Правительство КНР приняло ряд нормативных актов, ставших правовой основой общегосударственных усилий по борьбе с наркоманией и наркоторговлей. Основными из этих документов являются Уголовный кодекс КНР (принятый в 1979 г. и пересмотренный в 1997 г.), а также «Постановление о борьбе с незаконным оборотом наркотиков» (1990 г.). Данные правовые акты квалифицируют преступления, связанные с употреблением и распространением наркотиков, и устанавливают меры пресечения подобных правонарушений вплоть до пожизненного заключения и смертной казни.

Из исторического обзора становится очевидно, что жесткая политика в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков является неизменным курсом китайского правительства. Такой подход к борьбе с преступностью уходит своими корнями в древнюю историю Китая, когда считалось: «чем тяжелее мера наказания за правонарушение, тем меньше будет желающих их совершать»⁸. Даже сегодня, вопреки недовольству ряда международных правозащитных организаций, высшая мера наказания может быть назначена уже за контрабанду 50 г героина. В Международный день борьбы с наркоманией (26 июня) здесь еще недавно проводились публичные массовые казни, открытые суды над наркоторговцами. Назначая высшую меру, китайский суд не щадит ни женщин, ни иностранных подданных. Последним подобным прецедентом стал вынесенный в ноябре 2011 г. гражданке России, попытавшейся провезти из Макао на материковую часть Китая два килограмма героина, смертный приговор (с отсрочкой исполнения наказания на два

года и возможностью замены смертной казни на пожизненное заключение в случае примерного поведения).

Возвращаясь к вопросу о правовой базе противодействия незаконному обороту наркотиков, следует отметить, что потребление наркотических и психотропных средств регулируется здесь более чем 30 законами, законоположениями и правилами, в числе которых можно назвать такие акты, как «Закон КНР о контроле за медикаментами» (1984 г.), «Порядок контроля за наркотическими веществами» (1987 г.), «Порядок контроля за психотропными веществами» (1988 г.). Принятие в 1995 г. таких законодательных актов, как «Порядок принудительного лечения наркоманов» и «Порядок контроля за медикаментами, предназначенными для лечения наркоманов», ознаменовало постепенный переход от жестких мер, к более комплексному пониманию проблемы и расширению мер по оказанию медицинской помощи наркозависимым.

Сегодня стратегия Китая в сфере контроля за оборотом наркотиков носит комплексный характер и охватывает следующие аспекты:

- включение борьбы с наркотиками в программу социально-экономического развития с созданием системы оперативной ответственности правительств всех ступеней;
- строгий контроль за потреблением, хранением и расходом наркотических и психотропных веществ (как и химических препаратов, из которых могут быть изготовлены наркотики);
- профилактика и наказания за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков; лечение и восстановление здоровья наркоманов, их ресоциализация;
- просветительская деятельность в данной сфере и предупреждение потребления наркотиков среди молодёжи и подростков;
- активное международное сотрудничество в борьбе с наркоугрозой.

При этом предполагается активное участие всего китайского общества, а также дальнейшее совершенствование законодательной базы в данной сфере⁹.

Стремясь создать единый законодательный акт, охватывающий все аспекты борьбы с наркоманией и сопутствующими преступлениями, правительство Китая приняло 29 декабря 2007 г. «Закон Китайской Народной Республики о борьбе с незаконным оборотом наркотиков» (вступил в силу 1 июня 2008 г.). Новый закон четко прописывает механизм руководства действиями по борьбе с наркоугрозой, ответственность за работу которого ложится на Национальный комитет по контролю за наркотиками. Народные правительства на уровне уезда и выше, в свою очередь, имеют право учреждать антинаркотические комитеты для организации и координации борьбы с незаконным оборотом наркотиков на местном уровне. Эта борьба понимается как обязанность всего общества, включая правительство и государственные ведомства, общественные организации, предприятия, так и самих граждан. Закон предполагает включение органами местного самоуправления этой борьбы в планы социально-экономического развития при внесении соответствующих статей расходов в местные бюджеты.

Большое внимание в новом законе уделяется профилактике наркомании путем просветительской деятельности на всех уровнях, начиная с народных правительств всех ступеней, профсоюзов, разного рода организаций и предприятий, средств массовой информации и кончая школами, родителями и опекунами несовершеннолетних.

Этот закон устанавливает строгий государственный контроль за наркотическими и психотропными веществами, используемыми в медицинских целях, вводит систему лицензирования и инспектирования научно-исследовательских работ с данными веществами, их производства, продажи, использования, хранения и транспортировки, импорта и экспорта. Особой статьей выделено право органов общественной безопасности на проверку личных вещей граждан, товаров и транспортных средств в приграничных зонах и транспортных узлах, осуществление борьбы с контрабандой наркотиков таможенными органами, пресечение незаконной рассылки наркотических средств и их прекурсоров

почтовой службой. Предполагается также формирование особых патрульных систем в местах массового отдыха населения. Эти меры позволяют создать эффективную и всеобъемлющую систему выявления преступлений, связанных с незаконной транспортировкой и распространением наркотических средств и веществ, служащих материалом для их изготовления, значительно снизить наркотрафик через китайскую границу.

Большим шагом вперед стало определение наркоманов в рамках данного закона как лиц, нуждающихся в особом лечении, реабилитации и ресоциализации. Налицо гуманизация методов борьбы с наркотической зависимостью, связанная отчасти с давлением западных правозащитных организаций. Хотя за органами общественной безопасности сохраняется право проведения тестирования (в том числе принудительного) на наличие наркотических веществ в организме, меры пресечения для лиц, страдающих наркоманией, претерпели изменения. Если ранее, в соответствии с «Порядком принудительного лечения наркомании», все лица, подверженные серьезной зависимости, в обязательном порядке направлялись на лечение в наркологические диспансеры (а в случае рецидива — в исправительно-трудовые учреждения), то, согласно новому закону, наркозависимые лица могут проходить курс лечения в домашних условиях по фактическому месту жительства под надзором местных органов общественной безопасности. Срок такого лечения составляет три года. Принудительная изоляция в целях лечения наркозависимости предполагается лишь при условии отказа от реабилитации, серьезного нарушения правил во время прохождения лечения или в случаях рецидивирующего употребления наркотических веществ. Закон налагает запрет на принудительную изоляцию беременных женщин, кормящих матерей и подростков, не достигших 16-летнего возраста. Срок принудительной изоляции устанавливается в 2 года с возможностью его продления либо сокращения на 1 год.

Помимо собственно лечения наркотической зависимости, новый законодательный акт предполагает оказание психологической помощи наркозависимым, обучение их профессиональным навыкам и вовлечение в производственную работу за особое вознаграждение. Также налагается строгий запрет на применение телесных наказаний по отношению к пациентам исправительно-трудовых учреждений, унижение их достоинства. Дополнительным шагом на пути гуманизации антинаркотического законодательства стал запрет на дискриминацию лиц, проходящих лечение от наркомании, в плане трудоустройства, доступности образования, социального обеспечения и т.д. Государство также устанавливает требования по отношению к медицинским учреждениям, осуществляющим лечение наркозависимости, проводит инспектирование данных учреждений и надзор за ними.

Еще один аспект деятельности по борьбе с наркотиками, затронутый в новом законе: международное сотрудничество в данной сфере, осуществление которого возлагается на Национальный комитет Китая по контролю за наркотиками.

Закон КНР о борьбе с незаконным оборотом наркотиков, помимо прочего, консолидировал правовую базу уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом и употреблением наркотических или психотропных веществ и их прекурсоров, а также с нарушением государственных норм производства, торговли, транспортировки, импорта и экспорта данных веществ, установил принципы ведения медицинской и реабилитационной деятельности в сфере лечения наркозависимости. Уголовная ответственность устанавливается и для сотрудников органов общественной безопасности за правонарушения в сфере незаконного оборота наркотиков, в том числе за незаконные действия в отношении наркозависимых.

Этот закон уже принес положительные результаты. Так, по данным Постоянной миссии КНР в ООН и других международных организаций, к концу декабря 2008 г. число наркозависимых в Китае составило 1,126 млн чел., что несколько ниже показателей

2006 г.¹⁰ В целом, эффективная политика в сфере наркоконтроля позволила снизить ежегодный рост числа наркоманов с 30% в 1990-х гг. до 5,6% в 2008 г.¹¹

В 2009 г. в рамках реализации данного Закона и дальнейшего проведения государственной антинаркотической политики Национальный комитет по контролю за наркотиками создал 8 рабочих групп, деятельность которых охватывает следующие сферы: просвещение и образование, оперативно-следственная деятельность, лечение и реабилитация наркоманов, лечение и реабилитация наркоманов в рамках местной общины, контроль за наркотическими и психотропными веществами, контроль за веществами-прекурсорами, выявление источников зарубежного наркотрафика, а также уничтожение посевов опиума в соседних странах и замена их другими сельскохозяйственными культурами. В состав каждой рабочей группы входят представители различных министерств, а некоторые из них осуществляют активное взаимодействие с правительственными структурами иностранных государств.

В целях усиления антинаркотической агитации Национальный комитет по контролю за наркотиками, пресс-служба Министерства внутренней безопасности и Фонд борьбы с незаконным оборотом наркотиков распространили около 1,2 млн смс-сообщений о вреде амфетаминовых стимуляторов и провели другие массовые акции по рассылке сообщений на сотовые телефоны жителей Пекина и провинции Хунань. В Международный день борьбы против наркотиков центральные средства массовой информации довели до аудитории более 3000 информационных сообщений о контроле за незаконным оборотом наркотиков, в числе которых свыше 100 радио и телерепортажей. Национальный комитет по контролю за наркотиками, Министерство культуры и Главное управление по делам промышленности и коммерции организовали серию образовательных и обучающих программ по антинаркотическому просвещению для работников и управляющих местами массового досуга и отдыха. В целях профилактики наркомании министерства и ведомства просвещения, образования, общественной безопасности, общественного здоровья, социального обеспечения, юстиции, культуры, промышленности и коммерции. СМИ совместными усилиями приступили к осуществлению национальной образовательной программы, охватывающей учебные заведения, местные сообщества, предприятия и организации, семьи, места общественного доступа и сельские поселения.

В сентябре 2009 г. китайское правительство запустило программу регистрации и мониторинга лиц, употребляющих наркотики. В 2009 г. 47 000 наркозависимых прошли лечение в условиях общины, а 35 000 было охвачено программой реабилитации по месту проживания. В 2010 г. принудительную детоксикацию прошли свыше 173 000 чел. В период с 2008 по 2010 гг. 68 000 наркозависимых полностью излечились от этого пагубного пристрастия¹². Благодаря системе лечения внутри общины, принудительной детоксикации, реабилитации в рамках общины и на базе специальных учреждений, поддержке со стороны окружающих людей многие бывшие наркоманы смогли вернуться к полноценной жизни в обществе.

По-прежнему особое внимание уделяется деятельности правоохранительных органов по пресечению преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Активно проводятся такие мероприятия, как уничтожение посевов наркосодержащих растений, перехват партий наркотиков, задержание причастных к наркопреступлениям лиц, выявление и уничтожение подпольных нарколабораторий. По данным китайских СМИ, в период с января по май 2010 г. китайскими органами внутренних дел было раскрыто 32 тыс. уголовных дел, связанных с незаконным наркооборотом, и арестовано 38 тыс. подозреваемых. Также было схвачено 11 китайских и иностранных наркобаронов, ликвидировано 918 преступных группировок, конфисковано 2,3 т героина, 2,4 т метамфетамина, 2,1 т кетамина и 243 т прекурсоров. Для сравнения, за 2009 г. было заведено 77 924 уголовных дела по факту преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в рамках которых было задержано 91 859 подозреваемых.

мых, а также 5,8 т героина, 1,3 т опиума, 6,6 т метамфетамина, 5,3 т кетамина, 8,7 т марихуаны и свыше 1 млн таблеток, содержащих стимуляторы амфетаминового ряда¹³.

В стремлении воплотить в жизнь установки «антинаркотического закона» Китай также предпринял ряд мер по расширению и укреплению международного сотрудничества в данной сфере. Являясь участником «Единой конвенции ООН о наркотических средствах» за 1961 г., «Конвенции ООН о психотропных веществах» за 1971 г. и «Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» за 1988 г., Китай стремится активизировать сотрудничество с зарубежными коллегами в обмене информацией и разведанными, в проведении следственных мероприятий, в техническом обеспечении и профессиональной подготовке. Так, в сентябре 2009 г. Китай совместно с Таиландом провел восьмое двустороннее совещание по вопросам сотрудничества в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков, а в декабре 2009 г. первое подобное совещание было проведено совместно с Вьетнамом. В феврале того же года в Шанхае прошла торжественная церемония, посвященная 100-летию созыва первой Международной комиссии, по опиуму, завершившаяся принятием декларации с призывом к странам мира добросовестно выполнять обязательства по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

Помимо этого, Китай продолжает содействовать реализации Меморандума о взаимопонимании, подписанного совместно с Лаосом, Камбоджей, Таиландом, Вьетнамом, Бирмой и с Программой ООН по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, регулярно участвует в конференциях и двусторонних совещаниях по данной проблематике, включая Международную конференцию правоохранительных органов по борьбе с незаконным оборотом наркотиков и региональные целевые совещания. В ответ на усиливающуюся тенденцию поступления в Китай южноамериканского кокаина его власти также предпринимают попытки углубить сотрудничество с правоохранительными органами Южной и Центральной Америки¹⁴.

Интересным представляется участие КНР в деятельности Восточноазиатской международной региональной конференции по проблемам борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Страны-участницы и наблюдатели данной международной организации разворачивают программу по контролю за учеными-химиками, подозреваемыми в причастности к незаконному производству наркотических веществ. Многие из этих ученых являются выходцами из Китая, имеющими опыт в массовом производстве амфетамина.

Активизация взаимодействия с Россией в данной сфере восходит к подписанию в 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Три года спустя было заключено Соглашение о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров между Федеральной службой РФ по контролю за незаконным оборотом наркотиков и Министерством общественной безопасности КНР, после чего развернулась более конкретная и практически направленная совместная работа данных ведомств.

Уже с 2005 г. Китай принимает активное участие в проведении международной комплексной оперативно-профилактической операции «Канал», цель которой — перекрытие каналов контрабанды афганских опиатов и наркотиков каннабисной группы, кокаина и синтетических наркотических средств на территорию государств Евразийского региона, а также незаконного перемещения прекурсоров в государства Центральной Азии и Афганистан, а также осуществление комплексных мероприятий по пресечению легализации наркодоходов. В 2011 г. данная операция объединила усилия антинаркотических ведомств, органов безопасности и внутренних дел, таможенных и пограничных служб, финансовых разведок государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности и государств-наблюдателей, в число которых помимо России и Китая входят Азербайджан, Афганистан, Венесуэла, Иран, Италия, Латвия, Литва, Пакистан, Польша, США, Украина и Эстония.

По данным сайта Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков в данной операции было задействовано почти 15 тыс. сотрудников правоохранительных органов вышеуказанных стран. В приграничных районах и на объектах железнодорожного, воздушного и автомобильного транспорта было организовано около 8 тыс. совместных оперативных групп, на отработываемых направлениях создано более 10 тыс. постов, перекрыто 2700 железнодорожных узлов и станций, свыше 980 аэропортов, 6 тыс. автомобильных дорог, более 260 морских портов.

Благодаря четкой и слаженной работе национальных межведомственных штабов государств-членов ОДКБ, правоохранительных органов государств-наблюдателей, высокой степени доверия между участниками и их активному взаимодействию, из незаконного оборота изъято около 16 т наркотиков, в том числе более 500 кг героина, свыше 90 кг синтетических наркотиков, более 9 т опия, 1,5 т марихуаны, 2,3 т гашиша, около 130 кг кокаина, а также более 30 т прекурсоров. Пресечено более 4 тыс. наркопреступлений. Всего в ходе проведения операции было возбуждено свыше 21 тыс. уголовных дел, из которых 3400 — за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. К уголовной ответственности за наркопреступления привлечено около 4 тыс. человек¹⁵.

Ежегодные высокие результаты операции «Канал» позволяют сделать вывод о ее эффективности как международного инструмента борьбы с незаконным оборотом наркотиков, о необходимости дальнейшего межгосударственного и межведомственного взаимодействия в этой сфере.

Стоит также упомянуть о приграничном сотрудничестве, осуществляемом Министерством общественной безопасности Китая и ФСКН России. После того как в 2005 г. был подписан Протокол о приграничном сотрудничестве между ФСКН России и МОБ КНР, территориальные органы данных ведомств на регулярной основе проводят рабочие совещания, на которых обсуждается взаимодействие приграничных районов России и КНР (таких как российский Приморский и Хабаровский края, Амурская область и китайская провинция Хэйлунцзян) в сферах противодействия наркотрафику и профилактики наркомании, а также сотрудничество в разработке и проведении совместных оперативно-профилактических операций.

Еще одно направление приграничного сотрудничества — организация обучения и обмена опытом в форме краткосрочных курсов и научно-практических конференций. Так, в ноябре 2010 г. в Харбине преподавателями Дальневосточного института повышения квалификации (ДВИПК) ФСКН России были проведены курсы по оперативно-розыскной деятельности в сфере незаконного оборота наркотических средств для сотрудников Главного отряда Департамента общественной безопасности провинции Хэйлунцзян. В апреле того же года на базе ДВИПК была проведена международная научно-практическая конференция «Современные проблемы противодействия наркопреступности и распространению наркомании в Азиатско-Тихоокеанском регионе» с участием российских ученых и представителей антинаркотических ведомств.

Совместная работа в данной сфере ведется и в рамках ШОС, которая еще в момент своего образования определила борьбу с незаконным оборотом наркотиков как одну из задач обеспечения региональной безопасности¹⁶. Ключевыми документами, определившими данный вектор деятельности ШОС, можно считать «Соглашение между государствами-членами ШОС о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров», подписанное в июне 2004 г., а также «антинаркотическая» стратегия государств-членов ШОС на 2011–2016 гг. и Программа действий по ее выполнению. Россия и Китай наряду с другими участниками ШОС и Ираном оказывают активную помощь Афганистану в восстановлении транспортной и хозяйственной инфраструктуры¹⁷. Данная помощь основывается на понимании того, что устранение международных угроз, источником которых является Афгани-

стан, таких как наркотрафик, терроризм и экстремизм, возможно лишь при условии восстановления экономики и социальной сферы данного государства.

В целом, на современном этапе Китай проводит весьма активную, всеобъемлющую и плодотворную политику в данной сфере, немалое место в которой отводится международному сотрудничеству с соседними странами, в частности, с Российской Федерацией. Не возникает сомнений в том, что наработанные в рамках ШОС и правоохранительных структур механизмы взаимодействия наших стран в сфере противодействия международному наркотрафику необходимо использовать и в дальнейшем, ибо это будет способствовать не только решению проблемы распространения наркотиков, но и налаживанию тесных партнерских отношений между двумя державами, в частности в плане противодействия нетрадиционным вызовам и угрозам.

1. International Narcotics Control Strategy Report / Bureau Of International Narcotics And Law Enforcement Affairs. US Department Of State, 2008. URL: <http://www.state.gov/p/inl/rls/nrcrpt/2008/vol1/html/100780.htm>.
2. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890–1907. URL: <http://www.brockhaus.ru/text/050/976.htm>.
3. Jianhua Li, Toan H Ha, Cunmin Zhang, Hongjie Liu. The Chinese government's response to drug use and HIV/AIDS: A review of policies and programs. // Harm Reduction Journal. 2010. № 7. P. 4.. URL: <http://www.harmreductionjournal.com/content/7/1/4>.
4. Дмитриева Т.Б., Клименко Т.В., Козлов А.А. Антинаркотическая политика: зарубежный и национальный опыт. URL: http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/publication_gak_all/2010/0817/11226056/detail.shtml.
5. Крушинский А.С. Найти управу на “супер”-товар: Размышления о китайском опыте борьбы с наркоманией // Нарконет. М., 2002. № 7–8. С. 78.
6. Гуань Ч. Наркоситуация и антинаркотическое законодательство в Китае// Наркомания и противодействие наркопреступности в Азиатско-тихоокеанском регионе. Международная научно-практическая конференция. Владивосток, 2009. С. 38.
7. Колдунова Е.В. Безопасность в Восточной Азии: новые вызовы. М., 2010. С. 139.
8. Троицкий П.В. Некоторые вопросы борьбы с преступностью в современном Китае // Докл. ИДВ РАН. 2010. М., 2011. С. 80–81.
9. Борьба с наркотиками в Китае (Белая книга). URL: <http://russian.china.org.cn/russian/32993.htm>.
10. <http://www.chinesemission-vienna.at/eng/>.
11. China's drug users grow at lower pace. Chinese Government's official web portal, 2009. URL: http://english.gov.cn/2009-10/24/content_1448005.htm.
12. International Narcotics Control Strategy Report. Bureau Of International Narcotics And Law Enforcement Affairs. United States Department Of State. 2011. С. 191–192. URL: <http://www.state.gov/p/inl/rls/nrcrpt/2011/vol1/156359.htm#china>.
13. Там же. С. 190.
14. Там же. С. 189–190.
15. Итоги международной операции. URL: <http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/news/2011/1213/060616186/detail.shtml>.
16. Декларация о создании шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://www.sectso.org/RU/show.asp?id=83>.
17. Клименко А.Ф. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества: проблема обороны и безопасности. М., 2009. С. 355.

История

«Шитоулинское дело»: действия русских войск в Маньчжурии в период до 1900 г.

© 2012

Д. Киселёв

Работа посвящена малоисследованной странице истории российско-китайских отношений на Дальнем Востоке. В конце XIX в. русские войска неоднократно проводили операции в районах Маньчжурии (Северо-Восточного Китая), прилегающих к границам Приамурья и Уссурийского края. Заход русских военных на территорию Китая не поощрялся командованием и мог послужить причиной возникновения серьезного пограничного инцидента. Примером такого рода может служить так называемое «Шитоулинское дело» — стычка между китайским военным отрядом и казаками Уссурийской конной сотни в верховьях р. Мулинхэ в июне 1879 г.

Ключевые слова: «Шитоулинское дело», хунхузы, русские казаки, Маньчжурия.

В первой половине XX в. Северо-Восточный Китай (Маньчжурия) неоднократно становился ареной военных действий, участницей которых в том числе была Российская империя (а позднее — СССР). Крупнейшим примером военной конфронтации в русско-китайских отношениях могут служить события 1900–1901 гг., когда в результате событий, связанных с «ихэтуанями» вся территория Маньчжурии была оккупирована русскими войсками, взявшими на себя административные функции и активно подавлявшими партизанское движение¹. Жесткая политика России в Северо-Восточном Китае нанесла серьезный ущерб отношениям двух стран и во многом предопределила трагический исход Русско-японской войны 1904–1905 гг.².

Интересно, что отдельные операции русских военных формирований на территории Маньчжурии имели место задолго до событий 1900–1901 гг. Они носили эпизодический характер и не выходили за пределы приграничных районов, однако в ряде случаев оказывали существенное влияние на развитие русско-китайских отношений. Данная проблема до сих пор не получила должного освещения в отечественной исторической литературе. Пожалуй, единственным исключением является работа В.Г. Дацышена «Очерки истории российско-китайской границы во 2-й половине XIX — начале XX вв.»³.

Появление русских военных отрядов на сопредельной китайской территории было связано с проблемой *хунхузничества* — организованного бандитизма, широко распространенного в Маньчжурии и на русском Дальнем Востоке в XIX в.⁴ Особенно резкий рост преступности в Северо-Восточном Китае наблюдался в конце 1850 — начале 1860-х гг. и был обусловлен мобилизацией всех правительственных сил на борьбу с Тайпинским восстанием и иностранной интервенцией. Эти процессы совпали с разграничением России и Китая по условиям Айгунского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров. Формирующаяся администрация Уссурийского края не обладала достаточными силами для борьбы с хорошо организованным *хунхузничеством*. Достаточно сказать, что численность личного состава постовых команд — основного инструмента охраны границы — по штатам 1865 г. едва превышала 700 чел. При этом последние размещались на огромной территории от Амурского лимана до залива Посьет⁵. В этих условиях линия границы, отделявшей Уссурийский край от Маньчжурии, долгие годы была фактически лишена военного прикрытия — причем как с российской, так и с китайской стороны⁶. Пользуясь этим, банды *хунхузов* постоянно пересекали границу, действуя на территории обеих стран. Как в Маньчжурии, так и в Уссурийском крае основным объектом преступной деятельности *хунхузов* было китайское население, занимавшееся сельским хозяйством и высокодоходными промыслами (промысел морской капусты, сбор грибов и лекарственных растений, охота и т.п.)⁷. На момент подписания Пекинского договора 1860 г. численность китайцев, проживавших в новых владениях России (т.н. *манз*), приближалась к 10 тыс. чел.⁸ Кроме того, Уссурийский край привлекал *хунхузов* наличием россыпных месторождений золота, пригодных для кустарной разработки.⁹

Как правило, «вылазки» русских военных отрядов на сопредельную территорию Маньчжурии происходили на участке границы от оз. Ханка до р. Тумэньцзян (Туманган). Именно здесь пролегал традиционный путь миграции *хунхузских* шаек. Подобная ситуация исторически сложилась в силу нескольких причин. Во-первых, именно в южной части Уссурийского края была сосредоточена основная масса его китайского населения. Последнее поддерживало деловые связи с такими торговыми центрами Маньчжурии, как Хуньчунь и Нингута¹⁰, и использовало для этого многочисленные дороги и таежные тропы, ведущие на китайскую территорию. Этими путями охотой пользовались и *хунхузы*. Во-вторых, в первые годы после присоединения Уссурийского края к России, южный участок его сухопутной границы не имел системы пограничных караулов, подобной той, что была организована вдоль р. Усури к северу от оз. Ханка. В период с 1858 по 1862 гг. там возникло 23 казачьих станицы с населением около 5 тыс. чел.¹¹ К сожалению, в силу недостаточного знакомства с условиями присоединяемого края, этот кордон был устроен не эффективно, «как раз против пустырей, откуда нельзя было ожидать никаких покушений на нашу границу»¹². К югу от оз. Ханка, где происходил наиболее интенсивный пограничный обмен, были расквартированы малочисленные пехотные контингенты, не имевшие возможности бороться с мобильными *хунхузскими* шайками. Фактически охрану южного участка границы Уссурийского края номинально обеспечивали два поста — в селении Камень-Рыболов (оз. Ханка) и в районе залива Посьет¹³. Весной 1868 г. отсутствие надежного прикрытия границы Южно-Уссурийского края привело к тому, что рассеянные в ходе т.н. «Манзовской войны» отряды китайских повстанцев смогли не только беспрепятственно уйти на территорию Маньчжурии, но и увели с собой 10 возов с награбленным¹⁴. С учетом этого урока в 1869 г. было учреждено Южно-Уссурийское пограничное комиссарство со штаб-квартирой в урочище Новокиевском¹⁵. Там же были дислоцированы два Восточно-Сибирских линейных батальона и одна артиллерийская батарея, имевшие своей задачей охрану границы с Маньчжурией¹⁶. Поскольку для борьбы с *хунхузами* требовались конные части, в том же 1869 г. была сформирована Уссурийская конная казачья сотня¹⁷. Ее силы также были ограничены, что видно из следующего свидетельства: «Уссурийская конная сотня, составляющая охрану нашей границы, состо-

ит из 131 всадника, занимает район до 600 верст в длину границы и расположена следующим образом: в с. Турьем Роге стоит пост из 10 человек; пройдя 200 верст по границе, на посту Суйфунском находится отряд из 20 человек; затем, на протяжении до 250 верст до караула Хунчунского опять пусто, на карауле Хунчунском 15 человек, через 25 верст расположен караул Корейский — 10 человек. Есть еще караул Монгугайский — 11 человек, но тот удален от границы. Остальные два взвода составляют резерв части, в п. Камень-Рыболов»¹⁸. В силу этого тактика сотни может быть охарактеризована, как «спорадические действия незначительных войсковых сил, вызванных для преследования *хунхуз*ов после совершенных ими набегов»¹⁹. Впоследствии число конных казачьих соединений в Уссурийском крае было увеличено. В 1880 г. их было уже четыре. Согласно докладу военного министра было постановлено развернуть их в дивизионы «с назначением особого штаб-офицера для общего заведывания сотнями Южно-Уссурийского края на правах полкового командира». На командира возлагалась обязанность охраны границы на протяжении 450 верст. По Высочайшему повелению от 2 сентября 1880 г.²⁰ все конные сотни Южно-Уссурийского края подчинялись начальнику штаба войск Приморской области, наделенному правами начальника дивизии²¹. Тем не менее, суть их действий по-прежнему составляла погоня за *хунхузами*, во время которой казаки нередко оказывались на территории соседнего государства. Во многом этому способствовало то обстоятельство, что государственная граница между Маньчжурией и Уссурийским краем была обозначена на бумаге гораздо лучше, чем на местности. Деревянные пограничные знаки («столбы»), установленные в 1861 г., не укреплялись вплоть до 1886 г. и успели частично разрушиться²². В условиях горно-таежной местности военные зачастую сами не замечали того, как оказывались в Китае. Тем не менее, в большинстве случаев имеет смысл говорить о сознательных действиях, предпринимавшихся с целью преследования *хунхузских* шаек на территории сопредельного государства.

Рассматриваемая проблема приобрела актуальность уже в первые годы после уссурийского разграничения. В середине 1860-х гг. в Маньчжурии возникли беспорядки, перекинувшиеся во внутренние районы страны и даже угрожавшие Пекину. Генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков предложил оказать помощь китайскому правительству в обмен на предоставление России торговых льгот. «Содействие это должно было заключаться в снабжении правительственных китайских войск военными материалами и даже в движении небольших наших отрядов вовнутрь Маньчжурии, в местности, наиболее угрожаемые инсургентами»²³. В ответ на это Министерство иностранных дел России в 1866 г. высказалось «о неудобствах переходов наших вооруженных отрядов на китайскую территорию». Мнение МИД получило одобрение императора Александра II²⁴. Вместе с тем, уже в 1869 г. русскому посланнику в Пекине А.Г. Влангали поручалось заявить китайскому правительству, что «если оно не примет мер к подавлению беспорядков близ наших границ, то...местное начальство вынуждено будет предпринимать поиски и вне наших пределов для уничтожения злонамеренных шаек»²⁵. Таким образом, позиция русских властей по данному вопросу с самого начала была достаточно противоречивой.

В октябре 1874 г. в Приморской области были получены сведения о скоплении большого (до 2000 чел.) числа вооруженных бродяг в верховьях реки Мурень. Допуская возможность прорыва этой «вольницы» на российскую территорию, областные власти приняли меры к усилению военного прикрытия правого берега р. Уссури. В частности, на действительную службу было вызвано 125 льготных казаков Уссурийского пешего батальона, населению станиц было дополнительно выдано оружие и боеприпасы, а для наблюдения за переправами учреждены конные разъезды и стационарные посты. Одновременно на Уссури решили выдвинуть воинские части, расквартированные в п. Камень-Рыболов: 1-ю роту 3-го Восточно-Сибирского линейного батальона и Уссурийскую конную казачью сотню. Однако уже 26 октября 1874 г. военный губернатор области донес

генерал-губернатору Восточной Сибири, что ввиду закрытия навигации указанные части могут быть выдвинуты только до линии границы. Дело в том, что при следовании походным порядком вокруг о. Ханка войскам неизбежно пришлось бы совершить 80-верстный переход по китайской территории, а это власти сочли недопустимым²⁶.

В середине 1870-х гг. деятельность *хунхузов* в Маньчжурии резко активизировалась, что заставило китайские власти в 1876 г. принимать срочные меры по их обузданию²⁷. Несмотря на это, разбойники в течение всего 1877 г. безнаказанно действовали на дороге между Нингутой и селом Никольским в Уссурийском крае. Результатом стало почти полное прекращение торговли скотом и резкое повышение цен на мясо в русских пределах. Пограничный комиссар Южно-Уссурийского края Н.Г. Матюнин в ноябре 1877 г. ездил в г. Хуньчунь и предлагал местными властям помощь в решении проблемы. Эта инициатива «не встретила сочувствия»²⁸. Вскоре появление «гастролеров» было отмечено на русской территории, в районе урочища Новокиевского и села Никольского²⁹. В начале декабря 1877 г. крупная шайка численностью до 150 чел. появилась в окрестностях с. Турий Рог. Угнав 20 голов крестьянского скота и захватив в плен трех охотников, разбойники ушли к «вершине правых притоков р. Мурени»³⁰. В погоню за *хунхузами* был немедленно отправлен взвод Уссурийской конной сотни. Убедившись в численном превосходстве *хунхузов*, командовавший им хорунжий Токмаков отправил одного из казаков за подкреплением, а сам двинулся по следу шайки. Когда разбойники достигли границы, Токмаков без колебаний принял решение продолжать преследование на китайской территории. Туда же последовал и второй взвод сотни, посланный на выручку под начальством хорунжего Павленко³¹.

Соединившись, казаки дважды атаковали шайку: в первой стычке бандиты потеряли 7 чел. убитыми и 20 ранеными, во второй — 30 и 50 чел. соответственно. Со стороны казаков были ранены хорунжий Токмаков и 3 рядовых (все остались в строю). Был отбит скот, освобождены пленники, взято 8 лошадей, много оружия и 11 седел³². По сведениям русской печати, глубина проникновения казаков на территорию Китая составила почти 100 верст! Осуществлявшему общее командование хорунжему Павленко «хорошо было известно, что они далеко за собой оставили границу и находятся в чужих пределах; но наши частные отношения с китайскими властями и их неоднократные просьбы не стесняться переходом границы для общей пользы, так как *хунхузы* делают им еще больше вреда, чем нам, а маньжурские войска их боятся, — все это его ободрило и цель была достигнута»³³.

Русские власти отнеслись к случившемуся с большим вниманием. Военный губернатор Приморской области контр-адмирал Г.Ф. Эрдман направил рапорт генерал-губернатору Восточной Сибири. Иркутск телеграфировал военному министру империи, а тот, в свою очередь, доложил о действиях уссурийцев самому Александру II³⁴. Рейд Токмакова и Павленко не получил никакого внешнеполитического резонанса: он вообще вряд ли был замечен маньжурскими властями. Весной 1879 г. казаки вновь наведались на китайскую территорию в сопровождении пограничного комиссара Н.Г. Матюнина. На этот раз их целью был Кунигуй — опорный пункт *хунхузов* на р. Мурень, примерно в 40 верстах от с. Турий Рог. Там разбойники построили настоящую деревянную крепость со стенами четырехметровой вышины и двухъярусными башнями. Кунигуй занимала шайка численностью в 200 чел., которая незадолго до появления казаков лишилась главаря и рассеялась. По приказу Н.Г. Матюнина крепость была сожжена³⁵. Эта акция также не имела последствий, чего нельзя сказать о другом происшествии, вошедшем в историю как «Шитоулинское дело».

19 июня 1879 г. *хунхузы* совершили нападение на деревню Пуциловка, находящуюся в 30 км к западу от большого села Никольского. Было убито 8 корейских поселенцев, многие были ранены и лишены имущества. Одних лошадей бандиты угнали более 100 голов³⁶. Из Пуциловки шайка отправилась в Маньчжурию. 25 июня погранич-

ный комиссар Н.Г. Матюнин написал о случившемся правителю (*мэйрэнъ-дэжангшю*) г. Нингуты. Тем временем в погоню за разбойниками устремилась Уссурийская сотня во главе с ее командиром майором Ножным. В походе участвовали упоминавшиеся выше взводные Токмаков и Павленко, успевший получить чин сотника. Выступив из с. Камень-Рыболов 24 июня, Ножин отрядил 25 казаков во главе с Токмаковым напрямик к границе, на р. Ушагоу. Этот отряд должен был следовать вдоль границы на юг и заставить шайку повернуть обратно в русские пределы³⁷. Из этого следует, что первоначально Ножин не планировал действовать на китайской территории. Токмаков не успел опередить *хунхузюв*, однако узнал, что они находятся уже в 48 верстах к северо-западу от с. Алексее-Никольского. Сам Ножин прошел из Камень-Рыболова на Пуциловку, а затем соединился с Токмаковым на Суйфунском пограничном карауле. Майор собрал владельцев окрестных китайских фанз и выяснил, что шайка может скрываться только в горной местности Шитоулинцзы на территории Китая, в 80 верстах к северо-западу. Выступив на север и пройдя около 20 верст, сотня форсировала р. Суйфун³⁸ и пересекла границу. Надо полагать, удачный опыт Токмакова и Павленко в 1877 г. не оставлял у командира сотни сомнений в успехе. Численность русского отряда не превышала 70 чел. По мере следования появились проводники: один был рекомендован владельцем попавшейся фанзы, другой назвался слугой местного купца; третий пытался избежать знакомства с русскими, но подчинился силе. На следующий день (29 июня) стало попадаться то, что Ножин принял за следы шайки: пустая фанза со следами недавнего ночлега, свежие отпечатки конских копыт и т.п. Майор продолжал движение вперед, сжег один «*хунхузский* притон», однако вскоре заблудился: по его словам, проводники намерено указали ложное направление, завели отряд в лес и принялись отговариваться незнанием дороги. Вернувшись на прежнюю дорогу, казаки переправились через реку Шитоухэ и обнаружили две тропы. Одна была сильно нахожена, тогда как вторая явно образовалась недавно. По ней-то и направилась сотня. Пройдя около 5 верст, Ножин остановился и выслал разведку во главе с хорунжим Токмаковым. Вернувшись, тот доложил, что на расстоянии двух с половиной верст находится лагерь *хунхузюв*, в котором видно много людей и около 200 лошадей. В час ночи 30 июня майор приказал выступить, приблизился к лагерю и на рассвете атаковал его в рассыпном строю³⁹. Хотя часовые сделали несколько выстрелов из ружей, никакого другого сопротивления сотня не встретила. В лагере поднялась суматоха, а казаки принялись действовать шашками. Внезапно Ножин «услышал голоса манджур и затем узнал несколько человек манджурского войска, в том числе офицера»⁴⁰. Осознав ошибку, майор скомандовал отступление. Видя «возбужденное состояние манджур», Ножин не стал вступать в переговоры и поспешил на Суйфунский караул, сделал за день переход в 70 верст. Потерь среди казаков не было и только четыре лошади получили легкие ранения⁴¹. Майор всерьез опасался «мщения со стороны манджур на нашем населении от понесенной ими потери» и 3 июля донес о случившемся военному губернатору Приморской области Г.Ф. Эрדману⁴². Завязалась оживленная переписка между Николаевском-на-Амуре и Иркутском. Генерал-губернатор Восточной Сибири П.А. Фредерикс распорядился командировать пограничного комиссара Южно-Уссурийского края к местным китайским властям «для разъяснения недоразумения». На местном уровне последствия ошибки военных пришлось практически в одиночку устранять Н.Г. Матюнину, проявившему в этом деле изрядную ловкость. Контр-адмирал Эрдман просил дипломата изложить китайцам обстоятельства нападения *хунхузюв* на Пуциловку, объяснить нападение казаков на китайские войска «очевидной ошибкой» и «уладить это дело, по возможности, с китайскими властями, предложив им подарки». На эти цели комиссар получил 500 руб. серебром⁴³.

Встреча представителей двух стран произошла в августе 1879 г. в местечке Санчакоу⁴⁴. С китайской стороны присутствовали правитель (*мэйрэнъ-дэжангшю*) Нингуты и трое чиновников более высокого ранга из города Гириин — центра провинции. В их числе

был генерал Юн Хай, в чьем ведении находились пострадавшие войска⁴⁵. Чиновники с китайской стороны сообщили Н.Г. Матюнину, что в атакованном китайском отряде было убито 24 чел., включая командира Дэ-шуня. Более 90 чел. получили ранения. По их словам, китайский отряд занимался тем же, что и русская сотня — преследовал хунхузов. Комиссар объяснил случившееся недоразумением и сообщил, что командир сотни уже отрешен от должности. Дипломат также передал собеседникам соответствующее письменное обращение⁴⁶. Очевидно, после этого чиновники попытались надавить на русского представителя, предъявив ему претензию по поводу враждебных действий русских войск в отношении мирных жителей Санчакоу, якобы имевших место 9 августа 1879 г. Позднее гиринский губернатор (*цзянцзюнь*) Мин Ань доносил в Пекин, что русский комиссар признал этот инцидент⁴⁷, но, зная характер Н.Г. Матюнина, в это трудно поверить. На второй встрече цинские чиновники напомнили дипломату о том, что Китай выплатил России компенсацию за русских, убитых во время беспорядков в Тяньцзине в 1871 г. На вопрос, какую компенсацию заплатит Россия за убитых казаками, Н.Г. Матюнин ответил, что «сеча в местности Шитоулин произошла по ошибке и невозможно приурочивать этот случай к Тянь-цинскому, где фанатики заведомо шли на преступление». После этого он заявил, что письменное извинение русского правительства уже может служить достаточным удовлетворением. Чиновники сняли требование компенсации, однако стали настойчиво требовать от комиссара засвидетельствовать число убитых и раненых. Услышав отказ, они потребовали подписать заявление о том, что Матюнин не уполномочен разрешить инцидент. Однако последний не стал этого делать. На третьем заседании комиссии дипломат сам перешел в наступление, указав чиновникам на отсутствие караулов с китайской стороны границы. Он заявил, что «до тех пор, пока у китайцев не будет выставлено достаточное число конных караулов, неизбежно следует разрешить нашим отрядам переход границы при преследовании хунхуз, ибо иначе погоня будет обыкновенно безуспешна»⁴⁸. Следует отметить, что русский посланник в Пекине обращался к цинскому двору с аналогичной просьбой еще 24 ноября 1878 г. (инициатива исходила от генерал-губернатора Восточной Сибири)⁴⁹. После этого комиссар предложил собеседникам выехать на место происшествия и, в частности, определить, насколько оно удалено от границы. По его расчетам это расстояние равнялось 10–15 верстам. Когда чиновники уклонились от предложения, Матюнин закончил заседание новым заявлением о необходимости учреждения китайских караулов и оборудования границы. На этом переговоры завершились. Вопреки ожиданиям цинских представителей Н.Г. Матюнин отнюдь не выглядел виноватым, уверенно владел инициативой и даже умудрялся диктовать условия! Самое интересное, что прямым следствием переговоров в Санчакоу стало учреждение на р. Суйфун китайского караула «из 50 солдат при офицере 5-го ранга»⁵⁰. Таким образом, китайская сторона фактически выполнила требование пограничного комиссара. Что касается пресловутых «подарков», то о них автору настоящей статьи ничего не известно. С российской стороны следствием инцидента было распоряжение и.о. генерал-губернатора Восточной Сибири генерал-лейтенанта К.Н. Шелашникова, изложенное в письме на имя военного губернатора Приморской области от 17 сентября 1879 г.: «Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство строжайше предписать нашему пограничному начальству в случае появления вблизи наших пределов шаек хунхузов заботиться исключительно об охранении нашей территории и отнюдь не допускать, чтобы наши военные отряды переходили в Китай, причем предупредить, что виновные в неисполнении сего будут подвергнуты ответственности по всей строгости законов»⁵¹. Несмотря на это в апреле 1880 г. русский отряд вновь совершил рейд на китайскую территорию. Команда 1-го Восточно-Сибирского линейного батальона под начальством поручика Мельницкого получила приказ провести рекогносцировку верховьев рек Амба-бирь, Сидими и Монгугая. Эти небольшие реки впадают с запада в Амурский залив, тогда как их истоки лежат на восточных склонах гор, образующих границу России и

Китая в этой части Приморья⁵². В долинах трех рек во второй половине XIX в. осело немало выходцев из Корен. Весной 1880 г. несколько корейских деревень подверглось нападением хунхузов. Поход отряда был ответом властей на эти грабежи, при этом командиром была дана инструкция преследовать разбойников в случае их обнаружения. В качестве волонтера к команде Мельницкого присоединился известный пионер Уссурийского края М.И. Янковский, живший на берегу Амурского залива и имевший давние счеты с хунхузами⁵³. Очень скоро отряд оказался на китайской территории. Это было запрещено приказом начальства, однако никакой карты местности у Мельницкого не было, а расспросы туземцев ни к чему не привели. Русские дошли до ближайшего китайского хутора Чапигоу и только там узнали, что находятся за границей. К слову, китайцы приняли визитеров очень радушно, а узнав о цели экспедиции, даже предложили поручику проводников и транспорт для перевозки отрядного имущества. 15 апреля команде удалось нагнать шайку из 17 разбойников. В перестрелке четверо хунхузов были убиты, пятеро получили ранения. Остальные бандиты разбежались, а русский отряд вернулся в родные пределы. Через некоторое время власти г. Хуньчуня предъявили претензию по поводу вторжения русского отряда, при этом Мельницкий был обвинен в насильственном изъятии у китайцев того, что получил в качестве помощи⁵⁴.

«Шитоулинское дело» и определенный недостаток дипломатичности, проявленный местными русскими властями в этой связи, сильно отразились на наших отношениях с Китаем. Проиграв переговоры Н.Г. Матюнину, гиринская администрация перенесла разбирательство на более высокий уровень. Осенью 1879 г. *цзянцзюнь* направил в Пекин два доклада, подробно излагавших все претензии к соседям. Русские обвинялись не только в нападении на китайский отряд, но и в многочисленных притеснениях мирных китайских подданных. До самого конца года русский посланник Е.К. Бюцов был вынужден отражать натиск китайского МИДа. 16 ноября дипломат, скрывая раздражение, писал военному губернатору Приморской области: «Позволю себе повторить здесь высказанное мною уже генерал-лейтенанту Шелашникову мнение, что если бы, по расследовании, жалобы китайцев оказались имеющими какое-либо основание, нам следовало бы немедленно же принять просимые ими меры»⁵⁵.

Разгоравшийся Илийский кризис быстро отодвинул «Шитоулинское дело» на задний план, однако, начиная с 1879 г., защита китайских подданных от противоправных действий русских в Уссурийском крае неизменно фигурирует в списке претензий Пекина к России. Упорство Китая заставило русские власти уже в 1882 г. принять решительные меры к наказанию казаков, виновных в преступлениях против «манз». Так, капитан Чебышев и 42 нижних чина 5-й Забайкальской конной казачьей сотни, обвинявшиеся в убийстве 8 китайцев на р. Патахедза в декабре 1881 г., долгое время находились под следствием⁵⁶. Казаки той же сотни Е. Гаськов и Д. Тупшинов, 5 апреля 1882 г. убившие с целью ограбления 5 китайцев в районе с. Алексее-Никольского, предстали перед военным судом и были расстреляны⁵⁷. Кроме того, во всех эшелонах российской власти была осознана необходимость срочной демаркации границ Уссурийского края. В 1889 г. дальневосточное казачество получило инструкцию, ограничившую функции поселкового ополчения обороной от нападений хунхузов. Преследование разбойников разрешалось только под начальством прикомандированного офицера⁵⁸. Целью инструкции было предупреждение несанкционированного перехода китайской границы и прочих самоуправных действий.

Справедливость многих претензий Китая к «северному соседу» признавал такой известный отечественный дипломат, как упоминавшийся выше А.Г. Влангали. Выступая в начале 1887 г. на Особом совещании МИД, посвященном текущему состоянию отношений с Китаем, он указывал, что «не раз удавалось добиваться полного удовлетворения за причиняемый китайцами нашим интересам ущерб, и наоборот, многие справедливые жалобы китайцев оставляемы были нами безо всякого внимания»⁵⁹. Одновременно сле-

дует отметить, что несанкционированное появление китайских военных на российской территории в рассматриваемый период было столь же обычным делом. Е.С. Бурачек, командовавший постом Владивосток в 1862 г., вспоминал впоследствии, что вооруженные маньчжурские солдаты из г. Хуньчунь доходили в Уссурийском вплоть до р. Суйфун (Раздольная). При этом они активно ввели «подати» с местного китайского населения. Помощник хуньчуньского войскового командира (*фудутуна*) с той же целью проник еще дальше — в залив Св. Ольги⁶⁰. В 1897 г. высокопоставленный чиновник Цицикарской провинции (Хэйлуцзян) Чжоу Мянэ признавал, что китайские эмиссары, под предлогом преследования хунхузов, облагали уссурийских китайцев тяжелыми поборами⁶¹.

Таким образом, в период с 1869 по 1879 г. русские военные формирования неоднократно проникали из Уссурийского края на сопредельную китайскую территорию. При этом имели место как случайные заходы (обусловленные плохой оборудованностью госграницы), так и целенаправленные действия по преследованию бандитских шаек, укрывавшихся в пределах Китая. Решения о переходе границы всегда принимались на местах командирами частей, что не приветствовалось русскими властями и в конечном итоге было запрещено. Случаи проникновения китайских военных из Маньчжурии на российскую территорию в указанный период также имели место, однако о мерах властей Китая по пресечению подобной практики ничего не известно.

В последнее десятилетие XIX в. получили распространение совместные операции властей двух стран против бандитских шаек, в ходе которых русские отряды действовали на соседней территории по приглашению хозяев. Начало подобным операциям положила новая активизация *хунхузов*, обусловленная Японо-китайской войной (1894–1895 гг.) и ослаблением маньчжурских позиций⁶².

В 1896 г. русский посланник в Пекине А.П. Кассини получил от китайского правительства просьбу оказать содействие в борьбе с *хунхузами*⁶³. С китайской стороны в операции принимали участие 400 солдат и офицеров под командованием начальника Мохэских золотых приисков Чжоу Мянэ. 28 июля отряд из 25 рядовых 10-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона под командованием поручика В.Т. Михайлова, усиленный 20 казаками станицы Венюковой под начальством атамана А.Г. Савицкого, выдержал ожесточенный бой с шайкой *хунхузов*, а затем преследовал ее на несколько десятков верст вглубь территории Китая. При этом погиб рядовой Т. Лапин, а рядовой Д. Вешкурцев получил ранение в ногу. Потери разбойников составили 7 чел. убитыми, еще 14 были взяты в плен⁶⁴. Отличившиеся участники боя получили от Чжоу Мянэ денежные награды, а от русского командования — 4 серебряных медали «За храбрость» на георгиевских лентах⁶⁵. 7 августа 1896 г. 40 льготных казаков во главе с начальником Козловского участка сотником А. Токмаковым атаковали хунхузский бивак на китайском берегу Уссури против станицы Васильевской⁶⁶. Шайка была рассеяна и преследовалась на 15 верст вглубь Маньчжурии. Не имея потерь, казаки убили троих разбойников и ранили пятерых⁶⁷. Еще один отряд русских стрелков 10–13 августа 1896 г. совершил переход по китайской территории от станицы Покровской до устья р. Нор (Наолихэ), однако стычек с *хунхузами* избежал⁶⁸. В конце августа генерал-губернатор Приамурского края генерал-лейтенант С.М. Духовской распорядился прекратить действия на китайской территории. Операция завершилась в начале сентября 1896 г. совместными облавами в китайских «слободах» Хабаровска и Имана (Дальнереченска)⁶⁹.

Под влиянием достигнутого успеха русское военное ведомство наметило на 1897 г. крупную операцию против *хунхузов* в Маньчжурии. Ее целью было обеспечение безопасности строителей Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Две роты стрелков и сотню амурских казаков планировалось перебросить в район г. Саньсин, в окрестностях которого бандиты были особенно активны. Пехота должна была следовать на пароходах по р. Сунгари, а казаки — в конном строю по суше. Отряд общей численностью свыше 700 солдат и офицеров должен был нанести *хунхузничеству* мощный удар и

обезопасить стронтелей КВЖД. Однако уже в феврале 1897 г. операция была отменена по настоянию МИД России⁷⁰. В том же году для охраны КВЖД была создана особая Охранная стража, формально носившая неправительственный характер⁷¹.

1. Подробнее см.: *Дацышен В.Г.* Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г. СПб., 1996. Ч. 1.
2. *Тимофеев О.А.* Российско-китайские отношения в Приамурье (середина XIX — начало XX вв.). Благовещенск, 2003. С. 64–65.
3. *Дацышен В.Г.* Очерки истории российско-китайской границы во 2-й половине XIX — начале XX вв. Кызыл, 2000. С. 165–169.
4. Определение и развернутую характеристику данного явления можно найти в следующих работах: *Надаров И.П.* Хунхузы в Южно-Уссурийском крае // Воен. сб. 1896. Т. 231, № 9. С. 183–204; *Соковнин М.А.* Хунхузы Маньчжурии // Воен. сб. 1903. № 12. С. 194–218; *Арсеньев В.К.* Китайцы в Уссурийском крае. М., 2004. С. 195–208; *Соловьев Ф.В.* Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). М., 1989; *Синиченко В.В.* Криминальная составляющая миграционных процессов на восточных окраинах Российской империи. Иркутск, 2003; *Еришов Д.В.* Хунхузы: необъявленная война. М., 2009.
5. *Кондратенко Р.В.* Манзовская война. СПб., 2004. С. 67.
6. *Буссе Ф.Ф.* Значение хунхузов для Южно-Уссурийского края // Голос. СПб., 1880. № 35.
7. *Арсеньев В.К.* Указ. соч. С. 197.
8. *Нестерова Е.И.* Взаимодействие русской администрации и китайских мигрантов на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX вв.): исторический опыт. Дис.... канд. истор. наук. Владивосток, 2000. С. 73.
9. *Еришов Д.В.* Русский флот в борьбе с хунхузами: Конец XIX — начало XX вв. // Вопр. истории. 2009. № 12. С. 54.
10. Ныне уездный город Нинъань в провинции Хэйлуцзян.
11. *Кондратенко Р.В.* Указ. соч. С. 55.
12. *Тихменев М.Н.* Манзовская война // Воен. сб. 1908. № 2. С. 31.
13. Там же. С. 36–37.
14. *Тихменев М.Н.* Указ. соч. // Воен. сб. 1908. № 6. С. 68; № 7. С. 31.
15. Ныне п. Краскино Хасанского района Приморского края. В 1881 г. резиденция погранкомиссара была переведена в с. Никольское — нынешний г. Уссурийск.
16. Тихоокеанский рубеж. Из истории охраны государственной границы России в Приморье и на Тихом океане. Владивосток, 2004. С. 23–24.
17. *Тихменев М.Н.* Указ. соч. // Воен. сб. 1908. № 7. С. 44.
18. Рус. мир. СПб. 1878. № 288, 21 окт. С. 2.
19. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702, оп. 1, д. 842, л. 43.
20. Здесь и далее — старый стиль.
21. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400, оп. 1, д. 683, л. 2–3, 17.
22. Границы Китая: история формирования. М., 2001. С. 119–120.
23. *Тихменев М.Н.* Указ. соч. // Воен. сб. 1908. № 3. С. 45.
24. РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 641, л. 48.
25. *Тихменев М.Н.* Указ. соч. // Воен. сб. 1908. № 3. С. 46.
26. *Надаров И.П.* Указ. соч. С. 190. Мурень — р. Мулинхэ, впадающая в р. Уссури с левой, китайской стороны.
27. *Дацышен В.Г.* Указ. соч. С. 167.
28. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 543, л. 228об—229.
29. Там же. Л. 7.
30. Там же. Под «правыми притоками» следует понимать реки Шитоухэ и Дашитоухэ, протекающие по китайской территории к северо-западу от оз. Ханка.
31. Рус. мир. СПб. 1878. № 288, 21 окт. С. 2.
32. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 543, л. 7об—8.
33. Рус. мир. СПб. 1878. № 288, 21 окт. С. 2.
34. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 543, л. 7.

35. Буссе Ф.Ф. Указ. соч.
36. РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 697, л. 36.
37. Там же. Л. 36.
38. Ныне р. Раздольная (на территории КНР — Дасуйфэньхэ).
39. РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 697, л. 36–38.
40. РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 641, л. 40.
41. РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 697, л. 25–27.
42. РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 641, л. 40–41.
43. Там же. Л. 41–42.
44. Близ современного города Дуннин в провинции Хэйлуцзян (КНР).
45. РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 697, л. 11.
46. Там же. Л. 11.
47. Там же. Л. 13–14.
48. Там же. Л. 31.
49. РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 697, л. 17–18.
50. Там же. Л. 32.
51. РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 641, л. 48.
52. В наши дни эти реки называются Белая, Нарва и Барабашевка.
53. В 1874 г. будучи управляющим золотыми приисками на о. Аскольд. М.И. Янковский имел немало проблем с китайскими разбойниками. В 1879 г. его деловой партнер и друг Ф. Гек пострадал от нападения хунхузов, потеряв гражданскую жену и малолетнего сына.
54. Надаров И.П. Указ. соч. С. 197–200.
55. РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 697, л. 7–8.
56. РГВИА. Ф. 1096, оп. 2, д. 18, л. 1–101 (февр.—апр. 1882 г.)
57. РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 894, л. 6–7.
58. Сищенко В.В. Криминальная составляющая миграционных процессов на восточных окраинах Российской империи. Иркутск, 2003. — <http://mion.isu.ru/pub/sin/index.html>.
59. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 148, оп. 487, д. 1368, л. 24об.
60. Бурачек Е.С. Воспоминания заамурского моряка // Морской сб. 1865. № 10. С. 248, 252–253.
61. Дацышен В.Г. Указ. соч. С. 168–169.
62. Там же. С. 170.
63. Там же. С. 167.
64. Ювачев И.П. Борьба с хунхузами на маньчжурской границе // Истор. вестн. 1900. Т. 82, окт. С. 194–196.
65. Там же. С. 539, 553.
66. Там же. С. 540–541.
67. Дацышен В.Г. Указ. соч. С. 168.
68. Ювачев И.П. Указ. соч. С. 544.
69. Там же. С. 552–553.
70. Дацышен В.Г. Указ. соч. С. 168.
71. Сухачева Г.А. Охранная стража КВЖД и хунхузы (1897–1920) // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Сотрудничество на рубеже веков. Владивосток, 1999. Кн. 2. С. 112.

Бао Дай, последний император Вьетнама Исторический очерк

© 2012

Е. Кобелев

В 1945 году в результате победы Августовской революции во Вьетнаме был ликвидирован монархический режим, представитель правящей династии Нгуенов император Бао Дай отрекся от престола. В последние годы, по мере расширения гласности и открытости во вьетнамском обществе, появилось довольно много книг и публикаций, в которых подробно и вполне объективно прослеживается жизнь последнего императора Вьетнама, которая была насыщена невероятным политическим многообразием и авантурными приключениями.

Ключевые слова: Вьетнам, Франция, Япония, династия Нгуенов, император Бао Дай, императрица Нам Фыонг, отречение от престола.

В 1887 году Вьетнам, которым до этого с начала XIX в. правила династия Нгуенов, был завоеван Францией и включен в состав французского Индокитайского союза, в который вошли также соседние Камбоджа и Лаос. Следуя колониальному принципу «разделяй и властвуй!», Франция расчленила Вьетнам на три части, получившие различный статус. Намки (Южный Вьетнам), завоеванный самым первым, стал колонией Франции под названием Кохинхина. Он управлялся непосредственно французскими властями — губернатором и администраторами провинций. Бакки (Северный Вьетнам) и Чунги (Центральный Вьетнам), которые назывались в течение всего колониального периода соответственно Тонкин и Аннам, получили статус протекторатов. Формально там была сохранена местная вьетнамская администрация, а в столице династии Нгуенов городе Хюэ — даже императорский двор. Однако и в этих протекторатах все действия вьетнамских властей полностью контролировались и направлялись французскими «верховными резидентами».

Сохранив, пусть хотя бы и формально, власть династии Нгуенов, с которой вьетнамский народ инстинктивно связывал свои горькие воспоминания о независимом и великом прошлом Вьетнама, колонизаторы рассчитывали использовать авторитет вьетнамских монархов в целях скорейшего и бескровного умиротворения завоеванной страны. Однако поначалу этим расчетам не суждено было сбыться. Уже в 1885 г. весь Вьетнам был охвачен патриотическим освободительным движением, которое получило название «кан выонг» («в поддержку императора») и во главе которого встали малолетний император Хам Нги и его регент Тон Тхат Тхюет.

Основной опорой антифранцузского сопротивления стала своеобразная социальная группа той поры, доминировавшая прежде всего во вьетнамской деревне, — феодальное ученое сословие. Представителей этой группы по традиции было принято называть “*nho sĩ*” — конфуцианцами, так как они были последователями учения Конфуция —

Мэнцзы, которое проникло во Вьетнам из Китая и с XV в. стало официальной религией и идеологией вьетнамских феодальных династий. Однако, считают современные вьетнамские историки, название это не совсем верно, так как на вьетнамской почве учение Конфуция — Мэнцзы подверглось сильному воздействию местных национально-патриотических традиций и идеалов и приобрело совершенно несвойственные ему изначально прогрессивные черты¹.

«Великий святейший Конфуций (за 551 год до Иисуса Христа), — писал в 1921 г. в одном из французских журналов молодой Хо Ши Мин, — стал зачинателем идеи всеобщего согласия и теории имущественного равенства людей. Если сформулировать коротко, то святейший говорил: основы мирной жизни на этом свете могут произрастать только из основ всеобщего согласия среди людей. Люди не боятся нужды, они боятся только несправедливости»².

Действительно, если китайские феодальные завоеватели и их вьетнамские союзники стремились к утверждению наиболее реакционных черт конфуцианства, а именно: преклонение перед властью, консерватизм, догматизм, схоластические формы просвещения и т.п., то патриотически настроенные и прогрессивно мыслящие представители вьетнамской феодальной интеллигенции делали упор на имевшиеся в конфуцианстве рациональные, позитивные по тем временам элементы. Более того, они шли еще дальше, приспособлявая конфуцианство к нуждам национально-освободительной борьбы вьетнамского народа, преобразовывая его в национально-патриотическое по духу, а зачастую даже антимонархическое учение. Вот почему во Вьетнаме в XV—XIX вв. исторически сложилась такая необычная, на первый взгляд, ситуация, что именно *nhô si* становились национальными героями, вождями освободительных войн, руководителями или участниками крестьянских восстаний.

Особенно наглядно проявился специфический характер «вьетнамского конфуцианства» с приходом французских колонизаторов. Именно *nhô si* были основной опорой вьетнамской монархии, пока ее представители находились во главе борьбы против колонизаторов. В противоположность католицизму, носителями которого были колонизаторы, насильственно насаждавшие во Вьетнаме учение Христа, конфуцианство воспринималось в эти годы как символ всего исконно вьетнамского.

Только к концу XIX в. движение «кан выонг» было подавлено колонизаторами, плененный Хам Нги был сослан в Алжир под надзор местных французских властей. Но на этом противостояние колонизаторов с династией Нгуенов отнюдь не закончилось. В 1916 г. патриотическая организация «Общество возрождения Вьетнама», которой руководили принц Кыонг Дэ и один из самых видных патриотов-националистов Фан Бой Тяу, подготовила план всеобщего восстания во главе с императором Зюй Таном, который в знак протеста против политики французских властей бежал из своего дворца в Хюэ, повторив тем самым путь мятежного императора Хам Нги. Однако это восстание также было жестоко подавлено, император Зюй Тан был захвачен в плен и отправлен в ссылку в далекое африканское владение Франции — на остров Реюньон. В сентябре 1916 г. на престол вззошел 12-й по счету монарх династии Нгуенов — Кхай Динь.

После стольких лет безуспешных попыток поставить вьетнамских монархов на службу своим колониальным интересам, перед французскими властями во Вьетнаме со всей серьезностью встал судьбоносный вопрос: как приручить представителей династии Нгуенов, как сделать их эффективным орудием успешного проведения колониальной политики?

В первой четверти XX в. в Министерство колоний Франции поступали десятки предложений, прежде всего от генерал-губернаторства в Ханое, от верховного резидента в Хюэ и от губернатора в Сайгоне, по поводу того, как этого добиться. В конце концов превалирующей стала следующая точка зрения: необходимо с детских лет полностью «офранцузить» престолонаследника, чтобы затем на престол в Хюэ воссел неоспоримый вьетнамец по крови, но истинный француз по духу. Впервые эта идея четко прозвучала в

письме генерал-губернатора Индокитая Альбера Сарро верховному резиденту Аннама после рождения наследника у императора Кхай Диня. «Император Кхай Динь, возведенный нами на престол. — писал А. Сарро, — послушный монарх, однако слабохарактерный и заурядный человек, он не пользуется симпатиями народа и, особенно, сословия *«nho si»*, которые все еще грезят о тех монархах династии Нгуенов, которые находятся в изгнании. В этих условиях первоочередная задача власть предержащих в Аннаме сегодня — это подготовить нового монарха, который отвечал бы цивилизаторской миссии Франции. Только что родившийся младенец- престолонаследник — это для нас прекрасное событие, которым мы должны воспользоваться и воспитать из него верного сына нашей матери-родины. Мы полагаем, что когда он подрастет до школьного возраста, надо будет отправить его на учебу во Францию — при этом чиновники аппарата верховного резидента обязаны держать в поле зрения воспитание будущего императора, в частности, подбирать ему таких воспитателей как при дворе, так и вне его, которых мы могли бы контролировать»³.

Итак, выбор французов пал на сына Кхай Диня наследного принца Винь Тхюи, который впоследствии, став императором, взял себе имя Бао Дай. Он родился 22 октября 1913 г. в императорской столице Вьетнама — городе Хюэ. 8 марта 1922 г., когда ему исполнилось 9 лет, его отец император Кхай Динь присвоил ему титул наследного принца, иными словами назвал имя следующего, тринадцатого по счету, императора династии Нгуенов. На Востоке цифра 13 не считается такой мистической, как в Европе. Вместе с тем, нельзя не обратить внимания на весьма зловещее предзнаменование — последний император Вьетнама и родился в 13 году XX столетия, и был по счету 13-м монархом династии Нгуенов.

В июне 1922 г. в Марселе открылась французская колониальная выставка. На ней демонстрировались достижения цивилизаторской деятельности Франции в ее колониях. Наиболее широко был представлен Индокитай, который помпезно именовался жемчужиной в короне французской колониальной империи. У посетителей выставки вызвали неподдельный интерес макеты камбоджийских храмов Ангкора, древних вьетнамских буддийских пагод, «36 старинных улиц Ханоя»⁴.

Однако самой главной «достопримечательностью» выставки стал вьетнамский императорский двор, который французские власти доставили в Марсель ко дню ее открытия. Вечером 21 июня в марсельский порт вошел пароход «Портос», на его мачте развевался шелковый треугольник оранжевого цвета с двумя красными полосами — флаг императорской династии Нгуенов. По убранному цветами белоснежному трапу спустился на причал император Кхай Динь. Перед встречающей публикой он предстал в традиционном для вьетнамских императоров облачении: на голове — золотистый тюрбан, на плечах — длинное шелковое платье, вытканное причудливыми фигурами драконов. За ним по трапу сошел вниз девятилетний мальчик — наследный принц Винь Тхюи. У трапа почетных гостей встречал министр по делам колоний Франции Альбер Сарро. Отвечая на его приветствие, Кхай Динь напыщенно заявил: «Франция — наш учитель, она ведет нас в будущее. Из тесного пожатия наших рук рождаются добрые чувства, и обе наши страны дружной поступью идут вперед единой дорогой...»⁵.

Проживавший в эти годы в Париже Нгуен Ай Куок (Хо Ши Мин), как и многие вьетнамские патриоты, возмущенный поведением Кхай Диня и его раболепными речами, написал сатирическую интермедию «Бамбуковый дракон», в которой изобразил вьетнамского императора игрушкой в руках колонизаторов. Эта интермедия вначале появилась на страницах газеты «Пария», издававшейся под редакцией Нгуен Ай Куока, а затем даже была сыграна на сцене в пригороде Парижа на одном из массовых народных гуляний, организованном газетой «Юманите».

Кхай Динь пробыл во Франции почти два месяца и 14 августа 1922 г. отбыл во Вьетнам, оставив наследного принца Винь Тхюи в Париже. Так началась весьма сложная

и деликатная операция французской колониальной администрации по «офранцузиванию» будущего вьетнамского монарха. Одними из главных исполнителей этой операции стали бывший верховный резидент Франции в Аннаме Charles (Шарль) и его супруга. Они поселили вьетнамского мальчика в своем особняке на улице Бурдоннэ в Париже, где ему был предоставлен отдельный домик. По настойчивому требованию Кхай Диня из Вьетнама в Париж был прислан учитель по вэньяню — древнекитайскому языку и по «куок нгы» — недавно введенной колониальными властями латинизированной письменности вьетнамского языка.

Но главной задачей Винь Тхюи было все-таки получение классического французского образования. Вначале его определили в известный лицей Condorcet, а после его окончания — в Ecole libre des Sciences Politiques (Свободную школу политических наук). Это аристократическое учебное заведение было создано в Париже специально для обучения будущих монархов и туземных служащих высшего звена колониальной администрации многочисленных колоний Франции в Африке и Азии. После занятий, когда мальчик возвращался домой, супруги Шарль организовывали для него дополнительные занятия: изучение классической музыки, обучение игре на гитаре, занятия спортом, прежде всего теннисом, вождение автомобиля, стрельба из винтовки и даже обучение классическим танцам с французскими девочками-сверстницами.

По тем временам все эти занятия, особенно спорт и вождение автомобиля, были настоящей революцией для представителей вьетнамской монархии. На фотографиях тех лет Бао Дай чаще всего одет в спортивную майку и шорты или кожаную куртку и шлем автомобилиста. Он чурался вьетнамских национальных одеяний и в свободное от спортивных занятий время одевался скорее как французский киноартист, и это ему очень шло, так как он был красив и для вьетнамца довольно высок ростом. Однако позднее, когда он вернулся во Вьетнам, оппозиционные вьетнамские газеты с возмущением писали по этому поводу, что французы сделали из вьетнамского монарха какого-то «плэйбоя».

Особенно страстно молодой Бао Дай любил водить автомобиль. Уже в 16 лет в его распоряжении имелось несколько автомашин различных марок. Особое предпочтение он отдавал скоростным машинам, на которых «лихачил» по улицам Парижа или мчался по автотрассам в курортные города — Канны и Довиль.

В 1924 г., когда Кхай Диню исполнилось 40 лет, Тайный совет двора в Хюэ принял решение организовать великие торжества по случаю юбилея императора. Колониальная администрация выделила на это большие деньги и, чтобы в торжествах принял участие и наследный принц, поручила Шарлю доставить Винь Тхюи в город Хюэ. На этих торжествах мальчик был одет в долгополое золотистое платье, в котором, согласно традиции, появлялись перед народом вьетнамские монархи. После окончания торжеств Винь Тхюи в сопровождении супругов Шарль, которых уже называли приемными родителями мальчика, снова отбыл во Францию, чтобы, как писали вьетнамские газеты, продолжать осваивать профессию монарха. Но жизнь есть жизнь: так удачно проходивший процесс «офранцузивания» будущего вьетнамского императора прервался самым неожиданным образом. 6 ноября 1925 г. из Хюэ пришла скорбная весть о неожиданной кончине на 41-ом году императора Кхай Диня. Винь Тхюи вынужден был прервать учебу в Париже и срочно отбыть в Хюэ, где 8 января 1926 г. был возведен на престол императора под именем Бао Дай. Было ему тогда всего 13 лет.

Церемония возведения на престол юного императора была организована весьма торжественно. Кроме, естественно, всех членов Тайного совета, в ней приняли участие тогдашний генерал-губернатор Французского Индокитая Александр Варенн, верховный резидент Аннама Пьер Паскье и, разумеется, «приемные родители» Винь Тхюи — супруги Шарль. На церемонии новый монарх впервые в своей жизни выступил с официальной речью: «Следуя старинным обычаям династии Нгуенов, добрым намерениям правительства протектората, а также искренним мольбам служителей королевского двора и

всех простых людей, Мы, Государь, заявляем о том, что готовы наследовать престол нашего Отца-императора. Однако, согласно его повелению. Мы вернемся во Францию для продолжения учебы, чтобы в один из дней стать достойным той миссии, которую Небо возложило на Нас. В период своего отсутствия Мы будем всемерно полагаться на правительство протектората, будем тесно сотрудничать с династией Страны Юга, чтобы как можно скорее создать стабильное и мирное императорское правление. Это наше самое глубокое желание»⁶.

17 ноября 1926 г. Бао Дай подписал указ о временной передаче императорской власти правительству протектората. Кроме того, по указанию колониальных властей он также подписал указ о создании временного Регентского совета, который возглавили «регент его величества» Нгуен Хыу Бай и председатель Совета старейшин Тон Тхат Хан.

Еще почти шесть лет юный монарх находился за пределами своей родины. А в ней в эти годы происходили грандиозные события, потрясшие самые основы колониального режима. К концу 30-х годов большой размах приобрела революционная деятельность «вьетнамского гоминьдана» — Национальной партии Вьетнама, во главе которой стоял неистовый антиколониалист Нгуен Тхай Хок. В начале 1929 г. в Ханое боевики его партии убили крупного чиновника французской администрации Базэна, который занимался вербовкой вьетнамской рабочей силы для французской Новой Каледонии. В феврале 1930 г. Национальная партия подняла вооруженное восстание в провинции Иенбай (Тонкин). Плохо подготовленное восстание потерпело сокрушительное поражение, и десятки его участников сложили головы на гильотине.

Вскоре после этого французская охранка установила основное местопребывание штаб-квартиры партии и ее руководства в одной из деревень провинции Хайзыонг (Тонкин). Деревня была подвергнута бомбардировке с воздуха, а лидер партии Нгуен Тхай Хок был захвачен в плен живым. В 1931 г. Нгуен Тхай Хок и 12 его соратников были гильотинированы в тюрьме города Иенбай.

В конце 1930 г. в двух провинциях центрального Вьетнама — Нгеан и Хатинь начались массовые выступления крестьянства против колониальных порядков. Руководила ими созданная Нгуен Ай Куоком (Хо Ши Мином) 3 февраля 1930 г. Коммунистическая партия Индокитая (КПИК). В 116 деревнях обеих провинций были созданы по примеру российских трудящихся Советы — первые во Вьетнаме органы народно-революционной власти. Нгетиньские Советы, как их называли в народе, существовали почти год, пока их не подавили колонизаторы, островками свободы и независимости в колониальном Индокитае. Советы полностью ликвидировали на местах колониальный административный аппарат, изгнали из сел феодалов, крупных помещиков, старост. «Хотя движение Нгетиньских Советов было потоплено в крови, — отмечал впоследствии Хо Ши Мин, — оно навсегда останется свидетельством героизма и боеспособности трудящихся масс Вьетнама; оно способствовало рождению сил, которые впоследствии совершили Августовскую революцию»⁷.

И в самой Франции происходили драматические события. В 1932 г., за несколько месяцев до возвращения Бао Дая на родину, в Париже русским белоэмигрантом Горгуловым было совершено убийство президента Франции Поля Думера, который, кстати, в 1896–1902 гг. был генерал-губернатором Индокитая. Естественно, Бао Дай как вьетнамский император должен был принять непосредственное участие в организованных властями траурных мероприятиях по этому скорбному случаю.

Тем временем обеспокоенные размахом революционных выступлений во Вьетнаме, особенно в Тонкине, колониальные власти начали настойчиво требовать возвращения молодого вьетнамского монарха на родину, рассчитывая, что его присутствие и «передовые формы» правления помогут успокоить вьетнамские политические круги и общественное мнение. Особенно большую активность проявлял секретарь Колониального совета в Ханое некий г-н Шатель, который буквально забросал алармистскими письмами

министерство колоний Франции. Пытаясь «уговорить» министерство, мсье Шатель рисовал в своих письмах весьма живописные картины, как надо организовать приезд молодого монарха во Вьетнам. По его словам, это можно сделать подобно тому, как «Цезарь после очередной победы возвращался в Рим или как Наполеон в Париж после победы при Аустерлице». Накануне его приезда, писал мсье Шатель, надо организовать во Вьетнаме мощную пропагандистскую кампанию восхваления молодого монарха, заполнить всю страну его красиво оформленными портретами, поручить самым известным вьетнамским композиторам написать песни, прославляющие его славные деяния, сделать полнометражный документальный фильм о «горячей встрече его вьетнамским народом», который потом демонстрировать в кинотеатрах во всех крупных городах колонии⁸.

Однако в своих письмах мсье Шатель не учитывал одного серьезного обстоятельства. Бао Дай много лет прожил в Париже, он уже привык к развлечениям, и без них не мыслил свою жизнь. В душе он, по-видимому, уже не воспринимал Вьетнам как свою родину, это было всего лишь смутное воспоминание детства. Поэтому всякие разговоры о возвращении в Хюэ воспринимались им как попытка перевести его «из рая в ад».

Таким образом, возникла весьма серьезная проблема — как уговорить юного, а потому старавшегося казаться независимым, монарха согласиться на срочное возвращение на родину. С этой целью, наряду с мсье Шателем и супругами Шарль, в ход было пущено тяжелое оружие: в разъяснительную работу с юношей включились министр колоний, министр иностранных дел и даже сам президент Франции. В конце концов Бао Дай сдался, но выговорил условие, что он будет иметь возможность приезжать в Париж в любое время, когда у него возникнет желание⁹.

Здесь нельзя не обратить внимания на то, что один из биографов Бао Дая Даниэль Гранклеман отыскал в архивах французской полиции сведения о том, что «агенты Коминтерна» якобы проявляли серьезный интерес к судьбе молодого вьетнамского монарха. Так, по его словам, как только стало широко известно о предстоящем возвращении Бао Дая во Вьетнам, министерство колоний получило донесение от филера охраны о том, что в доме № 120 по улице Шатодэн состоялось тайное совещание Комиссии по вопросам колоний ЦК Французской компартии, в котором приняли участие один француз и семь вьетнамцев. В повестке дня совещания стоял вопрос: «Возвращение императора Бао Дая на родину и возможности покушения на него». Все участники заявили о поддержке идеи убийства Бао Дая. Одному вьетнамцу по имени Фам Ван Диеу было поручено выполнить акт смертной казни Бао Дая в Париже. Если же эта акция не удастся, другому вьетнамцу по имени Нгуен Динь Тинь (партийная кличка «Блинов»)¹⁰ было поручено попытаться убить его, когда он будет подниматься по трапу на пароход¹¹. Хотя указанное донесение выглядит вроде бы правдоподобно, отнюдь нельзя исключать того, что оно было специально сфабриковано парижской полицией, чтобы припугнуть Бао Дая и ускорить его отъезд, а заодно и лишний раз показать французскому обывателю, как далеко протянулись «щупальца» Коминтерна.

Параллельно возникла и другая не менее сложная проблема. Стало известно о письме министерства колоний от 24 января 1926 г., в котором утверждалось, что Бао Дай не сын императора Кхай Диня, а ребенок одной из наложниц двора, зачатый от какого-то сановника династии. Французским властям в Индокитае пришлось принимать различного рода строжайшие меры, чтобы в зародыше погасить эти опасные «злонамеренные» слухи¹².

Свадьба по-французски

Накануне возвращения Бао Дая во Вьетнам в императорском дворце в Хюэ развернулась лихорадочная работа по поискам невесты для молодого, красивого и полувосточного французского образования императора. Вдовствующая императрица Ты Кунг, на

правах его родной матери, подобрала для него девушку по имени Бать Иен — дочь одного из высоких сановников двора. До этого девушку долго учили играть на старинной вьетнамской гитаре, декламировать стихи древних вьетнамских поэтов, учили манерам и этикету, которые были приняты при дворе династии Нгуенов. Кроме того, Бать Иен каждый день купалась в ванной из молока, чтобы ее кожа была белой, как у европейских женщин, и издавала восхитительный аромат.

Однако вдовствующая императрица не знала о планах колониальных властей осуществить полное «офранцузивание» ее сына и, естественно, о том, что после завершения его учебы должна начаться вторая фаза по превращению молодого вьетнамского монарха, связанного многими неразрывными узами с матерью-Францией, в «неоспоримого вьетнамца по крови, но истинного француза по духу». Суть второй фазы задуманной французами операции заключалась в том, чтобы найти ему соответствующую пару — разумеется, вьетнамскую девушку, но опять же с хорошим французским образованием и обязательно католичку, так как сам Бао Дай как представитель старинной вьетнамской династии был буддистом. На этом этапе активно вступили в дело супруги Шарль. Когда они еще работали во Вьетнаме, они близко познакомились с семьей миллионера Дениса Ле Фат Ана из Кохинхины, у которого была племянница Жанна Мариэтта Нгуен Хыу Тхи Лан. У Дениса Ле Фат Ана не было своих детей, поэтому он относился к Тхи Лан, как к своей дочери, и не жалел денег на ее обучение во Франции. Она же была дочерью его, тоже довольно богатого, брата Нгуен Хыу Хао из города Гоконг (Кохинхина). Как и Бао Дай, она с малых лет была отправлена во Францию и училась в парижской школе *Couvent des Oiseaux* (Монастырь птиц), в которой преподавали монахини монастыря Святого Августина. Она прекрасно знала французский язык и французскую культуру, уже имела звание бакалавра. Но самое главное для успеха задуманной операции было то, что все члены семейного клана Тхи Лан были ревностными католиками, а глава клана был известен на Юге Вьетнама тем, что на свои средства построил три католических храма для прихожан в районах, прилегающих к Сайгону.

Чтобы юный монарх и красавица Тхи Лан смогли познакомиться еще в Париже, супруги Шарль договорились о приватной встрече с директрисой школы *Couvent des Oiseaux* и условились с ней, что она пригласит на выпускной вечер в честь окончания учебного 1932 г. императора Вьетнама Бао Дая, и что цветы монарху преподнесет вьетнамская школьница Тхи Лан. Так все и произошло, и когда красавица Тхи Лан преподнесла Бао Даю цветы, он, конечно, заметил ее и запомнил.

В начале августа 1932 г. от причала Марселя отошло пассажирское судно «д.Артаньян», на борту которого Бао Дай, сопровождаемый супругами Шарль, отплыл во Вьетнам. Естественно, на этом же корабле оказалась и Тхи Лан, которая возвращалась во Вьетнам на каникулы, сопровождаемая Денисом Ле Фат Аном и его женой. Во время долгого плавания (тогда расстояние от Франции до Вьетнама пароходы преодолевали более, чем за месяц) началась вторая фаза операции по «офранцузиванию» молодого вьетнамского монарха. В один из первых же вечеров Денис Ле Фат Ан пригласил супругов Шарль на дружеский ужин, на котором, конечно же, не могли не присутствовать их «примный сын» Бао Дай и племянница миллионера Тхи Лан.

Именно на этом ужине, как считают организаторы операции, и вспыхнули первые романтические искры будущей любви двух юных сердец. Естественно, молодые люди во время долгого плавания познакомились и не могли не поправиться друг другу. Оба были очень красивы, оба были всецело привержены французской культуре, поэтому, когда вечерами они гуляли по палубе, у них находилось много общих тем для бесед.

В начале сентября 1932 года пароход «д.Артаньян» бросил якорь во вьетнамском порту *Cap Saint Jacques* (ныне — город Вунгтау). Здесь Тхи Лан встретили ее отец Нгуен Хыу Хао и члены семейства Ле Фат Ана и повезли ее в Сайгон. А Бао Дая французские военные проводили на борт военного корабля *Dumont d'Urville*, который доставил его в порт

Туран (ныне — Дананг). Когда Бао Дай спускался по трапу на причал, в честь возвращения молодого монарха на родину был произведен артиллерийский салют из 21 залпа.

10 сентября 1932 г. Бао Дай выступил по радио с обращением к своим подданным, текст которого, естественно, был подготовлен его французскими советниками, где обещал широкие реформы в стране, которые отвечали бы принципам цивилизации и прогресса, усвоенным им во время учебы во Франции. В своей речи, отличавшейся неконкретностью и витиеватостью (как, впрочем, и многие последующие его публичные выступления), Бао Дай, в частности, обратился к тем вьетнамцам, кто «всем сердцем любит родину: надо всем нам, направляемым общей волей, вместе идти к единой цели, чтобы весь народ жил в гармонии, великодушии и упорядоченной строгости, стремясь к высотам цивилизации и прогресса, которых мы должны достигнуть»¹³. Под этими вьетнамцами он имел в виду патриотические партии и организации, которые открыто и активно выступали против французского господства. Однако Бао Дай весьма ловко не назвал ни одной партии и, естественно, не решился сказать определенно о том, что это патриоты, которые борются как против колонизаторов, так и против самой феодальной монархии. Впрочем, другого он сказать и не мог — откуда 19-летний император, проживший много лет вдали от родины, мог знать об особенностях социально-политической обстановки во Вьетнаме.

Вслед за тем Бао Дай осуществил несколько важных политических акций. Прежде всего он совершил ритуальную поездку в провинцию Тханьхоа — родину предков династии Нгуенов, а после этого — ознакомительные поездки вначале в Кохинхину, а затем — в Тонкин.

Для колониальных властей особенно важно было «показать товар лицом» в Тонкине, причем по двум разнохарактерным причинам. С одной стороны, в Тонкине наиболее сильны были антиколониальные настроения. И французы надеялись, что непосредственное знакомство населения Тонкина с молодым монархом вьетнамской династии Нгуенов, которая олицетворяла народную память о тех давних временах, когда Вьетнам был независимой страной, поможет понизить градус революционного движения в Ханое и окружающих его провинциях.

С другой стороны, с начала 1930-х гг. в Тонкине приняло массовые формы умело инспирируемое колонизаторами движение, которое мы бы сегодня назвали «вестернизацией». Участники этого движения — представители разночинной молодежи, студенчества новой формации, получившие французское образование, чиновники, служившие во французской администрации, учителя школ и лицеев — романтизировали материальные и духовные достижения Запада, особенно, Франции и требовали обновления образа жизни вьетнамского народа, приближения его к западным образцам. А Бао Дай как раз и был живым примером нового образа жизни — молодой, красивый, всегда одетый с иголки в модный французский костюм. То его видят скачущим верхом на коне, то за рулем перwokлассного автомобиля, то он играет в теннис или в гольф, а на следующий день танцует танго или фокстрот. Разумеется, все это не могло не притягивать к нему внимание юношей и девушек из среды золотой ханойской молодежи и среднего городского класса.

Понятно, почему в конце 1932 г. в Ханое царило невероятное возбуждение. В начале ноября ханойцы стали свидетелями совершенно новых для них событий: рабочие спешно покрывали асфальтом улицы французской части города и знаменитые старинные торговые ряды; подстригали ветви деревьев, а нижнюю часть стволов красили известью; там, где ночью было не очень светло, меняли фонари. Затем городское управление повелело всем горожанам привести в порядок свои дворы и вывесить флаги. Повсюду появились французские «триколоры» и какие-то новые для ханойцев флаги — с двумя красными и тремя желтыми полосами. В городском управлении любопытствующим разъясняли: «Это флаг династии Нгуенов. Император Бао Дай скоро будет гостем Ханоя, по-

этому и идут такие авральные работы». С тех пор флаг с двумя красными и тремя желтыми полосами в народе стали называть «флагом Бао Дая».

Бао Дай прибыл в Ханое целую неделю. В один из вечеров у него произошла интересная встреча с членами Общества чиновников-конфуцианцев и чиновников-западников. Это Общество, так же как и известный в стране журнал «Нам фонг» («Южный ветер») основал профессор Фам Куннь. Он же и приветствовал на встрече монарха на французском и вьетнамском языках. Его речь пришлась Бао Даю по душе. Это и входило в планы французских организаторов его поездки, так как они давно решили поставить во главе правительства двора в Хюэ нового человека, лояльного Франции, вместо престарелого Нгуен Хыу Бая, который раздражал их своей чрезмерной приверженностью династийным канонам далекого прошлого.

После возвращения Бао Дая в Хюэ 1 мая 1933 г. туда прибыл генерал-губернатор Паскье, чтобы лично руководить работой совещания с членами Тайного совета. Верховный резидент Аннама Тибодо сообщил членам Тайного совета об обновлении его состава и зачитал текст императорского указа № 29: «Прежде чем активно приняться за работу, мы, Государь, хотели узнать настроения народа и с этой целью совершили поездки по Северу и Югу. И в ходе них Мы увидели, что конкретно нуждается в реформах. Поэтому сегодня, то есть 8 апреля 8-го года правления Бао Дая (1933 г.), мы объявляем, что отправляем на пенсию герцога (quan song) Нгуен Хыу Бая, высоких сановников двора Во Лиема, Тон Тхат Дана, Фам Лиену, Выонг Ты Дая, а вместо них вводим в Тайный совет Фам Куиня, Тхай Ван Тоана, Хо Дак Кхая, Буи Банг Доана, Нго Динь Зьема». От себя Тибодо добавил: «Данный указ санкционирован генерал-губернатором Индокитая. Что касается меня, то я с его содержанием полностью согласен».¹⁴ Интересно отметить, что одним из самых молодых министров стал Нго Динь Зьем, который в 1950-е гг., после подписания Женевских соглашений о восстановлении мира во Вьетнаме, лишил Бао Дая поста главы государства и объявит себя диктатором Южного Вьетнама.

Появление Фам Куиня в Хюэ было встречено с большим недовольством членами императорского двора. Он был для них чужак, при дворе его презрительно именовали «белым фурункулом с Севера». Но против воли французов выступить они не могли. К тому же Фам Куинь пришлся по душе Бао Даю как близкий ему по духу человек — с солидными, изысканными манерами, с величественной осанкой, блестяще говорящий и по-вьетнамски, и по-французски. Поэтому Бао Дай сразу же предложил Паскье назначить его главой Кабинета министров. Естественно, после назначения в Хюэ Фам Куинь вынужден был передать руководство журналом «Нам фонг» своему ближайшему сотруднику Нгуен Тиен Лангу, который, впрочем, в скором времени стал его зятем.

Все эти акции, инициированные колониальными властями, преследовали одну цель — в самом лучшем свете представить подданным династии совершенно новый тип монарха: он молод, окончил высшую школу политических наук в Париже, у него совершенно новый образ мышления, он воспитан на передовых традициях Запада, вьетнамская интеллигенция и молодежь должны полюбить его, и тогда антифранцузские настроения пойдут на убыль.

Французское воспитание сподвигло Бао Дая на весьма смелые реформы придворного этикета и форм приветствия простолюдьми при встрече с императором, которые были заимствованы из древнего Китая и освящены веками. Так, Бао Дай повелел, чтобы были отменены как «архаичные» обязательные поклоны до пояса или опускание глаз при встрече с императором как простолюдинов, так и чиновников двора. Конечно, этот указ не так-то просто было исполнить на деле, так как внешние формы почитания монарха впитывались вьетнамцами «с молоком матери». Поэтому, когда уже после выхода указа Бао Дай со своей свитой появлялся на улицах Хюэ или других городов, особенно ретивые начальники городских кварталов и сельских уездов все-таки отдавали приказы жителям смиренно опускать глаза долу, когда император проезжал мимо них.

Одновременно было разрешено всем сановникам двора и другим гостям при входе в покои императора не кланяться до пояса, а приветствовать монарха словами. Этой акцией, наверняка подсказанной французами, преследовались две цели. Прежде всего показать, что молодой, прогрессивный монарх ценит старинные вьетнамские обычаи уважения людей не по положению, а по возрасту. Во-вторых, теперь и французские официальные лица, входя к императору, могли чувствовать себя более свободно и просто обмениваться рукопожатием с монархом, как это принято на Западе.

Одной из непреложных традиций династии Нгуенов, начиная с ее основателя Яя Лонга, была задача заранее подбирать невест для наследных принцев, поэтому все представители династии, как правило, всходили на престол уже будучи женатыми. После этого вступала в действие вторая традиция — во дворец нового монарха набирали несколько десятков девушек, которые выполняли роль прислуги и наложниц. И хотя у монарха была официальная жена, подобранная для него королевской семьей, однако среди десятка наложниц, естественно, находились одна или несколько женщин, которых монарх любил и привечал больше остальных. В результате монархи постоянно опасались, что между их любимцами начнется борьба за власть, поэтому было принято паллиативное решение, что любая «пассия» монарха, включая и его официальную супругу, могла быть объявлена императрицей только после кончины императора либо после своей собственной кончины.

По завершении первоочередных официальных дел перед «кукловодами» Бао Дая вновь встал вопрос о необходимости срочной реализации давно задуманного ими плана о такой его женитьбе, которая бы полностью отвечала интересам Франции. Летом 1933 г. Бао Дай выехал на отдых в Далат.¹⁵ Одновременно генерал-губернатор Паскье дал указание мэру Далата мсье Дарлю организовать праздничный прием в самом фешенебельном здании города Hotel Palace.

На этот прием были приглашены многие высокопоставленные представители колониальных властей и, разумеется, Тхи Лан и большое число ее ближайших родственников. Бао Дай и Тхи Лан много танцевали друг с другом и вспоминали о Париже. В конце своей жизни Бао Дай так писал об этом романтическом отрезке своей жизни: «После нашей встречи на приеме мы затем еще не раз встречались, чтобы высказать свои чувства. Жанна Мариэтта очень забавно рассказывала о своей учебе в школе Couvent des Oiseaux. Так же, как и я, она любила спорт и музыку. Тхи Лан отличалась весьма нежной красотой девушки Юга, немного приправленной чертами Запада. Вот почему я придумал ей новое имя — Нам Фыонг, что значит Аромат Юга. Я знал, что все мои королевские предки предпочитали брать в жены девушек с Юга».¹⁶ После танцев на пышном приеме мсье Дарля молодые люди встречались практически каждый день — на теннисной площадке, на раутах местной элиты, более того, несколько раз Бао Дай был гостем Тхи Лан в роскошном особняке семейства Ле Фат Ана в Далате. В конце концов Бао Дай официально сделал Тхи Лан предложение, на что она в принципе ответила согласием, но при условии, если ее семья даст свое благословение. Взволнованный Бао Дай доложил Паскье и Шарлю о возникшем препятствии. Супруги Паскье и Шарль встретились с Ле Фат Аном, чтобы узнать его мнение. Разумеется, члены семейства Ле были весьма обрадованы как предложением Бао Дая, так и его поддержкой со стороны высокопоставленных французов, ибо «рыба заглотнула крючок», но тем не менее они выдвинули несколько предварительных условий:

- Жанна Мариэтта Нгуен Хыу Тхи Лан должна быть удостоена звания императрицы сразу же после свадьбы;
- она должна остаться в лоне католической церкви, а ее дети при рождении должны пройти обряд крещения и быть католиками;
- что касается Бао Дая, то он может и дальше оставаться буддистом;

— наконец, крайне необходимо разрешение Ватикана на то, чтобы молодые люди, поженвшись, остались каждый в своей вере; ни одна из сторон не должна принуждать другую к смене веры».¹⁷

Поставленные условия были довольно сложными и, казалось бы, трудно выполнимыми. Однако так велико было желание Паскье и Шарля увенчать процесс «офранцузивания» нового вьетнамского монарха его женитьбой на вьетнамке-католичке, к тому же «офранцузенной» не менее, чем он сам, что они заверили семейство Ле, что французские власти гарантируют выполнение всех поставленных условий.

Ни в одних мемуарах Бао Дая, Тхи Лан и их окружения ничего не сказано, о чем говорила пара во время знаменитого приема в Далате. Но историографы династии считают, что именно в Далате Бао Дай, вопреки вековой традиции Нгуенов, пообещал Тхи Лан, что сразу после свадьбы он объявит ее императрицей, и что все их дети, прежде всего наследник престола, будут католиками.

Когда Бао Дай вернулся в Хюэ, императрица-мать и высшие сановники сообщили ему «радостную весть», что они подыскали для него невесту — уроженку города Хюэ, дочь высокопоставленного чиновника двора. На что Бао Дай ответил им, что он сам нашел себе невесту — Жанну Мариэтту Нгуен Хыу Тхи Лан из богатейшей семьи Гоконга, получившую к тому же классическое французское образование. Во дворе начался крупный скандал: мать Ты Кунг и глава Регентского совета Тон Тхат Хан потребовали от молодого монарха не нарушать вековых традиций династии и взять в жены девушку Бать Иен, которая ими подобрана и отвечает всем требованиям исторических канонов династии.

Но задуманная программа полного «офранцузивания» нового императора не дала сбоев. Бао Дай был категоричен в своем решении. «Я беру жену для себя или для династии?» — непривычно грубо для сановников двора спросил он. После этого и Ты Кунг, и члены Регентского совета поняли, что на престоле появился совершенно новый монарх, воспитанный в западных традициях, для которого главное — свои, личные интересы (разумеется, продиктованные французскими властями), а не интересы замшелой, уходящей в прошлое династии Нгуенов.

Свадьба состоялась 20 марта 1934 г. Жениху был тогда 21 год, невесте — 19 лет. Проходила свадьба в несколько напряженной атмосфере, так как выбор жениха поддержал только глава Тайного совета Нгуен Хыу Бай, остальные же, возглавляемые вдовствующей императрицей, открыто выражали свое недовольство. Сам Бао Дай так описывал свои впечатления от свадьбы: «Свадьбу почтили своим присутствием большое число сановников императорского двора и представителей французской администрации. Это было торжество в стиле «модерн», таких свадеб династия Нгуенов еще не знала. Тут же, на свадьбе, я принял решение удостоить свою жену звания Императрицы — раньше это звание жены монархов династии получали только после кончины мужа-императора.»¹⁸

Хотя в своей книге «Дракон Аннама» (1980 г.) Бао Дай уверял, что при выборе невесты им руководила только большая любовь, однако на деле определяющую роль играли отнюдь не чувства двух молодоженов, и тому много свидетельств. То, что свадьба была целиком срежиссирована французами, уже говорилось выше. Но вот интересные оценки бывшего начальника императорской канцелярии Фам Кхак Хоз, который в своей книге воспоминаний, так описывал тайные пружины этой свадьбы:

«В бракосочетании Бао Дая и Тхи Лан конкретные расчеты заметно преобладали над чувствами. Лан выходила замуж за Бао Дая, чтобы стать императрицей. Бао Дая же прельстили огромные богатства семейства Лан. Что касается чувств, то если они и были, то чисто внешне: оба они были молодые и здоровые, увлекались спортом и привыкли жить по канонам Запада. Вместе с тем у них была совершенно разная душевная организация. Бао Дай по натуре был неглубоким человеком, несколько наивным, бесхарактерным, больше любил всякого рода развлечения, нежели властные полномочия императора.

Голос рассудка и здравый смысл были ему не чужды, однако он часто действовал по подсказке извне. Напротив, Нам Фыонг была женщиной скрытной, уравновешенной, глубокой, эмоции у нее никогда не преобладали над разумом, она любила читать и учиться гораздо больше, чем развлекаться, наконец, она очень любила власть и была обуреваема большими политическими амбициями.»¹⁹

Прежде всего, самым страстным желанием Нам Фыонг было родить наследного принца-католика, который мог бы затем занять престол и стать полновластным правителем, и все это благодаря «недюжинным талантам» Нам Фыонг, которая тем самым выполнила бы свой святой долг перед великой матерью-Францией, а также перед Ватиканом, где давно уже лелеяли мечту, чтобы католик стал монархом «великого Аннама». Последнее имело очень важное значение для Нам Фыонг. Дело в том, что, готовя свадьбу Бао Дая, супруги Шарль обратились в Ватикан с просьбой разрешить католичке выйти замуж за буддиста. Однако Папа Пий XI неожиданно ответил отказом. И только в 1939 г., когда после его кончины папскую тиару надел Папа Пий XII, тот пересмотрел решение своего предшественника, благословил брак буддиста и католички, но с одним условием, что все их дети и прежде всего наследный принц, будут крещены в католики, как и их мать. Получив это приятное известие, Нам Фыонг тут же вместе с мужем отплыла в Ватикан, где они лично поблагодарили Папу Пия XII за его «гуманное решение». История сохранила фотодокументы этой необычной аудиенции.

После трех лет брачной жизни Нам Фыонг родила первого ребенка. Ночью 4 января 1936 г. жители императорской столицы слышали звуки салютных залпов, которые означали, что императрица родила. Но посреди глубокой ночи мало кто успел подсчитать количество залпов, чтобы узнать, родился принц или принцесса. Когда наступило утро, праздничные залпы были повторены. И их число вызвало всеобщее ликование: их было семь — значит родился наследный принц. Если бы залпов было девять, то это означало бы, что родилась принцесса. Дело в том, что согласно древним поверьям вьетнамцев, дух мужчины слагается из семи воплощений души, а дух женщины — из девяти.

На следующий день все три части Вьетнама — Тонкин, Аннам и Кохинхина облетела весть, что в Хюэ родился наследный принц, то есть будущий император Вьетнама, которого коронованные родители нарекли именем Бао Лонг. В канцелярию двора посыпались поздравительные телеграммы от высоких французских лиц — генерал-губернатора, верховных резидентов Тонкина и Аннама, губернатора Кохинхины, колониальных министров, профранцузских общественно-политических партий и организаций Вьетнама.

В последующие годы Нам Фыонг родила еще четырех детей:

- принцессу Фыонг Май, 1 апреля 1937 г.;
- принцессу Фыонг Лиен, 3 ноября 1938 г.;
- принцессу Фыонг Зунг, 5 февраля 1942 года.;
- принца Бао Тханг, в 1948 г.

Первые три года совместной жизни молодожены отдыхали и развлекались вместе: на автомобиле «Меркурий» шоколадного цвета, за рулем — сам Бао Дай, они объезжали красивые окрестности Хюэ вдоль реки Ароматной, поднимались в горы к курортному Далату, чтобы подышать прохладным сосновым воздухом, и даже отваживались охотиться в джунглях плато Тэйnguен, возле городов Банметхуот и Баолок. Но после рождения первенца Бао Дай, который уже не мог жить без каждодневных развлечений, стал ездить по знакомым местам один. Особенно его увлекала охота на крупного зверя, которых в джунглях Центрального Вьетнама тогда водилось во множестве. В первые же дни, когда он вернулся на родину, жители одной горной деревни подарили ему двух слонят. Как только они подросли, Бао Дай стал ездить на них в горы на охоту. А к 1944 г. у него уже было целое стадо огромных слонов из 38 голов. О них заботились 40 погонщиков разных национальностей — лаосцы, эдэ, мнонги, вьетнамцы. Слонов так приучили,

что когда необходимости в них не было, их отпускали в джунгли, и они сами искали себе корм. Чтобы чужие охотники ненароком их не подстрелили, им на лбах рисовали специальные знаки, которые были известны всем в округе. Когда же приезжал Бао Дай, погонщики пригоняли слонов обратно, к подножию холма, на вершине которого стоял охотничий домик императора.

(Продолжение следует)

1. Tap chí «Nghien suu lich su» (ж-л «Изучение истории»), № 144, 1972, с. 13–15.
2. “Hoi ky cua Vu Ky. The ky ghi, “Bac Ho viet di chuc» (Воспоминания Ву Ки, записал Тхе Ки, «Дядя Хо пишет Завещание»), Ханой, 2008, с. 58.
3. Hoang Trong Mien, Suu hoang Bao Dai (Хоанг Чонг Миен, Бывший император Бао Дай), Ханой, 2011, С. 29–30.
4. 36 улиц древнего Ханоя — один из главных исторических символов столицы. Это были в старину торговые ряды, поэтому каждая улица до сих пор носит название тех товаров, которые на них изготавливались и продавались — улицы Шелковая, Барабанов, Рыбная и т.п.
5. Цит. по: Евгений Кобелев, Хо Ши Мин, М., 1983, с. 75–76.
6. Ly Nhan Phan Thu Lang, Giai thoi va su that ve Bao Dai, Vua cuoi cung Trieu Nguyen (Ли Нян Фан Тхы Ланг, Мифы и правда о Бао Дае, последнем монархе династии Нгуэнов), г. Хошимин, 2007, с. 30.
7. Хо Ши Мин, Сочинения, Ханой, 1971, с. 245–246.
8. Daniel Grandclement, Bao Dai hay nhung ngay cuoi cung cua vuong quoc An Nam (Даниэль Грандлеман, Бао Дай, или последние дни империи Аннама), Ханой, 2009, с. 20.
9. Там же, с. 26.
10. Все вьетнамцы, работавшие в Коминтерне или учившиеся в его политических учебных заведениях в Москве, как правило, использовали русские фамилии в качестве своей партийной клички.
11. Архив сыскной полиции в Фонтенбло (досье архива «Русские»). Цит. по: Daniel Grandclement, Бао Дай..., с. 27.
12. Там же, С. 23–24.
13. H.L. Graucloade, Nhung thoi ky trong dai cua nuoc VN trong luc hoai xuan (Х.Л. Кроклад, Великие времена Вьетнама в период, когда вернулась весна), Ханой, 1935, с. 39.
14. Ung Trinh, Viet Nam Ngoai giao su (san dai), (Ынг Чинь, История дипломатии Вьетнама (новейшая), Сайгон, 1970, с. 129.
15. Горный курорт на Юге Вьетнама на высоте около 2000 метров, где средняя годовая температура — около 20 градусов.
16. Ly Nhan Phan Thu Lang, Nam Phuong, hoang hau cuoi cung Trieu Nguyen (Ли Нян Фан Тхы Ланг, Нам Фыонг, последняя императрица династии Нгуэнов, г. Хошимин, 2008, с. 45.
17. Ly Nhan Phan Thu Lang, Giai thoi va su that ve Bao Dai..., С. 84.
18. Ly Nhan Phan Thu Lang, Nam Phuong... с. 61.
19. Pham Khac Hoc, Tu trieu dinh Hue den chien khu Viet Bac (Фам Кхак Хоз, От династии Хюэ до военной зоны Вьетбак), Ханой, 1983, С. 93.

Религия

Русские католики в Харбине (20–30-е годы XX века)

© 2012

В. Колупаев

Статья приводит сведения о религиозной жизни русских эмигрантов в Китае. Для административной организации их церковных структур в 1928 г. Ватиканом был создан экзархат с центром в Харбине. В 1948–1949 гг. фактическое существование экзархата прекратилось в связи с арестами духовенства и мирян, оставшиеся на свободе смогли эмигрировать в Австралию и страны Латинской Америки.

Ключевые слова: Маньчжурия, русская эмиграция в Китае, католический экзархат в Харбине, русские католики византийского обряда

В жизни русской эмиграции религия становилась той силой, которая во многом формировала и сохраняла привычные устои жизни, помогала преодолевать невзгоды и трудности. Во всех странах русского рассеяния так или иначе представлены традиционные для России религиозные общины. Русская колония Харбина не являлась в этом отношении исключением. В Китае после 1917 г. продолжала работать Русская Духовная миссия в Пекине, продолжали служить нескольких православных епископов, в местах компактного проживания русских людей развивались религиозные социальные и образовательные структуры. Однако религиозная палитра русского Харбина не ограничивалась православием. Там существовали общины старообрядцев, пятидесятников, адвентистов, баптистов, выходцы из бывшей Российской империи были прихожанами нескольких лютеранских и римско-католических приходов¹. Свою церковь имели армяне; прибывшие из России мусульмане, в основном татары и кавказцы, построили мечеть. Наши соотечественники в Маньчжурии, с одной стороны, оказывались в среде, которая являлась продолжением привычной российской религиозной действительности, с другой — могли свободно наблюдать жизнь христианских миссионеров и функционирование туземных и европейских общин и монашеских конгрегаций. В этой многоконфессиональной среде появилась также группа русских католиков византийского обряда.

Первый их приход в Харбине был посвящен св. князю Владимиру — крестителю Руси. Настоятелем стал протонерей Иоанн Коронин, перешедший в католичество из православия в 1925 г.² Этому событию предшествовало присоединение в 1923 г. к Католической церкви его сына, также бывшего православного протонеря Константина Коронина (1881- 1923). Коронины оказались в Китае в 1922 г., перебравшись туда из Читы.

Записи члена инициативной группы, положившей начало этому приходу, Виктора Власова сообщают, что «5/18 января 1925 г. отец Иоанн отслужил в местном католическом храме латинского обряда первую всенощную, а 6 января Крещенскую литургию — при громадном стечении молящихся католиков и православных... за литургией поминалось имя Вселенского Архиеерея Папы Пия XI, митрополита Андрея (Шептицкого) и Патриарха Тихона»⁴.

Затем в приходе некоторое время служил временный священник, присланный из Пекина, которого сменил присоединенный из православных о. Захарий Ковалев. Известно также, что в мае 1928 г. Православную церковь покинули архимандрит Николай Алексеев и диакон Георгий Гиц⁴. Всех их в общение с Римско-католической церковью принимал апостольский делегат в Китае архиепископ Келси Костантини (Celso Benigno Luigi Costantini)⁵. Дела, связанные с обращением русских, были поручены ведению Комиссии «Pro Russia», которая, изучив имевшиеся материалы, приняла решение об учреждении в Харбине отдельной церковной структуры.

Из русской эмигрантской прессы тех лет мы узнаем о том, что в Харбине «был организован ординариат... с пребыванием курии в Харбине»⁶. Официальный ватиканский статистический ежегодник «Annuario Pontificio» сообщал: «Харбин [20 марта 1928], Китай. Ординариат для русских византийско-славянского обряда и для всех верующих восточного обряда: Монсьеор Фабиан Абрантович, из регулярных клириков марьян; назначен 31 марта 1928). Далее сообщался адрес: Residenza: Harbin, Staro-Harbinskoe ch., 78 (97), Matsia-kou⁷. Позже ординариат был преобразован в экзархат «Esarcato Apostolico»⁸. Латинское слово «ordinarius», употребленное в этом сообщении, в церковно-каноническом смысле в данном случае соответствует греческому слову «hierarcha», которое на русский язык следует переводить как «правлящий иерарх». Экзархат же, согласно Кодексу канонов восточных церквей⁹, содержащему нормы канонического права, общие для всех восточных католических церквей, является первичной формой административного управления, предшествующей учреждению самостоятельной епархии.

Русская паства, встречавшая своего первого предстоятеля, архимандрита Фабиана Абрантовича (1884—1942), состояла лишь из 18 человек¹⁰. О. Фабиан родился в Западной Белоруссии, образование получил в католических духовной семинарии и академии в Санкт-Петербурге, после рукоположения в 1908 г. служил в храме св. Екатерины на Невском проспекте и преподавал в Императорском училище правоведения. С 1912 по 1914 г. он учился на философском факультете Лувенского университета в Бельгии, где защитил докторскую диссертацию на тему «Философские концепции мировоззрения Н.О. Лосского». Вернувшись в Россию, молодой священник включился в общественно-интеллектуальную жизнь Санкт-Петербурга, которая в начале XX в. отличалась большой интенсивностью. Он принимал активное участие в деятельности многочисленных клерикальных и светских национальных организаций, одной из которых было «Христианское демократическое объединение». В мае 1917 г. он был одним из организаторов I съезда белорусских священнослужителей в Минске, в 1918 г. возглавил Минскую католическую духовную семинарию, в 1920 г. переехал на польскую территорию, в г. Пинск. Однако здесь начались трудности. Белорусскому священнику стало трудно работать в польской среде, «его отстранили от профессуры и совершенно не дали возможности работать и даже дышать родным воздухом»¹¹. В 1926 г. Абрантович был вынужден переехать из Польши в Литву и вскоре получил назначение на работу с русскими в Китае. С его прибытием для размещения курии были переданы здание католической миссии, здание колледжа при монастыре сестер урсулинок и приют для девочек сестер францисканок в Старом Харбине¹².

В 1933 г. архимандрит Фабиан был на родине, в Польше, куда приезжал на отдых из Китая. Белорусский церковный журнал «Да злучэння» поместил статью Я. Урбана под названием «Праца для уніі у Манджу-Ді-Го»¹³, там же есть фото, где Абранто-

вич изображен в центре группы духовенства, среди них слева протоиерей Александр Сипягин, справа — князь Александр Волконский¹⁴.

В 1939 г. о. Фабиан вновь был в Европе: в Риме он отчитывался о своей деятельности, а также присутствовал на генеральном капитуле ордена марианов. Вместе с ним из Маньчжурии отправились двое выпускников лицея св. Николая в Харбине, Андрей Катков и Георгий Брянчанинов¹⁵. Осенью 1939 г. Абрантович из Италии направился в Варшаву и далее планировал ехать в Вильно, однако добраться ему удалось только до Новогрудка, где его застало начало Второй мировой войны. Абрантович был вынужден повернуть во Львов. 25 октября 1939 г. на пограничном посту Рава-Русская священник был арестован, на допросе 13 ноября в НКВД ему было предъявлено обвинение в том, что он «прибыл в Польшу из Японии со специальным заданием разведывательного характера под видом миссионера-духовника»¹⁶, к чему позже добавились «шпионаж в пользу Ватикана», связь с антисоветским движением в Польше, Белоруссии, на Украине и в Китае, «проповеди, направленные против коммунизма», «воспитание в католическом духе молодежи, начиная с малолетнего возраста»¹⁷.

После трех месяцев во Львовской тюрьме решением от 11 января 1940 г. о. Фабиан был направлен в Москву для дальнейшего следствия. Принимая из Львова следственное дело № 512 по обвинению в антисоветской работе по заданию Ватикана, руководство 4-го отдела Управления НКВД СССР г. Москвы поставило целью: «...выявить целиком его антисоветскую деятельность за границей, полностью выявить известную ему антисоветскую клиентуру из числа католиков и выявить методы работы Ватикана против СССР»¹⁸. Следствие велось с грубыми процессуальными нарушениями, сроки производства отодвигались. Обвинение было предъявлено 22 мая 1941 г. по статьям 58–4, 58–10, 58–11 и 84 УК РСФСР. Абрантович заявил в ответ на обвинение: «Никакой работы в разведках, как указано в некоторых документах следственного дела, не принимал... к никаким политическим организациям не принадлежал»¹⁹. 23 сентября 1942 г. особым совещанием Коллегии НКВД Фабиан Абрантович был приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. На выписке из протокола Особого совещания есть карандашная пометка следователя — «Карлаг», однако фактически он умер в Бутырской тюрьме в Москве. Решением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 24 декабря 1992 г. за отсутствием в действиях Фабиана Абрантовича состава преступления он был реабилитирован²⁰.

В связи с арестом о. Фабиана Абрантовича на его место из Рима в 1939 г. был направлен архимандрит Андрей Цикото (1891–1952)²¹, до этого трудившийся в Белоруссии; в 1933 г. он был избран на пост генерала ордена марианов. После почти десяти лет работы в Китае, 22 декабря 1948 г. он был арестован китайскими органами общественной безопасности, а утром 25 декабря вместе с четырьмя другими священниками на китайско-советской границе передан в руки НКВД. В мае 1949 г. на закрытом заседании специальной комиссии НКВД в Москве Андрей Цикото был осужден на 25 лет, в ноябре 1949 г. вывезен в Тайшет. Умер он в тюрьме «Озерлага».

В 1929 г. в Харбин был прислан священник Диодор Валерьянович Колпинский²² (1892–1932), уроженец Пскова, выпускник Санкт-Петербургского университета и Григорианского университета в Риме. С 1915 г. он служил vikarием (вторым священником) в храме святого Станислава в Санкт-Петербурге, в 1922 г. эмигрировал, жил в разных европейских странах, с 1927 г. преподавал богословие в Люблине. По прибытии в Харбин он стал первым директором лицея св. Николая, устроенного для обучения детей эмигрантов. С приездом о. Диодора стало заметно оживление в духовной жизни русской колонии, он налаживал отношения с русским обществом и печатью.

В 1931 о. Диодор переехал в Шанхай, должность директора лицея в Харбине с 1931 г. занял иеромонах Иосиф Германович. Ему помогал Павел Константинович Портнягин (1903–1977). Последний родился во Владивостоке, в период гражданской войны

эмигрировал в Китай, в 1924 г. был в Харбине, в течение двух лет путешествовал по Китаю. В 1926 г. он жил в Нижнеудинске, в октябре 1926 г. в Урге встретил Н.К. Рериха, от которого получил приглашение принять участие в Центрально-азиатской экспедиции. Весной 1927 г. в составе экспедиции «Миссии западных буддистов» отправился в Тибет. Сохранился дневник с записями Портнягина, где имеется автограф Н. Рериха. Дневниковые записи П. Портнягина открывают новые страницы истории поисков Н. Рерихом Шамбалы²³. С 1930 г. Портнягин начал работать в Лицее св. Николая, где преподавал русский язык. В 1932 г. он был послан для учебы в Рим, поступил в «Руссикум»²⁴, учился в Григорианском университете. Из-за проблем со здоровьем, вызванных переменой климата (он страдал астмой), Портнягин переехал в Чехословакию, где окончил духовную семинарию в Пряшеве, там же был рукоположен в сан священника восточного обряда. Вернувшись в Маньчжурию, он в декабре 1937 г. приступил к педагогической деятельности в Лицее св. Николая и в Конvente св. Урсулы, преподавал Закон Божий, русский язык и литературу, а после 1945 г. — и диалектический материализм, в 1938–1939 гг. был редактором «Католического вестника». В 1948 г. Портнягина арестовали и препроводили под конвоем в Читу. Постановлением Особого совещания при МГБ СССР 28 сентября 1949 г. он был осужден по ст. 58–4, 11 УК РСФСР (участие в белогвардейской организации) на 25 лет исправительно-трудовых работ, срок отбывал в лагерях Восточной Сибири. Освободившись в ноябре 1956 г. поселился в Самарканде. В сентябре 1959 г., узнав о приезде в СССР Ю. Рериха, Портнягин написал ему письмо, прося о помощи: «К моей ноге по-прежнему приковано невидимое, но осязаемое «ядро каторжника»»²⁵. Определением военного трибунала Забайкальского военного округа от 14 января 1960 г. П.К. Портнягин был реабилитирован.

С осени 1935 г. в Китае служил Владимир Мажонас, выпускник «Руссикума», с 1936 г. он стал редактировать ежемесячник «Католический вестник» в Харбине. Вместе с ним приехал Казимир Найлович²⁶. Последний родился в Лиде в семье отца-католика и матери-православной, стал преподавать в лицее. В 1943 г. он перешел в православие, работал учителем в Харбине, впоследствии был репатрирован в СССР, проживал в Челябинске.

В 1938 г. в Харбин прибыли новые священнослужители — Станислав Багович, Станислав Заремба и Антон (Казимир) Аниськович. В 1940 г. Аниськович уехал во Францию, где записался добровольцем в польскую армию, чтобы воевать против немцев.

В результате деятельности экзархата в 1928–1949 гг. были созданы следующие структуры: Церковное управление, храм св. Владимира, домовый храм в честь Воскресения Христова при Лицее св. Николая, монастырь отцов мариан в Харбине. По состоянию на 1935 г. в клире состояло пять иереев и иеромонахов, один иеродиакон, четверо монахов, четверо послушников, 12 монахинь ордена урсулинок и 14 монахинь ордена францисканок. Сестры-монахини опекали девочек в интернате. Количество мирян исчислялось в 150 человек²⁷. Не будучи замкнутыми в этнических границах людьми, священники-католики видели возможность миссии среди местного населения. «Китайская душа с ее богатой подоплекой весьма близка к христианству... И обряды, и церемонии весьма хорошо подходят к китайскому укладу жизни, ее стилю — только бы не имели места ни малейшее неуважение и ненужная торопливость. Думаю, что наш восточный обряд мог бы иметь в Китае большой успех, при условии, что он согласовался бы только с китайскими мелодикой и стилем»²⁸, — писал один из католических отцов. Однако, безусловно, основное их внимание было направлено на работу в русской колонии.

Местные китайские властные структуры и общественность в целом благосклонно отнеслись к новому учреждению, ценя в первую очередь образовательные и социальные программы, которые пользовались у местного населения большой популярностью.

Католический Лицей св. Николая, открытый в 1929 г., входил в систему русских учебных заведений, контроль над которыми через учебный отдел Департамента народно-

го благополучия пров. Биньцзян осуществляло Министерство народного просвещения, расположенное в столице «империи» Маньчжоу-го г. Синьцзин (совр. Чанчунь). «Лицей пользуется большими симпатиями широких общественных кругов», — отмечал в 1935 г. католический журнал²⁹. Лицей был создан, «чтобы обеспечить христианское образование для мальчиков большого российского эмигрантского сообщества, живущего в Харбине»³⁰.

Предыстория этого учебного заведения такова. В 1929 г. в Трехречьи (часть Манчжурии, примыкающая к советской границе) в результате военных конфликтов оказались сотни детей-сирот. На средства Католической миссии был открыт приют на 40 мальчиков, а девочек распределили по возможности между монастырями сестер урсулинок и францисканок. С 1931 г. Манчжурия подпала под японскую оккупацию, что принесло свои сложности: следствием проводимой японцами экономической политики стал массовый отъезд русских. Политическая и экономическая нестабильность приводили к тому, что не только увеличивалось количество сирот, но и появилось много нуждающихся детей в семьях с низким прожиточным уровнем. О положении русской католической общины, стоящей перед лицом такого рода трудностей, пишет в своей книге о. Иосиф Германович: «Миссия не располагала к этому времени достаточными средствами, тем не менее, была вынуждена основать интернат и школу для бездомных и лишенных средств к существованию детей»³¹.

Учебно-воспитательные заведения, созданные русскими католиками, были открыты для молодежи разных национальностей. «Помимо русских, в школах обучалось также небольшое число детей других национальностей — поляков, литовцев, немцев, армян, китайцев, грузин и прочих»³², — писал один из директоров этого учебного заведения.

Статистика тех лет говорит о том, что с конца 1929 г. по июнь 1930 г. через училище прошло около 60 чел. В 1932 г. при 85 учениках трудилось 15 чел. персонала. В 1933 г. на 94 воспитанника приходилось 19 служащих. В 1934 г. шестой учебный год начали 110 учащихся. Ведомости следующего, 1935 г., показывают 62 воспитанника и 12 чел. преподавательского и воспитательного состава³³. В 1936 г. в лицее обучались 109 воспитанников и работали 23 взрослых сотрудника³⁴.

Учебный процесс организовывался таким образом, чтобы максимально соответствовать образовательным стандартам досоветской России. «Программа окончательно была составлена применительно к программе русской классической гимназии Министерства народного просвещения, но усиленная преподаванием китайского и английского языков, а также с более обширным курсом отечественной истории», — читаем в документах тех лет. «Японский, китайский, английский языки, латынь, греческий и церковнославянский. Обучение религии, музыке и спортивные состязания дополняли программу»³⁵, — вспоминали бывшие ученики.

О том, каким образом была организована педагогическая часть лицея, можно судить по дошедшим до нас документальным свидетельствам. Успешному решению вопросов педагогического плана «в первую очередь способствовал удачный подбор педагогов, работающих жертвенно, несмотря на ничтожность получаемого ими содержания, которое и то приходится часто, за недостатком средств, задерживать»³⁶. «Лицей стоит в учебном отношении достаточно высоко, а постоянный приток учащихся со стороны объясняется также постановкой воспитания в христианском и патриотическом духе, имеющем целью выработки из воспитанников сознательных и твердых христиан и истинных патриотов своей Родины, лишенных однако чувства расовой или национальной ненависти и шовинизма»³⁷, — писал секретарь лицея в годовом отчете.

С 1935 г. начал функционировать исторический кружок, «поставивший себе целью изучение и популяризацию вопросов истории народов, философии, культуры, искусства и права»³⁸. Образцами его работы служат доклады на такие темы, как «Внешняя политика Москвы в XV веке», «История Английского парламента» и т.п.³⁹ В сотрудничестве

стве с историческим кружком католического лицея был подготовлен доклад харбинского старообрядческого протонерея, что выглядит как весьма позитивный пример интереса к межконфессиональному диалогу⁴⁰.

К 1936 г. относится создание богословско-философского кружка⁴¹. В том же году в программу преподавания была включена такая дисциплина, как социология. Это было сделано с тем, «дабы дать в руки молодежи оружие против социалистической и коммунистической пропаганды»⁴². Также были «введены курсы обществоведения и политической экономии, дающие возможность воспитанникам... критически относиться ко всякой разрушительной пропаганде»⁴³, — читаем в «Католическом вестнике» за 1936 г.

Поощрялся творческий подход к работе. Педагогический персонал отличался профессионализмом и новаторством. Например, преподаватель рисования и черчения художник А.Н. Клементьев сделал для педагогического состава доклад на тему «Рисование и педагогика», в котором провел психолого-педагогический анализ рисунков в соответствии с определенными ступенями развития детей. Подобные доклады делались по инициативе директора о. Иосифа⁴⁴.

Для учебных целей были созданы физико-химический, географический и естественнонаучный кабинеты, приобретены кинематографический аппарат и радиоприемник. Любознательная молодежь занималась на специально организованных курсах радиотехники и электротехники.

В 1934 г. при лицее была открыта обсерватория. Занятия в обсерватории проводили не только для учащихся лицея, ее двери были открыты также для детей из других школ города⁴⁵. Позже она была открыта и для широкой публики, а при обсерватории начал функционировать кружок под руководством проф. Э.Э. Анерта.

Кружок любителей астрономии устраивал регулярные собрания, помимо этого организовывались специальные доклады, к которым широкая общественность Харбина проявляла большой интерес. Так, преподаватель В.А. Садиков сделал публичное выступление на тему: «Жюль Верн и его астрономические романы», а 19 января 1935 г. «кружок организовал наблюдение полного лунного затмения. Инженером В.Ф. Свенцицким любезно были предоставлены приборы для наблюдений»⁴⁶.

Предметом гордости учеников и сотрудников лицея была библиотека, книжное собрание которой насчитывало более 5000 томов на различных языках. В организации каталога и размещении библиотечного фонда была применена десятичная классификация — последнее достижение библиотечной науки того времени.

Помимо лицея библиотека обслуживала колледж сестер урсулинок и францисканок. Несмотря на закрытый характер библиотеки, администрация лицея не отказывала представителям русскоязычной и иностранной общественности города в пользовании книгами.

В лицее проводились благотворительные спектакли с целью сбора средств в пользу сирот и бедных воспитанников. Например, один из концертов, устроенный 18 февраля 1935 г., начинался с весьма патриотического произведения — «Коль славен» из оперы «Жизнь за царя». Далее публике предлагалась комедия Фонвизина «Недоросль». Присутствовали генералы и другие представители русской общественности. В печати появилось следующее замечание: «Вечер в посетившей его публике оставил приятное удовлетворение, воочию доказав, насколько высоко поставлены в лицее патриотическое и христианское воспитание подрастающего русского молодого поколения. В материальном отношении он дал также достаточный сбор, предназначенный для пополнения фонда на содержание сирот и недостаточных учащихся лицея»⁴⁷.

Старые русские праздники, имевшие церковное и общественное значение, не забывались эмигрантами, к этим дням добавились и самобытные, своим происхождением обязанные жизни собственно в диаспоре. Так, всезарубежный «День русской культуры» отмечала и русская католическая община в Китае. В этот день, 6 июня, проходили специ-

альные богослужения, затем публичные праздничные мероприятия. Эстрадные концерты, сценические постановки служили средством вспомнить лучшие достижения русской культуры и искусства. По словам одного из педагогов лицея, такая активность — не «только вернейшее средство для охраны молодежи от дурного влияния улицы. С этим родом педагогической деятельности в широком смысле слова... связывается светлая надежда: пробудить у наших детей дарованный им от природы, но до поры до времени дремлющий вкус к вечно прекрасному; развить и укрепить их национальное чувство, превратить занятия в школе родным языком в любимый, радостный и, значит, наиболее продуктивный труд и, вместе с тем, оберечь чистоту родной речи молодого поколения, вынужденного воспитываться за рубежом Родины, среди опасностей национального обезличения»⁴⁸.

При лицее действовала дружина, организованная по типу скаутской. Вопросы здоровья и физического воспитания постоянно находились в центре внимания администрации и педагогического персонала⁴⁹. «Для улучшения санитарного состояния Лицея и наблюдения за здоровьем воспитанников с начала настоящего года лицейским врачом приглашен популярный в Харбине врач по внутренним и детским болезням Н.Н. Успенский»⁵⁰, — писал «Католический вестник» в 1936 г.

Начиная с 1931 г. воспитанников из города отправляли на летний отдых. Часть из них размещалась на даче, устроенной близ станции Ашихэ, недалеко от Харбина, другую часть принял у себя в усадьбе генерал Д.Л. Хорват в Старом Харбине. В 1933 г. для детского летнего отдыха была приобретена специальная усадьба в поселке Чинхэ.

В эмиграции продолжилась русская традиция празднования Татьянинного дня. «В тесной дружеской обстановке педагоги вспоминали прежние дни своей молодости в России и традиции студенческой Татьяны. Соло и хором пелись «gaudeamus», студенческие и народные песни. Празднование это скрасило наши серые будни на чужбине и заставило перенестись в прошлое, оторвавшись от нынешней эмигрантской жизни»⁵¹, — писал член русской католической общины в 1936 г.

Особый оттенок носило общее празднование Нового года. По русской традиции отмечали его по старому стилю, по юлианскому календарю. Обычно возглавлял праздник директор Лицея иеромонах Иосиф Германович, в праздновании участвовали преподаватели с семьями. Вечером 31 декабря проходил совместный ужин, после которого шли импровизированные выступления. В полночь в лицейском храме служили Новогодний молебен. Потом до двух часов ночи продолжались танцы⁵².

Один из соотечественников писал в 1932 г. с Дальнего Востока в Париж: «Жизнь русской эмиграции в Харбине и в Шанхае сложилась иначе, чем на Западе... многое из духовного наследия Запада им недоступно... культурный их уровень ниже, чем в русском Париже и Берлине. Зато на их стороне преимущества более активной, волевой жизни, обусловленной тем, что они не являются в Китае беженским, случайным элементом, но пионерами русской культуры, завоевавшими ценой многих жертв и усилий определенное и весьма почетное положение. Русское население китайского Дальнего Востока не поглощается местным: благодаря высокому уровню русской цивилизации ему легко отстаивать свою самобытность. Мы живем на Востоке. Мы держим направление на Россию»⁵³.

1. Так, в католическом костеле св. Станислава служил о. Владислав Островский, в костеле св. Иосафата — о. Антоний Лещевич. Сведения присланы автору 15.02.05 С.С. Левовшко со ссылкой на документ: Описание культовых построек в Харбине // Государственный архив Хабаровского края. Ф. 1. Оп. 2. Д. 29. Л. 43; Ф. 831. Оп. 2. Д. 29. Л. 36–62.
2. См.: *Tretjakewitsch L. Bishop Michel d'Herbigny sj and Russia. Augustinus-Verlag Würzburg. 1990. P. 168–254; Биография прогоняемого К.И. Кронина. Б.м., б.г.; Власов ф-Вальденберг В. Краткий*

- очерк развития католического движения на Дальнем Востоке (1925–1935) // Католич. вестн. Харбин. 1935. № 1; *Германович И.* Китай, Сибирь, Москва: пер. с белорус. Мельбурн, 1997. С. 12–13; *Калтинский Д.* Русское католичество на Дальнем Востоке // Китеж. 1931. № 1; *Николаев К.* Восточный обряд. Париж: ИМКА. 1950: Протонерей Иоанн и протонерей Константин Коронины — русские католические священники византийского обряда // Сибирская католическая газета. Новосибирск. 2004. № 10. С. 10–11; № 11. С. 15–17, 22; см. также: URL: <http://vselenskiy.narod.ru/coron.htm>.
3. Биография протонерея К.И. Кронина. С. 5.
 4. См.: *Калтинский Д.* Указ. соч. С. 33.; *Германович И.* Указ. соч. С. 13.
 5. Celso Cardinal Costantini (1876–1958), священник с 1899 г., с 1921 г. епископ, в 1922–1931 гг. апостольский делегат в Пекине. В 1923 г. предпринял попытку визита в Сибирь, посетил Харбин, встречался с православной иерархией, изучал положение русских эмигрантов в Маньчжурин, с 1935 г. — секретарь Конгрегации распространения веры (Propagation of the Faith), издал на русском языке книгу М. д'Эрбиньи «Единство во Христе», с 1953 г. кардинал.
 6. *Николаев К.* Указ. соч. С. 211.
 7. Annuario Pontificio. Citta del Vaticano, 1933. P. 523.
 8. Annuario Pontificio. 1996. P. 1155.
 9. Codex canonum ecclesiarum orientalium.
 10. <http://www.byzcath.ru/library/books/96/>
 11. *Германович И.* Указ. соч. С. 168–169.
 12. *Власов ф-Вальденберг В.* Указ. соч. С. 5.
 13. *Урбан Я.* Указ. соч. С. 6–12.
 14. См.: Да злучэння. 1933. № 5; К Соединению. 1934. № 9–10. С. 17. О. Александр Сипягин (1875–1941) — профессор Харьковского университета, депутат первой Государственной думы, с 1909 г. — католический священник, с 1920 г. в эмиграции. Волконский Александр Михайлович (1866–1934) — полковник, военный агент в Риме с 1908 г., дипломат, публицист, с 1930 г. — католический священник, сотрудник комиссии «Pro Russia», профессор Папского Восточного института.
 15. Семья Катковых приехала в Харбин в 1920 г. из Иркутска. А. Катков (1916–1995) с 1958 г. — епископ, окормлял русских католиков в эмиграции. Г. Брянчанинов родился в 1919 г. в Благовещенске. с 1957 г. проживает в Австралии.
 16. *Осипова И.И.* В язвах своих сокрой меня. М.: Серебряные нити, 1996. С. 105–106.
 17. Там же. С. 106.
 18. URL: <http://www.catholicmartyrs.ru/ru/persons/abrantowicz/article.html>.
 19. *Осипова И.* Указ. соч. С. 107.
 20. URL: <http://www.catholicmartyrs.ru/ru/persons/abrantowicz/article.html>.
 21. *Хильманович У.* Крыж для ушанавання памяці Архімандрыта Андрэя Цікоты // Царква. 2003. № 4; Архив Католического университета Люблина (Польша). Дело «Цикото Андрей, архимандрит».
 22. Соч. о. Диодора Колпинского см.: Китеж. 1928. № 1–2, 3–4, 5–6; 1929. № 4–8; *Его же.* Русское католичество на Дальнем Востоке // Китеж. 1931. № 1; Письма о. Диодора Колпинского митрополиту Евлогию (Георгиевскому) см.: ГАРФ. Фонд митрополита Евлогия. Р-5919. Оп. 1. Д. 69. С. 21–24 (6 писем). О нем см.: *Tretjakewitsch L.* P. 56, 171, 181, 188; Благовест. 1930. № 1. С. 163; № 3. С. 147; *Василий, диакон ЧСВ.* Леонид Федоров. Рим, 1966; Истина и жизнь. 1993. № 6.; *Евлогий Георгиевский, митр.* Путь моей жизни. М., 1994. С. 529; Католич. вестн. 1935. № 3; *Пурин А.* Венок на могилу отца Диодора Колпинского, 1892–1932: Некролог // Парус. Шанхай. 1932. № 10. С. 126–127; *Парфентьев П.* С терпением мы должны нести крест свой. СПб: Керигма, 2004. С. 256–257.
 23. Соч.: *П.К.П. (Портнягин).* Мысли Св. Терезии Малой. Харбин: Католич. вестн, 1939. 76 с.; Современный Тибет: Миссия Николая Рериха: Экспедиционный дневник П.К. Портнягина (1927–1928) // Армеварта. 1998. № 2. С. 11–116. О П.К. Портнягине см.: *Пешикова Л. В.* Павел Константинович Портнягин: Несколько слов о судьбе харбинского священника, участника Тибетской экспедиции // Ариаварта. 1998. № 2. С. 107–114; *Васильков М.* Люди и судьбы: Биобиблиогр. словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период 1917–1991. СПб.: Петербург. востоковедение, 2003; St. Ursula Russian Catholic Missian Colledge, 1929.

- Harbin; China; Australia, 1998. P. 16, 59–60; *Тюши М.* Духовно-нравственные издания г. Харбина: Библиогр. очерк // *Хлеб Небесный*. Харбин. 1940. № 11. С. 35–36.
24. «Руссикум» (Pontificium Collegium Russicum) — специальное учебное заведение в Риме, созданное в 1929 г. для подготовки католических священников с целью миссии в СССР и других государствах Восточной Европы.
 25. Современный Тибет: Миссия Николая Рериха: Экспедиционный дневник П.К. Портнягина (1927–1928) // *Армеварта*. 1998. № 2. С. 101.
 26. См.: *Голованов С.* Архивная работа // *Католич. вестн.* 1935. № 7–8. Текст предоставлен автором (С. Головановым) на электронном носителе (CD).
 27. См.: *Католич. вестн.* 1935. № 1.
 28. *Германович И.* Указ. соч. С. 3–4.
 29. *Католич. вестн.* 1935. № 3. С. 68.
 30. URL: <http://www.stmichaelruscath.org/outbound/parishes/lyceum.php>.
 31. *Германович И.* Указ. соч. С. 15–16.
 32. Там же. С. 16.
 33. См.: *Католич. вестн.* 1935. № 3. С. 66.
 34. См.: Там же. 1936. № 6–7. С. 164.
 35. *Католич. вестн.* 1935. № 3. С. 67.
 36. *Колтинский Д.* Русское католичество... С. 36.
 37. *Власов В.В.* Отчет // *Католич. вестн.* 1935. № 3. С. 68.
 38. *Католич. вестн.* 1935. № 6. С. 139.
 39. Там же.
 40. Старообрядчество и новообрядчество в Русской церкви // *Католич. вестн.* 1936. № 9–10. С. 143.
 41. См.: *Католич. вестн.* 1936. № 9–10.
 42. Там же. 1936. № 6–7. С. 164.
 43. Там же.
 44. Там же. 1935. № 3. С. 72.
 45. См.: Там же. 1935. № 4–5.
 46. Там же. 1935. № 1. С. 24.
 47. Там же. 1935. № 2. С. 48.
 48. *Владимирский И.А.* Вступительное слово преподавателя словесности в Лицее, 18 февр. 1935 г. // *Католич. вестн.* 1935. № 3. С. 70.
 49. См.: *Католич. вестн.* 1935. № 3.
 50. Там же. 1936. № 11. С. 270–271.
 51. Там же. 1936. № 1. С. 24.
 52. См.: Там же. 1935. № 1.
 53. *Голенищев-Кутузов Н.* Русская литература на Дальнем Востоке // *Возрождение*. Париж. 1932. 21 янв. С. 3.

Культура

Судьба *вэньяня* после Синьхайской революции

© 2012

Е. Кондратьева

Работа посвящена истории взаимодействия *вэньяня* и *байхуа* на протяжении длительного исторического периода. Особое внимание уделено распространению *байхуа* после Синьхайской революции и «Движения 4 мая».

Ключевые слова: *вэньянь*, *байхуа*, «Движение 4 мая», движение *фугу*, письменный язык

Взаимодействие и взаимовлияние *вэньяня* и *байхуа* имеет долгую историю. Элементы письменного языка, который был основан на разговорной речи своего времени и впоследствии получил название *байхуа*, начали проникать в художественную литературу уже в Средние века. Этот процесс коснулся в той или иной мере многих литературных форм, начиная с танских новелл и заканчивая романами эпох Мин и Цин. Существовала литература, практически полностью написанная на *байхуа*, например, городская повесть *хуабэнь*, некоторые романы и драматические произведения отдельных жанров¹. Первые газеты на *байхуа* начали выходить еще в конце XIX в. Тем не менее, *вэньянь*, воспронизводивший лексические и грамматические особенности древнекитайских текстов, являлся со времени своего фактического формирования (около X в.) единственным языком политики, администрации, официального общения, делопроизводства и образования.

Переломными моментами послужили Синьхайская революция 1911 г. и «движение 4 мая» 1919 г., которое в свою очередь вызвало к жизни массовое «движение за разговорный язык *байхуа*» (*байхуавэнь юньдун*), призванный заменить *вэньянь* во всех областях жизни. Различные аспекты «движения 4 мая» уже становились объектом исследования российских синологов². Целью данной работы является освещение дискуссии противников и сторонников *вэньяня* в период конца 10-х — середины 30-х гг. Анализ точки зрения его сторонников является тем более актуальной, что в настоящее время наблюдается возрождение интереса к *вэньяню*³, его элементы широко используются в китайских текстах публицистического, делового и научного стиля⁴.

В период после Синьхайской революции и «движения 4 мая», на фоне политических междоусобиц и хаоса, революционно настроенная интеллигенция набросилась с критикой на традиционную культуру, прежде всего, на конфуцианство. Как отмечает Е.А. Торчинов, затрагивая философские составляющие и идеологические тенденции этого

времени⁵, весьма частыми были проявления нигилизма и резких нападков на «феодалное» наследие, частью которого считался и *вэньянь*. Это не могло не вызвать противодействия, что привело в конечном итоге к формированию новой китайской философии, известной как постконфуцианство, или просто современное конфуцианство⁶. Говоря о личностях — приверженцах более традиционного крыла, вслед за Е.А. Торчиновым мы можем отметить деятельность Ван Говэя (1877–1927). Он занимался проблемами древней истории и историей китайского театра, выступил одним из первых дешифровщиков иньских надписей на гадательных костях, известен своими работами по эстетике. В целом же, изучение древности на тот момент не вызывало энтузиазма у большинства реформаторов.

В этот период большую роль играл основанный в 1915 г. журнал «Синь циньянь» («Новая молодежь»), в котором печатались рассказы, публицистика и статьи авторов, занимавших революционные позиции. В январе 1917 г. в нем была опубликована статья профессора Ху Ши (1891–1962) «Наброски относительно реформы литературы», что послужило толчком для развития дискуссий о роли и сущности литературного творчества и ознаменовало начало «литературной революции» (*вэньсюэ гэмин*). Ху Ши сформулировал «восемь нет» новой китайской литературы (*бабуцжэу*): не отрывать рассуждения от чувств и идей; не подражать древности; не нарушать грамматических правил; не стонать, если не болен; не злоупотреблять пословицами; не пользоваться классическими изречениями и избитыми фразами; не стараться соблюдать симметрию; не стесняться в употреблении простонародных изречений и фраз. Немалую роль сыграли работы радикально настроенного главного редактора «Синь циньянь» Чэнь Дусю (1879–1942) и его статья «О литературной революции» (1917). Он выдвинул три принципа (*саньдачжэу*) создания литературы общенародной (*гоминь*), реалистичной (взамен цитат из классики) и социальной.

Еще в 1916 г. Ху Ши, в свое время обучавшийся в США, писал своим американским друзьям, что решил более не создавать стихов на классическом языке и начать свои эксперименты в слоении стихов на простонародном языке. В 1920 г. вышел его первый поэтический сборник «Опыты» («Чанши цзи») на *байхуа*. Влияние Запада на молодых литераторов было очевидным, тем более, что многие из них прошли обучение за границей. В новой поэзии, таким образом, господствовал свободный стих, хотя некоторые молодые поэты оставались сторонниками правильного, регулярного стиха. Традиционные формы также продолжали жить в произведениях литераторов старшего поколения. Общеизвестным, например, является тот факт, что Мао Цзэдун продолжал писать на *вэньяне*. Что касается театра, то период после «4 мая» известен переходом от классической музыкальной драмы к разговорной (*хуацзюй*). Ставили западные и русские пьесы в переводах на *байхуа* (Толстого, Шекспира, Ибсена, Гоголя, Островского). Из новых драматургов можно выделить Тянь Ханя (1898–1968) — писателя, переводчика и театрального режиссера⁷.

Из прозаиков, конечно же, самым известным был Лу Синь. В его рассказе «Дневник сумасшедшего» (1918), опубликованном в том же «Синь циньянь», определены основные черты новейшей китайской литературы: демократичность идеалов, отрицание старого мира, общедоступность языка. Сам рассказ явился первым опытом создания произведения новой литературы в прозе. Лу Синь пропагандировал развитие «малых форм» на *байхуа* (т.е. рассказа, повести), которые и превалировали в китайской художественной прозе до конца 20-х годов⁸. В этом жанре писали Е Шэнтао (1894–1988), Ван Тунчжао (1897–1957), Бин Синь (настоящее имя — Се Ваньин; 1900–1999) и многие другие. В 30-е годы романы Ба Цзиня, Лао Шэ, Мао Дуня довершили формирование новой литературы, тогда же завершилось формирование нового литературного языка⁹.

В период после «движения 4 мая» образуется множество литературных обществ разной направленности («Общество изучения литературы», общество «Творчество» и

др.). Переводческая деятельность новых писателей играла огромную роль, на общепонятный язык «переводилась» также китайская классическая литература. Лу Синь был одним из тех, кто ратовал за переложение классики на *байхуа*, т.е. общедоступный для народа язык. Говоря о языке, на котором творили новые писатели, следует отметить, что первоначально он грешил либо архаизмами, либо излишней европеизацией. С одной стороны, в произведениях новых мастеров слова этого периода повсеместно проникали элементы грамматики и синтаксические модели европейских языков¹⁰, с другой, эти же тексты изобиловали взъяданиями. А. М. Котов, например, отмечает: «Как бы нетерпимо ни относились к *вэньяню* некоторые литераторы, без его языкового богатства оказалось невозможным обойтись (достаточно хотя бы сравнить общие теоретические установки Лу Синя и фактически используемый в его произведениях язык)»¹¹. С января 1918 г. журнал «Новая молодежь» выходил на *байхуа* с использованием новых знаков препинания. Вслед за ним другие периодические издания, газеты и журналы, также начали печатать статьи на «общедоступном языке». Сначала это коснулось приложений, аннотаций, передовиц, а затем уже и изданий в целом. Однако еще долгое время *вэньянь* не сдавал своих позиций в публицистике. Об этом говорил, в частности, Ху Ши, в своей статье о необходимости полного перехода на *байхуа*, опубликованной в «Да гунбао» уже в 1934 г.¹² Он писал, что на тот момент лишь небольшой процент печатных изданий выходил полностью на *байхуа*. Здесь следует отметить, что если мы обратимся к современной китайской прессе, то обнаружим и в ней огромное количество взъяданий. Причем число их год от года, как представляется, не уменьшается, а растет¹³.

Говоря об истории *вэньяня* и *байхуа* в первые десятилетия XX в. нельзя не рассказать о противниках реформы и сторонниках сохранения *вэньяня* в качестве литературного языка. В конце 1910-х гг. в Китае в пику преобразованиям возникает движение *фугу* («движение за возврат к древности») против новой литературы. Одним из его ярких представителей был известный переводчик, литератор, автор работ по теории литературы и живописи Линь Шу (Линь Циньнань; 1852–1924). Наряду с Янь Фу (1853–1921), который переводил научную литературу на *вэньянь*, Линь Шу, будучи противником введения разговорного языка в литературу, делал переводы-пересказы иностранной художественной литературы на *вэньянь*. В общей сложности он переработал около ста восьмидесяти литературных произведений с разных языков, и так как сам знал их не очень хорошо, прибегал к помощи посредников. Линь Шу первым открыл для китайского читателя произведения Шекспира, Диккенса, Гюго, Бальзака, Дюма, а также Свифта и Конан Дойля и других авторов, однако в связи с идеологической составляющей был забыт практически на 60 лет и лишь недавно интерес к нему возродился. Переводы его были переизданы в середине 80-х, правда, уже в переложении на *байхуа*¹⁴.

Сунь Юйши, известный исследователь творчества Лу Синя и периода после «движения 4 мая», выделяет три основных этапа в борьбе старых и новых идей¹⁵. Первой ласточкой явилась статья Линь Шу, опубликованная в основном в ответ на работу Ху Ши «Наброски относительно реформы литературы» «О том, что *гувэнь* не должен исчезнуть» («Лунь гувэнь чжи бу дан фэй», 1917). В начале 1918 г. в «Синь циньнань» опубликована работа одного из студенческих лидеров «движения 4 мая» в Пекинском университете (в будущем известного историка и исследователя древнекитайской литературы) Фу Синяня (1896–1950) о «литературной революции» «*Вэньсюэ гайгэ синь изъны*», где впервые была дана развернутая критика *гувэня* «гунчэнской школы» — канонической и литературоведческой группировки, представлявшей господствующее направление традиционной китайской эстетической мысли в XVIII—XIX вв.¹⁶ Кроме того, в ответ на статью Линь Шу в марте того же 1918 г. были опубликованы письмо Цянь Сюаньтуна (1887–1939) редакторам «Синь циньнань» и «Письмо-ответ Ван Цзинсюаню» (Ван Цзинсюань — псевдоним Цянь Сюаньтуна. — Е. К.) Лю Баньнуна (1891–1934), известные как

«Два письма» (*шуйанхуансинь*). В них проводилась острая критика *вэньяня* и движения *фузу*, а также самого Линь Шу и его переводческой деятельности¹⁷.

На следующем этапе, который явился периодом пика борьбы, в 1919 г. Чэнь Ши и группой писателей-активистов *фузу* было основано издание «Вэньи цунбао» («Альманах по литературе и искусству»), направленное против распространения *байхуа*, а также европеизации и американизации языка. Линь Шу в апреле напечатал там статью о взаимодействии *байхуа* и *вэньяня* «Лунь гувэнь байхуа чжи сянь сяочжан», в которой говорилось, что *байхуа* должен брать за основу *вэньянь*¹⁸. В феврале того же 1919 г. Линь Шу опубликовал повесть «Цзиншэн», где называл *байхуа* «дикой речью, вредящей *ли* (т. е. высшим принципам)». Во втором рассказе «Странный сон» («Яомэн»; 1919) Линь Шу также в аллегорической форме раскритиковал писателей «Синь циннянь». Содержание его видится еще более гротескным. В рассказе присутствуют три персонажа — директор школы и его помощники, которые символизируют соответственно Цай Юаньпэя (ректора Пекинского университета. — Е. К.), Чэнь Дусю и Ху Ши. Герой входит в учебный зал (*байхуа цзяотан*) и видит дверь в «зал убитого Конфуция» (*би кун тан*), над которой написано: «Дикие птицы и звери поистине свободны, зачем нужны законы морали. Гуманность и справедливость такие дурные вещи, надо их уничтожить до основания!» («*Цинь шоу чжэнь цзыю, яо чжэ лунь чан хэ юн. Жэнь и тай хуай ши, суй цун гэньбэнь дасяо*»). В конце рассказа появляется мифическое существо и пожирает трех героев, олицетворяющих деятелей «Синь циннянь».

В то же самое время, что и Линь Шу, писатели — участники движения *вэньсюаньпай*, которое входило в движение *фузу*, во главе с Лю Шипэем (1884–1919) основали ежемесячное издание «Го гу» («Национальная культура») в пику движению за новую литературу. Новые писатели отвечали им на страницах «Синь циннянь», а также журналов «Синь чао» («Новая волна»; 1919–1922) и «Мэйчжоу пинлунь» («Еженедельное обозрение»; 1918–1919). Ли Дачжао в работе «Ожесточенная борьба старых и новых идей», Чэнь Дусю в статье «Патефон Линь Шу», Лу Синь в работе «Что необходимо, чтобы быть отцом сегодня» и другие противостояли движению *фузу*¹⁹. Лу Синь говорил, что сторонники *фузу* пытаются цепляться за прошлое, называл их «убийцами настоящего и будущего». Полемика была острой, порой дело доходило до взаимных личных нападок на страницах печати. Эта борьба способствовала поступательному развитию *байхуа*. Как отмечал Ху Ши, в течение 1919 г. появилось по меньшей мере 400 новых печатных изданий на общедоступном языке²⁰.

После 1921 г. «движение за новую литературу» отделилось от общего движения за новую культуру и движение *фузу* также несколько изменило тактику. Третий этап связан с движением *сюэхэнтай* и журналом «Сюз хэн» («Критическое обозрение»), основанным в январе 1922 г. Его идейными вдохновителями были вернувшиеся из-за границы профессора нанкинского Юго-восточного университета Мэй Гуанди (1890–1945), Ху Сяньсу (1894–1968), У Ми (1894–1978). В журнале печатались статьи с критикой распространения марксизма, новой литературы и *байхуа* с опорой на западные идеи нового гуманизма. Журнал «Сюз хэн» просуществовал с перерывами до 1933 г., выдержав в общей сложности 79 выпусков²¹. В Юго-восточном университете мало кто писал на *байхуа* как прозу, так и стихи. В 1921 г. в газете «Наньгао Дуннань дасюэ жикань» был брошен клич изучения и возрождения старых форм стихов. Процесс затронул и студентов. В нескольких университетских изданиях были отдельные колонки, где печатались поэтические произведения старого образца. Эта деятельность вызвала противодействие со стороны новых литераторов, в частности Чжэн Чжэньдо (1898–1958) и Е Шэнтао, которые в своих полемических статьях, опубликованных в основном в «Вэньсюэ сюнькань» («Литературном декадном издании»), критиковали движение *сюэхэн*. Участники группы *сюэхэн*, в свою очередь, выступали против новой «литературной революции», новых форм

стихосложения. в частности, критике с их стороны подверглись сборник «Опыты» Ху Ши и его восемь принципов новой литературы²².

Вслед за этим, в 1925 г., министр юстиции бэйянской армии и по совместительству министр образования Чжан Шичжао (1881–1973) основал в Пекине журнал на *вэньяне* «Цзя инь», проправительственное издание²³, в котором он выступал против движения за новую литературу, европеизации языка и распространения *байхуа*, поддерживал конфуцианские идеи и ратовал за почитание древних канонов. Но все попытки противодействия уже не могли остановить быстрое распространение *байхуа* и новой литературы в Китае.

Однако, быстро завоевав лидирующие позиции в области художественной литературы, *вэньянь* по-прежнему господствовал в таких областях, как юриспруденция, официальные правительственные документы и отчасти образование. После принятия ряда постановлений, обучение в младшей школе в 1920-е гг. перешло преимущественно на *байхуа*, однако *вэньянь* еще долго продолжал занимать сильные позиции в университетах и средних школах.

Тем не менее, в 1934 г. вновь началось движение за *вэньянь* в младшей и средней школе, толчком для которого послужили некоторые публикации в гоминьдановской прессе против *байхуа*, за возрождение обучения на *вэньяне*. Речь шла даже об изучении древних канонов на первых годах обучения. Весной 1934 г. директор средней школы из г. Сучжоу Ван Маоцзу в еженедельнике «Шидай гунлунь» («Общественный взгляд на эпоху») опубликовал статью о запрете на изучение *вэньяня* и навязывании чтения канонов («Цзинь си вэньянь юй цян лин ду цзин») ²⁴. В ней он критиковал новую культурную революцию, говорил о необходимости обучения *вэньяню* в младшей школе и чтении Мэнцзы в начальной средней школе. Ван также писал, что *вэньянь* постепенно исчезает из школьной программы, и вместе с ним могут кануть в лету народные традиции. Ему ответил У Яньинь, один из чиновников Министерства образования гоминьдановского правительства. Суть ответа состояла в том, что в младшей школе нельзя вводить *вэньянь*, а в начальной средней школе следует выборочно читать лишь Мэнцзы.

Вышеозначенный дискурс носил имя «*дуцзин чжи чжэн*» («спор о чтении канонов») ²⁵. Сначала он касался только школьного образования, затем принял более обширные формы, что не могло не вызвать реакции со стороны прогрессивно настроенных левых кругов. Дискуссии развернулись на страницах приложения к газете «Шэньбао» — «Цзыю тань» («Свободные рассуждения»), издании, которое было основано в 1931 г., а несколько позже также в приложениях к «Чжунхуа жибао», «Дамэй ваньбао», в «Шэхуй цзачжи», «Вэньсюэ цзачжи» и других популярных газетах и журналах. В результате возникло движение *дачжуньюй юньдун* («движение за язык для масс»). Начавшись в Шанхае, оно быстро приобрело всекитайский масштаб, длилось несколько месяцев, всего было опубликовано около 300 статей. Говорилось о необходимости продвижения письменного *байхуа* в массы, о возможности введения алфавита вместо иероглифики. Лу Синь и Мао Дунь поддерживали это движение. Впоследствии Мао Дунь сам признавал, что в пылу энтузиазма писатели левого крыла недооценивали сложность перехода от иероглифов к алфавиту в стране с такими древними иероглифическими традициями, как Китай ²⁶. Таким образом, движение за реформу языка плавно перешло в движение за реформу письменности.

Обобщая вышеизложенное, мы можем сказать, что переход от *вэньяня* к *байхуа* отнюдь не был простым, а напротив, был полон различных перипетий. Тем не менее, к середине XX в. *байхуа* практически полностью вытеснил *вэньянь* в сфере письменного общения, но элементы *вэньяня* по-прежнему широко представлены в китайских текстах, в том числе публицистического, научного, делового стиля, что стало особенно заметным в последние десятилетия.

1. См. об этом, например: *Зограф И.Т.* История изолирующего языка с иероглифической письменностью: Методы изучения. М., 2011. С. 20–21; *Воскресенский Д.Н.* Повествовательная проза на языке байхуа // *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. 2006. [Т. 3:] Литература. Язык и письменность.* М., 2008. С. 93–109.
2. См. об этом, в частности: *Движение 4 мая 1919 года в Китае: сбю ст. М., 1971; Китайская культура 20-х —40-х гг. и современность.* М., 1993.
3. См.: *Завьялова О.И.* «Второе дыхание» письменного языка вэньянь // *Большой мир китайского языка.* М., 2010; *Завьялова О.И.* Итоги языковых реформ и традиционная культура в КНР // 60 лет КНР: Тез. докл. XVIII науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Ч. 1. М., 2009.
4. См.: *Никитина Т.Н.* Грамматика китайского публицистического текста. СПб., 2007; *Лемешко Ю.Г.* Язык китайского публицистического текста (синтаксические и стилистические особенности): Дисс... канд. филол. наук. СПб., 2001; *Кондратьева Е.Б.* Элементы вэньяня в современном деловом тексте // 60 лет КНР: Тез. докл. XVIII науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Ч. 1. М., 2009; *Кондратьева Е.Б.* О необходимости обучения элементам вэньяня при чтении современного публицистического и делового китайского текста // *Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков: Сб. науч. ст.* СПб., 2008.
5. *Торчинов Е.А.* Хайдеггер и традиционалистская мысль Китая XX века — http://anthropology.ru/ru/texts/torchin/heideast_07.html (дата обращения 12.11.11).
6. См. об этом подробнее: *Ломанов А.В.* Современное конфуцианство: философия Фэн Юляня. М., 1996.
7. *Литература Нового Китая // Духовная культура Китая: Энциклопедия в 5-ти т. М., 2008. Т. 3. Литература. Язык и письменность.* С. 152–158.
8. *Серебряков Е. А., Родионов А.А., Родионова О.П.* Справочник по истории литературы Китая (XII в. до н. э — начало XXI в.). М., 2005. С. 158–162.
9. Там же.
10. *Зограф И.Т.* Китайский язык в контакте с языками иной структуры // 60 лет КНР: Тез. докл. XVIII науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Ч. 1. М., 2009.
11. *Котов А.М.* Стилистический статус вэньянизмов в современном китайском литературном языке // *Вопр. языкознания.* 1987. № 5.
12. *Ху Ши.* Баочжи вэньсюэ ингай ванцюань юн байхуа [Публицистика должна полностью писаться на байхуа]. Дагунбао. 1934. 1 июля.
13. См.: *Завьялова О.И.* Итоги языковых реформ и традиционная культура в КНР // 60 лет КНР. Тез. докл. XVIII науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Ч. 1. М., 2009.
14. См. о нем, например: *Су Гуйнинь.* Линь Шу сяошо юй Линь Шу дэ вэньхуа сюаньцэ [Рассказы Линь Шу и его культурный выбор] // *Вэньсюэ пинлунь.* 2000. № 5; *Wang Longgao.* Recasting Lin Shu a cultural approach to literary translation. Griffith University. 2003. — <http://www4.gu.edu.au:8080/adt-root/aploads/approved/adt-QGU20030731.161353/public/02Whole.pdf> (дата обращения 24.11.11).
15. *Сунь Юйши.* Вэньянь байхуа чжи чжэн [Борьба вэньяня и байхуа]. — http://shiju.tax861.gov.cn/wenzi/wenzi.asp?more_id=308008 (дата опубликования 12.01.2005; дата обращения 24.11.11).
16. *Тунчэнская школа (тунчэнпай)* — каноноведческая и литературоведческая школа XVIII—XIX вв., основанная уроженцами г. Тунчэн провинции Аньхой и утверждавшая утилитарно-дидактические цели литературы и строгое следование стилевым принципам тех или иных жанров. Представители школы выше всего ставили конфуцианскую каноническую литературу. Основателем школы считается Фан Бао (1668–1749), он ратовал за древний стиль *гэвэнь* и возрождение классической высокой прозы. Он и его последователи Яо Най (1732–1815), Фан Дуншу (1772–1851), Цзэн Гофань (1811–1872) не признавали народную литературу, так как в ней не использовался разговорный язык. Подробнее см.: *Галыгина К. И.* Теория изящной словесности в Китае XIX — начала XX века. М., 1971.
17. *Wang Longgao.* Указ. соч. С. 67.
18. *Сунь Юйши.* Указ. соч.

19. Там же.
20. Там же.
21. *Ли Цинцзюнь*. Сюэжэнпай юй усы синь вэнсюэ юньдун [*Сюэжэнпай* и новое литературное движение 4 мая]. — <http://res4.nlc.gov.cn/home/search.tr?method=showDetail&channelid=3&id=012002603973> Сайт: Чжунго гоцзя тушугуань // Боши луньвэнь. 1998. (дата обращения 24.11.11).
22. Там же.
23. *Ли И*. «Лунь «сюэжэнпай» юй усы синь вэньсюэ юньдун» [О *сюэжэнпай* и новом литературном движении 4 мая]. — http://www.scuphilosophy.org/scholarslibrary_display.asp?userid=4948art_id=1106. (дата опубликования 22.09.2006— дата обращения 24.11.11).
24. *Хуан Линцзюнь*. Цун дачжуньюй юньдун кань 30 няндай чжунго чжиши фэнцзы дэ чжути ичжи [Взгляд на настроения китайской интеллигенции 30-х годов с точки зрения *дачжуньюй юньдун*] // Цзиньдай ши яньцзю. 1994. № 6. — <http://jds.cass.cn/UploadFiles/ztsjk/2010/11/201011111049258776.pdf> опубл. 1994.11.27 (дата обращения 24.11.11).
25. Там же. С. 121.
26. *Тэн Сямэй*. 1934 нянь дэ «дачжуньюй юньдун» [Движение за общедоступный язык в 1934 году]. — http://www.rmzxb.com.cn/wh/ws/t20070907_156168htm (дата опубликования 09.07.2007. — дата обращения 20.11.2011).

Юбилей ученого

К 80-летию Игоря Алексеевича Рогачева



1 марта 2012 г. исполнилось 80 лет члену Совета Федерации РФ, видному дипломату, общественному и политическому деятелю, потомственному китаеведу Игорю Алексеевичу Рогачеву. Можно сказать, что вся его жизнь связана с Китаем, где он широко известен под именем Ло Гаошоу. Это имя он унаследовал от своего отца — Рогачева Алексея Петровича, большого знатока Китая, который многие годы провел в этой стране, затем преподавал китайский язык в учебных заведениях Москвы, а также занимался переводами художественной литературы Китая, в том числе перевел такие шедевры, как средневековые классические романы — “Речные заводы” и “Путешествие на Запад”.

Более трети своей жизни — около 28 лет — провел в Китае и Игорь Алексеевич. Впервые он попал на китайскую землю еще грудным ребенком в 1932 г., его привезли в Урумчи (в то

время Дихуа) в Синьцзян, где работал в консульстве его отец. Свои первые детские годы он провел в западном Китае. Затем вместе с родителями три года пробыл в Харбине.

По окончании школы И.А. Рогачев поступил на китайское отделение Московского Института востоковедения. Еще будучи студентом, он привлекался к работе с китайскими делегациями в качестве переводчика. В связи с расформированием Московского института востоковедения Игорь Алексеевич заканчивал высшее образование в МГИМО. Вскоре после окончания института он поступил в аспирантуру факультета журналистики МГУ, закончил ее и через несколько лет защитил диссертацию по истории журналистики Китая, получив ученую степень кандидата исторических наук.

Первые годы трудовой деятельности молодого китаиста были довольно разнообразны. Сначала он выполнял работу переводчика в комплексной экспедиции Академии наук СССР на Амуре, где ученые двух стран искали места для строительства будущих гидроэлектростанций. Затем в качестве переводчика в течение года работал при Госсовете КНР с большой группой медицинских работников из СССР во главе с заместителем министра здравоохранения И.Г. Кочергиным. После этого он был переводчиком в редакции газеты “Дружба”, где выступал также и автором статей.

В феврале 1958 г. началась деятельность Игоря Алексеевича на дипломатическом поприще, которая продлилась почти 47 лет. Он прошел все ступени дипломатической службы — от драгомана и атташе, третьего, второго, первого секретарей и советника Посольств СССР в Китае и США в разные годы до помощника первого заместителя министра иностранных дел В.В. Кузнецова в аппарате МИД СССР, заведующего отделом УПВМ МИД, заведующего отделом ЮВА МИД, заведующего 1-м Дальневосточным отделом МИД, начальника Управления социалистических стран Азии МИД СССР. Игорь Алексеевич всегда успешно справлялся со своими обязанностями, показывал высокий профессионализм, компетентность, прекрасное владение китайским и английским языками.

В 1986 г. Игорь Алексеевич был назначен заместителем министра иностранных дел, курирующим азиатское, одно из важнейших направлений внешней политики страны. На этом посту он играл активную роль в дипломатической и внешнеполитической деятельности государства, в налаживании и развитии отношений СССР со своими соседями на Дальнем Востоке — Китаем, Японией и другими странами АТР. Ему довелось посетить все страны этого гигантского региона, включая Австралию и Новую Зеландию, проводить консультации, сопровождая высоких руководителей государства. В 1987–1991 гг. И.А. Рогачев возглавлял делегацию СССР на советско-китайских переговорах по пограничным вопросам, в 1989–1991 гг. — делегацию СССР на международных переговорах по Камбодже.

В 1992 г. Игорь Алексеевич был направлен в качестве Чрезвычайного и Полномочного посла Российской Федерации в КНР. Назначение на пост российского посла в Китае опытного дипломата и китаиста подтверждало, что руководители России придают чрезвычайно важное значение отношениям с Китаем. Ему предстояло решать задачи преодоления наследия периода отчужденности между нашими странами, создания условий для подъема двусторонних отношений на качественно новый уровень, возрождения полноценных добрососедских отношений. Участившимся регулярным взаимным визитам глав государств и правительств двух стран, а также успешному развитию российско-китайских отношений до уровня равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия на международной арене за 13-летний период нахождения Игоря Алексеевича в качестве посла РФ в КНР способствовала работа возглавляемого им посольства. Немалый вклад был внесен посольством в Пекине и лично Игорем Алексеевичем в подготовку к подписанию в июле 2001 г. в Москве Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР.

По завершении работы Послом РФ в КНР Игорь Алексеевич в 2005 г. приступил к деятельности члена Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. Принимая участие в решении внутренних проблем представляемой им Амурской области, Игорь Алексеевич, вместе с тем, прилагает усилия для налаживания сотрудничества и взаимодействия ее с КНР и Кореей. Имеющая протяженность границы с Китаем 1200 км, Амурская область чрезвычайно заинтересована, как и китайская сторона, в развитии взаимных контактов различного рода — в области инвестиций, строительства, торговли, медицины и т.д. И на новом посту Игорь Алексеевич проявляет инициативность, выступает с предложениями по совершенствованию деятельности верхней палаты и ее комитетов, участвует в работе Комитета по международным делам.

Помимо работы в Совете Федерации РФ Игорь Алексеевич возглавляет также Центр экономического и инвестиционного сотрудничества России и Китая при Совете по изучению производительных сил.

Работая на дипломатической службе, а затем в Совете Федерации, Игорь Алексеевич уделял и уделяет внимание и научной деятельности. В 2008 г. он защитил диссертацию на тему о российско-китайских отношениях и получил степень доктора историче-

ских наук. Его заслуги в деле изучения Китая были отмечены в 2010 г. в Шанхае на 4-м Всемирном форуме по исследованиям Китая наградой “За вклад в изучение Китая”.

Игорь Алексеевич является одним из научных консультантов журнала «Китай», он активно сотрудничает с Институтом Дальнего Востока РАН, содействует осуществлению сотрудничества института с учеными КНР, проведению научных форумов двух сторон, выступает со статьями в изданиях ИДВ, является членом редколлегии журнала “Проблемы Дальнего Востока”.

Придавая большое значение народной дипломатии и расширению контактов между народами двух стран, Игорь Алексеевич участвует в работе Общества российско-китайской дружбы, являясь заместителем председателя.

Заслуги И.А. Рогачева высоко оценены у нас в России: он награжден многими орденами и медалями — в том числе орденами “Дружбы” и “Дружбы народов”, “Почета” и “За заслуги перед Отечеством 4-й степени”, ему присвоено почетное звание Заслуженного работника дипломатической службы РФ, а также вручено множество Почетных грамот. Он награжден и китайскими медалями.

У всех, кому довелось работать и встречаться с Игорем Алексеевичем Рогачевым, глубокое уважение вызывают его прекрасные человеческие качества — порядочность, честность, принципиальность, трудолюбие, обязательность, инициативность, широкий культурный кругозор, чувство юмора.

Дирекция и коллектив Института Дальнего Востока, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» поздравляют Игоря Алексеевича Рогачева с юбилеем и желают ему доброго здоровья и счастья, новых успехов во всех областях его многогранной деятельности.

Вадиму Павловичу Ткаченко — 80 лет



31 января был отмечен юбилей видного российского ученого-востоковеда, одного из основателей и первого руководителя Центра корейских исследований (ЦКИ) Института Дальнего Востока РАН Вадима Павловича Ткаченко.

Завершив в 1955 г. учебу в Московском государственном институте международных отношений, В.П. Ткаченко начал свой трудовой путь на дипломатическом поприще. Работая за рубежом, а затем в центральном партийном аппарате, он много делал для развития отношений с КНДР и продвижения наших интересов на полуострове. В 1980-е гг. принимал участие в работе по укреплению связей с Монголией и восстановлению добрососедских отношений с КНР.

В 1991 г. Вадим Павлович пришел работать в Институт Дальнего Востока, где возглавил вновь созданный научный центр и получил признание как ведущий специалист и организатор исследований по современной корейской проблематике. Во многом по инициативе В.П. Ткаченко ЦКИ ориентируется на исследования современных проблем российско-корейских и межкорейских отношений, политического и экономического развития двух корейских государств и подготовку научных работ, которые в силу своей актуальности имеют отчетливо выраженное прикладное значение. В последние годы Центр по праву занял положение ведущей академической структуры при организации многих общероссийских научных обсуждений и встреч, посвященных ситуации на Корейском полуострове и проблемам международных отношений и безопасности в Северо-Восточной Азии в целом.

В.П. Ткаченко — автор многочисленных публикаций на страницах отечественных изданий и за рубежом: в Республике Корея, США, Японии, других странах. Он — участник многих отечественных и зарубежных научных конференций и симпозиумов, где его глубокие доклады и сообщения по проблемам положения в Корее и в СВА всегда вызывали огромный интерес. Проблемы урегулирования на Корейском полуострове рассматриваются В.П. Ткаченко прежде всего под углом зрения национальных интересов и политики России. Некоторые итоги исследований этой проблематики обобщены в его монографии «Корейский полуостров и интересы России», выпущенной в 2000 г. издательством «Восточная литература». В Российской академии наук эта работа была отнесена к числу наиболее важных исследований, содержащих углубленный анализ, выводы и предложения, которые могут быть использованы различными ведомствами и деловыми кругами России при ведении дел в Корее.

Среди практических работников и в научной среде В.П. Ткаченко пользуется заслуженной репутацией знатока истории и современного положения на Корейском полу-

острове. Ему присущи обширнейшие личные познания о Корее, умение анализировать любую ситуацию с точки зрения российских интересов, способность убедительно обосновать собственное видение проблемы.

Вадима Павловича отличает сочетание высокой требовательности к себе и к коллегам с неизменной доброжелательностью, готовностью помочь идеями, знаниями, дать конструктивный совет. Глубокая увлеченность делом и замечательные личные качества — открытость, искреннее внимание и уважение к окружающим его людям, обеспечили ему высокий авторитет и уважение коллег и после ухода на заслуженный отдых в 2004 г.

Но и поныне В.П. Ткаченко не прерывает научных и человеческих контактов с ИДВ. Он часто присутствует на заседаниях Центра, продолжает выступать в качестве независимого аналитика с интереснейшими докладами на проводимых в ИДВ общероссийских конференциях корееведов.

Большую и полезную работу В.П. Ткаченко вел как член редколлегии журнала "Проблемы Дальнего Востока". Многие материалы журнала по корейской тематике отбирались и были опубликованы благодаря его инициативе и заинтересованному деловому участию.

Дирекция и научный коллектив Института Дальнего Востока, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» поздравляют Вадима Павловича Ткаченко с юбилеем и от души желают ему доброго здоровья, благополучия и новых творческих свершений.

*Дирекция Института Дальнего Востока РАН
Центр корейских исследований ИДВ РАН
Редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

Contents

“Far Eastern Affairs” Celebrates 40th Birthday

POLITICS

A. Zhebin. The DPRK: In Which Direction to Go Further?

V. Portyakov. Some Features of the PRC Foreign Policy, 2009–2011

V. Pavlyatenko. How Japan Is Becoming “A Normal Country”

V. Gravoronsky. Concept of Mongolia’s Foreign Policy

V. Zhuravel. Some Problems of Struggle Against Terrorism on the Territory of the SCO Countries

“FAR EASTERN AFFAIRS” ROUNDTABLE: CHINA’S FACTOR IN RELATIONSHIP BETWEEN RUSSIA AND USA

THEORY AND METHODOLOGY

A. Mokretsky. The Paradigm of China’s Peaceful Development

STATE AND SOCIETY

A. Dichenko. The Struggle Against Unlawful Circulation of Drugs in China: History, Present Time, International Aspects

HISTORY

D. Kiselev. “Shitouling Case”: Russian Military Actions in Manchuria in late 19th Century

E. Kobelev. Bao Dai, the Last Emperor of Vietnam

RELIGION

V. Kolupaev. Russian Catholics in Harbin (1920s–1930s)

CULTURE

E. Kondratieva. The Fate of *Wenyan* after the Xinhai Revolution

SCHOLAR JUBILEE

Igor Alexeevich Rogachev’s 80th Birthday

Vadim Pavlovich Tkachenko — 80 years

Contents

Summary

Summary

A. Zhebin. The DPRK: In Which Direction to Go Further?

The author analyses the DPRK's domestic and foreign policy during 2010–2011 period. Special attention is given to political developments in the country before and after Kim Jong-il's sudden death in December 2011, including power succession process. The author suppose, that the country's new leader Kim Jong-un position within the top elite, at least for the time being, looks like rather secured. North Korea's relations with Russia, China, the USA, South Korea and some other countries are also analyzed, as well as implications of events in Libya for the solution of the nuclear problem on the Korean peninsula. The author also presents his vision for possible future steps by Russia to develop relations with the DPRK and ensure peace and security in Northeast Asia.

Key words: DPRK, power succession, Korean peninsula, security, nuclear problem, international relations

V. Portyakov. Some Features of the PRC Foreign Policy, 2009–2011

The economic successes of China stimulated her more actively, than ever before, pretend to the formation of rules of the game in the world. China's foreign policy in 2009–2010, especially in Asia, became rather assertive. This prompted the United States, pledged to "return to Asia", to strengthen the opposition to China's growing influence in the region.

This turn of events threatened seriously deteriorate the environment for the development of the country. So, since the late 2010 Beijing made some adjustments in its foreign policy in order to smooth the mutual adaptation of China and the changing world.

Keywords: China, a modern foreign policy, Asia, assertiveness, adjustments

V. Pavlyatenko. How Japan Is Becoming "A Normal Country"

This article tries to highlight one of the aspects related to Japan's transformation into "a normal state" — that is, a military and political center of the world. The given aspect includes final formation of intelligence community as Japan's national intelligence service. In order to analyze the subject, the article addresses such issues as specifics of the mechanism for coordination of the activities conducted by the intelligence community, stages and contents of the national intelligence reform, structural analysis of major actors within the intelligence community of Japan, and identification of specifics in development of national intelligence at the present time.

Key words: Japan, national security, intelligence community, intelligence and counter-intelligence, political and security situation in Northeast Asia.

V. Graivoronsky. Concept of Mongolia's Foreign Policy

The author summarized some main results of Mongolia's foreign policy in 2011, defined general factors of increasing Mongolia's role and significance in the contemporary world, analysed a structure and general content of the Concept of Mongolia's Foreign Policy, which was newly adopted by the Great State Hural (parliament) of Mongolia in February 2011, exam-

ined some aspects of its foreign policy, namely, maintaining a balance in Mongolia's relations with Russia, China, USA, Japan and other countries, "third neighbour" policy and so on.

Key words: Mongolia, foreign policy, Russia, China, USA, "third neighbour" policy.

V. Zhuravel. Some Problems of Struggle Against Terrorism on the Territory of the SCO Countries

The article considers the problems of the terrorist threat for the countries included in the Shanghai Cooperation Organization, and the fight against this threat. The analysis of characteristic features of the actions of terrorist organizations in the SCO space can improve the effectiveness of anti-terrorist activity of this organization and its member states and strengthen stability in the Central Asian region.

Key words: the Shanghai Cooperation Organization, terrorism, threat, terrorist attacks, the anti-terrorist coalition, the counter-terrorism operations, the executive committee of the RATS SCO, Al-Qaeda, the Afghan-Pakistani zone.

"Far Eastern Affairs" Roundtable: China's Factor in Relationship Between Russian and USA.

The Roundtable represent discussion of Russian and American Sinologists on the problems of relationship inside so called "Russian — America — China" triangle, which first time took place in "Far Eastern Affairs" Journal.

Key words: Chine, Russia, USA, "triangle" diplomacy.

A. Mokretsky. The Paradigm of China's Peaceful Development.

The article highlights the way of China's peaceful development. The most prominent features of this kind of development are: scientific approach, independent standing in the world arena, openness, peaceful coexistence, cooperation.

Key words: Chine, peaceful foreign policy, independent development, openness, peaceful coexistence, scientific approach.

A. Dichenko. The Struggle Against Unlawful Circulation of Drugs in China: History, Present Time, International Aspects

The article describes the Chinese experience of drug control, analyses Anti-drug Law of the People's Republic of China adopted in December 2007, overviews its enforcement practice as well as cooperation of China with other countries in the sphere of counter-drug activities. It also reviews the anti-drug partnership between China and Russia which is exercised in the framework of the Shanghai Cooperation Organization and on the level of the law-enforcement agencies of the mentioned countries. The author comes to the conclusion that it is necessary to strengthen the cooperation of the two countries in the sphere of drug control.

Key words: Chine, cooperation between China and Russia, drug threat, drug control, anti-drug law, drug control policy.

D. Kiselev. "Shitouling Case": Russian Military Actions in Manchuria in late 19th Century

The paper examines an interesting and less-know chapter in the history of Sino-Russian relations on Far East in late 19th century. In that period Russian army repeatedly performed operations in parts of Manchuria (North-Eastern China), adjoining to Ussury and Amur regions of Russia. All these actions were related to the problem of *honghuzi* ("red bearded") — well-organized Manchurian bandits. Gangs of *honghuzi* migrated across Sino-Russian border, committing offence both in China and Russia. Stalking *honghuzi*, Russian detachments could penetrate into Chinese territory up to 100 km. In some cases these were conscious actions, otherwise — mistakes of way finding. Such raids into Chinese territory were not encouraged by

Russian military command, since they could provoke serious border incidents. A perfect example of this is the so called "*Shitouling Case*" — bloody clash between Chinese regiment and Russian Cossack squadron in upper reaches of Mulinghe River in June of 1879. Due to this incident both neighboring states had to take steps to improve border situation and suppress criminal activity. Nevertheless, episodic Russian military raids to Manchuria took place after 1879. In some cases they were joint Sino-Russian actions against banditry.

Key words: "Shitouling Case", honghuizi, Russian Cossack, Manchuria.

E. Kobelev. Bao Dai, the Last Emperor of Vietnam, Historical Essay

After the victory of the August Revolution in Vietnam in 1945, the monarchy regime was toppled, and Emperor Bao Dai from the Nguyen's ruling dynasty abdicated the throne. Before 1986, when the Socialist Republic of Vietnam launched the "doi moi" (renovation) policy, the name of Bao Dai was quite rarely mentioned in the Vietnamese historical and memoir literature. However, in the last several years, as the Vietnamese society is becoming the ever more open, quite many books and publication appeared that rather objectively and in detail highlight the life of the last Emperor of Vietnam — the life full of incredible political diversity and adventures.

Key words: Vietnam, France, Japan, Nguyen dynasty, Emperor Bao Dai, Empress Nam Fuong, abdication, supreme counselor of Ho Chi Minh government, head of "the State of Vietnam".

V. Kolupaev. Russian Catholics in Harbin (1920s–1930s)

Article gives information about the religious life of Russian emigrants in China, among which emerged a group of Catholics of the Byzantine rite. For the administrative organization of their church structures, in 1928 Vatican established Exarchate with the center in Harbin. In 1948–1949 the actual existence of the Exarchate ended in the arrests of clergy and adepts. Those, who remained free, were at large able to emigrate to Australia and Latin America.

Key words: Russia emigration in China, Catholics of the Byzantine rite, Exarchate in Harbin.

E. Kondratieva. The Fate of Wenyan after the Xinhai Revolution

Interaction between Wenyan and Baihua has a long history. elements of the Vernacular Chinese started to appear in fiction already in the middle ages. After the Xinhai revolution and the May Fourth Movement, the *Baihuawen* Movement has began. During this period, Vernacular language has actively infiltrated into all spheres of life, there was a huge amount of literature written in Baihua. However, there were also the opponents of Baihua. We can distinguish multiple phases in the struggle between Wenyan and Baihua and in the development of the Fugu Movement in 1917–1934. Wenyan long have prevailed in official documents and also partly in education and press. By the middle of the century, Baihua replaced Wenyan in written communication, but elements of it are now widely represented in Chinese texts.

Key words: Baihua, May Fourth Movement, Fugu Movement, literary language.

Уважаемые авторы журнала "Проблемы Дальнего Востока"!

Доводим до Вашего сведения, что в соответствии с требованиями Академиздатцентра "Наука" РАН с января 2006 г. Вы должны присылать в редакцию вместе с текстом статьи заполненный бланк договора. Бланк договора Вы можете найти на сайте нашего журнала www.ifes-ras.ru или на сайте Академиздатцентра "Наука" www.naukaran.ru. Обращаем Ваше внимание на то, что договор вступает в силу только после принятия редакцией журнала решения о публикации статьи.

Для оформления авторского гонорара необходимо представить в редакцию следующие сведения:

- дата рождения (число, месяц, год);
- домашний адрес с индексом;
- паспортные данные;
- номер страхового свидетельства Пенсионного фонда РФ;
- номер лицевого счета и реквизиты банка.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. К тексту статьи соискателя ученой степени должна быть приложена рецензия.

Редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» объявляет о проведении льготной редакционной подписки (при условии получения журналов в редакции) на 2-е полугодие 2012 г. (№№ 4, 5, 6).

Оформить подписку можно у зав. редакцией «ПДВ» Елены Александровны Лапшиной (комн. 414). Тел.: (499) 124 02 15.

Стоимость редакционной подписки – 1350 руб. Подписка заканчивается 11 мая 2012 г.

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Телефон (495) 935–01–01.

С условиями подписки можно ознакомиться на сайте www.elibrary.ru. ISSN 0131–2812
Стоимость подписки на 2012 год — 4400 руб.

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.

Сдано в набор 20.02.2012 г. Подписано к печати 21.03.2012 г. Формат бумаги 70x100 1/8
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отг. 9,1 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 586 экз. Зак. 12

Издатель: Российская академия наук. Издательство "Наука",
117997, Москва, Профсоюзная, 90

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 8 (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2012 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ИПИ, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока» принимают к публикации рукописи статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

- Объем публикации, как правило, не должен превышать 1 а.л. (40 000 знаков).
- Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее основных положений (около 600 знаков) и перечнем ключевых слов, отражающих ее содержание, на русском и английском языках.
- К статьям, присылаемым в редакцию, должны быть приложены сведения об авторах (ФИО, место работы, должность, ученая степень и звание, контактный телефон, e-mail). Все текстовые материалы представляются в электронном виде на дискете 3,5" с распечатками через 2 интервала
- Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi
- Китайские имена и названия приводятся в русской транскрипции, основанной на системе Pinyin
- Все сноски и библиографические ссылки приводятся в конце статьи. Описания китайских, японских и вьетнамских изданий приводятся в транслитерации с последующим переводом на русский язык заглавия в квадратных скобках. Остальные печатные издания описываются на языке оригинала.

Правила оформления сносок:

Книги: Автор. Заглавие. Место издания, Год издания. С....

Публикации в периодических изданиях: Автор. Заглавие // Название издания. Место издания, год. Том, № (для газет – дата). С....

Составные части сборников и монографий: Автор. Заглавие. Место издания, год. С. ...

Материалы из WEB-сайтов описываются по тем же правилам, отделяясь от адреса сайта знаком (. –)

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (499) 124 09 02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.